

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

9 015

52.

*QCA

Mayak

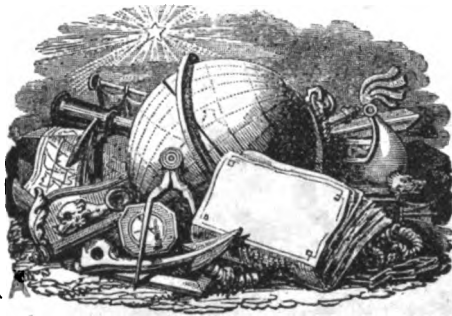

МАЯКЪ

СОВРЕМЕННОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

и

ОБРАЗОВАННОСТИ.

ПОЛИТЕХ

Всѣхъ. сан. мѣст.

в ЛОМЪИ.

Арт.   VII

Лит.   4

№   1

Lucent lux vestra coram hominibus.

САНКТНЕТЕРБУРГЪ.

1840.

МАЯКЪ

СОВРЕМЕННОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

И

ОБРАЗОВАННОСТИ.

ТРУДЫ

УЧЕНЫХЪ И ЛИТЕРАТОРОВЪ,

РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ.

РЕДАКТОРЫ-ИЗДАТЕЛИ:

П. КОРСАКОВЪ И С. БУРАЧЕКЪ.

Luceat lux vestra coram hominibus.

ЧАСТЬ VII.

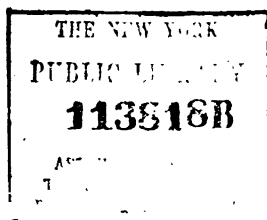

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1840.

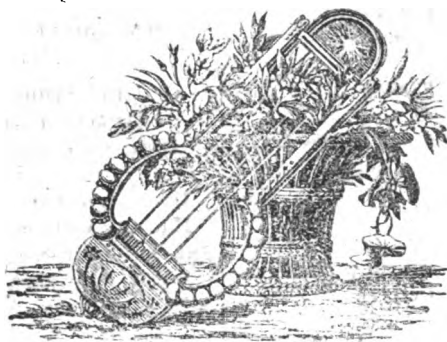

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи были представлены въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, Августа 1840 года**

ЦЕНСОРЪ *А. Крыловъ.*

СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МАЛЮТКА И АНГЕЛЬ.

(ПОДРАЖАНІЕ)

Là, jamais entière allégresse!
L'ame y souffre de ses plaisirs,
Les cris de joie ont leur tristesse
Et les voluplés leurs soupirs.

J. Reboul.

Звѣзды яркія блѣднѣли,
Полный мѣсяць догоралъ,
Надъ младенца колыбелью
Ангель радужный леталъ.

„Милый братъ! какъ ты прекрасенъ:
Нѣтъ, тебѣ не стоитъ свѣтъъ
Онъ коваренъ, онъ опасенъ,
Въ немъ веселья, счастья нѣтъ.“

„Нѣтъ; не долженъ этой жизни
Ты волненъ испытать;
Тамъ—со мной—въ моей отчизнѣ
Будемъ весело летать.“

Часть VII. Гл. II.

„Что здѣсь мѣръ юдольный значить?
Тамъ—все жизнью горить;
Здѣсь—веселье часто плачетъ,
Счастье стонетъ и груститъ.“

„Какъ? Ужели эти очи
Богомъ созданы для слѣзъ,
Сердце чистое для ночи
Черныхъ чувствъ, для бурь и грозъ?“

„Нѣтъ; ко мнѣ, младенецъ милый, —
Въ свѣтлый рай, прекрасный рай!
Здѣсь, въ обители унылой
Вѣдь и гора ты не знай.“

Мудрецъ, кому стези добра открыты!
 Веди другихъ сквозь мраки тучъ
 И пусть твой умъ—какъ Божій лучъ—
 Освѣтитъ ближнимъ путь закрытый;
 Тогда—съ посьва плодъ собирай
 Взрощенный не слезой, не кровью,
 И ближнихъ въичанный любовью—
 Ты камни не въ людей, а прочь отъ нихъ
 бросай!

П. КОРСАКОВЪ,

ТУМАНЪ,

Соч. Елисаветы Кульманъ.

Я.

Придешьли поиграть
 Туманъ летунъ воздушный?
 Лишь я къ тебѣ—ты отъ меня,
 Я прочь— а ты за мной.

О сынъ земли таинственный!
 Расскажешь ли, кто ты?
 Мы старые знакомые!
 Откройся, не таись.

ТУМАНЪ.

Послушай: день весь солнышко
 Сосетъ поля, луга,
 И не даетъ въ небесы
 Ни облачку пройти.

Тогда ко мнѣ приближась мать —
 Проснись дитя! взываетъ,
 Ведерки полные налей
 И спѣшно подымайся;

Колосья, травки и цвѣты
 Челомъ ко мнѣ привикнувъ,
 Напой насъ, матушка, твердятъ;
 Насъ жжетъ земли свѣтло.“

И вспрынувъ пить я подаю
 Какъ нянька сельнымъ злакамъ,
 И весело смотрѣть въ поляхъ
 Какъ тамъ все пить что жаждетъ.

Но видѣлъ ли—я итлой всегда
 Какъ епанчей окутанъ:
 Да щуйца не увидитъ того
 Что сотворитъ десница.

съ намецкаго П. К.

ПОЭТЪ И ОРЕЛЬ.

Поэтъ.

Откуда летишь ты, орель величавый
 Скажи, изъ какихъ ты земель?

Орель.

Я Бога творенье, покрытое славой,
 И въ выси надъ звѣздной моя колыбель,
 Я былъ на вершинахъ нѣмаго Кавказа,
 Гдѣ въ льдахъ отражается солнечный
 лучъ;

Онъ недоступны для смертнаго глаза,
 Тамъ доно ненастья и гибельныхъ тучъ;
 Тамъ люди въ долинахъ живутъ на сво-
 бодѣ,

День цѣлый гарцуютъ на дикихъ коняхъ
 И пѣсню дань платятъ роскошной
 природѣ,

И дикой семьей гнѣздятся въ горахъ.
 Я былъ, гдѣ нѣтъ мѣста короткому вѣку,
 Гдѣ Богъ безпредѣльно воздвигнулъ свой
 тронъ;

Я былъ, гдѣ не быть никогда человѣку,
 Гдѣ только лишь можетъ орель быть
 рожденъ!

Поэтъ

„И такъ мнѣ нельзя зрѣть страны той
 чудесной,
 „А мнѣ здѣсь такъ душно, поэтъ недо-
 димъ? . .

Орель

Есть мѣсто поэту въ странѣ подне-
 бесной —
 Садись на меня, мы туда полетимъ!

П. В—СКОЙ.

ПОЛЕВОЙ ЦВѢТОКЪ.

Вотъ цвѣтокъ, дитя свободы,
 Онъ на ловѣ тишины
 Грудью выкормленъ природою
 Подъ дыханіемъ весны.
 Притаясь за камень мшистымъ
 Онъ головку приподнялъ
 И любясь небомъ чистымъ
 Одинокимъ жизнь вкушалъ.
 Бѣдный, бѣдный, не ужели
 Твой удѣлъ у камня, здѣсь
 Гдѣ растутъ сосна да ели —
 Развернуться и отцвѣсть! . . .
 Одинокъ! . . . тогда какъ въ полѣ
 Многочисленной толпой
 Дышать братья полною волей
 Въ нѣгѣ, въ роскоши прямой.
 Дѣти всѣ одной весны вы
 Какъ различенъ вашъ удѣлъ!
 Тѣ всѣ вмѣстѣ, тѣ счастливы;
 Ты — пустынною разцвѣлъ!
 Но утѣшься! — одиноко
 Не поблекнешь ты въ глупицъ;
 Я сорву, пошлю далеко
 Тамъ, гдѣ свѣтъ *моей души*.
 Тамъ, въ глазахъ подружки нѣжной
 Пищу жизни почерпнешь
 И роскошно, безмятежно
 Этой жизнью разцвѣтешь!

П. В—СКОЙ.

БИТВА НА МОРѢ.

Подъ громами море стонетъ,
 Оглушительна пальба;
 Все въ туманѣ дыма тонетъ
 И на смерть идетъ борьба.
 Человѣкъ въ самозабвеніи,
 Чувство жалости молчить,
 Битва дилится. Въ отдаленны
 Солнца лучъ едва горитъ.
 Тучи черной пеленою
 Горизонтъ заволокли;
 Гонитъ вѣтръ волну волною
 И качаетъ корабли.
 Страшна битва въ чистомъ полѣ,
 Но страшнѣе на волнахъ,
 И надъ бездною по неволѣ
 Забываютъ люди страхъ.
 Сверху небо, снизу море,
 И спасенія нѣтъ; — кругомъ
 Смерть гуляетъ на просторѣ. . .
 . . . . .
 Но пальба ужъ умолкаетъ,
 Дымъ рѣдетъ — и вдали
 Берегъ синый чуть мелькаетъ,
 Мимо мчатся корабли,
 Флагъ побѣдный гордо вѣется,
 Вѣтеръ стихъ, и дымъ разнесъ,
 И далеко отдается
 Пѣсня вольная матросъ.
 Все затихло; смолкла битва,
 Но въ одинъ нестройный гласъ,
 Только раненыхъ молитва
 Съ воплемъ радости слилась.

А. К. НВ. КР. Г — Ъ.

РАЗУВЪРЕНІЕ.

Мнѣ очень жаль, но вы напрасно
 Вообразили будто въ васъ
 Я былъ влюбленъ, и такъ ужасно,
 Что вами грезилъ каждый часъ,
 Что ваше слово, ваше мнѣнье
 И даже мысли — мнѣ законъ.
 Что каждый вами восхищенъ.
 И вотъ — въ счастливомъ заблужденъ
 Вы гордо цѣните вашъ взглядъ,
 И вашъ изысканный нарядъ
 Примѣтно въ васъ изобличаетъ
 Желанье нравиться, блистать;
 Васъ все на свѣтѣ забавляетъ.
 Но вамъ любви не разгадать,
 Она для васъ не постижима —
 И недоступна и странна,
 И вамъ судьба не суждена
 Самой любить, и быть любимой.
 Я отъ души объ васъ жалею,
 Но за любовь одно участье
 Зачѣмъ вы приняли? — Къ несчастью
 Лишь сожалѣнье вашъ удѣлъ.

А. К. НВ. КР. Г — Ъ.

СОВѢТЪ.

Не ищи людей участья,
 Люди любятъ лишь себя;
 Имъ смѣшны другихъ несчастья,
 Не поймутъ они тебя.

Не вѣрай имъ думъ завѣтныхъ,
 Сердца тайны не открывай,
 Бойся ихъ рѣчей привѣтныхъ,
 Отъ похвалъ ихъ убѣгай.

Въ часъ печали одиноко
 Слезы лей мой добрый другъ,
 Но при людяхъ скрой глубоко
 Ты души своей недугъ.

Дружбѣ ихъ, — мечтъ прекрасной
 Берегись себя отдать;
 Дружба ихъ, — цвѣтокъ опасный,
 Въ немъ и ядъ и аромать.

КНЯЗЬ Д. КРОПОТКИНЪ.

Часть VII Гл. II.

СОНЕТЪ.

Въ часы забавъ и шумнаго веселья,
 Когда вокругъ все радостью кипитъ,
 Во взорахъ дѣвъ сверкаетъ упоенье
 И жаръ лавить о многомъ говорить,

Какъ часто я нищу уединенья.
 Душа моя о чемъ то груститъ
 И милое, знакомое видѣнье
 Въ толпѣ гостей предъ мною пролетитъ.

Я чувствую его прикосновенье.
 Въ очахъ слеза невольно заблеститъ,
 И прошлыхъ дней священныя мгно-
 венья
 И счастье и любовь вновь память
 оживитъ,
 И прежнее забытое волненье
 Наполнивъ грудь, съ душой загово-
 ритъ.

КНЯЗЬ Д. КРОПОТКИНЪ.

СОНЕТЪ.

Поэтъ! тебя плѣняетъ шумъ похвалъ.
 И суетной толпы бездушное вниманье,
 Не разъ, не два для нихъ ты забывалъ
 Свое высокое, священное призванье.

О берегись, пока не испыталъ
 Неотразимыхъ чаръ могучаго вліянья;
 Пока еще не вовсе промѣнялъ
 Свой путь, прекрасный путь, на гром-
 кій путь страданья

Бѣги людей, оставь земное имъ,
 Оно не для тебя, средь насъ ты гость
 минутный,
 Небесному сродниться ли съ земнымъ?
 Ты . . . странникъ неприютный.
 Ты небо самъ избралъ пристанищемъ
 своимъ
 А вдохновение — къ нему звездой напут-
 ной.

КНЯЗЬ Д. КРОПОТКИНЪ.

ГОЛОСЪ СЪ ТОГО СВѢТА.

Не старайся, о мой милый,
 Узнавать откуда я,
 И какою тайной силой
 Вновь предстала предъ тебѣ.
 Спроси вѣтеръ гдѣ родился
 И куда онъ полетитъ,
 Соловьѣ, гдѣ пѣть учился
 И по комъ онъ все груститъ.
 На землѣ я, но земная
 Цѣпь распалась предо мной,
 И въ груди любовь иная
 Незнакомая съ тоской.
 Все земное я свершила,
 Краткій путь оконченъ мой,
 И жила я и любила,
 Знала счастье съ тобой;
 И теперь любовь былая
 Привела меня сюда,
 Видишь по небу мелькая
 Прокатилась звѣзда.
 Но довольно, съ тайнъ завѣтныхъ
 Берегись снимать покровъ;
 Гдѣ я? что? не дамъ отвѣта,
 Свѣтъ—лучъ жизни, жизнь—любовь.

КНЯЗЬ Д. КРОПОТКИНЪ.

КРАСАВИЦА.

(Подражаніе Гифису.)

Она чиста какъ гурія дочь рад,
 Она пылка какъ лавы бурный токъ,
 Она рѣва какъ серна модал,
 Она скромна какъ ядлин цвѣтокъ,
 Она нѣжна какъ роза Гулистана,

Она легка какъ вѣтеръ на горахъ,
 Она стройна какъ пальма Индостана,
 Она бѣла какъ пѣна на волнахъ;
 У ней глаза какъ двѣ звѣзды большія,
 Ихъ быстрый взоръ какъ роковой кня-
 жаль,
 У ней рядъ зубъ какъ перлы дорогія,
 У ней уста какъ дышущій коралль.

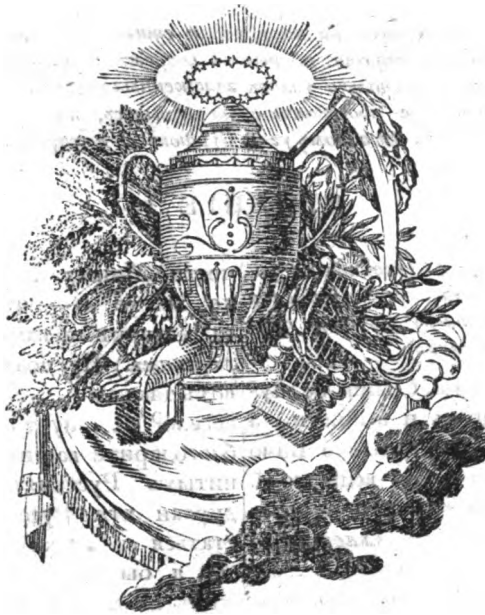
КНЯЗЬ Д. КРОПОТКИНЪ.

ДВѢ ЗВѢЗДОЧКИ.

(СОНЕТЪ.)

(Посвящ. Елиз. Ив. А — ой)

Въ дни благодатныя, дни чуждые
 печали
 Двѣ звѣздочки любилъ я въ небѣ го-
 лубомъ,
 И недоступныя, передо мной сіяли
 Въ величьи таинственномъ, святомъ.
 Я счастливъ былъ, тогда душа могла
 Грустить и тосковать о счастьи зем-
 номъ?
 Далеко отъ земли мечты мои летали
 И звѣздочки милѣй мнѣ были съ каж-
 дымъ днемъ.
 Теперь уже не то: погибла невозвратно,
 Одна звѣзда моя, и нѣтъ ужъ благо-
 датной
 И не блеснетъ она передо мной опять.
 Другой грозитъ давно ужъ туча гро-
 мовая
 А я безсильный, здѣсь въ тоскѣ нине-
 могал
 Могу лишь плакать и страдать.

П Р О З А.

МЕЛОДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Викторъ Павловичъ <i>Русановъ</i> , чиновникъ при главномъ правителѣ Грузіи.	Гости. Слуги.
Михайла Владиміровичъ <i>Дружбининъ</i> , майоръ, другъ его.	Странствующие танцоры, играющіе въ балетъ.
Княгиня Нина <i>Резаговна</i> , Грузинка, вдова.	Сцена происходитъ въ 1804 году въ городѣ Тифлисѣ, первое дѣйствіе въ квартирѣ Миваса Карапетовича, второе въ кабинетѣ Виктора Павловича, а три послѣднія въ домѣ Княгини Нины.
Минасъ Карапетовичъ <i>Сомеховъ</i> , Армянскій дворянинъ.	
<i>Бико</i> , слуга Нины.	
<i>Кетесана</i> , кормилица Нины.	

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната Минасы Карапетовича, на полу подлѣ стѣны нѣсколько окованныхъ желѣзомъ сундуковъ; на право широкая тахта, покрывшая ковромъ и на коврѣ бухгалтерскія книги и разныя млочныя бумаги, нѣсколько узловъ заложенныхъ вещей, книжалы, пистолеты, серебряныя ложки и бронзовыя подсвѣчники; на стѣнахъ, на окнахъ и по угламъ тоже ружья, книжалы, пистолеты. Въ одномъ углу бурдюкъ съ чахиремъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

МИНАСЪ (*входитъ съ узломъ въ руки, захватившійся и высунувъ голову съ двери приказываетъ слугѣ*).

Я лягу спать, такъ ты, слышь, не шуми, поди напой лошадей и вычисти, а кто спроситъ—дома нѣтъ, только Бичо Княгини, какъ придетъ, веди сюда. (*Зипираетъ двери на крючокъ и пробуетъ заперта ли, приставляетъ ухо къ заможной скважинѣ*) ушелъ. . . . . Уфъ! насилу рассчитаю и выпровожу. Ужъ эти Стрѣловы! мотали, мотали, а какъ пришлось вѣхать, такъ и не съ чѣмъ, да и съ долгами—едва управились. . . . . (*Подходитъ къ сундукамъ, огматриваетъ замки и разглядываетъ съ удивленіемъ и молча*) здравствуйте мои сердечушки. . . . . все ли вы благополучны. . . . . соскучились безъ меня? . . . что же дѣлать! не расстался бы съ вами, да вѣдь надобно же было привести вамъ новыхъ дорогихъ гостей. (*Садитъя поджавши ноги на тахту*). Не уснуть ли? . . . . Какъ бы не такъ; до сна ли тутъ послѣ этой поживы. (*Вынимаетъ изъ угла личицекъ и разныя бриліантовья вещи, которыя разсматриваетъ съ удивленіемъ и разкладываетъ вокругъ себя*) Голубчики, насилу-то я дождался васъ! вишь, какіе спѣсивые; глупенькіе, что вамъ за житье было у Стрѣловыхъ? одинъ одиныхоньки во всемъ комодѣ, во всемъ домѣ, а здѣсь. . . . . хе! хе! хе! . . . . . кака я васъ компанія, чай и знакомыхъ тутъ не мало. Вотъ эта табакерка—отъ батюшки досталась Графу Гудякину, а отъ его сятельства его

чести Минасу Карапетовичу. . . . . хе! хе! хе! — чай не разъ вертѣлась въ мазуркѣ съ вами (*обращался къ серебрянкамъ*). Ну поздоровайтесь же. . . . . вотъ такъ. . . . . поцѣлуйтесь — что? весело? . . . ну то-то же, я говорилъ. . . благодарите вашихъ баръ, высокоименитыхъ Русскихъ. . . . . и впрямь, дураки эти Русскіе! . . . . Какъ расстаться съ такимъ сокровищемъ. . . . . Да я бы въ пустой саклѣ вѣкъ прожилъ на водѣ и махохѣ — такъ, нѣтъ: давай кутить, финтить! я-де, не-я! Минасъ Карапетовичъ! слышите намъ французскихъ винъ, шампанскаго лучшаго, птичьего молока! А нашъ Минасъ себѣ на умѣ: у него и кахетинское идетъ за французскѣ, атаманское за шампанское, а птичьего молока сколько хочешь — ни въ чемъ вѣдь толку не смыслятъ; былъ бы ярлыкъ, а цѣну возмешь настоящую. . . . . знаешь, почему себѣ обошлось. . . . . хе-хе-хе! даютъ, пиши! благо вѣришь въ долгъ; а какъ придется къ расчету, составишь счетецъ, (*беретъ одну изъ бухгалтерскихъ книгъ*) вотъ хоть бы тутъ. . . . . Стрѣловы на 3 тысячи забрали тряпья, да лакомствъ, да всякой дряни — на чистыя бы за-глаза на тысячу, ну, а кредитъ—иное дѣло; трое проведутъ, на четвертомъ наверстаешь. . . . . нельзя, ей ей нельзя. . . . . ну вотъ я и поджидалъ, а какъ пришлось имъ вѣхать, да Минасъ Карапетовичъ подалъ счетъ, да пять недѣль не выпускалъ изъ городу, такъ и расступились. . . . . (*цѣлуетъ галантерейныя вещи*) черноглазенькія мои!

звѣздочки мои . . . тысячъ за десять въ Москвѣ бы можно продать, а здѣсь, кому нужно . . . такъ и за двадцать пойдеть. *(подбленивается)* Да, кланяюсь вамъ господа. . . на мой вѣкъ будетъ чѣмъ пожить *(гешетъ затылокъ, встаетъ, подходитъ къ окну и смотритъ пристально)* Ахъ, если бы еще да этѣ лавки Книгини Нины Ревазовны, да деревни, да сады, которые я такъ глупо выпустилъ изъ рукъ . . . а, ваше сіятельство, этакъ вы платите за благодѣянія Минаса Карапетовича. — Васъ съ ума сводитъ этотъ чиновничекъ подарый . . . бѣлоглазый . . . нищій? . . . Удивляюсь что за кусъ! . . . То ли дѣло нашъ братъ *(похлопываетъ сомъ себѣ)*, есть на что взглянуть, есть чѣмъ и подарить *(показываетъ на сундуки)*. Ахъ чортъ возьми, сіятельная такая бѣленькая, пухленькая, га! . . . горло пересохло отъ жару. . . *(подходитъ къ бурдюку, нацѣживаетъ гогарпешъ и пьетъ въ нѣсколько приемовъ подоидя оплать къ окну)* А добра-то, добра у проклятой. Какія лавки, сады, а золота, бриліантовъ, серебра . . . и все это было у меня въ залогъ, почти мое, да я разнѣжился, даль маху . . . за пятнадцать процентовъ выпустилъ изъ рукъ. Ахъ, чортъ возьми! . . . Надобно этого Русанова поддѣть; ужъ я закидывалъ удочку на кредитъ: — что хочъ бери — куда тебѣ; ничего ему не надо; да и то правду сказать, долгами не свяжешь его, Книгиня выкупить и сама рада въ придачу . . . Проклятый бѣлокуръ! *(ходитъ въ раздумьѣ)*. Нѣтъ, тутъ надо какъ нибудь . . . знаешь . . . по Армянски . . . за няньку Кетевану . . . о, старая вѣдьма! подарочки беретъ, а толку все нѣтъ . . . больно любить барыню. Ну, да и то хорошо, что хотъ беретъ, пригодится. . . надо бы ихъ поссорить . . . это всего легче . . . она бабенка бѣшеная, ревнивая . . . онъ вѣдь Русскій, упрямя какъ ишакъ . . . чудесно! *(задумывается)*. Нѣтъ; ума, догадается . . .

иначе какъ нибудь. . . *(бьетъ себѣ по лбу)* пустая голова! ничего-то ты принимать не можешь. То ли ты выдумываешь, а теперь одурѣла, что ли? аль чахотку еще захотѣла? Изволь, изволь моя лубушка, для тебя не жаль . . . *(слышитъ шумъ)* кто это? ужъ не Бичли идетъ? Однако надо поубрать, а вѣдь сплю; *(убираетъ вещи, тщательно запираетъ сундуки и бросается на тахту; въ двери стучатъ, Минасъ хрипитъ; стучатъ еще разъ, онъ громче хрипитъ; стучъ еще сильнѣе, Минасъ будто просыпается, кашляетъ)* гмъ! . . . кто тамъ? . . .

Бичо. *(изъ дверями)*

Я, Минасъ Карапетовичъ.

Минасъ. *(подходъ къ двери)*

За чѣмъ ты шатаешься, мошенникъ? мѣшаешь спать добрымъ людямъ, убирайся . . . *(отлираетъ двери)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Минасъ и Бичо.

Бичо. *(остановясь у едереи кланяется)*

Минасъ. *(запираетъ дверь на ключокъ)*.

Что тебѣ надо? говори скорѣй, да и пошолъ! я спать хочу.

Бичо. *(не глядя на него кланяется и лстребомъ озираетъ вещи въ комнатѣ, подвигается къ шашкѣ, столщей въ углу и любитъ ея глазами и жестики.)*

Какая чудесная шашка у васъ, Минасъ Карапетовичъ! вѣрно 20 монетъ стоитъ.

Минасъ.

За этимъ-то ты пришолъ, дуралей, разглядывать мои вещи . . . ты хочешь обокрасть меня?

Бичо. *(отходитъ отъ шашки, кланяется скося поглядывая на нее)*

Минась.

Ду что не говоришь? али знакомая, что так поглядываешь? . . . . .

Бичо. *(чесетъ себѣ за тылокъ и кланяется.)*

Нешто! видывалъ ее изъ Князь, что не далеко живеть отъ нашей деревни; вотъ по этому камню узнаю *(подходитъ къ ней и тычетъ пальцемъ).*

Минась. *(бросаясь къ нему)*

Не тронь . . . . . *(Бичо отскакиваетъ озираясь).* Да, она его была, но онъ узкая подарилъ мнѣ на память . . . . . Ну, что ты палишь такъ глаза? твоей ли рожь носить? тебѣ и не позволять.

Бичо.

Да я бѣ сумѣлъ продать . . . . . сотнягу монеть сей часъ бы дали . . . . . если бѣ милость была Минаса Карапетовича . . . . а Бичо славную вѣсточку знаетъ . . . . .

Минась.

Ну что? скажи, я дамъ . . . . . шапки нельзя, увидяшь, скажутъ украдь, тебя же бить булудъ, а я ужъ не создаюсь; да и мнѣ на память далъ приятель.

Бичо. *(указывая на сумдуки и другія вещи въ комнату.)*

И это все приятели, чай, на память надавали . . . . . нечего сказать, есть чѣмъ помануть, да и они, сердечные, во вѣки не забудутъ Минаса Карапетовича . . . . . доказалъ дружбу. *(Кланяется.)*

Минась.

Опять ты замолоть, какъ пустая мельница на Курѣ,—не въ томъ дѣло: услуги, такъ будешь благодарить Минаса Карапетовича . . . . . Какая же вѣсточка? не отменила ли Княгиня покупку свадебныхъ вещей? такъ я ужъ своихъ двадцать тысячъ передержалъ . . . . . в? . . . . . что же ты молчишь? . . . . .

Бичо, *(стоитъ статуей и глядитъ прямо въ глаза).*

Минась.

Опять зачерствѣлъ языкъ! . . . . . Не дамъ шапки, сказалъ тебѣ, понимаютъ. Деньги лучше для тебя . . . . . на! . . . *(вынимаетъ изъ кошелька и даетъ ему.)*

Бичо. *(сосчитавъ на ладони, быстро прячетъ).*

Только два абазы? *(спясть становится статуей.)*

Минась.

Воронъ ненастный, два абазы мало? . . . . . четыре дня пьянъ будешь — пять дней не выработаешь на базаръ; за чѣмъ тебѣ деньги? Въ задатокъ и этого много, — обманешь, такъ не отнимать же у тебѣ; ну говори же *(даетъ еще нѣсколько).*

Бичо. *(спрятавъ, кланяется.)*

Минась.

Ну!

Бичо. *(подкрадывается къ нему, озираясь и говоритъ на ухо громко.)*

Я говорилъ съ нянюшкой Княгини, старой чертовой Кетевадой, про васъ.

Минась. *(съ нетерпѣніемъ).*

Ну чтожъ она, беретъ уговорить Княгиню?

Бичо.

Да-съ; — вотъ я ей говорю, хороший человекъ Минась Карапетовичъ!

Минась. *(подбѣгла съ радостію).*

Ну, а она что?

Бичо.

Она, старая вѣдьма, осканила зубы словно вашъ цѣпной хервасъ, какъ я шель къ вамъ.

Минась. *(отскакиваетъ къ стѣнѣ и грызетъ ногти).*

А ты, бездѣльникъ, и не сумѣлъ разжалобить ее.

Бичо.

Какъ сударь, не сумѣлъ; намъ ли не сумѣть... мы дѣльцо такъ повернули... *(умолкаетъ и опять становится статуей.)*

Минась.

Да кончишь ли ты алчная пѣвка, ты все у меня высосешь. . . . . раззоришь, . . . *(даетъ ему.)*

Бичо.

Э, э, сударь! *(оглядывается кругом)* да у васъ добрый караванъ верблюдовъ съ разу-то не все забереть.... а усердному слугъ право не грѣшно подарить абазъ, другой.... Вотъ, я будто и не вижу ничего и говорю ей такъ, знаете, весело.... ахъ! кабы Минасъ Карапетовичъ бариномъ-то у насъ былъ, то-то бы житье намъ, Кетеванушка, съ тобой было; сыромъ въ масле бы катались. *(Минасъ дѣлаетъ знаки нетерпѣнія)* Погодите сударь, все по порядку расскажу, вы вовсе не ожидаете, что будетъ.... какъ она вѣдьма вскинется на меня, да съ кулаками, вотъ эдакъ *(подбѣгаетъ къ Минасу, хотѣвъ въ испугъ самъ принимаетъ угрожающую позицію, Бичо отскакиваетъ на свое мѣсто)*....постойте, сударь не деритесь, дослушайте чѣмъ кончилось, вотъ она вскинулась и заревѣла.. ахъ ты такой, ахъ ты эдакой!... да его ли алтынной рожъ жениться на Княгинѣ—*(Минасъ бѣсится)* вотъ божусь вамъ, она это говорила—да такой красавицы во всей Грузи нѣту-де. Да и на графовъ-то, и на генераловъ-то она смотрѣть не хочетъ, а за эдакаго.... да чтожъ вы сердитесь?.... за эдакаго жидъ, армяшку....

Минасъ.

Какъ!.... *(въ бѣшенствѣ бросается на Бичо, тотъ бѣгая отъ него прыгаетъ по сундукамъ)*. Постой, постой, куда ты — все переломашь!... Уфъ... сойди, не трону.... эдакую-то вѣсточку принесъ ты мнѣ, мошенникъ!...

Бичо. *(прижавшись къ стѣнѣ)*.

Вольно же вамъ горячиться, не дослушавши, посмотрите чѣмъ кончилось. *(Минасъ слушаетъ съ удовольствіемъ)* Я, знаете, смиренно прижался къ стѣнѣ, вотъ какъ теперь передъ вами.... бѣдный Бичо! всѣ то его колотятъ, а нѣтъ, чтобъ кто нибудь даль на лукошко алычи....

Минасъ. *(бросаетъ ему)*.

На, глотка бездонная, только доканчивай.

Бичо.

Покорно благодарю! Правда вѣдь моя, что Минасъ Карапетовичъ добрыйшій баринъ былъ бы у насъ....

Минасъ. *(съ стороны)*.

Только бы жениться! двухъ минутъ негодяи не продержу въ домѣ.

Бичо.

Вотъ она и разревѣлась: «да онъ тебя подкупилъ!... да ты продаешь барыню!... да я сейчасъ ей скажу.... да тебя сейчасъ же со двора сгонять....» *(принимаетъ плачевную гримасу)*.

Минасъ.

Ну, что же ты?

Бичо.

Я и думаю себѣ, сбѣгаю къ Минасу Карапетовичу.

Минасъ.

Только то? — да хоть бы ты сквозь землю провалился!... отдай мои 10 абазовъ. Зачѣмъ ты пришелъ? вонь!

Бичо.

Какъ сударь, десять? и всего только семь. Вонь? извольте я пойду, но ужъ вы не узнаете, что я еще хотѣлъ вамъ сказать *(берется за дверь)*.

Минасъ. *(бросается за нимъ)*.

Постой, голубчикъ Бичо; пу, что же еще хотѣлъ ты сказать?

Бичо.

Такъ и быть, сударь, доскажу, но только не горячитесь... сидьте тутъ *(усаживаетъ его на тахтъ и самъ сложивъ ноги садится возлѣ него)* и слушайте покойно. Вотъ, какъ она сказала — «со двора долой» — я парень, знаете, не промахъ, и думаю себѣ: служи, служи Минасу Карапетовичу, да какъ и впрямъ Княгиня прогонитъ въ деревню, прощай мои 20 монетъ въ годъ... лучше-ка я скажу Минасу Карапетовичу, не будетъ ли его милость, не заплатитъ ли мнѣ убытку хоть за пять лѣтъ...

Минасъ. *(вскакиваетъ съ мѣста)*.

Какъ! 100 монетъ? Грабитель, ты зарѣжешь меня. 100 монетъ за то, что ты дуракъ не умѣлъ и этого сдѣлать... къ старой вѣдьмѣ приласкаться... изъ-за тебя я Княгиню потерялъ

(бьет себя въ грудь) и лавки! и сады! Вонь, не то сейчас тебя кинжаломъ.

Бичо.

Пожалуй, если милость ваша будетъ, только ужъ и кинжалъ-то мнѣ оставьте.... Послушайте, сударь, если будете горячиться, я, не стану доканчивать; садитесь (*платъ усаживаетъ его и садится вонь, таинственно*). Дадите не двадцать, 200 ... 2:00.... дадите.... все дадите какъ все узнаете, вотъ и—эту шашку.

Мина сь. (*спокойно*).

Послушай, другъ мой Бичо, ты знаешь, я и такъ люблю тебя (*Бичо кланяется*), а за добрую услугу ничего не пожалую, не только этой шашки, которая самому мнѣ стоитъ 600 монетъ.. да только скажи, не мучь... можешь ли пособить, или тебѣ вздумалось пользоваться моею простотой и выманить денежки?..

Бичо.

Развѣ Бичо до сихъ поръ когданибудь васъ обманывалъ? положитесь на него, да положите и ему, такъ все будетъ.... извольте, надѣюсь на вашу честность — все разскажу. Этотъ проклятой Русановъ совсѣмъ съелъ съ ума Княгиню, и ужъ они рѣшили на этихъ дняхъ свадьбу сыграть.... прямо тутъ ничего не возьмешь.... надобно, знаете, такъ.... (*показываетъ рукою зигзаги*). Она такъ его любитъ, что тотъ день сама не своя, когда онъ не придетъ: ужъ она и мечется, и сердится и кличетъ тебя разъ двадцать, и отошлетъ, не сказавши толкомъ ни одного слова; ужъ и сама Кетевана лучше не подступайся. Вотъ, знаете, и вчера, онъ не приходилъ обѣдать, написалъ: приду-де, послѣ обѣда, двла много; княгиня вельва накрытъ столъ, но подавать не вельва, и ужъ ждала-ждала, чтобъ вмѣстѣ пообѣдать, вотъ ужъ и смеркается.... вотъ ужъ и смерклося — нѣтъ!... бѣдная, такъ и заливается слезами; разъ десять хотѣла сама бѣжать, хотѣла послать меня узвать, что

такое? да думаетъ себя: вотъ придетъ! и раздумаетъ и не посылаетъ.... ужъ и полночь, ужъ мнѣ и вздремнулось, я таки уснулъ себѣ сидя.... вдругъ будятъ.... просыпаюсь.... совсѣмъ день.... сама княгиня — «Бичо сходи, узнай, что значить, Викторъ Павловичъ не прїѣзжалъ».... вотъ я сбѣгалъ—ничего! «много бумагъ пришло; все думалъ: вотъ отдѣлаюсь, вотъ отдѣлаюсь, а тамъ и ночь — такъ и не ходилъ.» Отъ него, прамешенько къ вамъ.

Мина сь.

Ахъ, ты мой золотой, Бичо. Вотъ ужъ вижу, что преданъ мнѣ, такъ преданъ.... Знаешь ли что? — скажи Княгинѣ, напрасно де изволите такъ беспокоиться: Викторъ Павловичъ все благополучно; у нихъ цѣлый вечеръ были гости....

Бичо.

То-то я и самъ тоже придумалъ, да и думаю себѣ: какъ это сказать, да не удастся, да они переговаряютъ.... такъ нашъ братъ вашихъ монетъ (*указывалъ на спину*) не подстелешъ.... да и вы за неусиныхъ, черствой корки не бросите, такъ я ужъ и передумалъ.... какъ вы думаете, Мина сь Каранетовичъ?.... а славная шашка! монетъ 30 и впрямъ стоитъ?....

Мина сь.

Что ты, что ты, голубчикъ Бичо! да такую оказію упустить.... дамъ, дамъ тебѣ и не шашки чета.... и хотъ не удастся, такъ послѣдними крохами подѣлюсь (*Бичо чешетъ себѣ затылокъ*) не врѣшишь? божитья тебѣ....

Бичо.

Ахъ, сударь, грѣхъ божитья! что вы? я повѣрю и такъ; коли милость будетъ, пожалуйста что общали.

Мина сь.

Общаль и сдержу; больше дамъ; ну, самъ посуди: ты еще ничего не сдѣлалъ, а сколько ужъ я передавалъ тебѣ! что же будетъ когда все сдѣлаешь.... только начни, а ужъ я

сьюмью кончить .... ступай же съ Бо-
гомь и скажи....

Бичо.

Нѣтъ, сказать-то не скажу....

Минась.

Какъ не скажешь?...

Биго.

Сказать страшно! не равно уличать:
а я ужъ такъ поведу, что сказать не
скажу, а ужъ пойметъ она какъ надо....
Что же, сударь, на дорожку.

Минась.

А, хорошо! на вотъ газарнешь, налей
себѣ вина, выпей, пройдешься....

Биго.

Благодарю, сударь, но я.... не вина
просиль (*подходить къ бурдюку*).

Минась.

Смотри же, не много; мнѣ не жаль,
Бичо, ничего не жаль; но лишнее выпь-
ешь, лишнее сболтнешь. Иди, чай да-
вно ждешь, пошлетъ другихъ, — все
пропадетъ, опоздаешь. На-тебѣ на до-
рогу....

Бичо. (*посмотрѣлъ, и ухо-
дъ выражаетъ гримасой*).

Экой жидь!

Минась. (*отворяетъ двери и
выходитъ емистъ съ Бичо.*)
(*Занавѣсъ опускается.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

*Кабинетъ Виктора; на право столъ, завален-
ный бумагами, книгами, на лѣво шкапъ.*

ЯВЛЕНІЕ I.

*Викторъ отдыхаетъ, Михайло Вла-
димировичъ входитъ.*

Дружвининъ.

Помилуй, братецъ, шестой часъ, а ты
еще спишь? Самъ Арзрумскій Серас-
кирь позавидовалъ бы твоему кейфу.

Викторъ. (*встаетъ, зя-
ваетъ, потягивается и съ нѣ-
которою досадою.*)

Что дѣлать? поздно легъ, рано всталъ,
Часть VII. Гл. II.

а теперь сонъ одолевъ. — Ты откуда,
такой веселый?

Дружвининъ.

Провожаля, братецъ, Стрѣловыхъ;
сей часъ уехали въ Россію.

Викторъ.

Жаль, одной хорошенькой меньше
въ Тиѳлисѣ.

Дружвининъ.

Ему не въ моготу стало — чисто не
везло: а дарованія прекрасныя, истин-
ный въ душѣ поэтъ; ничто не помог-
ло; — ни даже хорошенькая женочка;
— ужъ безпримѣрное несчастье.

Викторъ.

Нынѣ у публики въ модѣ не поэты, а
пономари: кто громче зазвонитъ, тотъ
и слышнѣе.

Дружвининъ.

Ужъ видно что не выспался, смотри
какой ты угрюмый.

Викторъ.

Правду сказать, и голова нѣсколько
тяжела: а что, весело Стрѣловы оста-
вили Грузію?

Дружвининъ.

Нельзя сказать, весело — но печаль
ихъ была во все не въ честь Грузін:
финансы оказались гораздо короче пред-
стоящей дороги, они продавали, усту-
пали за полцвны; Минась Карапетовичъ
порядкомъ обобралъ; за всѣмъ
тѣмъ должны были бросить даромъ
часть своего хозяйства, — и я покупки
сдѣлалъ.

Викторъ.

Что такое?

Дружвининъ. (*Вынимаетъ
изъ кармана дамскую гребенку.*)

А вотъ.

Викторъ.

На что это тебѣ?

Дружвининъ.

Я еще купилъ пальцы, сторы, сун-
дуки и еще кое-какую мѣлочъ.

Викторъ.

Поздравляю съ покупками.

Дружвининъ.

Что дѣлать; вижу что имъ крайне
нужны деньги: такъ предложить — не

примуть; я и бросился на покушки. Боюсь только что злодѣй Бомбовъ узнаетъ объ этой гребенкѣ и начнетъ стрѣлять въ меня калеными насмѣшками.

Викторъ.

Такъ поспѣши пристроить гребенку къ какой-нибудь красоткѣ. Послѣ Стрѣловой ни кому не стыдно ее надѣть.

Дружвининъ.

Признаюсь, эта гребенка настоящая контрбанда въ моихъ рукахъ; но я съ красотками не знакомъ, ты скорѣй найдешь случай отдать ее на проценты подъ вѣрный залогъ. Ты вѣдь дамскій угодникъ. . . . . *(Бросаетъ гребенку на диванъ, она скатывается за подушку.)*

Викторъ.

Подно братецъ, ты знаешь что мнѣ не до этихъ шутокъ.

Дружвининъ.

Правда, правда, виноватъ; я и забылъ что ты сосватанъ, вступаешь въ другую категорію — въ категорію нулей при единицахъ или единицъ при нуляхъ.

Викторъ.

Точно, милый другъ, завтрашній день благополучнѣйшій въ моей жизни.

Дружвининъ.

Счастливецъ! — беретъ красу Грузинъ; — но одно меня удивляетъ, какъ вы сошлись? — Ты флегма, она — олицетворенный огонь. — Кто это свелъ васъ!

Викторъ.

Судьба,

Дружвининъ.

Проказница! — Но сдѣлай милость, расскажи какъ она сыграла съ вами эту шутку!

Викторъ.

Изволь, слушай. Ты знаешь, покойный мужъ ея Князь Теймуразъ Мин-

дорскій женился на ней, когда ей было не болѣе 12 лѣтъ, и любя ее какъ дочь, въ послѣдніе годы своей жизни ничего не щадилъ чтобы развить прекрасныя ея дарованія и дать ей европейское образованіе.

Дружвининъ

Я слышалъ еще, что покойный, имѣя болѣе 70 лѣтъ, былъ скорѣй отцемъ ея нежели мужемъ.

Викторъ.

И это правда. — Когда онъ скоропостижно умеръ, дѣла его остались въ такомъ разстроенномъ положеніи, что не только огромное его имущество, но и все имѣніе жены попало подъ севестръ.

Дружвининъ,

Да, дѣло это было довольно запутано. И какъ помнится, плутъ Минасъ Карапетовичъ имѣлъ большую часть имѣнія въ залогъ.

Викторъ.

Я встрѣчался иногда съ братомъ Нины, Княземъ Трилетскимъ; однажды онъ отъ имени сестры проситъ меня къ ней. Мы отправились вмѣстѣ — она съ перваго взгляда прельстила меня своею живостію и красою. Она объяснила мнѣ, что дѣло мужа ея сводитъ ее съ ума, что она сто разъ рѣшалась отказать отъ всего имѣнія, лишь бы не слышать о повѣсткахъ, запросахъ и тому подобномъ, и что она такъ много слышалась обо мнѣ, что рѣшилась просить, сдѣлаться ея повѣреннымъ.

Дружвининъ.

И ты согласишься?

Викторъ.

Какъ не согласиться! если бы ты видѣлъ ея взглядъ, ея улыбку когда она сдѣлала мнѣ это предложеніе, ты бы понялъ, что отказать было невозможно.

Дружвининъ.

Ну?

Викторъ.

Я вступилъ въ должность повѣреннаго на другой же день, пошелъ по всемъ мытарствамъ, — и она одна могла придать мнѣ силы перенести всѣ досады и мученія, которыя преслѣдовали меня до благополучнаго окончанія дѣла совершенно въ ея пользу. — Въ особенности трудно мнѣ было сладить съ жидомъ Минасомъ, отъ котораго я однако же успѣлъ вытащить заложненное имѣнiе Князей Миндорскихъ, на довольно выгодныхъ условіяхъ.

Дружвининъ.

Да братецъ, это выродокъ изъ Армянъ; и онъ кажется далъ тутъ промахъ; ты никакими властями въ мірѣ не сладилъ бы съ нимъ, если бь, по секрету тебѣ сказать, онъ не былъ влюбленъ въ Княгиню.

Викторъ.

Какая любовь! Развѣ металлическія сердца влюбляются!

Дружвининъ.

По своему; — вмѣсто шелковистой черной косы, онъ представляетъ себѣ ея богатые виноградные сады; вмѣсто глазъ, доходныя лавки; ланиты — украшаются прекраснымъ мѣстоположеніемъ деревень; — а талією восхищается, сравнивая ее съ стройнымъ фасадомъ ея нѣслѣдственнаго дома. Однако продолжай.

Викторъ.

Пока длились и кончались всѣ эти хлопоты, я привязался къ ней, болѣе нежели нужно было для успѣха тѣлбы: «Плохо дѣло! стой, назадъ!» Я сталъ скрывать всѣми средствами мои чувства, и посѣщенія дѣлалъ день ото дня рѣже.

Дружвининъ.

Вотъ этого я уже не понимаю.

Викторъ.

Нетерпѣливая вдовушка также не понимала побудительныхъ причинъ моего поведенія. — Во время моихъ, день ото дня сокращавшихся, посѣщеній, она бросала на меня испытующіе взоры, спрашивала съ ревностію о до-

махъ, которые чаще посѣщаю, — то роною наблюдала за каждымъ моимъ шагомъ, — я это послѣ узналъ. О, женщины! скроется ли истинная любовь? Когда она удостоверилась въ безпрерывной любви моей къ ней, то вступила какъ бы во владѣніе мною, безъ церемоніи начала удерживать по цѣлымъ днямъ около себя, и я не въ состояніи былъ ей противиться.

Дружвининъ.

Противиться? Воля твоя, это ужъ глупо! Я готовъ сидѣть цѣлый вѣкъ около хорошенькой вдовушки.

Викторъ.

Другъ мой! Любовь, дуэль на жизнь и на смерть. Будь она бѣдна — я не усомнился бы предложить ей мою руку, мое чиновничество, мою хижину; но она богата, нашему брату не пара.

Дружвининъ.

Пустяки! Право братецъ, если бы не ты говорилъ, то я помогаль бы, что слышу слова какого нибудь неразумнаго челоука. Богата, — такъ не пара, ха! ха! ха! ха! Да мнѣ какая хочешь милліонщица, пара! только бы хорошенькая — сей часъ по рукамъ.

Викторъ.

Какъ бы ни было, я началъ и на приглашенія ея отвѣчать отказами и даже иногда — «дома нѣтъ.» Однажды — сижу вотъ здѣсь, склоня голову на руки, и по обыкновенію думалъ объ ней; кажется даже одна слеза крупнымъ зерномъ выкатилась изъ покраснѣвшихъ глазъ моихъ — я былъ въ совершенномъ отсутствіи изъ здѣшняго міра — десять мучительныхъ дней прошло что я не видалъ ее. Вдругъ шорохъ, оглядываюсь, Боже мой! Вообрази мое изумленіе! . . . . Она, Княгиня Нина Ревазовна, стоитъ вотъ тутъ передо мною, смотритъ на меня съ ангельской улыбкою, и вытираетъ слезы, которыя также катились по розовымъ ея щекамъ. . . . Я упалъ на колѣни! . . . .

Дружбининъ.

! съ тѣхъ поръ не вставаль? — то гь, по морскому, хотъ и не по русски — флагъ долой!

Викторъ.

Начало нашего разговора было очень странно—она перемогала нѣкоторую робость — я просто не находилъ словъ. Наконецъ рѣшительность ея характера взяла верхъ и она спросила: Почему вы уже десять дней не были у меня? Я произнесъ какое-то пошлое оправданіе. Послушайте, Викторъ, сказала она съ выраженіемъ, которое теперь еще отдается въ глубинѣ моего сердца, — я требую отъ васъ откровенности, а не пустыхъ оправданій. Викторъ, ты любишь меня? Я задрожалъ, и какъ безумный схвативъ ея руку осыпалъ поцѣлуями; и въ изступленной радости вскричалъ: о, да! люблю тебя, милая волшебница, несравненная Нина, обожаю выше всего въ мірѣ, и Богъ знаетъ еще чего не наговорилъ я въ сумасшедшемъ моемъ изступленіи.

Дружбининъ.

Да, хотъ кому такой неожиданный случай развяжетъ языкъ!

Викторъ.

Между-тѣмъ она улыбнулась, съ любовью слѣдила за всеми моими движеніями и казалось раздѣляла мое счастье. — «Странный человекъ! произнесла она наконецъ нѣжнымъ голосомъ, любить и убегаетъ.» — Не вини меня, отвѣчала я ей, будь ты равная мнѣ состояніемъ, давно бы увидѣла меня у ногъ своихъ. — «А развѣ не тебѣ, возразила она, обязана я этимъ состояніемъ? — но послушай; я давно замѣтила, что ты меня любишь, угадывала всѣ твои побужденія, но не постигала причины твоего молчанія. Послушай, Викторъ, хочешь ли имѣть меня твоею женою? Если только богатства мои тебя оставяиваютъ, я все отдамъ бѣднымъ.

Дружбининъ.

Такой благородный, откровенный поступокъ, такая рѣшительность въ двад-

цати-лѣтней женщинѣ приводить меня въ восторгъ! Ну — и порукамъ?

Викторъ.

Само-собою — и свадьба наша тутъ же была рѣшена.

Дружбининъ. (*обнимаетъ Виктора.*)

Поздравляю, братъ. — Нечего кажется желать тебѣ счастья съ такою необыкновенною женою. — Прощай, я ухожу отъ тебя въ восхищеніи. Дорого далъ бы въ день вашей свадьбы, чтобъ полюбоваться на постное лицо бѣдняги Карапетовича.

ЯВЛЕНІЕ II.

Викторъ (*одинъ*)

Прекрасный человекъ — а все таки не далъ мнѣ выспаться! но я еще не кончилъ этого письма. — Пожалуй, новые гости опять помѣшаютъ: — лучше запереть дверь (*запирается ключемъ и садится за письмо. Стучатся*) — досада! Вѣрно опять какой-нибудь праздничный посѣтитель; буду молчать (*стучатся сильно*). Кто тамъ? тотчасъ, дверь всю изломали (*отворяется*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Нина, Викторъ.

Нина. (*Вбѣгалъ, бросаетъ карту на стулъ.*)

Викторъ.

Это ты, chérie?

Нина.

Вотъ вопросъ. Кто же, какъ не я? Но, милостивый государь, что это значить, вотъ уже цѣлыхъ двадцать четыре часа какъ я васъ не вижу? Я ужасно на васъ сердита.

Викторъ.

Не говори, ангель Нина, я самъ не постигаю, какъ не умеръ съ тоски, послѣ такой продолжительной разлуки. Проклятыя эти бумаги. . . .

Нина.

Ну, а я все приготовила къ завтрашнему дню; подвѣчное мое платье — чудо! Но что значить, глаза у тебя такъ красны?

Викторъ.

Цѣлую ночь не спалъ, мой другъ, а теперь только что заснулъ было, Михайло Владиміровичъ разбудилъ. Да и голова побаливаетъ.

Нина. *(Прикладываетъ руку къ голоѣ еѣ)*

И точно, жаръ. Слышишь, Викторъ, послѣ свадьбы я всѣ эти бумаги въ огонь; не хочу чтобы ты изнурялъ себя работою.

Викторъ.

О! тогда тѣе моя, единственное мое занятіе будетъ угождать тебѣ и предугадывать малѣйшія твои желанія.

Нина.

Посмотримъ, у васъ, господа женихи, обещанія всегда пышны, но когда дѣлаетесь мужьями, то исполненіе со всѣмъ другое.

Викторъ.

Увидишь; мое исполненіе превзойдетъ еще обещанія.

Нина.

О! какъ мы будемъ счастливы! Судьба явно хочетъ примириться со мною, эта судьба, которая сыграла такую злую шутку первымъ моимъ замужствомъ — теперь я ей все прощаю. Но, послушай Викторъ, ты не будешь слишкомъ строгъ къ жепѣ. Въдъ я иногда и причудлива, капризна, ревнива. . . . *(садится на диванъ, вѣдуъ отскакиваетъ съ сильнымъ движеніемъ, держа гребенку въ рукѣ.)* Это что такое! женская гребенка! . . . сей часъ съ головы. . . такъ вотъ причина вашего домоштва! . . . вы, сударь, пользовались послѣдними минутами вашей свободы. . . . за дѣлами! . . . прекрасныя дѣла! . . . . поздравляю....

Викторъ.

Моя Нина, не стыдно ли обижать меня такимъ страннымъ подозрѣніемъ,

меня, для котораго существуетъ въ мірѣ одна только женщина — ты.

Нина.

Но откуда эта гребенка?

Викторъ.

Дружбининъ принесъ ее сюда и забылъ на диванѣ.

Нина.

Прекрасная выдумка! А Дружбинину на что дамская гребенка?

Викторъ.

Провожая Стрѣловыхъ онъ купилъ у нихъ разныя вещи, между которыми и эту гребенку.

Нина.

Ни слова больше! Къ мерзкому поступку, не прибавляйте мерзкихъ оправданій; эта гребенка сей часъ съ головы: не изъ косы же своей Стрѣлова продала ее Дружбинину; да если бы и такъ, то для чего же ему оставлять ее здѣсь!

Викторъ.

Онъ сидѣлъ вотъ тутъ, гдѣ ты сидѣла, шутилъ надъ своею покупкою и бросилъ ее; какимъ образомъ она покатила за подушку, право не понимаю! . . . . Послѣ его ухода, мнѣ изъ головы вонъ объ этой проклятой гребенкѣ. . . . Нина! ты и не слушаешь меня.

Нина.

Мнѣ правду говорили, что Русскимъ не надо вѣрить... какое коварство! и на кануѣ свадьбы... чего жъ послѣ ожидать? Боже мой, какъ я несчастлива! *(плачетъ.)*

Викторъ *(бросается къ ногамъ ея.)*

Нина! дорогая, безцѣнная Нина, неужель ты серьезно вѣришь моему мнимоу преступленію? И ты можешь думать, что я дѣйствительно въ состояніи осквернить себя гнусною измѣною! я, который живу, существую только тобою, и для тебя одной, я, для котораго любовь твоя есть величайшее въ мірѣ сокровище. Нина, не стыдно ли

допустить въ сердце подобныя несбыточныя мысли?

Нина (*съ сильным волненіемъ*)

Прочь змѣя, лицемеръ, обманщикъ! Теперь понимаю отъ чего такъ долго не могла я достучаться . . . низкій человекъ! Такъ жестоко обманывать невинную, легковѣрную женщину! Нѣтъ, все между нами кончено, я васъ ненавижу, презираю какъ гнуснаго измѣнника, не хочу видѣть, встрѣчаться . . . (*береть шарду и хочетъ идти; онъ на попыткахъ ее удерживаетъ*).

Викторъ

Нина! постой! что ты дѣлаешь? одно слово; клянусь тебѣ честию, клянусь камнемъ, который прикрываетъ холодный прахъ моей матери, возьми меня съ собой, пошли справиться къ Дружвинину — сама увидишь, что все это пустяки мечты — несправедливыя смѣшныя подозрѣнія . . . ты одна составляешь все, что только могу любить въ мірѣ. Какая женщина могла бы имѣть доступъ къ сердцу, наполненному тобою!

Нина.

Кто вамъ далъ право, милостивый государь, удерживать меня силою? — Сей часъ пустите; мнѣ здѣсь душно, нестерпимо, самый воздухъ зараженъ здѣсь адскимъ дыканіемъ; — пустите, говорю вамъ.

Викторъ.

Нина, повторяю тебѣ, не будь опрометчива, не разрушай нашего благополучія, не оскорбляй лучшаго твоего друга. . . .

Нина.

Берегите эти клятвы для той, которая вѣроятно явится къ вамъ скоро за гребенкой. (*Сильно отталкиваетъ Виктора и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV

Викторъ (*одинъ*)

Сначала она меня нѣсколько забавляла, и ревность Нины казалась мнѣ новымъ доказательствомъ безпредѣльной

ей любви ко мнѣ, я почти былъ счастливъ ея волненіемъ и ждалъ минуты когда она сама начнетъ смѣяться своему заблужденію. — Говорять, легкая ссора между влюбленными скрѣпляетъ взаимную ихъ привязанность сладкимъ примиреніемъ . . . но она разсердилась не на шутку, и толкнула меня сильнѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ маленькой ея ручки. Конечно, ее не трудно разувѣрить . . . за всѣмъ тѣмъ, сердце мое стѣсняется и какія-то мрачныя предчувствія приводятъ меня въ невольное смущеніе. Дай Богъ, чтобы это глупое произшествіе не имѣло плачевныхъ послѣдствій. . . .

ЯВЛЕНІЕ V

Викторъ, Дружвининъ.

Дружвининъ.

Вотъ, опять тебѣ мѣшать пришелъ; отдай-ка мнѣ мою гребенку.

Викторъ.

Ну, другъ мой, проклятая эта гребенка надѣлала мнѣ хлопотъ. Нина Рязанова была здѣсь, нашла ее за подушкою и ушла въ великомъ гнѣвѣ, считая меня изобличеннымъ въ измѣнѣ ей.

Дружвининъ.

Серьезно?

Викторъ.

Да такъ серьезно, что ни какія клятвы не могли ее разувѣрить.

Дружвининъ.

Придется же ей разувѣриться, когда получить явное доказательство въ своей ошибкѣ, когда я ей всю правду скажу.

Викторъ.

Только на тебя и надежда, другъ мой, ты былъ безвиной причиною нашей ссоры, будь виновникомъ нашего примиренія, сходи къ ней сей часъ же.

Дружвининъ.

Сей часъ не могу, да и она съ горяча слушать не станетъ. Утихнетъ — и сама одумается.

Викторъ.

Такъ завтра, только пожалуста.

Дружвининъ.

Непрѣменно, будь увѣренъ, приведу ее къ тебѣ кающуюся съ общаніемъ, впередъ не ревновать? . . .

Викторъ.

Ты все шутишь, а мнѣ право не до смѣха . . . глупая эта сцена меня совершенно разстроила . . . *(сидится на диванъ; занавѣсь опускается).*

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(Внутренность великолѣпнаго грузинскаго дарбага; тахты устланныя персидскими коврами, на аванъ - сценѣ одно отдѣленіе, съ лѣвой стороны, убрано по европейскому вкусу: диваномъ, креслами, столомъ и большимъ зеркаломъ. Нина сидитъ на диванъ, облокотилась одною рукою на столъ, волосы ея распущены подъ лилакомъ, небрежно накинутымъ).

Нина. *(одна)*

Боже мой! Какъ нестерпимо тутъ болить. Такъ это-то любовь? А я полагала въ ней одно счастье . . . хочу забыть его и не могу . . . Но забуду, непременно забуду . . . я презираю, ненавижу тебя, отвратительный, гнусный человекъ. Но; отчего образъ его такъ упорно меня преслѣдуетъ?

Могла ли я думать? . . . такъ коварно заплатить за простодушную мою привязанность? . . . и на кого это онъ меня промѣнялъ? кто эта ненавистная женщина? о, еслибъ я могла узнать ее!

. . . *(достаетъ небольшой богатоправленный кинжалъ)* Маменька, маменька! Ты правду говорила, не вѣрить Русскимъ; но онъ узнаетъ, этотъ коварный измѣнникъ, что рука Грузинки не дрогнетъ, когда униженная, оскорбленная, она концемъ кинжала сыщеть сердце клятвopреступника. О! найду дорогу къ его сердцу — *(ходитъ быстрыми шагами, потомъ садится въ задумчивости).*

Нѣтъ, не могу — рука не подыметъ; надобно выдумать другое наказаніе. Ее, эту гнусную, которая у меня похитила цѣлую будущность блаженства, хитрыми обольщеніями замекла его, конечно противъ воли, въ свои сѣти, я найду ее! о! съ какимъ невыразимымъ наслажденіемъ, вонжу этотъ кинжалъ въ змѣное ея сердце! какими широкими дорогами открою себѣ доступъ къ нему . . . нѣтъ! . . . слишкомъ рано кончились бы ея страданія; она должна умереть медленно, продолжительно, не одинъ разъ. Она должна испытать такія же страданія, какія терзають бѣдную грудь мою *(встаетъ)*.

Но кто она? Всю жизнь возьмите за одно слово, кто она? у кого онъ чаще бываетъ? Стрѣлова лучше всѣхъ; но она уѣхала, не ужель Ледянская, эта трогладитка? Горичева съ глазами альбиноса? Зарницына? . . . быть не можетъ! Грузинки гребенокъ не носятъ . . . на кого же подозрѣніе? — Какъ я несчастлива. — *(плачетъ)*

ЯВЛЕНІЕ. II

Дружвининъ, Нина.

Дружвининъ.

Боже мой, Княгиня, возможно ли: вы сами на себя не походите, такъ измѣнились, измучили себя.

Нина.

Я нездорова.

Дружвининъ

Такъ и есть, отъ больнаго къ больной.

Нина.

Отъ какого больнаго?

Дружвининъ.

Разумѣется, отъ Виктора Павловича, котораго вчерашнія ваши подозрѣнія совершенно разстроили.

Нина.

Не мудрено; есть совѣсть, особенно у пойманныхъ.

Дружвининъ.

Послушайте, Княгиня: такъ какъ въ этомъ дѣлѣ главный виновникъ я, то я

и пришелъ, со всею откровенностію къ вамъ объясниться.

Нина,

Говорите, майоръ, я готова слушать васъ.

Дружбининъ.

Вѣрите, Княгиня, найденная вами гребенка, принадлежитъ мнѣ. Я провожалъ отъѣзжающаго Стрѣлова, гребенка мѣшала женѣ его сидѣть въ дорожной каретѣ и она снявъ ее съ головы, отдала мнѣ, чтобы не бросить. Отъ нихъ я захолю къ Виктору и позабылъ приобрѣтеніе свое у него на диванѣ.

Нина.

Но, онъ говорилъ, что вы эту гребенку купили!

Дружбининъ.

То есть, получилъ въ придачу къ покупкамъ.

Нина.

Вы давно знакомы съ Викторомъ Павловичемъ?

Дружбининъ.

Десять лѣтъ сударыня, и горжусь его дружбою.

Нина.

И вполне заслуживаете ее; нечего сказать, хорошо затвердили свой урокъ. Мужчины готовы всѣ соединиться, и обманывать бѣдную, доверчивую женщину.

Дружбининъ.

Какъ честный офицеръ говорю вамъ, что это сушала правда. Я не для того уцѣлѣлъ отъ двѣнадцати ранъ, чтобы сдѣлаться обманщикомъ.

Нина. *(слушала его все время съ видимою разсѣяностію; другъ подходитъ къ нему и беретъ за руку.)*

Михайло Владиміровичъ! я давно васъ уважаю какъ правдиваго и неустрашаемаго офицера; докажите, что я въ васъ не ошибалась.

Дружбининъ. *(преклоня колѣно.)*

И жизнь моя принадлежитъ вамъ, ес-

ли только можетъ служить доказательствомъ.

Нина.

Прощу васъ, . . . умоляю . . . не откажите въ моей просьбѣ.

Дружбининъ.

Какой?

Нина.

Сказать мнѣ всю правду.

Дружбининъ.

Какъ отцу духовному.

Нина.

Клянитесь честью благороднаго офицера.

Дружбининъ.

Честью благороднаго офицера.

Нина.

Кто она?

Дружбининъ.

Она? да что такое — она?

Нина.

Та, которая забыла гребенку у вашего друга.

Дружбининъ.

Княгиня, вы не хотите мнѣ вѣрить?

Нина.

Хочу, и повѣрю отъ всей души, когда скажете, кто она? — Я все забуду, прошу — только скажите.

Дружбининъ.

Боже мой, чѣмъ мнѣ васъ увѣрить? тутъ никого не было, кромѣ Бога — клянусь вамъ . . .

Нина. *(зажимая ему ротъ.)*

Не увеличивайте грѣха — скажите дружески. . . .

Дружбининъ. *(всталъ.)*

Послѣ этого, сударыня, мнѣ ничего не остается сказать; и если вы, предаваясь плачевному заблужденію, вздумаете разстроить вашу свадьбу, то позвольте вамъ доложить, съ откровенностію стараго солдата, что я искренне поздравляю бѣднаго моего друга: — такая недоверчивость, такая непреклонность характера, не могутъ быть залогомъ счастливаго супружества. *(кладется и уходитъ)*

ЯВЛЕНИЕ III.

Нина. (одна)

Сколько ухищреній!—и для чего все это? чтобы обмануть бѣдную женщину! Нѣтъ, господа Русскіе, даромъ что Грузинка, я не такъ легковѣрна какъ вы думаете; убѣжденіе слишкомъ сильно завладѣло моимъ сердцемъ . . . не захожу въ немъ даже малѣйшаго оправданія въ пользу невѣрнаго . . . Но этотъ маіоръ, почтенная его наружность, голось его, увѣренія, все это приводитъ меня въ недоумѣніе . . . что если я въ самомъ дѣлѣ ошибаюсь? О, мой Викторъ, чѣмъ заглажу тогда вину свою! Кто-то идетъ; до посѣщеній ли мнѣ теперь . . . (уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Минасъ Карачетовичъ, Бичо.

Минасъ. (оглadyвается)

Тутъ никого нѣтъ? . . . Что же ты дуешься, молчишь, ничего мнѣ не рассказываешь сегодня?

Бичо. (гордо)

Языкъ мой не развязался.

Минасъ.

Понимаю; вотъ тебѣ аббазъ на чайръ.

Бичо. (разсматриваетъ аббазъ и возвращаетъ Минасу).

Фальшивый.

Минасъ (про себя).

Бездѣльникъ, научился разбирать. ('роликъ) фальшивый? можетъ быть, ихъ теперь такъ много; нѣ, тебѣ другой.

Бичо.

Вы и вчера мнѣ дали все фальшивые двухъ-аббазники.

Минасъ.

Ну-ну, не сердись, это ошибкою — давно бы прибѣжалъ. Нѣ, вотъ тебѣ вмѣсто ихъ . . . Ну, развязался теперь плутовской твой языкъ?

Бичо. (оглadyвается и рассказываетъ ему на ухо)

Минасъ. (хлопаетъ отъ радости руками).

Нѣ кто отъ него не приходиль?

Бичо. (на ухо).

Минасъ.

Вотъ, братъ, удружилъ;—пашка твоя. Ну теперь ступай, чтобы насъ не застали.

ЯВЛЕНИЕ V.

Минасъ. (Одина).

Все это согласно съ тѣмъ, что чело-вѣкъ Русанова мнѣ рассказывалъ; о эти слуги, плуты; дорого мнѣ стоять, за то все знаешь, гдѣ что дѣлается въ домахъ . . . если бы они въ самомъ дѣлѣ разсорились? — А я ужъ, по дружбѣ, помогу пріятелямъ. Онъ, я знаю, горячка, сей часъ все броситъ и уѣдетъ, тамъ—поминай какъ звали; Княгиня останется одна . . . кто знаетъ? . . . вѣдь я двоюродный, а за последнюю поставку могу получить 14 тысячъ, . . . денегъ у меня слава Богу, что же чваниться хоть ей сятельству Нинѣ Реваловнѣ? . . . Правда, и сама хороша какъ полный мѣсяць, а ужъ лавки, виноградные сады, деревни въ Карталиніи, домъ (прѣд-гостъ) Парунъ, Минасъ, это все можетъ быть твое! Оно было уже въ твоихъ рукахъ, но ты дуракъ, поддайся: Русской поддѣлъ тебѣ, вырвалъ за половину процентовъ . . . Но могъ ли я думать, чтобы онъ до такой степени заколдовалъ эту глупенькую Княгиню. Правду сказать, все покупки на эту свадьбу меня порядочно поправили — но не будь его — цѣлому имѣнію не миновать бы рукъ моихъ . . . Грузины, слово въ слово Русскіе, только мастера проматывать . . . , дай имъ миллионы, все перейдетъ въ армянскіе карманы! Да и Русновъ молодець не слишкомъ то разсчитливъ . . . хоть бы и женился: послѣ свадьбы съ горяча прійдетъ ли ему въ голову счеты сводить? . . . а мы . . . Проклятая свадьба! . . . ну, Минасъ на

выдумки . . . (отходитъ въ сторону).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Минасъ, Нина.

Нина. (входитъ медленными шагами, въ задумчивости не замечая Минасы).

Сомнѣнне мучить меня . . . Неужель въ самомъ дѣлѣ, великодушный, благородный Викторъ, подъ такою привлекательною наружностію въ состояніи скрывать сердце змѣиное . . . и для чего? . . . какая польза ему обманывать меня, если бы онъ любилъ другую женщину? И Дружбининъ съ его рыцарскими чувствами, неужели онъ согласился бы участвовать въ такомъ низкомъ заговѣрѣ . . . о, нѣтъ . . . я безрасудно предаюсь вздорнымъ подозрѣніямъ . . . надобно все поправить . . . пока еще время . . . (звонитъ).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Таже, Вичо.

Нина.

Сбѣгать сей часъ къ маіору Дружбинину и просить его пожаловать ко мнѣ.

Вичо.

Батони харь.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Минасъ, Нина.

Минасъ. (подходитъ къ Нинѣ, про себя).

Пора за работу: а то, пожалуй, помирятся.

Нина.

Здравствуйте, Минасъ Карапетовичъ, все ли вы купили о чемъ я васъ просила?

Минасъ.

Смѣю доложить вашему сіятельству, такія вещи купилъ, какихъ нѣтъ и въ Голландіи; да какъ дешево, какъ выгодно, все казовые концы. Ваше сіятельство будете благодарить.

Нина.

Знаю ваше проворство, любезный Ми-

насъ Карапетовичъ и очень вамъ благодарна.

Минасъ.

Княгиня не очень здорова сегодня — блескъ алмазныхъ глазъ Княгини не такъ ослѣпляетъ какъ всякой день.

Нина.

Да! голова болить, но теперь мнѣ лучше.

Минасъ.

Мнѣ очень жаль Княгини! какъ не стыдно этому Русскому! Вотъ говорить, Армяне обманщики, — какой Армянинъ осмѣлился бы васъ такъ обмануть?

Нина.

Что вы говорите; не во снѣ ли?

Минасъ.

Нѣтъ, ваше сіятельство, не сплю — говорю, что Русскій васъ обманываетъ

Нина.

Вы лжете! чѣмъ можете это доказать?

Минасъ.

Чтобы я осмѣлился солгать вашему сіятельству! да пусть лучше пропали бы проценты со всего моего капитала.

Нина.

Чтожъ вы знаете? говорите сей часъ!

Минасъ.

Зачѣмъ Княгиня сердится. Вотъ какъ дѣло было: Викторъ Павловичъ покупаетъ сахаръ и чай у одного моего знакомаго, весьма честнаго Армянина; славный чай, нечего сказать; вотъ, вчера вечеромъ человекъ его зашелъ въ лавку къ этому Армянину и Богъ знаетъ сколько они до 12 часовъ ночи находились . . .

Нина. (въ лѣномъ смущеніи).

Какая же была причина ихъ смѣха?

Минасъ.

Человекъ Виктора Павловича рассказывалъ, что барина его посѣщаетъ довольно часто одна дама изъ Русскихъ. — Вчера она зашла къ нему, послѣ объѣда часу въ седьмомъ — они двери на замокъ . . . вдругъ кто-то постучался и дама въ испугъ потеряла свою гребенку

— и убжала через заднюю лѣстницу съ растрепанными волосами! . . . ха! ха! ха! какъ она до дому дошла? . . .

Нина. *(оскакивая съ мѣста съ прыпѣт ослѣпѣлаго отчаянія)*.

Боже мой! и такъ нѣтъ больше сомнѣнiя . . . я точно осмѣана, одурачена . . . лицемѣръ! въроломный, ты дорого мнѣ заплатишь за твое коварство . . . я не откажу тебѣ — ты слишкомъ скоро утѣшился бы съ нею; я погмбну . . . но и ты со мною . . . не будешь смѣяться моему легковѣрiю . . . но она . . . Минась Карапетовичъ, другъ мой, вы знаете мои лавки на армянскомъ базарѣ?

Минась. *(кланяется)*.

Какъ не знать, онъ былъ у меня въ залогѣ *(вздыхаетъ)*; доходы богатѣйшіе.

Нина.

Хотите, онъ будутъ ваши?

Минась. *(радостно)*.

Мои! эти лавки! о, скажите, что прикажете сдѣлать . . . все . . . ахъ-съ, это чудесно! . . .

Нина.

Узнать, кто она, эта женщина, которая позабыла гребенку у Виктора Павловича, но узнать правду по секрету. — Не жалѣй золота; — вотъ тебѣ копейка съ червонцами . . . ступай же, мой добрый Минась Карапетовичъ.

Минась. *(съ смущенiемъ, кланяясь, медленно и не ловко приближается къ дверямъ. Нина съ нетерпѣливымъ волненiемъ выталкиваетъ его и звонитъ съ судорожнымъ движенiемъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Нина, а потомъ Кетевана.

Рѣшено! . . . я безъ него не могу жить . . . умру съ нимъ вмѣстѣ . . . пусть смерть накажетъ его за измену, меня — за легковѣрную привязанность . . . Поди сюда — моя добрая, моя вѣрная кормилица, ты всегда любила меня, теперь узнаю всю мѣру твоей предан-

ности . . . я отъ тебя требую важной услуги . . .

Кетевана.

Говори, дѣточка мое, мое сокровище, ненаглядная моя; чего требуешь отъ твоей Кетеваны; смѣетъ ли она въ чемъ отказать тебѣ; вѣдь у меня только что Богъ на небеси, да ты на землѣ.

Нина.

Ты умѣешь составлять всякія желанiя, мнѣ сего дня необходимо имѣть два приѣма сильнѣйшаго яда, который прекратилъ бы жизнь мгновенно, но безъ страданiя; который привелъ бы въ усыпленiе, но безъ пробужденiя.

Кетевана.

Господи, твоя крестная сила съ нами; что это ты требуешь отъ меня, дитя мое?

Нина.

Ты знаешь, Кетевана, я не люблю ни вопросовъ, ни противорѣчiй: ядъ этотъ мнѣ нуженъ непременно; если ты не дашь, я велю Тamarъ — тысячи червонцевъ не пожалѣю; ты только потеряешь право на благодарность мою.

Кетевана.

Tamara и за десять червонцевъ исполнить твое желанiе, родная моя, вѣдь у нея нѣтъ ничего святаго, но ты можешь съ этимъ ядомъ погубить душу свою, мою и другихъ. — Подумай хорошенько голубица моя — до бѣды не долго, а потомъ и раскаянiе не поможетъ.

Нина.

Съ чего ты это взяла . . . я никогда не погублю . . . мнѣ нужно . . . такъ — для пробы; говори же рѣшительно: — исполнишь мое требованiе или нѣтъ?

Кетевана *(со слезами)*.

Исполню, дитятко мое. Когда я могла тебѣ въ чемъ либо отказать? стклянка будетъ у тебя черезъ два часа.

Нина. *(обнимаетъ ее)*.

Не плачь, моя добрая Кетевана, теперь я знаю до какой степени ты ко мнѣ привязана. Не бойся, ступай скорѣй, не теряй ни минуты . . . *(одна)* А я

попѣшу кончить послѣднія пригото-
вленія.

ЯВЛЕНІЕ X.

НИНА, ДРУЖВИНИНЪ.

НИНА.

Извините меня, маіоръ, что обезпо-
коила васъ приглашеніемъ. Я хотѣла
просить васъ съѣздить къ Виктору Па-
вловичу и сказать ему, что все готово.
— Въ семь часовъ онъ можетъ ждать
меня въ церкви.

ДРУЖВИНИНЪ. *(въ сильномъ
движеніи радости.)*

Наконецъ то вы послушались, княги-
ня, голоса разсудка! Какъ я благода-
ренъ что избрали меня для этого по-
рученія. О, какъ онъ будетъ счастливъ!
Простите моему нетерпѣнію, — бѣгу
къ нему. *(цѣлуетъ съ жаромъ ея ру-
ку и уходитъ.)*

НИНА.

Легковѣрный! ты конечно про себя
думаешь: не трудно же обманывать
Грузинокъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

*(Тѣмъ же дорбазъ, богато ослѣщенный
люстрими и канделябрами Тѣмъ покрыты
множественно Грузинъ и Грузинокъ, которые
сидятъ поджавши ноги. — Въ другой ком-
натѣ толпа Рускихъ чиновниковъ военныхъ
и гражданскихъ, и дамы, танцуютъ, играютъ,
въ карты, а нѣкоторые прохаживаются
мимо Грузинокъ и разсматриваютъ ихъ съ
любопытствомъ. Ужинъ, только что кончи-
лся, слуги убираютъ послѣдніе столы и счи-
маютъ скатерти съ тарлетъ. Полковая му-
зыка гремитъ и по временамъ уступаетъ
мѣсто грузинскому рожку — тогда нѣко-
торыя Грузинки и Грузинки танцуютъ Лез-
гинку и всѣ гости обращаютъ на нихъ вни-
маніе. За тѣмъ начинается французская
кадриль. — Можно равнообразить танцы по
произволу.)*

ЯВЛЕНІЕ I.

НИНА, ВИКТОРЪ, ДРУЖВИНИНЪ *(си-
дѣтъ въ особомъ отдѣленіи на диванѣ.)*

ВИКТОРЪ. *(держитъ ру-
ку Нины, которую осыпаетъ
безпрестанно поцѣлуями.)*

Небесная Нина! наконецъ ты моя ....
на вѣки моя . . . . одна смерть въ
силахъ насъ разлучить.

НИНА.

И она насъ не разлучить.

ВИКТОРЪ.

О правда, вмѣстѣ, всегда вмѣстѣ, и
въ этой и въ будущей жизни!

ДРУЖВИНИНЪ.

Но вы все не веселы, княгиня, та-
кою ли должно быть въ свадебный
день? — полное задумываться.

*(Громко ура раздается: музыка и рожки
играютъ тушь, всѣ гости подходятъ съ бо-
калами шампанскаго и поздравляютъ моло-
дыхъ — Грузинки тоже встаютъ и пьютъ
за здоровье въ изарпешахъ.)*

ДРУЖВИНИНЪ. *(пьетъ.)*

Сто лѣтъ вамъ счастливаго житья,
среди милыхъ малютокъ.

НИНА. *(дѣлаетъ знакъ;
Кетсвана, въ сильномъ волненіи,
подноситъ на серебряномъ под-
носѣ два бокала шампанскаго,
Нина беретъ одинъ и даетъ дру-
гой Виктору.)*

ВИКТОРЪ.

Благодарю васъ, друзья! За твое здо-
ровье, моя бездѣльная Нина.

НИНА.

Нѣтъ, Викторъ, позволь мнѣ первой
вступитъ въ будущность, которую я для
насъ обоимъ приготовила *(пьетъ до
половины)*: будущность, которую не
помрачатъ ни измѣны, ни клятвенно-
преступленія *(допиваетъ.)* Теперь и ты
можешь пить.

ВИКТОРЪ. *(весело.)*

Эти слова вычеркнуты изъ нашего
лексикона *(цѣлуются; онъ осушаетъ
бокалы, громкое рукоплесканіе и ура;
висты начинаютъ расходиться.)*

ДРУЖВИНИНЪ.

Пора кажется дать вамъ, покой.

Нина.

Не уходите, маіоръ, я хочу показать вамъ нашу спальню; я сама ее убрала.

Дружвининъ.

Судя по вашему вкусу, можно ожидать—что нибудь необыкновенное.

Нина.

Вы не ошибаетесь; пойдѣте. *(Слуги берутъ свѣчи, они отправляются, подходят къ дверямъ, на правой сторонѣ сцены. Нина вынимаетъ ключъ изъ кармана, отворляетъ, они входятъ. Декорація вдругъ перемѣняется; сцена представляеть комнату обитую отъ пола до потолка чернымъ сукномъ, съ серебряными украшеніями въ видѣ костей, накрестъ сложеными, и адамовыхъ головъ.—Освященіе должно быть осмѣнительно, по ерединѣ—катафалкъ съ чернымъ балдахиномъ; на катафалкѣ гробъ, богато обитый малиновымъ бархатомъ съ золотыми украшеніями. Вокругъ погребальные факелы; у изголовья напой съ библіею.—Декорація должна быть сколько возможно богаче и мрачнѣе. Викторъ, Дружвининъ въ оцѣпненіи; Нина выступаетъ впередъ и насмѣшливо.)*

Нина.

Какъ вамъ нравится наша спальня? не правда ли, она необыкновенно убрана? . . . . Извинникъ! . . . . клятвенно-преступникъ! . . . тутъ уже никто не забудетъ у тебя гребенки. — А вы, достойный другъ его, искусный зждитель ухищреній! будете исполнителемъ послѣднихъ моихъ порученій, которыя заключаются въ этой бумагѣ. Мы оба вышли аду и существованіе наше скоро прекратится.

Дружвининъ.

Боже мой, что вы сдѣлали!

Нина.

Я предвидѣла, что бракъ нашъ будетъ несчастливъ; когда наканунѣ свадьбы онъ такъ безсовестно измѣняетъ, то чего же было ожидать дальше, а жить безъ него, отказаться отъ него—не въ силахъ — я предпочла умереть съ нимъ вмѣстѣ.

Викторъ.

Благодарю тебя, другъ мой! Я всегда считалъ тебя существомъ неземнымъ — теперь вижу, что точно я не ошиб-

ся. Благодарю тебя за то, что въ одинъ день, въ одну минуту умѣла ты сомкнуть цѣлый вѣкъ блаженства. — Какъ ты меня любишь, такъ ни одна женщина еще никогда никого не любила. —Привѣтствую мысль твою, благословляю ее. — Мы осушили чашу радостей въ этой жизни, безцвѣтная будущность могла бы ее разбить и сдѣлать жизнь нашу несносною; — я восхищаюсь твоимъ изобретеніемъ — и жалѣю только, что ты меня предупредила. — Но и въ этой обители, но и на этомъ ложѣ, другъ мой! для полнаго счастья нужно имѣть совѣсть незапятнанную ни какимъ преступленіемъ; и тебѣ не страшно ли вступать въ это обиталище вѣчности, съ сердцемъ снѣдаемымъ недовѣрчивостію? — О Нина! видишь это благословеніе умирающей матери моеи! Клянусь ею, клянусь этимъ гробомъ, который черезъ часъ составитъ нашу вселенную, клянусь будущою жизнію, которую предопредѣлено раздѣлить намъ вмѣстѣ — клянусь всѣмъ, что только есть священнаго, я невиненъ и не заслуживаю твоего подозрѣнія.

Дружвининъ.

И, сударыня, не нахожу словъ! и несмысленный вашъ поступокъ приводитъ меня въ оцѣпененіе; такое упорство, такая недовѣрчивость превышаютъ всякое вѣроятіе; но чтобы разрѣшить и послѣднія ваши сомнѣнія, прочтите эту записку, которую я часа два тому назадъ получилъ отъ Стрѣловой. *(подаетъ ей записку.)*

Нина. *(въ смущеніи читаетъ.)*

»Я забыла, что у меня только одна «гребенка, которую вамъ вчера отдала; «пожалуйте, любезный маіоръ, пришлите мнѣ ее обратно».

Стрѣлова.

Воскресенье.

Первая станція Гартискарскал.

Точно ея рука—маіоръ! черезъ часъ, изъ насъ трѣхъ, вы одни останетесь

на этомъ свѣтѣ; именемъ того торжественнаго часа, въ который суждено вамъ соединиться съ нами — заклиная васъ — скажите правду?

Дружвининъ.

Какое плачевное, ужасное упорство! Мало того, что безумное подозрѣніе привело васъ къ такимъ бѣдственнымъ крайностямъ, вы теперь еще, въ предѣлахъ могилы, не хотите вѣрить несчастному, который гибнетъ черезъ васъ, черезъ безумную вашу ревность — не вѣрите ни клятвамъ, ни убѣжденіямъ, ни даже письму самой Стрѣловой.

Нина. *(смотритъ на него, на Виктора, еще разъ читаетъ записку и слезы выступаютъ изъ глазъ ея.)*

Боже мой! несчастная, что я сделаю? . . . Минасъ, негодный Армянинъ, теперь я вижу, что ты меня безсовѣстно обманывалъ.

Дружвининъ.

Ну можно ли въ чемъ либо вѣрить этому Армянину! но можетъ быть еще время; побѣгу за докторомъ . . . . .

Нина.

О бѣгите, для него.

Викторъ.

Для нее, я не хочу ни чьей помощи.

Нина.

И я. — Можетъ быть его успѣють еще спасти . . . . *(съ отчаяніемъ)* Но нѣтъ . . . . ядъ вѣренъ . . . . никакой докторъ не пособитъ . . . . .

Викторъ. *(запираетъ дверь ключемъ, который прячетъ въ карманѣ).*

Нѣтъ, Нина; что мы такъ счастливо начали, пусть и оканчивается. — Михайло Владиміровичъ — ключъ здѣсь, ты возмешь его, когда насъ уже не станеть... Но мнѣ дурно . . . . *(шатается)* силы мои слабѣютъ . . . . займу свое мѣсто. Посмотри, Нина, какъ здѣсь хорошо, пріютно . . . . . какъ мы близко будемъ одинъ къ другому . . . . О, прійди ангелъ дней моихъ! Прижмись къ моему сердцу, покуда оно въ силахъ еще трепетаться . . . . пусть послѣдній,

вздохъ нашъ улетитъ съ послѣднимъ поцѣлуемъ . . . . . сколько намъ еще остается жизни?.....

Нина.

Не много другъ мой; смерть уже касается меня холодною своею рукою... и мнѣ дурно . . . . . поги слабѣютъ..... Викторъ, спѣшу къ тебѣ... *(падаетъ у подножія катафалка, они обнимаются и остаются неподвижны).*

Дружвининъ. *(смотритъ на нихъ).*

Боже мой, — ни какого спасенія... умерли! . . . : Какое страшное непостижимое приключеніе. — *(Вынимаютъ ключъ изъ кармана Виктора и уходятъ. Занавѣсъ опускается).*

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Садъ весь убранный фруктовыми деревьями и цвѣтами; ручеекъ протекаетъ по цвѣтущему партеру. На право бесѣдка изъ плюща, а въ серединѣ ея, на богатой постели, Нина и Викторъ въ легкомъ, но щегольскомъ утреннемъ нарядѣ. Музыка играетъ тихую симфонію... Вокругъ толпа нимфъ, зефировъ, гріцій и сильфовъ въ граціозныхъ позахъ ждутъ пробужденія молодыхъ. Они тихо просыпаются, оглядываются, встаютъ медленно . . . . все поражаетъ ихъ удивленіемъ . . . . . выходятъ изъ бесѣдки . . . . .

Викторъ.

Ты, Нина?

Нина.

Ты, Викторъ?

Викторъ. *(потираетъ голову, стараясь привести мысли свои въ порядокъ).*

Гдѣ мы?

Нина.

Гдѣ мы?

Викторъ. *(подходитъ къ одной нимфѣ).*

Гдѣ мы? *(Нимфа хохочетъ и танцуетъ вокругъ него, между тѣмъ какъ Нина подходитъ къ одному сильфу).*

Нина.

Гдѣ мы? *(Сильфъ со смѣхомъ танцуетъ вокругъ нея; балетъ оживляется, всѣ танцующіе приближаются къ молодымъ и въ*

равныхъ граціозныхъ позахъ охружаютъ ихъ зирляндами и свѣчаютъ свѣчами; хоръ поетъ куплеты.

ЯВЛЕНІЕ I.

Таже, Дружбининъ, Кетевана,
Минасъ. *(прячется въ толпу.)*

Викторъ.

Дружбининъ — и ты здѣсь? объяснишь ли мнѣ, что все это значитъ?

Дружбининъ. *(весело.)*

Съ охотою. Мы въ элисейскихъ поляхъ?

Викторъ.

Ты все шутишь — я помню какъ сквозь сонъ — ядъ, черная комната... гробъ; мнѣ кажется, я умеръ, но теперь чувствую, что совершенно живъ; узнаю и садъ Нины — но все прочее для меня непостижимо.....

Нина.

Михайло Владиміровичъ, неужели вы всегда будете держать меня въ недоумѣніи!

Дружбининъ.

Ну, все вамъ расскажу: когда вы вчера такъ уютно расположились возле гроба, я въ отчаяніи хотѣлъ отправиться для исполненія послѣднихъ вашихъ распоряженій, но встрѣтилъ у дверей Кетевану — которая съ радостнымъ лицомъ спросила, — они тутъ? — я кивнулъ головою. — Не безпокойтесь сударь, прибавила она; — они сладко спать и завтра къ обѣду, безъ всякаго вреда проснутся; вмѣсто яда, они приняли сонныя капли.

Нина.

Возможно ли? Кетевана! это ты меня такъ счастливо обманула?

Кетевана.

Дѣточко мое, милая моя, неужели я дала бы тебѣ, моему ненаглядному сокровищу, какого либо вреднаго зелья, да я сама скорѣй умерла бы отъ тоски; но ты сказала — не дашь, то велю Тамаръ, которая за деньги готова на все — и, я рѣшилась, хотя бы заслужить

твое негодованіе, вмѣсто яду дать тебѣ безвредныя, сонныя капли.

Викторъ и Нина. *(обнимаютъ ее.)*

Спасительница наша, благодѣтельница, чѣмъ докажемъ тебѣ нашу благодарность!

Кетевана.

Будьте счастливы, любите другъ друга, и я буду слишкомъ награждена; дайте только мнѣ радоваться на васъ при старости, и нанячить вашихъ дѣтокъ.

Викторъ. *(Кетевану.)*

Все наше твое, добрый другъ нашъ. *(Дружбинину.)* Но я еще не все понимаю? это что? *(указывая на продолжающійся въ отдаленіи праздникъ и балетъ.)*

Дружбининъ.

А вотъ, кончу. — Получивъ удостовѣреніе, что вы — только спите, я обрадовался какъ сумасшедшій; и тутъ же узнаю, что наканунѣ прибыла въ Тифлисъ труппа странствующихъ танцоровъ, я поспѣшилъ къ нимъ и съ ихъ помощью устроилъ ваше пробужденіе; сердитесь ли вы на меня?

Викторъ.

Истинный, безцѣнный другъ!

Нина.

И вы тутъ, Минасъ Карапетовичъ? помните ли, что вы мнѣ рассказывали о Викторѣ Павловичѣ?

Минасъ.

Я думалъ, ваше сіятельство, что это была правда.

Дружбининъ.

Вонъ, негодай!.. держи его — двѣстѣ палокъ ему... подѣ судъ его... разстрѣлять!

(Въ это самое время Бичо въ испугѣ выскочилъ изъ за трупы танцоровъ.)

Минасъ. *(на колыняхъ.)*

Цомлодердуйте, высокоблагородный господинъ маіоръ — это все вотъ этотъ плутъ Бичо мнѣ насаждалъ.... *(гости хватаютъ Бичо и выводятъ на авансцену, тотъ падаетъ въ ноги.)*

КЕТЕВАНА.

Да, матушка Княгиня, я давно ужъ замѣчала шашни между ими. *(на Минаса)* Этотъ подкупалъ его, *(на Бичо)* этотъ продавалъ васъ.

Дружбининъ.

Ахъ, ты ракалия! на веревку его и на ворота..

Бичо. *(ползал на колыняхъ).*

Помилуйте... другу недругу заказу *(въ пологоса)* Минасъ Карапетовичъ, а двадцать монеть... вы обещались... и шашку... я исполнилъ.. вѣдь меня повѣсятъ.

Минасъ. *(стоя на колыняхъ отпалкиваетъ его и отворачивается).*

Дружбининъ.

Это что? — шепчетесь? — новыя шашни? возьмите ихъ обоихъ!...

Викторъ.

Нѣтъ, Дружбининъ, Богъ съ ними! пусти! Мы такъ счастливы, что охотно имъ прощаемъ. Встаньте.

Дружбининъ.

Надо бы проучить. Они пожалуй и въ другой разъ это затѣять. Ну, да Богъ васъ сохранилъ — и ихъ помиловалъ. Не забывайте же, господа, этого урока — какъ полагаете, Нина Реванова?

Нина.

О! теперь, еслибы вздумалось ему въ самомъ дѣлѣ быть невѣрнымъ, то и тутъ не повѣрю — даже глазамъ своимъ.

Дружбининъ.

Дѣло; а ты Викторъ не забывай, что женщины мстятъ иногда мужьямъ своимъ совсѣмъ иначе — сто разъ хуже.. да и Господь тогда не побережетъ и бездѣльникамъ попустить такъ схитрить....

Викторъ. *(съ одушевленіемъ).*

Ты правду великую говоришь, единственный, мой другъ. *(Къ всѣмъ гостямъ).* Веселитесь, друзья, мы сейчасъ вернемся... *(къ Нимъ)* мое сердце такъ полно, такъ проситъ излиться въ благодаренія къ Богу за наше чудесное избавленіе отъ всѣхъ козней, что...

Нина.

Да, мой другъ, пойдемъ. Это прежде всего....

(Викторъ и Нина уходятъ. Дружбининъ проводитъ ихъ, обращается къ гостямъ, приглашалъ продолжать праздникъ. Бичо приступаетъ къ Минасу, показываетъ ему знаками шашку и монеты, и петлю на шею; Минасъ отбивается отъ него, Дружбининъ замѣтилъ это, допытывается. Бичо рассказываетъ ему. Тотъ помиряетъ со смѣху. Минасъ стоитъ какъ осужденный. Балетъ и хуръ).

Э — ия ЩОПЕНЪ.

БРОННИЦКАГО ПОМЪЩИКА.

Считаю излишнимъ объяснять цель и направленіе всѣхъ моихъ писемъ: это объясняется само собою; между тѣмъ прошу принять изъявленіе совершеннаго уваженія къ вамъ

нижеподписавшагося.

Юля 1840.

Прошу не сердиться за то, что я васъ не величалъ: *«Милостивые Государы»* а себя не называлъ *«Покорнымъ слугою»*: Государь—слово священное, я не при- емлю его *«сво»*; служить я готовъ, но только — Престолу и Отечеству. — Не говорите мнѣ, что всѣ употребл-

Часть VII. Гл. III.

ють эти слова: много смѣшнаго и нелѣпаго введено въ общее употребле- ніе, но тѣмъ не менѣе оно — смѣшно и нелѣпо. — Въ прошломъ столѣтіи всѣ носили французскіе кафтаны, фижмы, пудру и мушки, теперь мы смѣ- емся надъ этимъ обыковеніемъ; нынѣ у насъ во всеобщемъ употребленіи уродливые фраки и губительные корсе- ты, но — Богъ милостивъ! — можетъ быть когда нибудь доживемъ и до того, что всѣ будутъ смѣяться надъ фраками и корсетами. — Точно такъ же и выраженія: *«Государь мой и слуга вашъ»*, какъ ни съ чѣмъ несообразныя, — теперь уже не употребляются въ разговорахъ; пора выкинуть ихъ и изъ писемъ.

І. ПИСЬМО.

Гг. Редакторы!

Я увѣренъ, что вы не будете сердиться за мою откровенность: вѣдь Русскимъ людямъ не пріучаться — стать говорить до-пряма и выслушивать правду не поморщившись. — И такъ, благословясь, начну мое объясненіе.

Вы обѣщали соединить въ Маякѣ *пріятное съ полезнымъ*. За пріятное поклонъ вамъ до земли, въ первыхъ 3-хъ частяхъ Маяка его вдоволь; о полезномъ же позвольте вамъ сказать, что мы, читатели, не совсѣмъ согласны съ вами въ томъ, что для насъ нужно.

Вы, господа, что-то много сортовъ полезнаго насчитываете: полезное для ума, для чувства, для сердца, для души, и еще — полезное для духа. Помилосердитесь! полезное одно: т. е. одинъ сортъ: — деньги! къ чему такія раздробленія. Полезное всѣ понимаютъ, пожалуй ста не хуже васъ: такъ вы и говорите о полезномъ *популярномъ, общедоступномъ, общепотребномъ*, а не о такомъ, которое годится лишь для охотниковъ. Да еще вопросъ: много ли такихъ охотниковъ у васъ въ столицѣ? а у насъ во всей благословенной губерніи, вскормленной на самыхъ лучшихъ газетахъ и журналахъ, ни одна душа, не только не попросила бы *вашего полезнаго*, но и читая ваши строки, морщится, протираютъ глаза, и спрашиваютъ другъ друга: — «*это что за извѣстіе!*» Если вы, господа, хотите быть современными, такъ не погнѣвайтесь, извольте прислушиваться къ современнымъ требованіямъ, и въ пустыя «нововведенія» не

пускайтесь: а то читать не стануть *).

Вотъ, напримѣръ, до сихъ поръ, (виновать *до этихъ* поръ) главнѣйшія статьи по части полезнаго въ Маякѣ суть: *начала аналитической механики*, — *огрѣки корабельной архитектуры* **), *о вѣроломности, и объ отношеніи между электромагнитными и магнито-электрическими явленіями*.

Помилуйте, да это роскошь, *сливки* полезнаго, вышина, на которую вы могли-бы исподволь возвести насъ, привыкшихъ читать одно только *лёгкое и шуточное*; на первый же случай дайте намъ что-нибудь удовлетворяющее первымъ потребностямъ нашего сельскаго и гражданскаго быта, говорите съ нами о сельскомъ хозяйствѣ, о ремеслахъ и заводахъ, о гражданскомъ и въ особенности о сельскомъ зодчествѣ, а еще лучше о казусныхъ случаяхъ въ судопроизводствѣ, о компаніяхъ на акціяхъ и тому подобномъ ***).

*) Читать или не читать „власть ихняя!“ но если такія вещи въ Маякѣ для нихъ дико — благодарите современную изящную словесность. Какъ видится, она и сама не разобрала еще, чего Маякъ отъ нее требуетъ; впрочемъ это скоро перейдетъ: и правда будетъ на его сторонѣ. Редакт.

**) Примѣч. А почему-бы не сказать корабельнаго Зодчества? Сов.

Отвѣтъ. А потому, чтобы не сказали: — „къ чему эти нововведенія!“ за которыми мнѣ и такъ уже досталось. Редакт.

***) Соизвольте прислушать. Все что существуетъ на земномъ шарѣ имѣетъ, *духъ и плоть*, свое внутреннее и свое вѣншее.

Прежде всѣ жили сердцемъ, но бросили: оттого что намъ математически выяснили, до какой степени все сердечное, глубокое — вздоръ; нынѣ живутъ карманомъ и для кармана; подвигался

Духъ или внутреннее, какъ вы сами изволите вѣдать — безконечно выше, драгоценнѣе, *необходимѣе* — позвольте такъ выразиться — нежели плотъ или внѣшнее. Знаю, что духъ безъ плоти или эта безъ него, могутъ существовать только въ состояннн разлученнн — *смерти*; и что все земное только тогда цѣло, хорошо (для насъ), когда духъ и плотъ живутъ вмѣстѣ; но гдѣ ужъ нельзя ихъ соединить пока, и должно непременно выбрать одно что нибудь, то или другое: тамъ безконечно полезнѣе, нужнѣе предпочесть внутреннее — *духъ*.

Такимъ образомъ Маякъ, избравъ себѣ предметомъ *просвѣщенн* и *образованность*, разсудилъ: что просвѣщенн есть внутреннее и *внѣшнее*, образованность есть внутренняя и *внѣшняя*; и какъ для разработки внѣшнихъ элементовъ просвѣщенн и образованности (ни дай ни вынеси зачт названныхъ — *положительными*) у насъ есть множество, не только книгъ, но и журналовъ и газетъ, которые, или исключительно, или весьма много занимаются *положительными*, т. е. *внѣшнимъ* просвѣщеннмъ и образованностью, а *дѣйствительными* т. е. внутреннимъ, существенымъ просвѣщеннмъ и образованностью, или исключительно не занимаются, или занимаются, но весьма мало, или не такъ, какъ бы, по нашему разумнню, слѣдовало; то вотъ Маякъ — все го *внутри* нельзя — нока набралъ себѣ почти непроторенную тропинку внутренняго, дѣйствительнаго просвѣщенн и образованности, которая, по его разумнню, безконечно выше, важнѣе, драгоценнѣе и необходимѣе для человечества, чѣмъ компанн на акцнхъ и всѣ милны, какн онѣ принесутъ вашимъ сосѣдамъ, почтенншнн Броннцкнн *помѣщикъ*, хотя и это въ свое время, въ своей мѣрѣ — хорошо. Вы судите о Маякѣ только по тремъ его частямъ; а слѣдовало бы суднть его по тремъ годамъ, если суждено ему прогорѣть до чѣхъ поръ. Знаю, одному нужны компанн, другому цѣны то-

такимъ образомъ дойдетъ дѣло и до головы, — то есть, до шляпы; ну да эта рѣчь впереди, а теперь вѣкъ положительный — промышленный; имѣйте же маленькое снисхожденн къ духу вашего вѣка, начните съ пользы своего кармана и дайте намъ что-нибудь на пользу кармановъ нашихъ!

Посмотрите, какъ иные ловкнн издатели чего нибудь потчуютъ насъ объявленнями о дешевомъ мылѣ, о свѣжнхъ устрицахъ и т. п. — Боже меня сохрани убѣждать васъ къ составленню *публнфовъ* *), я не смѣю и думать, чтобы вы рѣшились унизиться до афншечной словесности; я такъ только замѣчаю, какъ поступаютъ *опытные* и *ловкн*, и долженъ сознаться, что они угадали потребность вѣка: читатель прогляднть печатное ради извѣстнн о дешевомъ мылѣ, издателю такое извѣстнн — говорить — приносить болѣе, нежели десять подписчиковъ, да и мыльный продавецъ въ барышахъ: — круговая порука, всѣмъ полезно, а въ томъ-то и проявляется современность, духъ настоящаго вѣка.

Да, Гг. Редакторы, въ мнѣннн о

варовъ, третьему *важнншн* списокъ опубликованныхъ кредиторовъ и должниковъ, четвертому извѣстнн о цыганахъ, пятому . . . о карлистахъ, но, всѣмъ, всѣмъ безъ исключеннн необходимо *внутреннее просвѣщенн* и *образованность*. Маякъ зоветь на помощь себѣ всѣхъ: кого съ лампой, кого съ масломъ; что Богъ пошлетъ, тѣмъ онъ и свѣтитъ: не угодно ли присмотреть — вѣрно и для нихъ найдется что либо пригодное. *Редакт.*

*) Примѣч. Мы не имѣемъ выраженн для заманы слова *публнфн*, потому что понятнн о *публнфн* всегда было чуждо Русскимъ — Такимъ же образомъ, вмѣстѣ съ понятннми, заимствованы мы слова: отъ варваровъ Татаръ *колпакъ*, *армакъ* и т. п. отъ образованныхъ же *вселюбезныхъ* намъ Европейцевъ: *шарлатанство*, *интрига*, *кляузы*, *спекуляцн*, *фальшь* и проч. т. п. для объясненнн которыхъ Русскнн люди не находятъ родныхъ звуковъ. *Сов.*

полезномъ *наши* съ вами не согласны. — Скажу вамъ за тайну, что одинъ мой сосѣдъ по деревнѣ, который столько обладаетъ современною, живою, звучною, изящною, животрепещущею литературою, столько начитавъ *этой* литературы, что въ десяти словахъ умѣетъ вмѣстить по пятнадцати *этихъ* и *которыхъ*, *чтобы* — этотъ великій знатокъ *нынешней* литературы, прочтя въ 1-й части Маяка статью *начала аналитической механики*, — сказалъ мнѣ: *конецъ копиреъ, эти издатели Маяка кормятъ насъ грязью, они плюютъ на наши бороды, надо спросить этихъ издателей въ какомъ состояннн находится ихъ мозгъ!* . . . — Вотъ, сударь, до чего доводитъ *несовершенство* въ Маякѣ *современнаго* образования! послѣ такого отзыва моего сосѣда, курсъ на умъ вашъ, господа, во всемъ нашемъ уездѣ, упалъ на 20°. Испустивъ по «глубокому» клубу сигарочнаго дыма, всѣ въ голосъ проговорили: «да это — запоздалый умъ!» — Поторопитесь же обратить вниманіе на *это* дѣло, *которое* *чтобы* исправить, *нужно* прибѣгнуть къ какимъ *нибудь* продвѣкамъ вообще и къ *надувательнымъ* въ особенности. — Шутки въ сторону, не думайте, что я прошу васъ уничтожить статьи подобныя *началамъ аналитической механики*; совсѣмъ нѣтъ, на святой Руси много людей, которые поймутъ, оцѣнятъ и воспользуются такими статьями. — Сколько-ни кричатъ заграничные завистники и клеветники Россіи, что Россія страна невѣждъ и варваровъ, а право и въ чужихъ краяхъ не лучше нашего. — Пословица не даромъ говоритъ: *славны бубны за горами, а къ намъ придутъ, все — лукошки!* Недавно еще во всѣхъ французскихъ газетахъ объявляли, что въ какомъ-то городкѣ во Франціи не могли смѣнить Мера, потому что *не нашлось другаго грамматнаго чело-вѣка!* — Если это и не совсѣмъ правда, то все же не безъ всякаго основа-

нія; есть даже старинная поговорка, что *если всѣ говорятъ, пробьжакъ волкъ, то — хотя и не волкъ, а спр-рая собака, но что нибудь да пробьжало.* — Самый хвастливый Французъ не скажетъ, что въ Парижѣ нѣтъ ни одного дома посвященнаго безпутству; самый непризнательный Нѣмецъ не-будетъ утверждать, что нѣтъ ни одного Нѣмца всѣмъ обязаннаго Россіи; — слѣдовательно и въ извѣстннхъ о недостаткѣ грамматныхъ людей во Франціи есть сколько-нибудь правды; однако тамъ безпрестанно пишутся и печатаются статьи дѣльные и ученые, а наша ма-тушка Россія, подъ руководствомъ му-драго Правительства, исполннскими ша-гами подвизается на поприщѣ просвѣщенія и — можно не хвастая сказать — далеко опередила нныя старыя Евро-пейскія Державы, что доказывается от-части самою статьею Г. Остроградскаго. — Такъ съ Богомъ, идите своимъ путемъ и снабжайте насъ статьями дѣльными и учеными, и до нихъ охот-никовъ много и съ каждымъ годомъ будетъ болѣе и болѣе.

Вы спросите меня, да чего-же я тре-бую? а вотъ сей-часъ.

Требованія многообразны. — На-примѣръ въ одномъ нашемъ уездѣ, сло-весниковъ тѣма-тѣмущая и у каждо-го изъ нихъ свои требованія: —

Одинъ кричитъ: арбуза!

Другой — соленьхъ огурцовъ!

Во первыйкъ есть у насъ нѣкто Г. *Запонка.* — Фу ты пропасть какой та-лантъ! Подумаешь право, родятся же люди съ такими способностями! Въдѣ какъ начнетъ что нибудь рассказывать, такъ откуда что берется. — На при-мѣръ: захочетъ онъ рассказать вамъ, какъ Сидоръ Ѳомичъ ходилъ въ гости къ Ивану Петровичу; вы думаете онъ такъ просто и скажетъ, что такой-то пошелъ къ такому-то; какъ-бы вамъ не такъ, да онъ сдѣлаетъ изъ это-го цѣлую (какъ-бы назвать?) повѣсть, не повѣсть, а такъ *налето*, примѣрно

сказать, *гуммористическій рассказ*. — При сей вѣрной оказіи Г. Запонка объяснить вамъ, какъ Сидоръ Ѳомичъ перчатки надѣвалъ, какъ сапоги чистилъ и прочія любопытныя подробности, а тутъ сейчасъ и вернетъ какія нибудь поучительныя замѣчанія о сапогахъ и перчаткахъ; потомъ коснется того, какъ Сидоръ Ѳомичъ шелъ по Органной улицѣ, да и начнетъ историческое изслѣдованіе объ Органной улицѣ: какія на ней въ старину дома были, и кто въ этихъ домахъ жилъ, и какъ жилъ, и чѣмъ жилъ, а тамъ я пошелъ и пошелъ (то есть не Сидоръ Ѳомичъ пошелъ, а Г. Запонка *), да такую, сударь, выведетъ исторію, что какъ разъ доведетъ васъ до сотворенія міра, а далѣе — ужъ извѣстно — идти нельзя. По истинѣ рѣдкостныя способности у Г. Запонки! Впрочемъ Г. Запонка большихъ требованій на васъ не предъявляетъ: онъ только жалуется, что у васъ мало *приятнаго* т. е. мало *гуммора*, который мой дядюшка называетъ *умора*, увѣряя, что иностранцы только испортили это Русское слово. — Еще есть у насъ въ уездѣ поэтъ, чудный поэтъ. — Онъ чрезвычайно недоволенъ стихами напечатанными въ Маякѣ, подшиваетъ цѣлую тетрадку своихъ и готовится осчастливить васъ ими.

Бронницкій поэтъ пишетъ стихи по изобрѣтенному мною способу, именно

*) Кстати, не потрудитесь ли вы объяснить мнѣ, почему нѣкоторымъ Гг. Петербургскимъ литераторамъ часто приходится, послѣ слова *онъ* прибавлять въ скобкахъ: (*то есть вотъ этотъ, а не такой-то*) и тому подобныя, вставленныя въ скобкахъ, объясненія къ кому или къ чему именно, сказанное относится. Въ нашемъ уездѣ думаютъ, что это — необходимое слѣдствіе неправильной разстановки словъ и незнанія языка чисторусскаго, то есть Московскаго. — Справедливо-ли это? Соч. — Да чуть ли не такъ. Редакт.

составляетъ ихъ комбинаціею и перемутациею выражений разбросанныхъ по стихотвореніямъ Петербургскихъ поэтовъ; но хорошее всегда и вездѣ хорошо, и въ частяхъ, также какъ въ цѣломъ, — прекрасно; тутъ каждый стихъ, каждая рѣчь есть образецъ вѣрности выраженія, глубокости и обилія мыслей.

Я намѣренъ издать особую книжку, подъ названіемъ *Стихотвореній Калейдескопъ*, въ которомъ объясненъ будетъ мой способъ стихотворенія, съ примѣрами, заимствованными изъ поэтическихъ вдохновеній нѣкоторыхъ Петербургскихъ умовъ.

Избранныя мною поэтическія произведенія, для изобрѣтеннаго мною способа стихотворенія, въ особенности удобны потому, что въ нихъ слова и рѣчи, какъ цвѣтныя стеклышки въ калейдескопѣ, не имѣя общей между собою связи, легко распадаются и (будучи легонько встряхнуты) при каждой перестановкѣ составляютъ новыя узоры, самыя фантастическія, до безконечности разнообразныя и всѣ одинаковой доброты и прочности.

О требованіяхъ г-на поэта не извольте много беспокоиться: поэты народъ заоблачный, о положительномъ и полезномъ они не думаютъ, а нашего Бронницкаго стихотворца вы совершенно удовлетворите, если откроете въ Петербургѣ какой нибудь новый цвѣтъ локоновъ. Нашъ поэтъ воспѣвалъ всѣ возможные цвѣта локоновъ, отъ *вороньяго крыла* до цвѣта *канареечной шейки*, кромѣ — кажется — голубаго, такъ не отыщете ли вы голубыхъ локоновъ, вы этимъ очень обяжете нашего стихотворца. — О требованіяхъ моего сосѣда, справлявшагося о состояніи вашего мозга, я не намѣренъ говорить подробно: *конецъ концовъ*, цинизмъ и материализмъ выходить нынѣ изъ употребленія. — Въ нашемъ уездѣ есть еще одинъ *литтературно-словесникъ*, пламенный копійщикъ всего новаго *реформатурнаго* въ литературѣ, — это *индивидуумъ* или по вашему *индивидуумъ*, который *письменно, цѣлостно и члено-раздѣльнымъ* годо-

сомъ, отъ себя и для себя, проявляетъ духъ свой въ безконечномъ развитіи *А.* — Кприскорбію онъ ничего еще не написалъ; но онъ у насъ *шлочесть*, какъ философъ и въ особенности какъ важный критикъ, для котораго какойнибудь Державинъ — ни по чемъ.

Надо васъ предвартить, что онъ жаркій послѣдователь новѣйшаго усовершенствованнаго правописанія, которое, по его словамъ, принято всѣмъ *лучшимъ* Петербургомъ, т. е. лучшими частями Петербурга: Чернышевымъ, Загребеннымъ и Фонаринымъ переулками, и даже сввервою окончанностью 1 линіи. Ученость его выше всякаго удивленія, на пр: какоенибудь герцогство брауншвейжское онъ знаетъ какъ свою деревню, во владѣніе которой онъ (по несовершеннолѣтію) еще не вступалъ. — Кприскорбію и *идосадъ* моей, я не могу въ настоящее время сообщить вамъ положительныхъ свѣдѣній на счетъ требованій сего господина, поелику онъ требованія свои еще не проявилъ *нормальнымъ* образомъ ни *субъективно* ни *объективно*.

Вотъ, кажется, и всѣ словесники нашего уззда; весь нашъ ученый людъ. — Теперь слѣдуетъ мнѣ высказать и объяснить требованія моихъ сосѣдей и сосѣдокъ, людей прозаическихъ, положительныхъ; а въ томъ-то и задача я, признаюсь, задача весьма трудная; однако попытаюсь разрѣшить ее.

Во первыхъ скажу вамъ, что всѣ мы, помѣшники, чрезвычайнаго интересуемся компаниями на акціяхъ; а потому въ Маякѣ непременно должны быть статьи объ этихъ компанияхъ. — Мы не просимъ васъ писать о нихъ пышные объявленія, да то существуютъ *афиши* и прибавленія къ вѣдомостямъ; мы не убѣждаемъ васъ помѣщать въ Маякѣ великолѣпные пухфы, которыми выманяваютъ у насъ деньги на разборъ акцій, — для того существуютъ разныя *периодическія* изданія, и по моему *нѣтъ* такіе пухфы подобны тѣмъ же

селемъ пирушкамъ, на которыя зовутъ съ большимъ — по видимому — радушіемъ, тогда какъ настоящая цѣль пирушки — заманить *на банникъ*: акціи тоже азардная игра, только безъ картъ. Нѣтъ, мы просимъ васъ: по совѣсти разкрывать намъ всю истину, основываясь на наукахъ причастныхъ дѣлу, указывать дѣйствительную выгоду, могущую быть отъ предлагаемыхъ акцій, равно какъ и невыгоды и ложность расчетовъ въ предпріятіи. — Этимъ окажете вы намъ существенную услугу.

Кстати, не угодно-ли посмотрѣть что дѣлается въ (*такъ называемой*) образованной Европѣ, сей блаженной *Эльдорадо*, къ которой обращены всѣ мечты нашихъ Галломановъ и Германовъ. — Вотъ выписка изъ Парижскихъ журналовъ:

Парижъ. 19 Апрѣля.

«Поступила просьба о дозволеніи «потребовать въ Судъ одного изъ Депутатовъ, Г. Лестибудуа, котораго обвиняютъ въ томъ, что онъ игралъ главную роль въ одномъ *противузаконномъ предпріятіи*, основанномъ на *акціяхъ*»

Слышите-ли? въ *противузаконномъ* предпріятіи, основанномъ на акціяхъ!

Находясь подъ покровительствомъ мудрыхъ законовъ и подъ сѣнію отеческой заботливости нашего Правительства, — намъ нечего бояться *противузаконныхъ* предпріятій, слава Богу, мы живемъ на святой Руси; но благодаря всюду проникающей *мѣлкой* промышленности, — и у насъ иногда *отиломолку* соединяются капиталы, для того, чтобы легкимъ трудомъ (или и вовсе безъ труда) удить денѣжки въ карманахъ нашей брата, людей простодушныхъ. — Такъ какъ о такихъ компанияхъ нигдѣ не печатается и не объявляется, то мы, *областяне*, не можемъ видѣть процесса ихъ плод-

творенія. Для насъ это растенія *тайно-брачныя*, а потому мы будемъ вамъ очень благодарны, если вы станете извѣщать насъ о существованіи и сущности такихъ компаній, не для особой въ нихъ надобности, а такъ, на всякой случай, *страха ради Гудейска!*

Кромѣ статей о компаніяхъ, сообщайте намъ свѣденія и о другихъ предметахъ, весьма для насъ нужныхъ, на примѣръ: . . . . . но я чувствую, что письмо мое становится уже слишкомъ длиннымъ, и потому дальнѣйшее объясненіе откладываю до дру-

гаго раза. — На такую проволочку я рѣшаюсь въ особенности потому, что нынѣ вошло въ большое употребленіе Оливидово выраженіе: *важныя дѣла до завтра!* а притомъ я боюсь, что по поводу этой статьи книжка Маяка не выйдетъ въ свое время. — Въ послѣдствіи же времени готовъ служить вамъ, не только совѣтами, но и самимъ дѣломъ, если вы это позволите и ежели умы Петербургскіе могутъ снизойти до принятія словъ простаго Москвитянина.

II. ПИСЬМО.

По смерти Папы Климента XII, Конклавъ продолжался цѣлый годъ. — Кардиналъ Ламбертини, соскучившійся такою проволочкою, сказалъ прочимъ Кардиналамъ: «рѣшайтесь же на выборъ Папы. — Хотите вы челоуѣка на божнаго? — возьмите Альдобранди; желаете ученаго? — изберите Созацію; если же хотите шута — я къ вамъшамъ услаугамъ.» — Последнее достоинство было предпочтено прочимъ, и Ламбертини возведенъ на Папскій Престоль, подъ именемъ Бенедикта XIV-го.

Случай этотъ я привожу здѣсь собственно потому, что и моимъ письмамъ ожидаю участи Кардиналовъ. — Рѣшаясь помѣщать въ Маякъ статьи разнообразныя, я крайне боюсь, что по истеченіи

года конклавъ большинства читателей, какимъ нибудь будущимъ моимъ повѣстямъ, отдастъ преимущество предъ прочими статьями; но — за всѣмъ тѣмъ — не отказываюсь представлять въ Маякъ что нибудь и поскучнѣе повѣстей. — Можетъ быть вы станете обвинять меня въ томъ, что я для каждаго письма выбираю другой предметъ; но имѣйте терпѣніе, соберите моихъ писемъ десятка два или болѣе, тогда, подведите итогъ по каждому разряду и — судите, какъ знаете.

Въ первомъ письмѣ моемъ я не успѣлъ изчислить всѣ требованія нашихъ помѣщиковъ и — неудавительно: у насъ такъ много людей *съ претензіями*; впрочемъ не ожидайте отъ меня строгой послѣдовательности въ изложеніи предъ-

метовъ (это мое условіе); я не берусь на подрядъ говорить непременно о томъ или о другомъ, а намѣренъ бесѣдовать съ вами свободно, о чемъ придется; мои письма не подрядныя статьи на заданное предложеніе, а просто летучія замѣтки обо всемъ, что попадется на глаза или подъ руку. — Вотъ и сегодня я не намѣренъ продолжать изчисленіе всѣхъ требованій моихъ сосѣдей, не буду говорить о томъ, что (по нашему мнѣнію) нужно-бы помѣщать въ Маякъ, въ отдѣлѣ *полезнаго*; въ слѣдующихъ письмахъ (если угодно) поговорю объ этомъ подробнѣе, а теперь увольте, право нѣтъ охоты. — Такъ о чемъ же намъ побесѣдовать? . . . о чемъ? Боже мой! да о чемъ же говорить порядочнымъ людямъ, какъ не о чужихъ краяхъ, объ Европѣ. — Въ самомъ дѣлѣ, прекрасная мысль, будемте путешествовать по Европѣ; такъ, знаете, путешествовать не выходи изъ своей комнаты, какъ дѣлаютъ это многіе сочинители *путевыхъ записокъ, прогулокъ* и прочее т. п. Посмотримъ, гдѣ-то лучше, нежели на свитой Руси, гдѣ-то люди счастливѣе насъ — Русскихъ? . . . . . Можетъ быть мы съ вами уподобимся тому *искателю фортуны*, который (по словамъ Н. П. Дмитріева) обыскавъ цѣлый свѣтъ и нигдѣ не найдя счастья,

. . . . . Въ отчизну наконецъ вступаетъ;
„Летитъ ко другу, — чтожъ? какъ друга обрѣтаетъ?
„Онъ спитъ, а у него — Фортуна въ головахъ!

Во всякомъ случаѣ, если мы подѣлимъ что нибудь достойное подражанія, вотъ вамъ и статья въ разрядѣ *полезнаго*: вѣдь Русскому человеку только укажи, а перенять — его дѣло; если же по справкѣ окажется, что многое хорошо-бы иностранцамъ перенять у

насъ, вотъ и отдѣлъ *приятнаго*, хотя многимъ изъ нашихъ модничковъ будетъ нецѣлѣбно разочаровываться въ ихъ увѣренности, что только за границею все хорошо. — Откуда же начать? . . . а вотъ позвольте, у меня есть Географія, (сирѣчь землеописаніе), посмотримъ какое Государство *первое* въ Европѣ? . . . . . Португалія! . . . . . Не знаю доживемъ ли мы до того, что Гг. землеописатели возвысятся до мысли безсмертнаго Петра, (высказанной въ V части Маяка) *) что Россія есть *особая*

(*) Именно въ статьѣ г. Москворѣцкаго о географіи К. И. Арсеньева. — Вспоминная объ этой статьѣ, не могу удержаться отъ замѣчанія, что г. Москворѣцкой упустилъ изъ вида весьма важное обстоятельство, именно: что XV изданіе Г. А. исправлено однимъ извѣстнымъ и опытнымъ *литераторомъ*; какъ это случилось, что сочиненіе оказалось съ фаутами (ошибками) — не мое дѣло судить. — Такимъ образомъ вся вина несправности XV изданія Г. А. должна падать не на знаменитаго нашего географа, а на того литератора который принялъ вызовъ издателя; да и самъ издатель, хотя и правъ съ своей стороны тѣмъ, что онъ желалъ исправить и не жалѣлъ денегъ за труды исправителя, по не правъ тѣмъ, что объ исправленіи XV изданія Г. А. обратился не къ географу, а къ литератору; ввелъ въ заблужденіе всю публику и критика тѣмъ, что на заглавномъ листѣ Г. А. выставилъ слова: *новое исправленное*, не объяснивши, какъ исправлено, а чрезъ то давалъ поводъ заключать, будто исправленіемъ занимался самъ ученый авторъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Г. А. въ свое время была прекрасною учебною книгою; но двадцать лѣтъ времени измѣнять достоинство всякаго учебника, и если самъ авторъ, по обширнымъ служебнымъ обязанностямъ, не могъ заняться передѣлкою и исправленіемъ книги, сообразно новому положенію науки, то лучше бы напечатать книгу какъ она была прежде, съ объясненіемъ, что печатано съ такого-то изданія.

часть *свята*, а не послѣдній уголокъ Европы; но въ ожиданіи этого образованія Гг. сочинителей и преподавателей землеописанія, — покоряюсь принятому обыкновенію и — начинаю съ Португаліи.

Ваши Петербургскіе лакомки, покушавая апельсины, частенько вспоминаютъ о Португаліи и мысленно переносятся въ ту блаженную страну, гдѣ родится сей завѣтный плодъ. — О варварская Россія! куда годишься ты съ малороссійскими дынями, сливами и грушами и астраханскими арбузами: всѣ они въ сравненіи съ португальскими апельсинами, просто дрянь.

Впрочемъ Португалія не одними апельсинами славится. — Поговоримъ напримѣръ о любимомъ нашемъ предметѣ — о флотѣ. — Въ 1839 году въ Португаліи считалось линейныхъ кораблей 10-ть, *со включеніемъ находящихся на стапелѣхъ*; мы съ вами понимаемъ что значить *со включеніемъ находящихся на стапелѣхъ* и вѣрно всѣ читатели Маяка также поймутъ если объяснить имъ, что въ Португаліи строеніе кораблей продолжается 6 или 7 лѣтъ, даже тимбировка судовъ тянется по 3 года, то есть въ обонихъ случаяхъ — половину лѣтъ будущей службы кораблей, также какъ бывало это у насъ, *во времена оны*; а это значить, что изъ общаго числа кораблей придется исключить почти половину, и выйдетъ на повѣрку только *пять годныхъ* кораблей, — а каковы тамъ *годные* корабли, можно посудить изъ того, что въ 1807 году Португалія съ удовольствіемъ купила у Россіи корабли Ярославъ и Рафаиль, которые *были* годны, но

Не моему слабому голосу возвышаться въ заступленіе за нашего ученаго географа; но я не могъ пропустить здѣсь случая вывести изъ заблужденія всѣхъ полагающихъ, что обвиненія Москворѣцкаго могутъ падать на много-уважаемаго мною Константина Ивановича Арсеньева.

Соч.

до продажи ихъ — порядкомъ намъ послужили.

Такъ вотъ она сильная морская Держава, отечество славныхъ мореходцевъ *Sic transit gloria mundi!*

Нужно-ли дѣлать сравненіе съ Русскимъ флотомъ? (***) Державный Правнукъ безсмертнаго Петра и ты, исполнитель мудрыхъ Его предначертаній, славный потомокъ знаменитаго *Дашинга*, какъ отрадно должно быть сердцамъ Вашимъ, при видѣ созданныхъ Вами могучихъ флотовъ, при воспоминаніи *всего*, что сдѣлано и дѣлается для Русскаго флота въ *Ваше время*, когда (какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла) въ нѣсколько мѣсяцевъ сооружаются линейные корабли, которые каждая изъ Европейскихъ Морскихъ Державъ, съ удовольствіемъ, а можетъ быть и съ гордостію, назвала бы своими!

Къ сожалѣнію всѣхъ истинно Русскихъ и къ стыду нѣкоторыхъ, весьма не-многимъ изъ насъ извѣстно настоящее положеніе Русскаго флота и то, въ которомъ онъ находится 15 лѣтъ назадъ. — Со временемъ я надѣюсь, въ простой, но вѣрной картинѣ, изобразить лѣтопись нашего флота въ послѣднее пятнадцати-лѣтіе и увѣренъ, что (не смотря на недостатки моего рассказа) всякое Русское сердце съ восторгомъ забьется при созерцаніи той могучей жизни, которая закипѣла въ нашемъ флотѣ въ настоящее Царствованіе.

Я опять отступилъ отъ своего предмета; но (спрашиваю васъ самихъ) —

(**) Русской флотъ сильнѣе каждаго изъ Европейскихъ кромѣ Англійскаго; но объ Англійскомъ флотѣ я подробнѣе поговорю въ послѣдствіи и можетъ быть — многимъ безотчетно и твердо вѣрующимъ въ баснословное его могущество, — придется много поубавить своего удивленія ему! Соч.

можно-ли не увлекаться, говори о томъ что составляет славу Россіи? ... Что касается до меня,

„Я каюсь! Я Русакъ,
„Давно, всегда Русакъ!

Говоря о флотѣ, нельзя не сказать чего нибудь о парходахъ; но увы! по этой части Португалія ничего не можетъ представить вашей любознательности. *)

Отъ парходовъ невольно обращаетесь къ каналамъ, но опять бѣда: знаменитый землеописатель Бальби, во многомъ горячо защищающій Португалію, упоминаетъ о каналахъ, говоритъ: se gouauche n'ep a aucun qui merite d'êre n'entionné (въ Королевствѣ семь нѣтъ ни одного канала заслуживающаго упоминанія). — Впрочемъ излишне искать удобства водяныхъ путей сообщенія въ той странѣ, гдѣ на предложеніе сдѣлать судоходною рѣку Тахо, королевскій Советъ отвѣчалъ:

«Если-бы Богу угодно было, чтобы

*) Не знаю скоро-ли придется мнѣ опять говорить что нибудь о парходахъ; но дабы не упустить времени и случая, кстаті или не кстаті, подѣлюсь съ вами сѣдѣніемъ, которое показало мнѣ весьма занимательнымъ, а именно: на Англійскомъ пароходѣ *Есфратъ*, отправленномъ для открытія новаго сообщенія съ Индією, — определено дѣйствіе желѣзныхъ парходовъ на девіацію (уклоненіе) магнитной стрѣлки. Въ началѣ путешествія девіація, съ малою переменною, доходила до 11 градусовъ. Въ послѣдствіи Профессоръ Барло и командиръ Джонсонъ опытами доказали, что на известномъ возвышеніи отъ палубы (кажется на Евфратѣ и палуба была желѣзная) желѣзо не имѣетъ ни какого вліянія на компасъ. — Когда, согласно мнѣнію Барлова, компасъ поставленъ былъ на высотѣ семи футовъ надъ палубою, то отъ девіаціи стрѣлки не было ни какой ошибки въ направленіи курса, такъ что когда пароходъ приходилъ на видъ берега, оказывалось, что держали надежащимъ румбомъ, *Соч*.

«Тахо была судоходна, то онъ сдѣлать-бы это одною своею волею.»

По порядку вещей, послѣ каналовъ слѣдовало-бы сказать что нибудь о торговлѣ, но почтенный Г. Бальби рѣшительно увѣряетъ, что смуты и перемѣны въ Правительствѣ, съ 1820 года, почти уничтожили торговлю въ Португаліи.

Я право въ отчаяніи, что не могу представить вамъ что-нибудь занимательное. — Отъ скуки пойдемте гулять по улицамъ знаменитаго Лиссабона. — Не думайте, что мы пойдемъ по прелестнымъ бульварамъ, какими трикраты опоясана бѣлокаменная матушка Москва, не ожидайте помчаться по превосходнымъ торцамъ, которые, какъ Русское изобретеніе, такъ давно известны въ Петербургѣ и нынѣ считаются новостію въ Англій; нѣтъ я долженъ вамъ доложить, что ея сіятельство Герцогиня Абрантеская очень ясно говоритъ: *des rues sont irrégulières, mal pavées; quelquefois pas du tout* (улицы неправильны, дурно вымощены, нѣкоторыя вовсе безъ мостовой).

Нечего дѣлать, будемте пробираться какъ-нибудь; возьмемъ странническій посохъ и пустимся въ путь; вѣдь съ однимъ посохомъ (или просто сказать съ палкою отъ собакъ) можно пройти вдоль и поперегъ всю Россію, а не только Лиссабонъ.

Однако позвольте, Россія сама по себѣ, а Лиссабонъ самъ по себѣ: Россія страна варваровъ, такъ не мудрено что по ней можно бѣгать съ одвою тросточкою, а Лиссабонъ городъ Европейскій, нельзя же въ образованной Европѣ бродить какъ-ни-попало. — Не угодно-ли прислушаться что повѣствуетъ о Лиссабонѣ Герцогиня Абрантеская. Правда, разказъ ея относится не къ нашему времени; но съ тѣхъ поръ Португалія не далеко ушла; впрочемъ, для безобидности сравненія, вы можете сдѣлать посылку къ тому, что

дѣлалось въ то время (лѣтъ 40 тому назадъ) въ Москвѣ или въ Петербургѣ.

Вотъ что говоритъ Герцогиня Абрантская.

«На улицахъ Лиссабона пѣшеходы подвергались опасностямъ болѣе, нежели на большихъ дорогахъ во Франціи. — Въ полночь ни кто не смѣлъ выходить изъ дома безъ оружія; впрочемъ шайки воровъ такъ были многочисленны, что и самое оружіе почти всегда было бесполезно. Случалось, что ограбленные до чиста получали отъ воровъ охранный листъ, который на дальнѣйшемъ пути избавлялъ ихъ отъ вторичнаго нападенія. Кто замыслилъ убійство, тотъ обыкновенно шелъ въ одну изъ извѣстныхъ уже церквей, и всегда находилъ тамъ людей, готовыхъ воздать правосудіе скорое и кровавое, сообразно требованію. — Убійцы жили въ церквахъ, потому что въ этомъ убѣжищѣ самая инквизиція не могла ихъ преслѣдовать, и при томъ, какъ почти всѣ церкви принадлежать монастырямъ, женскимъ или мужскимъ, то убійца увѣренъ въ безнаказанности, если онъ работаетъ для отца аббата, или для настоятельницы монастыря, что весьма часто бывало.

«Вотъ произшествіе, случившееся въ 1798 году, въ самомъ Лиссабонѣ.

«Консулъ одной иностранной Державы поссорился съ родственникомъ другаго консула. — Онъ могъ-бы съ оружіемъ въ рукахъ требовать удовлетворенія, но захотѣлъ лучше искать мстителя въ одной изъ церквей, въ которыхъ всегда укрывались кинжалы, готовые разить; — нашель кого искалъ, сторговался и далъ въ задатокъ половину договоренной цѣны, съ условіемъ, другую половину отдать по совершеніи убійства. — Убійца далъ свой адресъ: не будучи подъ надзоромъ, онъ свободно жилъ въ извилистыхъ и темныхъ улицахъ судрайскаго квартала.

«Условившись во всѣхъ подробностяхъ дѣла, убійца и консулъ разстались: первому предстояла еще другая работа, послѣдній возвратился домой, съ пріятною мыслию, что онъ будетъ отомщенъ. Однако Консулъ не былъ злодѣемъ. Вдыхая въ себя ароматическій воздухъ, — истинный бальзамъ этого пламеннаго климата, онъ чувствовалъ постепенное укрощеніе лихорадочнаго трепета, рождаемаго бѣшенствомъ и чувствомъ обиды. За утихнувшею бурною бурей наступила другая, болѣе ужасная, болѣе опасная . . . . буря нечистой совѣсти.

«И такъ, думалъ онъ, я велѣлъ убить челоуѣка! Я недостойнѣе самаго убійцы: тотъ подвергаетъ себя опасности!

«Съ развитіемъ этой грозной мысли, угрызения совѣсти становились мучительнѣе и наконецъ сдѣлались невыносимыми — это свыше силъ моихъ! вскричалъ онъ, а это только еще предчувствіе будущихъ угрызений.

«Прошло девять часовъ; въ городѣ было еще шумно и весело. Консулъ надѣлъ плащъ и шляпу съ опущенными полями и быстрыми шагами пустился къ жилищу того, который за горсть золота взялся быть орудіемъ его мщенія.

«По мѣрѣ удаленія отъ блистательной части города, углубясь въ извороткахъ улицъ, прилегающихъ къ судрайской набережной, онъ болѣе и болѣе приходилъ въ ужасъ; трепещущими стопами взшелъ онъ на источенныя червями ступени полуразрушившейся лѣстницы, которая вела къ дверямъ убійцы.

«Дверь заперта . . . . онъ постучался . . . . отвѣта не было. — А! думалъ онъ, опираясь на перила террасы, возвышавшейся надъ пристанью, злодѣй теперь на работѣ!

«Въ ту минуту часы Белемскаго предмѣстья пробили 10 часовъ; колоколъ колебался еще въ воздухѣ; далеко

носился ясный и торжественный звук его ударовъ. Консуль затрепеталъ.

«Десять часовъ! . . . . онъ взглянулъ на гавань; все было тамъ тихо и спокойно, какъ бы въ упрекъ его душевной бурь. — Онъ уже хотѣлъ воротиться, какъ услышалъ въ комнатѣ убійцы шумъ, похожій на скрипъ кровати, на которой кто-то ворочается. — Онъ постучался сильнѣе и на сей разъ ему отвѣчали: это былъ голосъ убійцы! — Узнавши голосъ Консула, убійца отворилъ дверь.

«Какъ, это вы? сказать онъ, зѣвая и потягиваясь. . . . Santa Maria da Gloria! Какъ вы нетерпеливы! Я думалъ, что только мы, Португальцы, до такой степени любимъ мщеніе; однако кажется. . . . .

«Э, нѣтъ, прервалъ Консуль, на противъ, я пришелъ сказать тебѣ, что я болѣе не хочу смерти того, о которомъ тебѣ говорилъ.

«О! сказалъ убійца съ удивленіемъ, которое онъ чувствовалъ въ первый разъ, — это другое дѣло; однако уже поздно. . . .

«Ты убилъ его, несчастный!» — А чтожь велѣли вы мнѣ дѣлать, какъ не убить его? Кто бы ожидалъ, что сдѣлавши приговоръ своему врагу, черезъ часъ отмяните вы свое ршеніе. О! мы, Португальцы, не таковы: я сожалѣю о смерти моего врага только потому, что онъ уже не въ состояніи чувствовать удары моего кинжала.

«Консуль былъ въ отчаяніи. — Въ эту минуту полная луна озарила террасу и одинъ лучъ, павшій прямо на убійцу, освѣтилъ длинный слѣдъ крови на рукавѣ и рукѣ его. — Консуль не могъ болѣе выдержать, бросился съ лѣстницы; но тою же окровавленною рукою былъ удержанъ прежде нежели сошелъ на первую ступеню.

«Минуту! одну минуту, государь мой! Мнѣ самому досадно, что мы такъ скоро сошлись въ этомъ дѣлѣ; но я думалъ вамъ угодить и моя плата все-таки

мнѣ слѣдуетъ. — Ну же! Дайте мнѣ сорокъ піастровъ и ни слова больше объ этомъ дѣлѣ; впрочемъ я знаю васъ хорошо и найду васъ, если вы не захотите заплатить мнѣ за мою работу.

«Чтобы не коснуться руки обогрѣнной кровію, консуль бросилъ ему кошелекъ; убійца поднялъ и счелъ бывшія въ кошелькѣ деньги.

«Здѣсь больше, чѣмъ мнѣ слѣдуетъ, сказалъ онъ, отсчитавъ свои сорокъ піастровъ: вотъ это ваше.

«Оставь у себя все, возразилъ консуль, которому золото его казалось запятнаннымъ кровію. — «Пожалуй я возьму, потому что вы такъ огорчаетесь смертію этого молодаго человѣка; а впрочемъ онъ былъ молодець: я не говорилъ вамъ объ этомъ, потому что это до нашего дѣла не касается; а право онъ защищался какъ дьяволъ, и я принужденъ былъ кликнуть одного изъ моихъ помощниковъ; знаете, часто работа бываетъ трудна и даже опасна: товарищъ мой, Себастьянъ, еще новичекъ въ ремеслѣ, убить однимъ Англичаниномъ, отъ котораго впрочемъ онъ не требовалъ жизни, а хотѣлъ только кошелька. Жена Себастьяна осталась безъ всего, и мы принуждены сдѣлать ей маленькое состояніе, давъ каждый что нибудь отъ себя. . . . . если вамъ угодно сударь, три монеты, которыя остаются отъ моей платы, будутъ для вдовы Себастьяна и на обѣдню за упокой души молодаго человѣка, такъ какъ вы огорчаетесь его смертію. . . . . послушайте-же, я право не виноватъ. . . . . вы сказали мнѣ въ одиннадцать часовъ. . . . . молодой человѣкъ проходилъ мимо меня, мимо конца моего кинжала, въ половинѣ девятаго. . . . . послушайте же, не было никого. . . . . случай былъ прекрасной. . . . . кланюсь честью! . . . . онъ упалъ; но тотъ часъ же вскочилъ и. . . . .

Довольно, довольно, сказалъ консуль, собравшись съ силами и стараясь

бѣжать отъ этого чловѣка и его дома, какъ отъ тигра и его логовища. — Это разсужденіе, столь спокойное, столь глубоко безнравственное, хотя и *высокохудожественное*, оледеняло душу чловѣка образованнаго, котораго одно лишь минутное заблужденіе завело въ сборище кровожадныхъ разбойниковъ. — Въ первый разъ объяснились для него эти убійства, эти грабежи, о которыхъ столько лѣтъ уже носились слухи въ Лиссабонѣ; — онъ видѣлъ источникъ этихъ ужасовъ; онъ читалъ эту книгу безчестія, въ которой не означены имена убійцъ, а видны только имена виновниковъ убійствъ, злодѣевъ, которые подъ рясою монаха

или подъ покрываломъ игуменни укрывались отъ эшафота.

«Такимъ-то образомъ въ Испаніи и Португаліи разпространялись наипостыднѣйшіе пороки и самыя варварскія преступленія.»

Здѣсь герцогиня Абрантесская замѣчаетъ, что *произшествіе сіе разсказанное ей самими героями его, можетъ служить очеркомъ португальскихъ нравовъ и послѣднее столптія.*

Соглашаясь съ заключеніемъ ея свѣтлости, все выше сказанное имѣю честь представить на благоусмотрѣніе ваше и Гг. читателей Маяка.

Прощайте . . . . . до свиданія въ Маякѣ.

С. НАВРОЦКОЙ.

Московск. губерніи
Бронницкій уездъ
с. Костино.

ИЗЪЯТИЕ. ( )

Грѣшные мы люди! да и разумше-то не крѣпко! мы стыдимся, боимся только суда человеческого, а Судъ Божій — ни по чемъ! чего каждый изъ насъ не дѣлывалъ тайкомъ? — и если только люди не прознали, то и горюшка мало: ходимъ себѣ бодро, глядимъ прямо — что твои праведники! хоть подь судъ отдавай: докащиковъ нѣтъ, свидѣтелей не было, сошло съ рукъ — и концы воду! такъ мы думаешь, да не такъ бываетъ. Одинъ-то конецъ нашего грѣха въ рукъ Божіей, а другой крѣпко привязанъ къ нашей совѣсти, точно къ языку колокола, — какъ ударить, такъ сами же все и выскажемъ и обличимъ себя кругомъ.

Есть надъ нами Создатель нашъ! Онъ, пресвятѣйшій, самое истинное добро, самая чистая правда, онъ не потерпитъ, что бы какое зло осталось неявленнымъ. Хотя человекъ, учинившій зло, и запутаетъ послѣдствія до того, что

*) На поляхъ Малороссіи растущая во множествѣ спаржа, зовется „холодокъ“. Когда-же отцвѣтетъ, засохнетъ и свившіеся въ клубокъ стебли отдѣлятся отъ корня, и вѣтеръ начнетъ разносить ихъ по полямъ, тогда она получаетъ названіе „перекатиполе.“

никто не доищется правды, такъ Онъ, премудрость вѣчная, Онъ, знающій наши тайны, видящій мысли наши, Онъ не допуститъ торжествовать злу. Онъ съблажное тобою, обнаружить, такимъ путемъ, какимъ ты и не предполагалъ. Онъ объявитъ тебя какъ перстомъ указать: — «Вотъ онъ!» — и такъ объявитъ, при такомъ случаѣ, когда ты не ожидаешь, и чрезъ такую бездѣлицу, ничтожный случай, что ты вовсе и не думалъ. Открытіе одного, обнаружить и такіа дѣла, коихъ люди, за неимѣніемъ уликъ, перестали и разыскивать. Тутъ все явится, все откроется, по пословицѣ: «по ниточкѣ, дойдутъ и до клубочка.» Богъ, какъ отецъ надъ дѣтьми, все ждалъ, все долготерпѣлъ, не почувствуется ли, не покается ли онъ, не оставитъ ли дѣлать зло, не вознаградитъ ли кому причинилъ его, и тогда, умоливъ Бога о прощеніи грѣха, получить полное прощеніе, очистить душу покаяніемъ — и все забыто предъ неизъяснимымъ милосердіемъ!.... Когда же онъ не только не унимается отъ злыхъ дѣлъ, не только не кается въ прежнихъ грѣхахъ, но даѣе и даѣе, идетъ на горшее, отъ худшаго къ худшему, отъ злѣйшаго еще къ злѣйшему, тогда полно; мѣра долготерпѣнія Божія

исполнена! . . . повелить, и самая малая казювка станет свидетелем, камень заговорить и откроются ужасныя дѣла! . . .

Вотъ истинное происшествіе, многимъ въ разсказѣ извѣстное.

Герой мой былъ не мудрый — деревенскій герой; не въ золотыхъ палатахъ жилъ, а дѣлалъ точь въ точь такія же человѣческія проказы, что и въ золотыхъ палатахъ дѣлають, только разумѣется попригляднѣе, такъ что подь часъ тамъ золоченый грѣшокъ и за добродѣтель сходить. Но разумный читатель не побрезгуетъ своимъ братомъ челоуѣкомъ и подь смурою свиткой. Мнѣ ужъ и самому, по правдѣ сказать письменныя «герои» надобля: эти крадутъ чужое доброе имя, добрую жену, дочь, счастье, а у меня крали курь, барановъ — одно другаго стоитъ: и конецъ обоимъ тотъ же — сперва шалость, тамъ проступки, тамъ преступленія, злодѣянія, челоуѣкъ падаетъ изъ бездны въ бездну, долготерпѣніе Божіе истощается, и Судъ Божій постигаетъ грѣшника въ ту самую минуту, когда опъ всего менѣе о немъ думаетъ.

Въ одномъ селѣ начали пропадать куры. Въ ночь, въ одномъ дворѣ пропадетъ курица, въ другомъ три, гдѣи болѣе. Хозяйки тужать, жалуются мужьямъ своимъ, тѣ — пока — такъ себе. «Велико дѣло курица! можетъ сама забѣжала, можетъ и задавило что.» Далѣе и далѣе, все больше и больше пропадаетъ ихъ; не вытерпѣли и хозяева, пошли къ головѣ. — «Кого подозрѣваете? скажите, я брата роднаго не пощажу, лишь-бы справедливо доказано было.» Такъ сказалъ голова. Стали примѣчать, наблюдать, не будетъ-ли какихъ слѣдовъ? чтоже? курица взята, понесена, дорогою ощипана и перья слѣдомъ пали къ двору Евтушиному. Тамъ два парня и шаловливые не много: такъ нѣтъ ихъ дома, больше недѣли выпили съ отцомъ въ дальнюю дорогу, съ ду-рою.

«Поклѣпъ! — сказалъ голова: — «одинъ крадетъ, на другаго вину сводить.»

Не много спустя, палъ слѣдъ къ Кахибѣдѣ. Что-же? тамъ и хлопцовъ нѣтъ; одинъ только старичишка, старый и немощной, ему уже не о чужихъ курахъ думать; въ семьѣ же однѣ жепщины да дѣвчонка. И на что имъ куры? своихъ множество!

И все пропажа есть, и слѣдъ отвѣденъ. Кто до правды доберется?

Потомъ, года черезъ два, уже не только куры, стали пропадать и поросята, а тамъ и цѣлыя свиньи, бѣрашки, овцы . . . А потомъ еще со временемъ, такъ только и слышно, что у такого-то лошадь, у другаго волъ сведень, а подь часъ и парами воды пропадаютъ. И чтоже? только лишь со двора, то какъ въ воду! ни слѣдовъ, ни кнпцовъ! гдѣ ни тѣдять хозяева, гдѣ ни отыскивають, разспрашивають — нѣтъ и нѣтъ, и слыхомъ не слыхатъ!

Тужить народъ и не надивится! — «Что за пропасть! говорятъ промежду собою: — «сказать-бы что у насъ постой, то такъ и быть; отъ «москаля» небереженьсья; такъ и за пятьдесятъ же верстѣ не слыхатъ ни одного москалика! никто-же и не прѣзжаетъ къ намъ въ село, все свои люди, а есть между нами воръ! — «Дій ёго честн!» на кого-бы и подумать? всѣ парубки какъ одинъ. Всѣхъ знаемъ, все честныя, добрыя, смирныя; не гуляетъ изъ нихъ ни кто, и каждый жалветъ, что намъ такая обида; каждый изъ нихъ похвалется, что лишь-бы поймался кто, такъ ужъ не помиловать такого недобраго сына! кажется и засѣдаютъ по ночамъ; такъ ни когда-же, ничего въ ту ночь и не пропадетъ и никакой примѣты нѣтъ. Мы уже и *ворожей* *) спрашивали, говорятъ, что навздомъ бываетъ рыжій москаль: сперва пашлетъ на хозяевъ крѣпкій сонъ, а потомъ и на все село, а

*) Ворожей.

потомъ и управляется какъ у себя въ хатѣ. Что-же мы можемъ сдѣлать противъ лихаго слова? жалѣй только такой бѣды — и молчи!»

И молчать, да только и слышать, что уже Миронъ совсѣмъ опьшился, послѣднюю пару воловъ вывели; а тамъ и Макарь лишился своей послѣдней лошадедки; у Потана изъ сарая, лучшіе три барана выведены . . . кругомъ бѣда! что твой пожаръ.

Какъ вотъ услышали, что у Демьяна Рѣдкозуба все изъ анбара выбрано. Подкопаясь, вражий сынъ! — и что-же? — все-все забралъ; и женское и дѣвичье имущество, и что было хозяйствомъ приобретено, все взято, а слѣдовъ нѣтъ; словно исчезло все!

Дивятся люди и ходя около волостнаго правленія «быють о помы руками» и каждый, въ будущую ночь, ждетъ и себя такой бѣды. Пришелъ голова, и тотъ рѣшительно объявилъ, что онъ во-все не знаетъ что дѣлать! . . . «Поймайте мнѣ — говорить — вора, кто это у васъ крадетъ? я его! . . . я ему! . . . онъ сгнѣтъ у меня въ колодной! . . .»

— «Пожалуй-бы поймали, если бы знали кто онъ такой! — говорила печалющаяся громада» *).

Какъ вотъ и отозвался одинъ парубокъ, Денисъ Лискотунъ, и говоритъ: — «когда-бъ дозволили по дворамъ обыскать. Это уже не волы или лошади; вѣдугъ всего не вывезетъ, что нибудь и дома оставить; а видимое дѣло, что изъ чужихъ никто не призываетъ, такъ навѣрное воръ изъ своихъ. Хорошо-бы обыскать.»

— А что? онъ правду говоритъ — разсудили старики. «Прикажете, папъ голова, проворнѣйшимъ парубкамъ, пускай въ хатахъ вездѣ обыщутъ.»

«Не кого же и послать? — сказалъ голова — пускай же Денисъ заберетъ хлопцовъ и обыскиваетъ»

— Можеть мнѣ не повѣрите? спросилъ Денисъ, поклонясь учтиво.

«Какъ тебѣ не повѣрить? — кому-же и повѣрить? —» отозвался старику.

И точно. Какъ Денису не повѣрить? какой это нарень бравый! даромъ что сирота безъ отца, но славный малый. Еще только на ноги поднялся, до *подпарубога* дошелъ (изъ мальчиговъ вышелъ), а уже видно было, что изъ него будетъ человекъ. Онъ и не жилъ дома; не очень бросался къ мужицкой работѣ какъ прочіе. Какъ поидеть-пойдетъ по разнымъ селамъ, и гдѣ то онъ не побываетъ? и все зарабатываетъ, да такъ усердно, что хотя и скоро воротится, но чего онъ только не принесетъ? самъ одѣтъ нарядно, точный мѣщанинъ; а денегъ полны карманы. Матери своей, уже и старенькой, принесетъ или платокъ, когда плахту, поясъ, сапоги, а иногда и серпанокъ, голову повязывать; и уважалъ ее во всемъ. Былъ собою красивъ, живой, проворный, ко всякому въжливъ; на выдумки, на приговорки его подавай. На *вегерницахъ* *) только его и слышино. Не боялся ночью ничего: скажи ему, итти на кладбище въ самую глухую полночь, онъ поидетъ и все исполнитъ какъ днѣмъ. Только и боялся собакъ и вовсе не могъ ихъ терпѣть. Какую знаетъ злѣйшую собаку въ селѣ, такъ что ни дасть, а купить ее, да и повѣсить; когда-же не продадутъ которой, такъ онъ ее отравитъ. — «Что же? — говоритъ: — «не люблю собакъ и не люблю. Мнѣ гадко на нее смотрѣть. Дрожу, чтобы убить какую собаку. Видно такая моя натура!» -- А что разумный былъ, такъ не взяло его лихо. хотя и не очень приставалъ къ громадѣ и рѣдко было приходитъ къ волостному правленію, за то когда придетъ, послушаетъ о чемъ толкуютъ, тутъ и выкинетъ слово, да такое, что и десятъ стариковъ съдыхъ въ три года того не выдумаютъ. Все въ селѣ въ одинъ

*) Толпа.

*) Посидѣлки.

голосъ говорили: — «Вотъ намъ голова ростеть.»

Какъ-же такому не повѣрить осмотрѣть дворъ, не найдутся-ли гдѣ воровскія вещи? Вотъ начали его даже просить что-бы сдѣлалъ милость, собравши парней, кого знаетъ, пошелъ и осматривалъ бы всѣ дворы.

Денису нечего дѣлать, отобралъ парубковъ и пошелъ съ ними.

«Начинайте съ моего двора,» приказывалъ Денисъ.

— Какъ это можно, чтобы на тебя кто и подумалъ? — сказали парубки. Это уже, Богъ знаетъ, на что будетъ похоже, если и тебя подозревать!

«Что-же, братцы, нечего дѣлать,» — говорилъ Денисъ избоченясь и надѣвъ шапку на бекрень. — «Когда намъ вѣлвно всѣхъ обыскивать, такъ что я за цаца, что бы мѣня не трогать? нищете, нищете; можетъ что и найдете, и повель ихъ къ своему двору.

— «Ну, ужъ много найдемъ у тебя! — сказали парубки, но за Денисомъ вошли въ хату, въ анбаръ, полезли на чердакъ и гдѣ былъ какой уголочекъ, вездѣ обыскивали по указанію Дениса, который имъ и сундуки открылъ всѣ до послѣдняго и вездѣ все перерыли. — «Смотрите — говорить имъ: — смотрите хорошенько.»

Что же? перероютъ, переберутъ все; но какъ ни что не положено, то и не найдутъ ничего; съ тѣмъ пойдутъ къ другому двору.

Тутъ уже не такъ; тутъ смѣле начнутъ обыскивать парубки, нищутъ въ хатѣ и по двору; а Денисъ одинъ, не взявъ съ собою никого, ползаетъ на чердакъ и тамъ все переростъ, лѣнь, мѣньку, коренья, травы какія сложены для сушенія, все перебереть, въ крышѣ осматривать, нищотки не оставитъ чтобъ не разсмотрѣть, не изъ краденныхъ ли вещей она?

Въ одномъ дворѣ, на чердакѣ, Денисъ нашель поясъ хорошии, каламенковый; показалъ его хозяину пропавшихъ вещей, который былъ при обыскѣ съ парубками. — «Такъ и есть, братъ! это мой, еще отцовскій поясъ! я его отдалъ носить сыну, а онъ положилъ въ сундукъ; такъ и есть! съ сундука все взято; нищете, сдѣлайте милость, не найдете-ли еще чего?»

Денисъ пошлетъ уже парубковъ на чердакъ искать, а самъ забираетъ хозяевъ дома; связавъ руки старому и малому, отправляетъ ихъ къ волостному правленію. Не найдя тутъ болѣе ничего, идуть въ другой дворъ. И опять, чрезъ нѣсколько дворовъ, найдуть гдѣ платонъ, а гдѣ очилокъ*) или что такое-же, все изъ уворованныхъ вещей и все находятъ одинъ Денисъ на чердакѣ: — конечно, пристальнѣе всѣхъ искалъ; гдѣ найдуть что изъ уворованныхъ вещей, то и забираютъ всю семью и тащатъ къ волостному правленію и запираютъ въ колодную; полнехонькому насажали и мушину, и бабъ, и дѣвокъ и малыхъ, дѣтей.

Начали ихъ спрашивать, допрашивать — и что же? всѣ въ одно говорить: — «Знать не знаемъ! всѣ видѣли что я и дома не былъ.» — «Бѣтъко икъ не дождетъ, чтобъ я когда на такое скверное дѣло пошелъ!» подобно тому всѣ говорятъ; никто не признается, не чѣмъ и доказать

«Что изъ того, что нашли на чердакѣ поясъ чей, или гдѣ плахту; можетъ какой бездѣльникъ выкралъ, да вещи и подбросилъ по другимъ дворамъ, чтобъ отъ себя подозрѣніе отвести.» Такъ сказалъ Денисъ Лискотунъ, вынимая изъ за голенища трубку . . . да какая-же чудесная была! коренковая, одовомъ опривленная, съ крышечкою и съ мѣдною цѣпочкою, — «Смотрите —

*) Чепецъ.

прибавил онъ: — чтобъ напрасно кого не обвинить!»

— «Правда его, правда! — сказали голова, что собравши въ горсть свою длинную, сѣдую бороду, сидѣлъ молча и придумывалъ, что ему въ такомъ разѣ дѣлать? — «Правда — говорить — выпустите людей изъ колодной, они не виноваты, можетъ и въ самомъ дѣлѣ имъ подброшено! какой съ чорта разумный вотъ этотъ Денись! тотчасъ догадался. Вотъ я же и самъ додумывался и съ стариками совѣтовался, такъ никому такая мысль не пришла въ голову. Уже точно, что ростеть голова, лишь-бы здоровъ былъ!»

Погулявъ Денись денька два въ селѣ, *поверковазил* *) на улицѣ, не одной дѣвкѣ отъ любви далъ *тасуна* **), не одной рукавъ порвалъ удерживая, чтобы не уходила отъ него; не одинъ десятокъ, научилъ парубковъ московскія пѣсни пѣть, которые самъ, ходя для заработковъ по разнымъ мѣстамъ, зналъ множество; не одну пару ссорившихся не допустилъ до драки, развелъ и потомъ помирилъ; не одинъ совѣтъ далъ головь, что дѣлать съ неплатящими общественнаго или атаману, при нарядѣ рабочихъ на починку дорогъ; не одному хозяину помогъ плетень городить, сколько копечъ хлѣба смолотилъ — на всѣ руки былъ нашъ Денись! порабатавши и погулявши такъ, овятъ пустился на заработокъ, на нѣсколько недѣль изъ села. И какъ тужили по немъ и хозяева и всѣ; а *дѣвчата* ***) такъ и мѣры нѣтъ!

«Или тебѣ, Трофимъ, талану нѣтъ, или кто тебя знаетъ? такъ говорила старая Вечерика, вдова, своему сыну, что часто ходить на заработки и недавно былъ даже въ городѣ своемъ и пробывши тамъ недѣли двѣ, едва находилъ столько работы, чтобы про-

кормиться, а домою ничего и не принесъ. Такъ вотъ мать печалась, такъ говорила ему: — «Всѣ зарабатываютъ и всѣ приобрѣтають къ хозяйству и всѣ богатыють; а ты вотъ никакъ не разживеешься ни чѣмъ, чтобъ завести хозяйство какъ люди. Что было кое-что, не многое, послѣ отца, то издержали женивши тебя; я думала, послѣ заработаемъ, певѣстка поможетъ. Невѣстка ночь и день работаетъ, а я, на бѣду себя, захворала. Въмѣсто помощи отъ меня, нада вамъ и на меня работать! тутъ пошли дѣти, мальчику уже шестой годикъ, попалъ въ ревизию, нужно и за него платить; дѣвчонокъ двое, имъ еще не работать, а кормить ихъ должно и все-же-то дай, да дай! А у тебя, сыночекъ, однѣ руки, не надаешь. Я же говорю, видно и талану нѣтъ. Люди ходять на заработокъ или и здѣсь, такъ все зарабатываютъ, собирають; а ты, хоть и здѣсь поработаешь или пойдеши въ другое мѣсто, все получиши только на прокормленіе наше, а чтобы для хозяйства что приобрѣсти, такъ и не говори? Когда бы ты *вспомогся* *), какую нибудь лошаденку приобрѣлъ, все-бы лучше было! другая работа, другой и заработокъ былъ-бы.»

— Что-жъ, мамо, дѣлать? — говорить Трофимъ: — я и самъ вижу, нѣтъ счастья ни въ чемъ! работаю до кроваваго поту, да уже и силъ не стаеть. Хозяева, глядя на меня, что я такой себѣ худой, не охотно принимаютъ работу. Гдѣ тебѣ — говорить — противъ здороваго сработать?» и дають цѣну, меньшую противъ другихъ работниковъ, работаешь усердно, не лѣнишься и такъ — нечего таять — иногда сработаешь и больше, и лучше противъ здороваго, а отъ хозяина все одна честь: «не сможешь — говорить — работать;» какъ же плата мала, такъ и недостаточно ни на что; только пропи-

*) Ноповѣсничалъ.

***) Таску.

***) Деревенскія дѣвушки.

*) Собралъ съ силами.

тываешься, а въ домъ — и не говори — припесть что! кабы не жена работала, такъ-бы уже были бы и безъ обуви и безъ хлѣба, а зимою померзли-бы.

«Надобно-же, сыночекъ, что нибудь думать — сказала мать: — «посмотри на людей, посоветуйся съ ними, куда бы пойти тебѣ для лучшаго заработка? . . . Спросился бы еще у Лискотуна? тотъ уже чего не знаетъ, все знаетъ. И наглядься, таки, въ свѣтъ. А сколько зарабатываетъ! уже что мать его: бѣднѣ меня была; теперь-же поди съ нею! одѣта какъ мѣщанка. Или онъ, какъ вырядится въ праздникъ и выйдетъ на улицу, такъ куда противъ него и писарь нашъ! а денегъ, и всякаго добра, мало-ли онъ приносить? спроси, сыночекъ, его; пускай-бы посоветовалъ, куда пойти тебѣ? или вмѣстѣ-бы съ нимъ пошелъ.»

— «Спрашивалъ его, мамо! — Просилъ, чтобъ взялъ меня съ собою; чтобъ вмѣстѣ зарабатывать.

— «Посмотрѣлъ на мепя быстро и долго такъ смотрѣвши, отошелъ и слова не сказалъ. А потомъ все уже отъ меня удалялся. Пускай онъ себя остается! онъ богатъ, такъ и гордится противъ меня, бѣднаго. Не хочу его затрогивать, буду самъ по себѣ. — А что, мамо? думаю еще идти въ губернію, не будетъ ли тамъ счастья?»

Какъ ни хотѣла мать, чтобы онъ разбогатѣлъ, но при мысли отпустить его въ такую даль, въ губернской городъ, испугалась разлуки съ нимъ. — «Охъ, сыночекъ, мой голубчикъ! близко-ли же это? вѣдь полтора ста верстъ! . . . На кого-же ты насъ оставишь? да какъ и самъ такую даль пройдеши? вѣдь это на концѣ свѣта!»

— «Что-же дѣлать, мамо? въ послѣдній разъ пойду. Если не будетъ и тамъ счастья, никуда больше не пойду. Какъ будетъ, такъ и будетъ. Подъ лсжачій камень и вода не бѣжитъ.»

Тужила, горевала мать, плакала крѣп-

ко жена, а нечего дѣлать! проводили своего Трофима въ губернію, гдѣ, слышно, собирается многочисленная ярмарка объ Успеневомъ днѣ; со всѣхъ мѣстъ съѣзжается много купцовъ, привозятъ множество разныхъ товаровъ и слышно, что, при счастьѣ, можно хорошо заработать.

Трофимъ нашъ пришелъ въ губернский городъ, доспросился, гдѣ становится ярмарка. Народу ужасное множество, и протолкнуться не можно. Пробирается онъ между людьми, и не знаетъ самъ куда и для чего. Думаетъ, не отыщеть ли мѣста, гдѣ ищущіе работы сидятъ... какъ вотъ, кто-то схватилъ его за руку и спрашиваетъ: — «землякъ! не ищешь-ли работы?»

Трофимъ глянулъ на него, видитъ — купецъ, но такой уже купецъ, что бороду брѣветъ и ходитъ во фракъ. Онъ поспѣшилъ снять шапку, поклонился и говоритъ: — ищемъ, *господа купецъ!* не пошлетъ-ли Богъ добраго хозяина?»

— Честный-ли ты человекъ, не бѣдѣльникъ-ли, не лѣнивъ-ли?»

«Отъ роду не сдѣлалъ никому никакого худа. Уменя этого и въ помыслѣ нѣтъ. Работать-же будемъ, какъ сами увидите.»

— Ступай-же за мною.

Вотъ и привелъ его къ своей квартирѣ. На дворѣ много повозокъ накладенныхъ ящиками, коробами съ товаромъ. Хозяинъ приказалъ: — «смотри, какъ придутъ извозчики съ лошадыми, такъ пусть запрягаютъ и везутъ весь товаръ къ моей лавкѣ. Они знаютъ гдѣ она. Ты будь при нихъ и съ ними спешь всѣ ящики въ лавку, и не отходи отъ лавки пока я приду. Вотъ и товарищъ твой.»

Взглянулъ Трофимъ на подошедшаго товарища, а нъ это Денисъ Лискотунъ, только уже не такъ живъ и веселъ, какъ былъ въ своемъ селѣ; платье на немъ старенькое, подпоясанъ веревочкою и шапка негодная.

«Здравствуй, братъ Денисъ! — тотъ

часть привѣтствовалъ его Трофимъ: — «откуда ты взялся тутъ?»

— Да; откуда! Вѣдь же ты и отъ роду не бывши здѣсь, да пришелъ-же; а я и часто бываю.

Пустились въ разспросы. Трофимъ узнавалъ отъ него, какъ лучше и чѣмъ прибыльнѣе зарабатывать, какія цѣны въ день, и какъ что водится. Денисъ же и говорить съ нимъ не хочетъ: скажетъ слово, точно какъ не ѡншн, и отвернется отъ него.

Какъ я гляжу на него — думаетъ себѣ Трофимъ: — такъ онъ здѣсь еще болѣе гордится, чѣмъ въ нашемъ селѣ! И притворяется бѣднымъ, чтобъ больше цѣну взять за работу. Чортъ знаетъ, какъ хитѣрь!

Хозяинъ обрадовался, что оба работника его съ одной деревни и приятели между собою. Приказавши имъ что дѣлать, пошелъ, а про цѣну, по чѣмъ будетъ платить Трофиму въ депъ или понеѣдльню, не сказалъ.

Затужилъ Трофимъ и спрашиваетъ Дениса, что дѣлать?

А врагъ его возьми? — еказалъ сердито Денисъ: — когда не по нашему желанію заплатитъ, такъ мы и сами себя наградимъ. Только держися и слушай меня, такъ будемъ на вѣкъ съ хлѣбомъ.

Трофимъ удивился не много, слыша, такъ разсуждающаго Дениса, а потомъ и оставилъ безъ вниманія, подумавъ: — Что онъ это говоритъ? — и началъ обходить телѣги съ товаромъ.

Явились извозчики, запрягли телѣги и перевезли товаръ къ лавкѣ; снесли, сложили, какъ вотъ пришелъ и хозяинъ. Разсчитавшись съ извозцками, отпустилъ ихъ, притворилъ лавку, отбили ящики и начали вынимать товаръ . . . Господи милостивый! все-же то серебро да золото! ничего нѣтъ деревянаго, и косянаго, все серебряное, все серебрянное и золотое! И ложки, и тарѣлки, и ножи и вилки; есть и чаши господскія и всякаго товару мно-

жество! Много было и церковнаго; а табакерокъ, серегъ, перстней, такъ точно можно было мышья наполнить!

Работники вынимаютъ и подаютъ хозяину, а тотъ разборачиваетъ и разставляетъ . . . Трофимъ, въ первое отъ роду вида такіа дорогія вещи, боятся и взглянуть на нихъ, а Денисъ и нужды нѣтъ! еще когда, что, то на рукѣ и взвѣшиваетъ, будто знаетъ толкъ. Какъ же Денисъ, бывавъ прежде при такихъ дѣлахъ, понятливѣе и проворнѣе Трофима, то хозяинъ первому и поручаетъ болѣе чѣмъ Трофиму, который въ первый разъ видитъ такую ярмарку и такіа вещи, и во снѣ имъ невиданныя, такъ отъ того онъ и неловокъ и кажется непонятливымъ.

Хозяинъ показалъ Денису, какъ замыкаются «нѣмецкіе» замки при лавкѣ; а какіе мудреные были! И назадъ отмыкаются, и на три части разнимаются, и понять не можно, какъ они хитро сдѣланы! Не умѣя, ихъ ни замкнушь ни отомкнешь. Замкнувши хозяинъ лавку, далъ каждому работнику по полтиннику и сказалъ имъ, чтобы шли гулять себѣ, куда кто хочетъ, а вечеромъ, чтобъ приходили къ квартирѣ.

Пошли наши земляки разсматривать ярмарку. . . . Такъ чтоже? къ Денису тотчасъ и явились приятели и все москаля, Русскіе. Здравуются съ нимъ, разспрашиваютъ гдѣ былъ; потомъ начали шептать и поглядывать на Трофима и что-то про него говорить. Ему стало страшно, онъ отчалилъ отъ нихъ. Пошелъ на рынокъ, купилъ хлѣба, огурцовъ, пшенички (кукурузы), дыню; пришелъ на квартиру, пополуничалъ хорошо и прилегъ, ожидая хозяина. Не скоро потомъ пришелъ и Денисъ. Замѣтно было что есть у него въ головѣ, скоро улегся, не захотѣлъ ужинать, отговариваясь что голова болятъ.

Пришедши 'домой' хозяинъ, далъ

Трофиму чарку водки передъ ужиномъ; послѣ того хозяинъ сказалъ ему: — вотъ такая тебѣ плата и харчъ будетъ ежедневно черезъ всю ярмарку, только служи честно и будь проворенъ какъ Денисъ. Завтра, чуть свѣтъ иди съ нимъ къ лавкѣ; прикащики мои что прикажутъ тебѣ исполняй и слушай ихъ какъ меня. Сидя подлѣ лавки съ Денисомъ, присматривайтесь, чтобы кто чего не утащилъ; а ночью, по очереди, будете около лавки ходить и оберегать. Примѣчай, какъ Денисъ служить и ты такъ служи. Замѣтишь что не доброе, тотчасъ мнѣ скажи, хотя бы въ полночь, разбуди. Кромѣ ежедневной платы, я тебя награжу за твою правду и когда будешь такой расторопный и честный.

Ложась спать, Трофимъ отъ искренняго сердца поблагодарилъ Бога, что послалъ ему татую работу, не тяжелую, харчъ отличную, какой дома и на «великъ день» не бываетъ, и полтинникъ каждый день. Десять дней ярмарки, десять полтинниковъ, ахъ это выходить, что онъ принесетъ домой пять цѣлковыхъ. Это не шутка! чего только не можно за такую сумму накупить? — Такъ рассуждалъ себѣ Трофимъ и веселился заранѣе.

Началась ярмарка. Трофимъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на пановъ, стекавшихся во множествѣ; онъ никогда ихъ столько вмѣстѣ не видалъ. Но пристальнѣе наблюдалъ за простыми людьми проходящими мимо лавки и съ любопытствомъ заглядывающими въ нее. Это уже примѣта не добраго человѣка. Когда замѣчалъ такого, праздно стоящаго и звающаго, будто по сторонамъ, то Трофимъ — безъ дальней церемоніи — прогонитъ такого. Денисъ же, никогда не наблюдалъ за этимъ, ему некогда было. Какъ замѣтитъ, что много пановъ подойдутъ къ ихъ лавкѣ, то тутъ — гдѣ возмутся? — и москаль, и цыганы и жида, и все къ Денису, и отвѣдутъ его подальше и все

съ нимъ долгонько шепчутся и иногда на Трофима поглядываютъ.

Спрашивалъ его иногда Трофимъ, что это за люди и за чѣмъ они къ нему? Такъ онъ всегда нахмурится и даже съ сердцемъ скажетъ: — «Чего ты за другими присматриваешь? знай себя: я за тобою не смотрю, не примѣчай и ты за мною . . . то мои старинные знакомые, я съ ними служилъ по городамъ».

Куда имъ было гдѣ служить? Все были такіе оборванные, *ошарпаные*, (*) что и смотрѣть на нихъ было гадко!

Однѣй разъ, подошла цыганка, да премерзкая и неопрятная, словно нищая. Идучи мимо лавки, мигнула на Дениса; тотъ за нею, да въ уголокъ и начали что-то шептать. Трофимъ присматривалъ за ними долго — и что то у него на сердцѣ ёкнуло какъ будто сказало ему, что тутъ есть недоброе. Поговоривши себѣ, цыганка пошла. Денисъ посидѣвъ особо и подумавъ, пришелъ къ Трофиму, смотрѣлъ ему въ глаза долгонько, а потомъ и говорить: — «Бѣдность твоя велика, да не умѣешь какъ совладать съ нею. Усердно служишь себѣ же на бѣду. А врядли доставить тебѣ хозяинъ то, что ты самъ приобретаешь?»

«Какъ и заработать больше? — сказалъ Трофимъ: — вотъ и тутъ плата хороша и работа не тяжела, а все больше не можно получить».

— Можно —

«А какъ? скажи».

— Скажи мнѣ, Трофимъ, такъ, по всей справедливости: ты расположенъ вѣрно и честно служить хозяину?»

«А какъ же и служить, когда не совсемъ усердіемъ?» сказано: нанялся, продался. Я хозяйской крошки не хочу и если-бы видѣлъ, что мой родной братъ тратитъ хозяйское добро, то я и ца брата объявилъ-бы».

(*) Общипанные

— Исполать тебѣ, Трофимъ! — ска- залъ ему Денисъ и ударилъ его слег- ка по плечу. Такъ и по вѣкъ служи, разбогатѣешь! — и отвернулся отъ него; но Трофимъ замѣтилъ, что онъ усмѣхнулся при этомъ

«Что это сдѣлалось съ нашимъ Де- нисомъ? думаетъ себѣ Трофимъ: — какъ я посмотрю, такъ онъ тутъ другой человекъ, чѣмъ былъ въ нашемъ селѣ».

Такъ онъ думаетъ себѣ сидя въ сто- ронѣ, какъ вотъ оицѣ таже цыганка: Денисъ подошелъ къ ней, что-то мно- го говорилъ, а Трофимъ только и слы- шалъ: — « — дуракъ . . . ему и ска- зать нельзя . . . мы и сами сдѣла- емъ . . . »

Цыганка пошла.

Стало смеркаться. Прикащики отъ лавки начали расходиться: кто въ те- атръ, кто въ баню, кто-куда. Послед- ній прибралъ все, вышелъ и говорить Денису, какъ и каждый вечеръ бывало:

— Замкни лавку и подай мнѣ ключи. Денисъ запираетъ, закручиваетъ замки, и хотя кректитъ съ инимъ, но Трофиму показалось подозрительно, что онъ скоро управился съ мудреными замками. При- кашникъ, принявъ ключи, пошелъ сво- ею дорогою. Денисъ куда-то отворот- тился, а Трофимъ тихонько подошелъ, осмотрѣлъ замки . . . что за недоб- рая мать! хотя бы одинъ замокъ зам- кнуть! всѣ три висятъ даромъ . . . та- кой-то Денисъ!

Тутъ подошелъ Денисъ и говорить:

— Иди себѣ, товарищъ, на квартиру и ложись спать. Мнѣ ужина не приноси; и какъ въ хатѣ жарко, такъ я здѣсь пробуду всю ночь и за тебя. Ты уже не приходи отъ полночи, а спи себѣ».

«Такъ вотъ что это значитъ? хоро- шо-же!» подумалъ себѣ Трофимъ и пошелъ къ квартирѣ сперва тихо; но какъ зашелъ съ глазъ Дениса, такъ тутъ уже почти побѣжалъ скорѣе къ хозяину. Какъ на то хозяинъ дома и зазвавши гостей, потчиваетъ ихъ чаемъ.

Трофимъ войдя прямо, рассказалъ все что замѣтилъ прежде за Денисомъ, какъ что происходило и какъ черезъ него лавка теперь не заперта.

Услышавши все, хозяинъ испугался крѣпко и даже поблѣднѣлъ. Послѣ по- благодаривши Трофима за усердіе, пол- нѣсь ему двѣ чашки чаю сладкаго и пересладкаго! Послалъ скорѣе отыскать прикащика съ ключами. Насилу гдѣ-то его отыскали. Хозяинъ схватилъ ключи, съѣлъ на дрожки и съ фонаремъ скорѣе побѣжалъ къ лавкѣ.

Прибѣжавши, осмотрѣлъ . . . такъ и есть! Ни одинъ замокъ не замкнутъ! началъ кликать Дениса, а Дениса и не слышать! . . . Можъ онъ и сидѣлъ все время подлѣ лавки, да какъ увидѣлъ хозяина прискакавшаго съ фонаремъ, такъ и догадался, что умыселъ его от- крытъ; оттого и притаился тутъ же и не отозвался хозяину

Вошелъ хозяинъ въ лавку . . . слава Богу! все цѣло, все благополучно. Замкнувши уже самъ все какъ слѣдо- вало, тутъ же приговорилъ сосѣдней лавки сторожей, чтобъ надсматривали и за его.

Какъ благодаренъ былъ Трофиму! — Даже поцѣловалъ его, что отвелъ отъ него такую бѣду и заблаговременно объявилъ. Тутъ же далъ ему цѣлковый, сказавши:—«уже не по полтиннику буду давать тебѣ въ день, а отъ сего дни по цѣлковому. Отпускаю, награжу тебя какъ самъ знаю и какъ не ожидаешь, за то что ты честный человекъ. Старайся и впередъ: что замѣтишь, услышишь, тотчасъ мнѣ скажи. Теперь не ходи къ лавкѣ. Чтобы тотъ бездѣльникъ не сдѣлалъ тебѣ какофо худа. Караульные при лавкѣ есть».

Какъ-же утромъ услышали, что три лавки въ ту ночь обокрадены, такъ тогда хозяинъ еще больше благодарилъ Трофима, что остерегъ его. «Было бы и мнѣ тоже — говорилъ онъ: — Денисъ вѣрно и тамъ участвовалъ и ко мнѣ въ лавку привелъ-бы».

«Господи милостивый!» — думалъ себѣ Трофимъ: — «какъ это скоро чело-вѣкъ перемѣнился! Какой былъ бра-вѣй парень, лучшаго и отыскать не-можно было; а теперь, вдругъ разбез-дѣльничался!»

Разъ, сидитъ Трофимъ подлѣ лавки, смотреть, ведутъ арестантовъ. На пе-реди и назади ихъ солдаты съ ружь-ями. Присматривается Трофимъ, . . . между ними идетъ и Денисъ . . . «До-жилъ чести!» подумалъ Трофимъ и стало ему земляка жаль. Подбѣжать къ нему и подаль что случилось у него, въ поданіе ему. Что же Денисъ? гля-нуть быстро и увидѣвъ что это Тро-фимъ, какъ заскрипитъ зубами, глаза побагровѣли — и бросилъ ту милосты-ну далеко и сказалъ: — «лучше-бы я пропалъ, чѣмъ тебѣ видѣть меня въ такомъ поруганіи!» — и пошелъ не ог-лядываясь.

Разсказалъ это Трофимъ хозяину, а онъ сказалъ: — «Переловили всѣхъ что лавки обокрали, схватили и Дениса. На него доказываютъ что онъ ихъ привод-чикъ, и съ ними вмѣстѣ воровалъ уже по другимъ мѣстамъ нѣсколько лѣтъ, такъ ни въ чемъ не признается.

Кончилась ярмарка. Пошли расчеты. Хозяинъ расчиталъ Трофима и кромѣ того, что давалъ ему за каждый день по цѣлковому, при прощаньи, далъ сто рублей говоря: — «Возьми, Трофимуш-ка? ты мнѣ десятки тысячъ спасъ; бла-годарю тебя?»

И какъ обрадовался Трофимъ! — Какъ же иначе? Сколько онъ денегъ при-несетъ домой! Никогда еще онъ не за-работывалъ столько. «Спасибо, что хо-зяинъ далъ золотыми, такъ ихъ можно такъ запрятать, что и не потеряю и не примѣтитъ никто; цѣлковые-же за-прячу особо» Такъ разсуждалъ Тро-фимъ и полунимперіалы зашилъ въ ону-чи, а какіе были серабряные, съ мѣ-лочью, вшилъ въ полы свиты своей. Не можно было замѣтить, что при немъ есть деньги!

Собравшись совсѣмъ, пошелъ изъ го-рода и никуда болѣе, какъ прямо до-мой. «За чѣмъ ходить по другимъ мѣ-стамъ? — такъ разсуждалъ онъ доро-гою: — благодареніе Богу, заработалъ столько, что будетъ для всѣхъ насъ. Тотчасъ куплю лошадь, исправлю теле-гу и пошелъ зарабатывать лучше, чѣмъ одними руками. Женѣ накуплю льну, пускай прядетъ; найму работни-цу; въ двоимъ болѣе нарабotaютъ. Матери все доставлять буду, чего толь-ко пожелаетъ. Когда доселѣ бѣдство-вала, пусть на старости, въ роскоши поживетъ. Дѣточекъ приѣдну; на зи-му дровъ промышлю и всѣмъ запасусь. Будемъ жить и горя не знать».

Сердечный!

Иногда приходилъ ему на мысль не-счастный Денисъ. Онъ жалѣлъ о немъ, что такъ скоро развратился и вдался въ недобрый дѣла. Разсуждалъ, какъ удивится все село, когда услышнть отъ него, про развратную жизнь чело-вѣка, лучше котораго въ поведеніи и умнѣе, не было между ними. Но раз-судивъ, что Денисъ послѣ первыхъ уроковъ можетъ исправиться и возвра-титься совсѣмъ перемѣнившимся, а онъ пронесетъ про него дурную славу, — не хорошо! и тутъ же положилъ, не гово-рить ничего о Денисѣ, будто онъ его и не видалъ вовсе.

Съ такими мыслями — увы! слиш-комъ рѣдкими въ золоченыхъ гости-ныхъ, — идетъ онъ домой и поспѣшаетъ обрадовать семью своимъ счастьемъ . . . уже верстъ пятьдесятъ осталось ему и до села . . . какъ оглавувшись, ви-дять, догоняетъ его — и кто-же? Де-нисъ! . . .

Руки и ноги опустились у Трофима, душа смутилась, сердце затрепетало, предчувствуя недоброе? Нельзя уже не сойтись съ нимъ; по одной дорогѣ оба идутъ; пойти скорѣе, чтобы успѣть, дойдя до первой деревни, укрыться тамъ, пока Денисъ перейдетъ ее; такъ Трофимъ столько уже прошедши вы-

бился изъ силъ, усталъ крѣпко и какъ бы уже ни поспѣвалъ, Денись, здоровѣе его и привычнѣе къ ходьбѣ, догонитъ . . .

Когда видитъ Трофимъ, что нечего дѣлать, подумалъ: что-же? Божья воля! — буду стараться не идти съ нимъ. буду идти особо, буду приставать, не спѣшить за нимъ, то онъ и отвяжется отъ меня.

Вотъ какъ идетъ, Денись догнавши его, ударилъ по плечу и говорить: — здрастуй, товарищъ! не ушелъ отъ меня?»

— «Здорова, Денись! откуда ты взялся?» —

«А ты думалъ, что Денись ставъ бездѣльникомъ, пойдетъ на каторгу, такъ вотъ ты скорѣе спѣшишь домой, разсказать про меня, что я попался?»

— «Господь съ тобою! какая мнѣ нужда до тебя? Я жалѣю о тебѣ, увидѣвши въ такой бѣдѣ! . . .

«Жалѣю обо мнѣ? ты?»

— «Истинно жалѣю. Ты мнѣ ничего не сдѣлалъ, отчего-же мнѣ желать тебѣ зла? — Скажи мнѣ пожалуста, какъ ты освободился?»

Тутъ Денись такъ взглянулъ на Трофима, что у того всѣ жилки задрожали и на душѣ похолодвало. Потомъ сказалъ: — «освободился! — когда-же на меня напрасно сказали! развѣ не бываетъ на человека напраслины?»

«Какъ безъ того! ты-же меня повеселилъ, что не былъ съ ними.»

— Развѣ я разбойникъ? — га? — грозно крикнулъ на него Денись.

«Кто думаетъ такъ про тебя? *Взгляни на Бога!*»

И замолкли оба, и молча идутъ вмѣстѣ.

Пройдя довольно, Денись опять началъ говорить Трофиму, да такимъ страшнымъ голосомъ, какъ будто со всѣмъ не оупъ. «Ты думаешь, что я черезъ твои замки совсѣмъ погибну?»

— Черезъ какіе замки?

«Черезъ такіе! ты думаешь, я ничего не знаю?»

— Богъ съ тобою! я только слышалъ про тѣ замки и тотчасъ все забылъ.

«Забылъ? — забудешь и на всегда!» — словно промышаль Денись и опять замолчали.

Шли они такъ долго и случилось переходить имъ небольшую деревню. Трофимъ имѣлъ тутъ знакомаго и хотѣлъ зайти отдохнуть и пообѣдать. — «Не нужно!» — уже крикнулъ на него Денись. Смирный, робкій и имѣвшій причину бояться товарища своего, Трофимъ во всемъ сдѣлался ему послушенъ, думая: — «не буду его сердить, буду повиноваться ему; пускай умничаютъ, пока до своихъ мѣстъ дойду; тогда отдалюсь отъ него.»

Прошедши деревню, Денись своротилъ съ дороги, подѣ лѣсокъ, и Трофима позвалъ съ собою.

«Вотъ тутъ отдохнемъ» — сказалъ Денись садясь подѣ грушу. — «Давай! ешь ли что у тебя? пообѣдаемъ или попоудничаемъ.»

— «А что у меня есть?» — сказала Трофимъ и достала изъ сумки хлѣба, рыбы и нѣсколько огурцовъ.

Денись вынулъ изъ за голенища пре-страшный ножъ. Какъ увидѣлъ его Трофимъ, то и обдало его морозомъ! Денись распоряжаетъ чужимъ добромъ, какъ будто собственнымъ: отрѣзалъ хлѣба прежде себѣ, а потомъ швырнулъ кусокъ и Трофиму. Также и рыбы взялъ себѣ лучшей, а кое какой бросилъ Трофиму, какъ собакѣ. Этотъ все терпѣть и молчать, думая про себя: — «донеси меня Господь домой! . . . *пусть тебѣ и со вѣлмъ!* знать тебя не хочу!»

— «Знаешь что, братъ?» — назввшись сказалъ Денись: скверно днемъ идти. Будемъ отдыхать днемъ, потому что крѣпко жарко! ночью больше пройдемъ и далѣе будемъ. Теперь отдохнувши, а вечеромъ, по зарѣ, да прохладною въ ночь какъ не поспѣемъ, такъ мы послѣ завтра и дома будемъ. Ложись, отдыхай пока до вечера.»

Легли наши молодцы и заснули. Пе-

редъ захожденіемъ солнца проснулись, повли—все такъ Трофимовыхъ харчей и пошли.

«У тебя, какъ я гляжу, такъ и нѣтъ ничего для дороги? — спросилъ Трофимъ.»

— А гдѣ у чорта я что возьму? Хотѣ и заработалъ было кое-что, такъ издержалъ въ этомъ апаѣемскомъ острогѣ, а заработать иначе, ты не допустишь. А было-бы и на твою долю! никогда-бы уже не нуждался.

«Ты мнѣ, Денисъ, на удивленіе! такой ли ты былъ въ нашемъ селѣ? это ты таскался по всѣмъ мѣстамъ, набрался такого злаго духу.»

— Цыцъ! молчи! не твое дѣло!»
Что вы думаете: вѣдь настоящій «герой нашего времени» только кафанъ не тотъ. Замолчали и продолжаютъ идти

Черезъ сколько времени, Денисъ отозвался къ товарищу. — «а что? прежде всего женѣ расскажешь, а тамъ и кѣголовѣ пойдеши проповѣдывать, какъ Денисъ Лискотунъ хотѣлъ лавку обокрасть и какъ ты остерегъ хозяина, и какъ Дениса изъ острога подъ карауломъ водили къ допросу, и какъ ты ему милостыню подавалъ? — Га—а—а!»

— Нѣтъ, Денисъ! не знаешь ты меня. Это страшное дѣло, чтобы про кого объ этомъ рассказывать. Богъ да проститъ тебя за это преступленіе! ты покаешься и оставишь такіа мерзкіа дѣла. Что-же? споткнулся, да и спохватился. Рассказывать-же не мое дѣло. Не токмо женѣ, я и о себѣ молю Бога, чтобы забыть объ этомъ вовсе, потому что надѣюсь, ты покаешься.»

— Какъ-же? вѣстимо что покаюся: такъ и начну молебны надвигать, денегъ только нѣтъ, не разжился, ты мнѣ помѣшалъ добыть ихъ, такъ ты мнѣ дай ихъ. — А что, Трофимъ? скажи по правдѣ: много тебѣ хозяинъ далъ за то, что ты о замкахъ его предварилъ?

«Не я же ему о томъ объявилъ; онъ самъ дознался.»

— Какъ ты тамъ знаешь, а уже вѣрно далъ такъ что нибудь?

«Въ награжденіе, отпуская далъ цѣлковыхъ два.»

— Да заработныхъ; — такъ сколько несешь домой?» и при этомъ, началъ Денисъ шарить что-то около сапога, гдѣ, зналъ Трофимъ, что у него страшный ножъ запрятанъ.

«Кто его знаетъ?» — сказалъ Трофимъ, а самъ весь дрожитъ отъ страху, потому что ночь, ихъ двое и тотъ сильнѣе его. «Я не пересчиталъ ихъ порядочно; сложилъ, да и пошелъ.»

— Видно много, что нѣкогда было и пересчитать. Подѣлимся-же со мною?

«Какъ это?»

— Такъ какъ дѣлятся, по поламъ. Или, можетъ, ты и все отдашь? Вотъ бы исполать, какъ бы все отдать. — И при этомъ больше возился около сапога своего.

«Что ты это, Денисъ, говоришь?» едва могъ проговорить Трофимъ, видя къ чему дѣло клонится.

Мрачно смотрѣлъ Денисъ, потомъ не скоро вскрикнулъ. — «Ну, цуръ тебѣ, съ твоими деньгами, что можетъ, ихъ у тебя прощастъ, когда такъ испугался. Я думаю и это расскажешь, что я, дорогою, хотѣлъ тебя ограбить?»

«Сдѣлай милость, не думай такъ про меня, Денисъ! я тебѣ говорилъ, что никому не скажу, и побожуся въ этомъ и готовъ присягнуть.»

И Трофимъ началъ божиться такъ, что странно было слушать.

— А присягни. — » сказалъ Денисъ и подаль ему горсть земли. — «съѣшь-ка эту всю.»

Трофимъ, какъ говорилъ ему со всѣмъ чистосердечіемъ, не боялся ничего и не бывъ намѣренъ рассказывать никому, съѣлъ всю горсть земли, глотая ее по немногу. *)

*) Страшная клятва, давалъ обѣщаніе въ чемъ либо, съѣсть земли, сколько предложитъ предвѣдѣній обѣтъ.

—«Ну, такъ, товарищъ, теперь я покоешь.—» и сдѣлалъ веселѣе.

Такъ, во всю дорогу, приставалъ Денисъ къ Трофиму. Отъ пустаго слова, и привлжется. Трофимъ же, какъ смиренный и скромный, все поддавался ему, боясь, чтобъ не сдѣлалъ надъ нимъ чего худаго.

Такъ шли ночь, и утромъ нѣсколько прошли. Солнце еще и не поднявшись высоко, начало крѣпко печь, такъ они и своротили въ лѣсокъ и легли тамъ отдыхать.

Какъ же взошло солнце повыше, такъ палило нестерпимо! Ни вѣтеръ не дохнетъ и ни что не колыхнется, до того, что едва дышать можно. Пѣшеходы наши и заснули было, но не можно было никакъ улежать. Мѣста не найдуть отъ зноя. На опушкѣ лѣса солнце жаритъ невыносимо; въ лѣсъ войдутъ, тамъ еще жесточе: ни откуда прохлады, сверху палитъ и ни малѣйшій вѣтерокъ не проходитъ! нашли воду, не отойдутъ; уже и дышать имъ становится тяжело! выкопаетъ каждый себѣ ямку, приляжетъ въ нее, такъ ему немного и легче, можно холодомъ дыкнуть; но и тутъ воздухъ скоро согревается, переходитъ на другое мѣсто — и оттого, при такомъ жарѣ, такъ изморились, до того изнемоглись, что не могутъ и приподняться. Черезъ цѣлый день ни малѣйшаго облачка не было.

Какъ вотъ, гораздо къ вечеру, жаръ сталъ легче, товарищи освѣжились, вздохнули свободнѣе. повли и пошли.

«Когда не польнимся — началъ говорить Трофимъ: такъ свѣтомъ дома будемъ. Отъ этого лѣсу до нашего села, всего двадцать верстъ.»

— И велія милость что будемъ, — сказалъ Денисъ: «только не отставай отъ меня. Я скорѣе тебя иду и все поджидаю. Поспѣвай.»

Вотъ какъ идутъ и верстъ семь прошли, начала съ полудня выходить туча, темно, стѣна, черная, непроницаемая. Приподнявшись немного, начали отъ

нее, точно, какъ откачиваться, клубы сѣрые, густые; заходящее солнце отбрасывало на нихъ лучи свои и золотя свѣтомъ края, дѣлало ихъ на видъ еще страшнѣе. Клубы вьются, свиваются вмѣстѣ, пристають къ черной стѣнѣ, умножаютъ ее и съ нею всходятъ все выше. Солнце скрылось, мрачно стало безъ него, птицы начали сзывать подругъ, молодыхъ птенцовъ своихъ, чтобы укрыть отъ предстоящей тревоги. Одинокіе изъ нихъ, также спѣшили приискать уютное для себя мѣстечко. Больше и больше все затихало: листья на деревьяхъ перестали шевелиться отъ изумленія при видѣ приближающагося чего-то необыкновеннаго; цвѣточки и травки, приподнявшись, остались недвижны, ожидая съ боязнію, уцѣлѣютъ ли они при всеобщемъ потрясеніи? . . . Все умолкло, втайнѣ трепещетъ ожидая великаго, страшнаго . . . вдругъ послышался очень вдалекѣ гулъ, подобно kloкочущему морю или переливу вѣтра. Не земля ли это вдалекѣ стонетъ отъ тяжести быстро скачущей конной силы? . . . усиливающаяся молнія одна освѣщаетъ предметы скрытые мракомъ отъ приближающейся тучи. страшной, грозной! . . .

«Что будемъ дѣлать?» — сказалъ робко Денисъ: — «какъ мы пойдемъ? скоро со всѣмъ будетъ темно. Страшно безъ дороги идти.»

— Вонъ маячитъ лѣсокъ. — сказалъ Трофимъ: — поспѣшимъ туда.

«Гдѣ лѣсокъ?» — Я и его и ничего не вижу.

«Примѣчай, какъ освѣтитъ молнія, такъ отъ дороги на правую руку. Пойдемъ скорѣе, все темнѣе становится.»

Поспѣшаютъ. Туча огромная, густая надвинула и протянулась отъ востока до запада. Со всѣмъ страшно темно. Пока не освѣтитъ молнія, стравники наши не видать ничего. Молнія поминутно загорается на всѣхъ концахъ, громъ грохочетъ съ перекатомъ, точно будто по горамъ катать огромные

камешья и иное, словно, какъ упадетъ съ вершины въ пропасть . . . и эхо разнеситъ гулъ и грохотъ по всемъ мѣстамъ. И громъ стихнетъ, такъ слышеть свистъ, вой, шумъ, клокотанье, страшнѣе самаго грома! . . . а молнія не угасаетъ! . . . Послѣ ея краснаго, яркаго свѣта, еще болѣе не можно ничего и вблизи видѣть!

«Гдѣ ты, Трофимъ?» — дрожа всемъ тѣломъ спрашиваетъ Денисъ. — «Возьми меня, сдѣлай милость, за руку и веди; я ничего не вижу и силъ не имѣю; скоро упаду! . . .»

— Держись за меня, — говоритъ Трофимъ: — уже близехонько, какъ примѣчаю при молніи.

«Я этой молніи боюсь! . . . ахъ, какъ бы скорѣе къ лѣсу! . . . видишь какая страсть находится? . . . вотъ и дождикъ . . . скорѣе, скорѣе, поспѣвай! . . .»

И повисъ онъ со всемъ на руки товарищу. Трофимъ самъ выбился изъ силъ, но тащитъ и его. Съ большимъ усиленіемъ, почти доволкъ его подъ вѣтвистое дерево, положилъ и самъ упалъ,

Тутъ и вся туча надвинула прямо надъ тотъ лѣсъ, гдѣ они укрылись и небо все покрылось, словно, чернымъ сукномъ; вблизи себя ни чего не можно было видѣть. Заревѣла престранная буря: шумитъ подъ небесами, съ восемъ носится по полю, съ ревомъ упирается въ лѣсъ, силится съ мѣста его сдвинуть, изломать, измять, истереть въ щепки! . . . вѣтви трещать, ломаются, падаютъ . . . вдругъ загуло страшно! . . . пронзительный визгъ раздается по всему лѣсу, заглушаетъ громъ . . . и разразилось все страшнымъ ударомъ о землю! . . . земля вздрогнула! эта буря повамила столѣтній, вѣтвистый дубъ. — Одолѣвъ его, сама смокла, какъ будто изумая силъ и могуществу своему . . . но вдругъ разразившійся ужасный громъ, какъ будто пробудилъ ее и излекъ изъ недѣятельности . . . съ новою яростію, съ умножившею дерзостію послѣ унѣха, втори-

грому ревомъ, свистомъ, шумомъ, вломилась она въ середину лѣса . . . пѣтъ пощады ничему встрѣчающемуся . . . вѣтковые дубы валится отъ приближенія, какъ трости, прочіе разбиты въ мѣлкія щепы, ни что не устоитъ противъ нее! . . . неумолкаемые, сильные, потрясающіе небо и землю удары грома, слѣдуютъ за опустошеніемъ бури, какъ бы союзники торжествуя успѣхъ! молнія, ослѣпляя глаза сине-краснымъ свѣтомъ своимъ, зажигаетъ деревья, пощаженыя бурей! дождь уже не каплями идетъ, но проливаясь цѣлыми рѣками, стремится съ своимъ ревомъ и клокотаніемъ, наводняетъ лѣсъ, ищетъ мѣстъ пощаженныхъ бурей и громомъ, быстро затопляетъ ихъ! . . . Ужасъ невыразимый! — точно преставленіе свѣта! . . .

Денисъ не улежить, ни усидитъ и не постойтъ на одномъ мѣствѣ. Ходитъ, перебѣгаетъ изъ подъ одного дерева подъ другое, руки ломитъ, не помнитъ самъ себя. — «Трофимъ, Трофимъ! . . . ты спишь, ты не боишься ничего!» такъ отъ страху вскричалъ онъ.

— Нѣтъ, я не сплю, но и не боюсь.

«Громъ убьетъ.

— Воля Божія! я это знаю, лежу, но молюся Богу.

«Не ужели онъ помилуетъ, если молиться? . . . Уфъ! какъ снова затрещало къ лѣсу!»

— Помилуетъ, только покайся.

«Какъ покаяться такому грѣшнику? меня Богъ не проститъ!»

— «Почему же? — кайся отъ чистаго сердца; твои грѣхи не такъ еще велики. Ты такъ грѣшенъ, какъ и каждый изъ» . . . . . оба они упали на колѣни! . . .

Огненная стрѣла, въ одинъ мигъ прорѣзавъ все небо, ударила въ то самое дерево, изъ подъ котораго только что отошелъ Денисъ и пришелъ къ Трофиму. Дерево было высокое; до половины разбило его въ мѣлкія щепы, и всѣ вѣтви истерло въ прахъ, что и слѣдовъ ихъ не осталось! . . . . .

На силу могъ встать Денись! это было отъ нихъ не далѣе, какъ саженихъ десять.

Опомнившись немного, схватилъ Трофима за руку и началъ просить: — «пойдемъ, пойдемъ отсюда! тутъ насъ Богъ убьетъ!»

— «Куда-же мы спрячемся? — видишь какая бѣда вездѣ! въ полѣ не можно быть, насъ дождь зальетъ: въ лѣсу-же . . . вотъ еще зажгло дерево. . . видишь, горитъ! ни гдѣ нѣтъ спасенія, вездѣ одинаково!»

«Ой страшно, страш . . . страшно!» — дрожа ужасно, Денись уже почти кричалъ. Потомъ вдругъ остановился, началъ всматриваться въ одно мѣсто и дикимъ голосомъ спрашиваетъ: — «кто . . . кто это сидитъ и смотритъ на меня? . . .»

— Богъ съ тобою! нѣтъ никого. Молился Богу, это лучше.

«Меня и Богъ не помируетъ! — ты думаешь, я ничего не . . . Ахъ вотъ еще зажгло!»

— «Помируетъ, говорю; покаяйся! станемъ вмѣстѣ молиться.»

«Какъ мнѣ молятся! — грѣхи мои ужасны! — я . . . я васъ всѣхъ въ селѣ окраивалъ . . . другихъ воровъ не было . . . все мое дѣло! . . . меня подводили другіе . . . а я воровалъ . . . скрывался, притворялся честнымъ . . . передавалъ цыганамъ . . . москалямъ . . . бралъ деньги . . . богатѣлъ . . . лавки обокралъ . . . отвергнулся . . . хотѣлъ и тебя такъ вотъ какъ и того, что вонъ сидитъ и смотритъ грозно на меня, . . .» такъ говорилъ, не помня самъ себя, Денись, бьючи себя въ грудь.

Тутъ вдругъ какъ освѣтила ихъ молнія! . . . какъ разразится громъ, какъ будто небо упало на нихъ! . . . Сба они упали безъ чувствъ! . . . Проливной дождь освѣжилъ Трофима. Не скоро онъ пришелъ въ себя, осмотрѣлся . . . видитъ, Денись бѣгаетъ, блѣдный какъ смерть; ломаетъ руки, не помня ничего, кричитъ страшнымъ голосомъ — «я не только воръ, я душегубецъ. . .»

убійца! . . . зарѣзалъ нищаго . . . думалъ у него деньги найти . . . платье свое окровавилъ только, . . . а онъ грозитъ мнѣ . . . вонъ онъ, вонъ онъ! . . . Господи, ты меня не помилуешь? . . .»

И началъ бѣгать какъ безумный. Оправясь немного Трофимъ, всталъ, началъ его уговаривать, чтобы пришелъ въ чувство.

«Нѣтъ — кричитъ Денись: — мнѣ Богъ смерть дастъ . . . меня громъ убьетъ! я воръ! . . . я притворялся добрымъ, на другихъ свои вины сводилъ, тебя хотѣлъ зарѣзать, чтобы ты про лавку никому не рассказалъ. — Теперь говори. Вотъ меня Богъ убьетъ, а ты Расскажи всѣмъ, каковъ я!»

«Богъ съ тобою, Денись, что ты это все думаешь! повѣрь не мнѣ, Богу святому, что какъ побѣдилъ я, такъ и не солгу, сдержу слово помни свою присягу; не цопрекну тебя ни въ чомъ.»

Трофимъ его такъ уговариваетъ, а громъ такъ и рокочетъ, и молнія даже глаза палитъ!

Гремѣлъ, трещалъ громъ, потомъ началъ затихать, туча перешла. Пересталъ и дождь, только молнія мѣшала хорошо видѣть около; потомъ и она, по немногу, все слабѣе и слабѣе, блистала уже далеко.

Разглядѣвъ Трофимъ, такъ уже начинало разсвѣтать. — «Идемъ, Денись! сказалъ онъ: — уже мы не далеко отъ своего села; пойдемъ скорѣе.» . . . . .

. . . . .

Возвратился Денись въ свое село. Какъ принаряженъ! еще щеголеватѣе, чѣмъ прежде. Веселье, говорливъ, шутить со всѣми встрѣчающимися. Рассказамъ, гдѣ онъ побывалъ, что видѣлъ, нѣтъ конца,

Прибѣжавшіе отъ стада два пастуха, объявили головѣ, что въ такомъ то мѣстѣ не далеко отъ села, лежитъ мертвый человекъ; кто такой? какъ? и отъ чего умеръ? они, отъ испугу, не рассмотрѣли. Голова немедленно послалъ

надежныхъ людей для караула къ тѣлу, а въ земскій судъ, сочинивъ съ писаремъ, рапортъ, что «сего теченія объявленъ человекъ, по имени и прозванію неизвѣстный скоропостижно умершимъ отъ неизвѣстности случая смерти, и оный поименованный скоропостижно умершій, лежитъ въ сказанномъ мѣствѣ благополучно, во ожиданіи предписаній того суда.»

Молва объ этомъ разнеслася по селенію скоро. Изъ хозяевъ, многие были въ отлучкѣ, но изъ ихъ семействъ никто не потревожился. Трофимова же мать и жена лишь услышали объ этомъ, тотчасъ вскрикнули: — ахъ бѣда! это Трофимъ, навѣрно Трофимъ!» — сердце въстало! — сколько онъ ни просили голову, чтобы дозволилъ удостовѣриться, онъ-ли или не онъ? и когда онъ, такъ взять домой или хотя и на мѣствѣ, прибрать его какъ слѣдуетъ; но голова запретила и думать о томъ, пока не придетъ судъ и не развяжетъ всѣмъ рукъ.

Жители селенія, узнавъ о случившемся, спѣшили собираться къ волостному правленію, туда-же пришелъ и Денисъ. Разслушавши всѣ толки тутъ происходившіе и видя что назначаютъ понятые, онъ сказалъ голова: — дядюшка-голова! назначьте и меня, когда я вамъ угоденъ, въ понятые, для осмотра тѣла.»

— Я хотѣлъ тебя просить, чтобы ты согласился. Ты по своему разуму, будешь намъ полезенъ совѣтами. Такъ сказалъ голова и старики, кланаясь, просили его о томъ-же.

«Хорошо — сказалъ онъ, и прибавилъ смѣясь: — «мы его осмотримъ, рассмотримъ какъ и чѣмъ онъ убитъ или зарезанъ; тутъ же и свидѣтелей распросимъ, какъ у нихъ дѣло было.»

Бывшіе тутъ молодые парни, даже захохотали и говорить: — ахъ, что это за Денисъ! у него ко всему шутка готова. Какіе въ полѣ свидѣтели? сказать-бы деревья скажутъ, такъ и нѣтъ тамъ ни одного.

— Такъ есть трава, бурьянъ, перекати . . . поле . . .» Ни кто не замѣтилъ, что онъ едва могъ выговорить послѣднее слово; и какъ ни хохотали товарищи шуткѣ его, но Денисъ, противъ воли и привычки, смутясь, поспѣшилъ отойти отъ нихъ.

Какъ вотъ и кококольчикъ . . . самъ исправникъ прискакалъ, а за нимъ и лѣкарь. Послѣ разспросовъ, приступили къ дѣлу. Исправникъ замѣтивъ между понятыми присягающаго Дениса, сказалъ голова: — «за чѣмъ въ понятыхъ такой молодой парень? тутъ пужны старики и добросовѣстные къ тому.»

— Это, ваше благородіе, — сказалъ голова, — хотя молодой человекъ, но у насъ и между стариками, нѣтъ такого разумнаго, разсудительнаго, понятнаго и честнаго макъ онъ.

«Хорошо-же; пусть онъ при мнѣ будетъ не отлучно для приказанія и посылки» — сказалъ исправникъ; а Денисъ видя себѣ такое отличіе, еще болѣе началъ франтить и гордиться. На равныхъ себѣ и не глядитъ.

Еще и не подошли со всѣмъ къ тѣлу, какъ жена и мать Трофимовы, шедшіе туда-же съ другими женщинами, съ шестилѣтнимъ сыномъ его, закричали: — «это Трофимъ, мой Трофимъ!» и зарывающъ упали на него.

Подошедшіе понятые подтвердили то же.

Исправникъ хотѣлъ-было немедленно приступить къ освидѣтельствуванію тѣла, но когда жена и мать, начали просить его, чтобы позволилъ прежде всего оплакать покойника, «какъ законъ (обычай) велитъ», то исправникъ подумавъ, сказалъ; — «пускай оплачутъ его. Кровь не вода; мы свое дѣло успѣемъ койчить» — и сталъ подлѣ нихъ съ лѣкаремъ. И Денисъ, въ шапкѣ на бекрень, избоченаясь, туда же къ чиновникамъ равняется, и слушая приговоры женщины и материнскіе надъ Трофимомъ, съ насмѣшкою поглядываетъ на всѣхъ.

Горько плакала жена и мать надъ

покойникомъ, единственною ихъ отрадою и надеждою въ пропитаніи. По обычаю, каждая исчислила въ подробности, чего она въ немъ лишилась и какая горестная, ужасная будущность ихъ ожидаетъ . . . какъ вдругъ мальчишка, сынъ убитаго, лезя, съ плачемъ около тѣла его, вскрикнулъ: — «а что это тата такъ крѣпко въ рукѣ держитъ?»

Исправникъ услышавъ это, приказалъ Денису посмотреть и подать къ себѣ.

Денисъ бросился проворно, вынулъ изъ руки, посмотрѣлъ, вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, сгерь въ рукѣ, бросилъ далеко отъ себя и сталъ какъ вкопанный.

«За чѣмъ ты бросилъ?» — вскрикнулъ на него исправникъ: — «что тамъ такое? покажи сюда!»

— Это . . . это ничего, ваше благородіе! . . . это . . . такъ — бурьянъ! . . .» — говорилъ Денисъ дрожа и блѣднѣя.

«Какой бурьянъ? — покажи сюда.»

— Бурьянъ, трава . . . какъ его зарывали такъ онъ . . . схватилъ рукою перекати по . . . и смѣшался Денисъ со всѣмъ.

«Почему ты знаешь, что онъ именно зарызанъ, когда еще ни кто не свидѣтельствовалъ и не осматривалъ, гдѣ у него рана? И почему ты знаешь, что онъ умирая, хватался именно за перекатиполе? И почему ты одинъ узналъ, что это перекатиполе, когда взятое трудно распознать, что оно есть? Голова! взять его.»

И Дениса, въ началѣ чванливаго своею черкесскою смушковою шапкою, гордящагося, что сталъ приближеннымъ къ исправнику, взяли подъ наблюденіе.

Исправникъ приказалъ понятнымъ приступить къ тѣлу и свидѣтельствовать. Дѣйствительно найдено, что Трофимъ былъ зарызанъ и болѣе того, никакихъ боевыхъ знаковъ не оказалось. Когда же осматривая, сняли сапоги и въ онучахъ нашли защитными пять полуимперіаловъ, то при этомъ Денисъ, завѣсившись со всѣмъ, даже вскрикнулъ:

«видишь и не признался!» Исправникъ слышалъ это.

Въ тоже самое время, мальчишка не понимая ничего, бѣгалъ за катящимся перекатиполомъ, котораго — какъ па то — вѣтеръ спосилъ къ ногамъ, особо стоящаго съ однимъ караульнымъ, Дениса, схватилъ одинъ комокъ и показывая Денису, спрашиваетъ: — что это, дядя? ты знаешь?»

Денисъ, видя безпрестанно около себя, почему-то, беспокоящее его перекатиполе, и тутъ же идущаго къ нему съ грознымъ лицомъ исправника, слышавшаго его сожалѣніе о утайкѣ Трофимомъ полуимперіаловъ, до того потерялся, что крѣпко отпихнувъ отъ себя мальчишка, вздумалъ было бѣжать; но по приказу исправника тотчасъ былъ схваченъ.

«Довольно!» — крикнулъ исправникъ: — это твое дѣло! ты не видѣвши еще, зналъ, что Трофимъ именно зарызанъ. Ты пожалѣлъ, что не зналъ о полуимперіалахъ; боишься перекатиполи. Отъ чего это? говори всю правду, какъ было дѣло?»

Еще было Денисъ принимался отлыгаться, но чуть только онъ начнетъ запыраться, то исправникъ прикажетъ подносить къ лицу его перекатиполе . . . Денисъ побѣднѣетъ, задрожитъ, собьется въ словахъ, наконецъ запутавшись и сбившись во всѣмъ, былъ изболоченъ рѣшительно и понуждаемъ отъ исправника, вздохнувъ, перекрестился и началъ говорить:

«Грѣшенъ Богу, Государю и вамъ добрые люди! не одно это мое дѣло — и онъ со всею искренностью пересказалъ то, что мы уже знаемъ.

«Когда гроза утихла, продолжалъ Денисъ, мы пошли. Утро, послѣ грома, было веселое, солнце всходило часто, ясно; травка ожила, птички перелетывали, щебетали . . . но все это меня мучило! къ тому-же, и Трофимъ былъ необыкновенно веселъ. Видя меня унылаго, мрачнаго, онъ старался развеселить меня, рассказывалъ что уже мы

очень близко от своего села и понуждал меня скорѣе итти. Говорилъ мнѣ, какую онъ радость несетъ домой, какъ устроить свое семейство, какъ заживетъ выйдя изъ бѣдности! . . . Всякое слово его было для меня острымъ пожемъ въ сердце! . . . Я попалъ, что у него денегъ, конечно, много; я же не несъ ихъ домой, какую скажу тому причину по чему не заработалъ ничего? Тутъ невольно Трофимъ разболтается, скажетъ обо мнѣ что знаетъ—и я пропалъ! мысль эта тяжко нашла мнѣ на душу, стѣснила сердце; а тутъ веселость Трофимова, которую приписывалъ я торжеству его приближающейся моей гибели, такъ взволновала мою кровь и привела въ такое бѣшенство, что я не помня ничего, кинулся на него, повалилъ его на землю, одной рукою и кольтномъ держалъ его, а другою рукою спѣшилъ вынуть изъ сапога ножъ свой которымъ я, во всю дорогу, рѣзалъ Трофимовъ хлѣбъ и только имъ прокармливался. . . .

«Господи! какъ умолялъ меня Трофимъ пощадить его, заклиналъ Богомъ, спасеніемъ души моей, умолялъ матерью, женою, дѣтьми своими, пощадить его! давалъ страшныя клятвы, что—онъ никому ничего не скажетъ . . . Я не внималъ ничему и торопился достать ножъ, далеко въ сапогъ запавшій.

«Дай-же мнѣ хоть помолиться Богу?» стоная просилъ онъ.

— «Помолишься и на томъ свѣтѣ,» *лутул*, *) какъ кровожадный звѣрь, говорилъ я. Онъ-же, поднявъ глаза къ небу — такъ и вижу этотъ взглядъ его — сказалъ: «не несетъ Богъ никого, кто бы былъ свидѣтелемъ

моей невинной смерти!»—Тутъ приказалось къ нему это проклятое перекатиполе . . . онъ взглянулъ на него и сказалъ:—«Господи Боже! поставь перекатиполе свидѣтелемъ моей смерти.» . . .

«Признаюсь, мнѣ стало такъ смѣшно, что онъ такой пустой, дрянной травѣ предоставляет свидѣтельствовать на меня, . . . и я расхохотался и сказалъ: «пускай свидѣтельствуешь, сколько хочешь. Зналъ на кого и сослаться.» Трофимъ, видя уже въ рукахъ моихъ готовый ножъ, вспоминалъ Бога, жену, мать, дѣтей, я ничего не слушалъ, мнѣ смѣшна была мысль его о перекатиполе, я хохоталъ . . . и самъ не почувствовался, какъ отъ удара моего ножомъ по горлу его, кровь хлынула мнѣ прямо въ горло и заглушило хохотъ и проклятія мои, готовыя излиться на него! . . . .

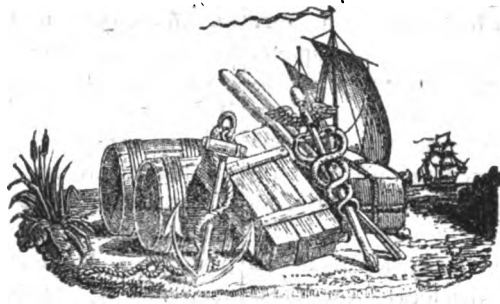
«Мнѣ не казалось, но я именно видѣлъ, купы проклятаго перекати-поля, вѣтромъ принесеннаго къ Трофиму. Умирая, онъ схватилъ одинъ комокъ и сжалъ его . . . я еще примолвилъ: «держи крѣпче свидѣтеля, чтобъ не ушелъ.» Пospышно обыскалъ его и найди въ полахъ свиты, зашитыхъ нѣсколько цѣлковыхъ, отрѣзалъ и спѣшилъ убѣжать оттуда. Что-же?—признаюсь вамъ, люди добрые, въ этотъ страшный для меня часъ, перекатиполе преслѣдовало меня куда бы я ни бѣжалъ; во весь тотъ день, вѣтеръ гналъ его за мною, гналъ также и на другой день, до самаго села. Но я все смѣялся и полагалъ, что ни по чему не будетъ открыто мое преступленіе. Богъ привелъ иначе! вотъ всѣ мои дѣянія. Пусть судить меня Богъ и Государь!»

И Дениса осудили по заслугамъ.

Г. ОСНОВЬЯНЕНКО.

*) Свирѣствуй.

МАТЕРИАЛЫ.

КАБРЕРА.

Донъ Рамонъ Кабрера родился въ Тортосѣ, 1809; теперь ему тридцать одинъ годъ. — Отецъ его былъ бѣднѣйшій морякъ. Первые годы юности Кабрера провелъ играя на берегу Эбро и на улицахъ Тортосы; когда же подросъ, его предназначили къ духовному званію и опредѣлили служкою (famulo) къ соборному канонику дону Виценту Пресивіу. — Въ Тортосѣ нѣтъ университета, и желающіе учиться, для поступленія въ монашескіе ордена, опредѣляются къ священникамъ, у которыхъ состоятъ почти слугами, обучаясь за то латинскому языку, Богословію и философіи Аристотеля.

Независимый и разсѣянный характеръ юнаго Кабреры не согласовался съ такою жизнію, ученою и скромною. — Добрый каноникъ истощилъ все свое краснорѣчіе для убѣжденія Кабреры быть сколько нибудь воздержнѣе; — изъ всѣхъ школьничковъ въ Тортосѣ Кабрера былъ самый безпутный, самый оборванный. — Страсть къ женщинамъ

безпрестанно вовлекала его въ разныя исторіи: прибитъ ли алтвасиль, сдѣлана ли ночью тревога въ какомъ нибудь домѣ, виноватый — всегда онъ, всегда Кабрера. Онъ былъ такъ лѣнивъ, беспеченъ, такой охотникъ заводить ссоры, наглый, явный повѣса (гопеге), что когда пришло ему время искать званіе подьякона, — епископъ донъ Викторъ Саесъ отказалъ ему въ этомъ званіи.

И вотъ 24-хъ лѣтній Кабрера остался безъ крова, безъ званія, безъ денегъ, съ самою дурною славою, не зная что изъ себя сдѣлать. — Въ то время достигло въ Тортосу извѣстіе о смерти Фердинанда VII-го. — Обстоятельство это было большимъ счастьемъ для выгнаннаго школьника, который не упустилъ воспользоваться случаемъ. — Черезъ недѣлю (около половины Октября 1833), противу владычества королевы Изабеллы II-й открылся заговоръ; Кабрера участвовалъ въ немъ. — Генералъ Бертоизъ, губернаторъ

города, приказалъ сдѣлать изслѣдованіе, и генераль — намѣстникъ донъ Матео Санпонецъ донесъ на Кабрера; — но ему удалось скрыться и спастись въ горахъ, обыкновенномъ убѣжищѣ всѣхъ преслѣдуемыхъ въ городахъ полиціею. — Тамъ Кабрера узналъ, что крѣпость Морелла пала во власть Карлистовъ и онъ отправился въ нее, для поступленія въ ряды инсургентовъ.

Морелла играетъ важную роль въ жизни Кабреры; крѣпость эта была послѣдовательно колыбелью, престоломъ и гробомъ его счастья. — Это главный городъ маленькой области Местрасго (Maestrazgo), названной такъ потому, что она была некогда магистерствомъ (maîtrise) одного рыцарскаго ордена. — Местрасго удивительно укрѣплена природою — только бы ей быть феодальнымъ владѣніемъ, или независимую республикою. — Она составляетъ часть верхней Сьеры, раздѣляющей Арагонію отъ Валенсіи; утесистыя горы, почти всегда покрыты снѣгомъ, замыкаютъ въ ней длинныя ущелія и узкія долины. — Въ одной изъ такихъ долинъ построена Морелла, на высокомъ утесѣ отдѣлившемся отъ цѣпи горъ; замокъ занимаетъ вершину этого утеса, возвышающагося болѣе 300 футовъ отъ основанія. — Съ двухъ сторонъ открытъ входъ въ долину: — черезъ Монройокъ Арагоніи и чрезъ Виллабонукъ Валенсіи. — Пять областей: Арагонія, Каталонія, Валенсія, Новая Кастилія и Ла-Манча смежаются у Местрасго, какъ лучи у центра.

Важность этого пункта слишкомъ известна туземцамъ, и потому на него должны были обратиться первыя усилія революціи. — Бывшій коридоръ Валенсіи баронъ Гербесъ и Алкадъ Виллареа ли донъ Іоакимъ Лоренсъ, какъ только узнали о смерти Фердинанда VII-го, немедленно, принявъ начальство надъ нѣсколькими баталіонами королевскихъ воюющихъ, распустили знамя Карла V-го и направились на

Местрасго. — Эти два предводителя, по знатности рода и по своему положенію въ обществѣ, имѣли большое вліяніе въ странахъ сихъ; ихъ примѣръ привлекъ многихъ въ ряды возмутителей. — Полковникъ донъ Викторіа Сеа, губернаторъ Мореллы, по согласію ли во мнѣніяхъ или не считая себя въ состояніи сопротивляться, отворилъ предъ ними крѣпостныя ворота и такимъ образомъ въ Мореллѣ основалась главная квартира возставшихъ въ пользу претендента.

Въ то время (въ первыхъ числахъ сентября 1833 г.), явился туда Кабрера. — Въ этотъ городъ, въ которомъ онъ послѣ владычества воевалъ, онъ пришелъ въ одеждѣ школьника, въ *альпагатахъ* (*) на ногахъ и съ палкою въ рукѣ. — Такъ какъ онъ объявилъ, что знаетъ писать, то его сдѣлали капраломъ, а по недостатку въ оружіи дали ему охотничье ружье. — Вскорѣ отряды Карлистовъ были атакованы генераломъ Бертономъ, передъ самою Мореллою. — Кабрера оказалъ истинное мужество въ этомъ первомъ для него дѣлѣ и получалъ въ награду чинъ сержанта. — Въ началѣ народныхъ возстаній, повышенія идутъ быстро, и первымъ являющимся, вмѣстѣ съ большими опасностями, доставляются и лучшіе случаи.

Однако генераль Бертонъ, предводительствуя отрядомъ солдатъ, продолжалъ угрожать Мореллѣ. — Стычки бывали ежедневно. — Карлисты вышли изъ крѣпости противу войскъ Королевы; но съ перваго раза были побиты генераломъ Бертономъ, побиты снова и черезъ нѣсколько дней разбиты бригадою генерала Ливареса. — Морелла была взята войсками Королевы; баронъ Гербесъ разстрѣлянъ; пражній губернаторъ крѣпости донъ Викторіа Сеа тоже, прочіе начальники и солдаты разсѣялись разными шайками. — Кабрера,

(*) Обувь бѣднѣйшаго класса людей въ Испаніи.

бывшій уже подпорукою, съ 12-ю или 20 земляками изъ Тортосы, своей родины, бросился въ горы нижней Арагоніи, съ намѣреніемъ продолжать дѣйствія своими средствами.

Извѣстно какъ любятъ Испанцы партизанскія дѣйствія. — Кабрера обладалъ всемъ нужнымъ для успѣха въ этомъ родѣ войны: молодъ, крѣпкаго сложенія, предприимчивъ, бѣденъ, и изгнанъ изъ родины, ему нечего было терять; словомъ — онъ былъ совершенный *герильеро* (*guerrillero*); при томъ же изъ всѣхъ частей Испаніи въ нижней Арагоніи легче собираются бродящія шайки, потому что жители горъ ея почти всѣ контрабандисты, между которыми со всѣхъ сторонъ прибываютъ искать убѣжище воры (*ladrones*) и бѣглецы ссыльные. — Такой народъ естественно склоненъ къ разбойничеству и найдя предводителя по себѣ, съ радостью привязывается къ нему, чтобы съ большею совокупностію предаваться грабительству. — Все это было причиною перваго успѣха Кабреры.

Нужно различать три главные вида возстанія Карлистовъ въ Испаніи. — Въ Наваррѣ и нижнихъ провинціяхъ дѣло Донъ-Карлоса совпадало съ мыслию о мѣстной независимости; въ Каталоніи было оно религіознымъ фанатизмомъ, духомъ монашества; въ Арагоніи имя Донъ-Карлоса собирало искавшихъ предлога къ грабежамъ. — Эти три направленія проявили собою предводители трехъ партій: въ Наваррѣ знатнѣйшіе люди той страны, въ Каталоніи — монахи, въ Арагоніи — бродяги. Это различіе хорошо объясняетъ ходъ дѣлъ; его не должно терять изъ вида, если хотимъ составить себѣ вѣрное понятіе о народной войнѣ въ Испаніи.

Характеръ Кабреры всегда обозначался отвращеніемъ къ послушанію и домогательствомъ вездѣ самовластвовать. — Черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ Мореллу, онъ уже пыталъ захватить власть, возбуждая въ отрядѣ

возстаніе, но твердость барона Гербеса сокрушила предпріятіе, и только великодушію барона обязанъ Кабрера тѣмъ, что не былъ разстрѣлянъ, подобно своему товарищу Вальдесу. — Когда, послѣ разсѣянія первой Карлистской партіи, Кабрера сдѣлался предводителемъ своей шайки *герильясовъ*, онъ самовольно присвоилъ себѣ чинъ полковника. — Потомъ, цѣлые два года онъ шатался въ Арагоніи во всѣхъ направленіяхъ, грабя, раззоряя, ведя разгульную жизнь и призывая къ себѣ всѣхъ желающихъ слѣдовать за нимъ. — Такимъ образомъ онъ успѣлъ составить себѣ особую шайку; но этого было для него мало, онъ мечталъ о высшемъ предназначеніи.

Однако былъ человекъ, который больше Кабреры имѣлъ вліяніе на горцевъ нижней Арагоніи, это славный Карнисеръ. — Кабрера завидовалъ власти и славу этого атамана (*cabecilla*) и скорбѣлъ о превосходствѣ надъ собою Карнисера.

Однажды Карнисеръ получилъ отъ претендента повелѣніе отправиться въ нижнія провинціи и — отправился; но при переходѣ черезъ Арандскій мостъ былъ захваченъ отрядомъ войскъ королевы и разстрѣлянъ. — По этому случаю есть самыя основательныя слухи противу Кабреры; одни говорятъ, что онъ выхлопоталъ повелѣніе о командированіи Карнисера, чтобы избавиться отъ несноснаго ему превосходства сего послѣдняго; другіе утверждаютъ, что повелѣніе было подложно и что Кабрера, отнекиваясь этимъ Карнисера къ Арандскому мосту, предупредилъ Христиносовъ о времени перехода Карнисера черезъ мостъ. — До сихъ поръ трудно еще рѣшить, что въ обвиненіи этомъ есть основательнаго; можно только сказать, что оно весьма извѣстно въ Арагоніи и пересказывалось даже въ арміи Кабреры, во время высочайшаго его счастья.

Какъ бы то ни было, по смерти Карнисера открыла Кабрера первое мѣсто

между предводителями воюющихъ пар- тій. — Вскорѣ послѣ того (въ концѣ 1835), онъ отправился въ Наварру къ Донъ-Карлосу и возвратился оттуда съ настоящимъ дипломомъ на чинъ полковника. — Тогда-то имя его начало получать извѣстность. — Въ Валенсін онъ имѣлъ нѣсколько удачныхъ стычекъ съ генералами королевы и такимъ образомъ составилъ себѣ славу отважнаго герильяса. — Около тысячи человекъ находилось подъ его предводительствомъ. — Болѣе и болѣе приобретаая могущество, болѣе и болѣе получалъ онъ способовъ удовлетворять своимъ школьнымъ склонностямъ; посреди опасностей войны онъ съ увлеченіемъ предавался удовольствіямъ. — Вездѣ были у него празднества и пирушки, и эту привычку онъ сохранилъ до послѣдняго времени. — Офицерамъ своимъ онъ подавалъ примѣръ славно пить и весело танцовать; по истинѣ неизвѣстно все что рассказываютъ о его проказахъ.

Необходимѣйшее изъ качествъ герильясовъ испанскихъ — презрѣніе къ человеческой крови. Качествомъ этимъ Кабрера обладалъ не болѣе многихъ, но и не менѣе любаго *sabecilla*. — Испанскій бандитъ тогда только уважаетъ своего атамана, когда видитъ, что тому жизнь людей ни по чемъ, и только въ хладнокровіи къ убійству признаетъ достоинство предводителя; — а потому въ жизни Кабреры были ужасные эпизоды, которые поставили его на высокую степень уваженія къ нему солдатъ его. — Онъ съ чрезвычайнымъ хладнокровіемъ курилъ свою сигару, отдавая приказаніе разстрѣлять пленныхъ и съ необыкновеннымъ равнодушіемъ смотрѣлъ какъ они шли на смерть — Такая жестокость Кабреры, вошедшая потомъ въ пословицу, была уже слишкомъ извѣстною, слишкомъ упроченною, когда одно плачевное происшествіе (въ концѣ 1836 года) послужило, если не къ оправданію, то по крайней мѣрѣ къ извиненію ея.

Старуха — мать Кабреры жила весьма уединенно въ Тортозѣ. — Бригадиръ Ногерасъ, начальствовавшій войсками въ нижней Арагоніи, захватилъ ее и просилъ у генерала Мины дозволенія казнить ее, какъ знавшую прежде о возмущеніи; — Мина согласился, и бѣдную женщину разстрѣляли, безъ всякой формы суда, единственно (какъ говорили), въ возмездіе за ежедневные ужасы совершаемые сыномъ ея. — Въ послѣдствіи времени, при допросѣ Кортесами, Мина утверждалъ, что мать Кабреры суждена военнымъ судомъ, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, и что ея участіе въ заговорѣ было доказано; но ему нельзя было доказать этого и вся отвѣтственность за это дѣло падаетъ на него и Ногераса.

Кабрера, хотя давно уже поссорился съ матерью, но сохранилъ къ ней признательность, которую негодяи всегда имѣютъ къ единственному лицу, имѣвшему снисхожденіе къ заблужденіямъ ихъ. — Кабрера, увлеченный яростію при извѣстіи о преступленіи совершенномъ надъ его матерью, — приказалъ немедленно разстрѣлять тридцать четыре бывшихъ тогда во власти его женъ офицеровъ арміи королевы. — Въ то же время онъ объявилъ, что всѣ, которыхъ онъ впредь будетъ брать съ оружіемъ въ рукахъ, — будутъ разстрѣляны, и что убійство матери его онъ безъ отлагательства отмститъ на семействахъ предводителей Христиносовъ. — Это ужасное обѣщаніе буквально исполнено, особливо въ первое время послѣ поступка Ногераса, и вліаніе Кабреры усилилось пристрастіемъ Испанцевъ къ людямъ обреченнымъ себя мщенію, религіозно ими исполняемому. (*)

Въ первую половину 1836 года онъ не переставалъ дѣйствовать въ Вален-

(*) Нельзя не замѣтить, что въ этомъ отношеніи Испанцы подобны дикимъ племенамъ Черкесовъ. — *Avis aux fanatiques de la civilisation européenne!*

сін, гдѣ нѣсколько разъ встрѣчался съ генераломъ Паларею. — Въ Июль того же года, Донъ Карлосъ произвелъ его въ генераль-маіоры. — Непріятеля Кабреры утверждали, что онъ, для вѣрности повышенія своего, помѣстилъ одну изъ прежнихъ своихъ любовницъ служанкою къ графу Вильемурскому, тогдашнему военному министру Донъ Карлоса, и по временамъ снабжалъ ее деньгами, дабы она склоняла въ пользу его совѣтниковъ претендента; — но все это могло быть только предположеніями, изобрѣтаемымъ духомъ партій для объясненія счастья, котораго истинныя причины не хотять сознать.

Конецъ 1836 ознаменованъ былъ славною экспедиціею Гомеса чрезъ всю Испанію. — При приближеніи Гомеса присоединился къ нему Кабрера со своимъ отрядомъ и еще одинъ тамошній герильясъ, по имени Серрадоръ. Не извѣстно что происходило между ними; достоверно только, что Гомесъ предложилъ Кабрерѣ и Серрадору оставить армію его въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, что и было дѣйствительно исполнено ими. — Говорять, причиною такого скорого разрыва со стороны Гомеса были грабительства, дѣланныя нестройными толпами герильясовъ; — но можетъ быть естественнѣе приписать это всегда раздвѣлявшему Карлистскихъ предводителей стремленію къ власти. — Кабрера засадивъ Серрадора въ тюрьму, окончательно сдѣлался единственнымъ предводителемъ шаекъ въ Валенсіи и Мурсіи.

Онъ не замедлилъ сдѣлаться генераль-комендантомъ этихъ двухъ провинцій. — Когда (въ мавъ 1837) Донъ Карлосъ сдѣлалъ покушеніе на Мадридъ, дѣйствующая армія, подъ предводительствомъ самаго претендента, вышла изъ Наварры и прошла Арагонію и Каталонію въ направленіи паралельномъ Пиренеямъ, для соединенія съ Кабрерою. — Юный генераль-комендантъ, котораго значительность доказывалась этимъ

походомъ, ожидалъ Донъ Карлоса и войска его во Фликсѣ, на правомъ берегу Эбро; армія переправилась черезъ рѣку и всѣ силы Карлистовъ были соединены. — Къ счастью для Кабреры, единственный соперникъ, котораго можно было противопоставить ему на западѣ Испаніи, храбрый Килесъ, Карлистскій генераль-комендантъ въ Арагоніи, былъ убитъ, мужественно сражаясь въ дѣль (24 Сентября, у Герреры) между генераломъ Буеренсомъ и дѣйствующею арміею. — Спустя нѣсколько дней послѣ сего блистательнаго дѣла, армія была уже предъ Мадритомъ.

Кабрера, бывшій въ аванъ-гардѣ, оказалъ великую отважность. — Онъ приблизился почти къ самымъ городскимъ воротамъ, называемымъ Атохскими, и разсыпалъ своихъ стрѣлковъ по окружающимъ высотамъ. — Изъ его главной квартиры можно было съ помощію зрительной трубки узнать Инфанту Луизу Шарлоту, которая съ дворцоваго балкона смотрѣла на армію роялистовъ. — Извѣстно чѣмъ кончилось это рѣшительное дѣло. — 15-го августа, въ ту минуту, когда армія ожидала приказанія вступить въ Мадридъ, Донъ Карлосъ отдалъ приказъ — отступить. Здѣсь не мѣсто разсматривать, что привело къ этому столь странному и столь неожиданному рѣшенію; довольно сказать, что оно въ высочайшей степени возбудило неудовольствіе большей части арміи и въ особенности Кабреры. — Впредь, воскликнулъ онъ передъ всеми своими офицерами, получая приказъ Государя, я буду дѣйствовать въ свою голову: *Yo haré es mi cabeza*, и онъ сдержалъ свое обѣщаніе.

Съ первой минуты отступленія, онъ со своимъ отрядомъ удалился въ Валенсію, оставляя Донъ Карлоса отступать какъ ему угодно. — Въ эту кампанію военная слава его возрасла отъ негодованія причиненнаго нерѣшительностію претендента. — Всѣ говорили, что если бы Кабрера начальствовалъ арміею, то

онъ вошелъ бы въ Мадридъ, и всѣ одинъ передъ другимъ старались рассказывать подвиги юнаго героя. — Съ этого времени онъ не сходилъ со сцены: — 1838 годъ былъ гибеленъ оружію Донъ Карлоса и напротивъ чрезвычайно благоприятенъ Кабреръ, который по видимому возвышался по мѣрѣ упадка партіи Карлистовъ въ Наваррѣ. Каждый шагъ впередъ сдѣланной арміею Эспартеро вознаграждался успѣхомъ счастливаго партизана и, мало по малу, взоры всѣхъ привыкли обращать на него.

Давно уже добивался онъ захватить крѣпость Мореллу, чтобы основать въ ней свою главную квартиру; вдругъ (въ февралѣ 1838 года) узнали, что онъ взялъ ее. — Вотъ вѣрнѣйшія подробности этого случая, котораго всѣ обстоятельства были до сего времени совершенно неизвѣстны.

Одинъ артиллеристъ, по имени Педро, бѣжалъ изъ войскъ королевы Христины и поступилъ подъ начальство Кабреры. — Однажды челоуѣкъ этотъ, бывший прежде въ гарнизонѣ Мореллы, приступя къ Кабрерѣ, сказалъ ему: *Генералъ! я облизываюсь взять Мореллу съ полу-ротаю, ежели вамъ-му превосходительству угодно будетъ дать этихъ людей въ мое распоряженіе.* — Согласенъ! сказалъ генералъ пораженный его рѣшительнымъ видомъ, *хотя бы только для того, чтобы вознаградить твое усердіе.* — Спустя нѣсколько минутъ, Педро отправился къ Мореллѣ, имѣя въ распоряженіи своемъ маленькой отрядъ, состоявшій изъ 40 челоуѣкъ пѣхоты, при одномъ поручикѣ. — Было уже около 7 часовъ вечера, и когда Педро прибылъ къ подножію утеса, на которомъ возвышается цитадель, — наступила ночь.

Немедленно началъ онъ отыскивать въ сумракѣ ночи мѣсто, отъ котораго онъ, бывши еще въ Мореллѣ, часто взбирался на скалу. — Ночь была холодная, въ продовольствіи былъ недо-

статокъ, и поручикъ солдаты начали роптать, видя что Педро повисъ на нѣсколько футовъ вышины надъ ихъ головами и карабкается на утесъ, какъ обезьяна. — Менѣе нежели въ три четверти часа онъ достигъ подошвы укрѣпленія, на которое влѣзъ такимъ же образомъ. — Часовые отъ непогоды забрались въ свои будки: Педро достигши первой будки, стрѣляетъ изъ своего мушкета, приставя дуло его къ груди часоваго, и выхватываетъ у часоваго ружье. — По звуку выстрѣла прибѣгаетъ пикетъ, но отважный Педро не теряетъ присутствія духа: стрѣляетъ въ перваго встрѣчнаго и кладетъ его наповаль, крича изъ всѣхъ силъ: *да здравствуетъ Карлъ I!* Карлаульные, полагая замокъ во власти Карлистовъ, обращаются въ бѣгство, бросая оружіе; тревога распространяется во всемъ замкѣ и со всѣхъ сторонъ раздается крикъ: Карлисты! Карлисты!

Педро не терялъ времени: тщательно загородилъ выходы на террасу, которою такъ счастливо завладѣлъ. — Оградившись по возможности, онъ помогъ подняться на укрѣпленіе поручику, потомъ сержанту, потомъ большей части команды; прочіе доспѣшно отправились извѣстить Кабреру о чудесномъ подвигѣ Педро. — Небольшой отрядъ Педро провелъ ночь на террасѣ, удивляясь что его не атакуютъ, и ожидая прибытія главныхъ силъ; отрядъ сей не зналъ еще до какой степени полна была его побѣда. — Губернаторъ крѣпости, увлеченный паническимъ страхомъ, которымъ пораженъ былъ гарнизонъ, приказалъ отворить городскія ворота и въ 2 часа утра вышелъ изъ Мореллы со всемъ своимъ гарнизономъ, оставя замокъ пустымъ.

Съ утреннею зарею жители Мореллы (которые почти всѣ были Карлисты и уже знали о выходѣ гарнизона) разсѣялись по улицамъ, крича: *да здравствуетъ Карлъ I! да здравствуетъ*

решился! да здравствует Кабрера! Но осторожный Педро не выходя из своего укрѣпленія и жители не знали, чему приписать чрезвычайное молчаніе сохраняемое овладѣвшими замкомъ, — какъ вотъ, къ городскимъ воротамъ прискакала толпа всадниковъ: это былъ Кабрера, который прибылъ со своимъ штабомъ, по первому извѣстію объ успѣхѣ. — Вскорѣ все объяснилось; узниковъ заключенныхъ въ цитадели освободили и носили съ триумфомъ по городу; знамя Карла V побѣдоносно развѣвалось на стѣнахъ Мореллы. — Педро сдѣланъ капитаномъ и кавалеромъ святаго Фердинанда; но при разлитіи въ даль слуховъ о взятіи крѣпости, слава Педро исчезла за смявою Кабреры.

Хотя Кабрера мало принималъ личнаго участія во взятіи крѣпости, однако ему принадлежать послѣдующія распоряженія. — Какъ только онъ вступилъ во владѣніе укрѣпленіями, тотчасъ же вознамѣрился основать тутъ столицу настоящаго правительства и настоящей арміи. — Со всѣхъ сторонъ стѣнались къ нему туземцы и иностранцы. — Хотя Кабрера былъ мало свѣдуешь въ дѣлахъ военныхъ и правительственныхъ, но крайней мѣрѣ онъ былъ столько благоразуменъ, что слѣдовалъ совѣтамъ другихъ, имѣвшихъ болѣе опытности въ этихъ дѣлахъ. — Образованные офицеры, по большей части Французы, были назначены имъ для обученія войскъ. — Въ Кантаніехъ онъ завелъ литейную, подъ управленіемъ нѣкоего Ечевастера, присланнаго къ нему Денъ Карлосомъ; тамъ отливали пушки, и весьма хорошия. — Заводы пороховые и оружейные учреждены были въ Мирамбель, въ самой Мореллѣ и во многихъ селеніяхъ Местрасго. Къ укрѣпленіямъ, существовавшимъ уже въ области, присаждены новыя.

Христианосы съ неудовольствіемъ видѣли всѣ эти работы и помышляли

единственно о возвращеніи позиціи потерянной ими печальною. — Ихъ покушеніе было только поводомъ къ новому успѣху Кабреры.

Въ концѣ іюля 1838 года генераль Ораа, предводительствуя центральною конституціонною арміею, двинулся къ Мореллѣ. — Силы его раздѣлены были на три корпуса и состояли изъ двадцати тысячъ человекъ, или около того. — Первый корпусъ, подъ командою Аспироса, достигъ горъ Местрасго съ сѣвера, чрезъ Алканисъ; второй, — которымъ начальствовалъ Фанъ-Гальянъ, — соединился у Теруелы къ западу; третій, предводительствуемый храбрымъ генераломъ Парданною, занялъ позицію, на юго-востокъ, въ Кастельонъ-де-ла-Планъ. — Эти три колонны, занимавшія вершины треугольника, котораго центромъ была Морелла, получили приказаніе, въ одно время начать наступленіе на Мореллу и сосѣднія укрѣпленія. — Движеніе это исполнено было въ точности, но съ чрезвычайною медленностію. Когда одна колонна остановлена была встрѣченными ею препятствіями, воздвигнутыми Кабрерою, — двѣ другія колонны были тотчасъ уведомлены о томъ, съ приказаніемъ призамедлить свое движеніе: съ такимъ тщаніемъ, съ такимъ опасеніемъ старались вдругъ окружить столь страшнаго непріятеля. Отъ этого много потеряно времени въ поджиданіи однихъ другими, а между тѣмъ много уменьшилось военныхъ припасовъ, собранныхъ съ большими издержками.

Узнавъ о приближеніи непріятеля, Кабрера оставилъ въ крѣпости, для защиты ея, лучшихъ своихъ солдатъ, а самъ съ трехъ-тысячнымъ корпусомъ выступилъ противу непріятеля. — Онъ занялъ своими войсками высоты окружающія Мореллу, и какъ только появились Христианосы, онъ внезапно бросился самъ въ тылъ и въ тоже время открылъ огонь, дѣйствуя во фланги колоннъ.

находившихся на маршѣ. — При этихъ дѣйствіяхъ не было соблюдаемо ни какихъ правилъ тактики, только условныя сигналы разноцвѣтными ракетами были развѣнчиваемы между осажденными и ихъ защитниками и сохраняли нѣкоторое единство въ дѣйствіяхъ. — Впрочемъ Кабрера имѣлъ еще болѣе простой способъ сообщенія съ осажденными: въ продолженіе осады, почти каждый вечеръ одинъ молодой человекъ отдѣлялся отъ Карлистныхъ аванпостовъ, разположенныхъ на высотахъ, и во мракѣ пробирался до городскихъ стѣнъ, съ которыхъ ему бросали веревку и такимъ образомъ онъ попадалъ въ Мореллу. — Этотъ молодой человекъ былъ самъ Кабрера, если вѣрить рассказамъ Карлистовъ, восторженныхъ такою отвагою ихъ предводителя; — на утро онъ снова являлся въ своемъ отрядѣ и наносилъ страхъ неприятелю.

Генераль Ораа, подступивъ къ крепости, ожидалъ еще 8 дней свою артиллерию, оставленную имъ въ Алканисѣ. — Это время онъ провелъ въ разсылкѣ патрулей по всемъ направленіямъ и въ укрѣпленіи окопами своей позиціи.

Наконецъ, на осьмой день, онъ открылъ огонь и черезъ три дня сдѣланная брешь была такъ велика, что можно было пройти въ нее; но вмѣсто того, чтобы немедленно сдѣлать приступъ, Христиносы еще медлили, а между тѣмъ осажденные придумали для защиты особый способъ, хорошо показывающій родъ этой войны.

Въ Мореллѣ было огромное количество дровъ, полученныхъ отъ разломки болѣе ста домовъ принадлежавшихъ конституціонной партіи и разрушенныхъ Карлистами. — Эти дрова свалили у бреша и загляли; пламя взвилось высоко и озарило городъ и крепость; — въ нѣсколько часовъ брешь стала огромнымъ костромъ который разливалъ окрестъ нестерпимый жаръ и по-

жралъ-бы всякаго, кто-бы осмѣлился пройти сквозь него.

Солдаты Кабреры, подходя къ передовымъ постамъ осаждающихъ, съ насмѣшкою кричали имъ: *посмотримъ, не сдѣлаете-ли вы приступа этого ночью; мы потрудились посвятить вамъ!* Приступъ былъ въ самомъ дѣлѣ, но безъ успѣха; болѣе двухъ сотъ Христиносовъ вышло изъ строя: пули и пламя у бреша были равно убійственны и обожженные солдаты, обращаясь въ бѣгство отъ ужаснаго костра, кричали: Кабрера демонъ, а Морелла адъ! *Cabrero es un demonio; y Morella un infierno.*

День и ночь Карлисты тщательно поддерживали огонь у бреша. — Приступъ сдѣланъ былъ въ другой разъ, но также безуспѣшно. — Въ арміи Христиносовъ оказался голодъ, продовольствіе было истощено, яли лошадаей. — Безнравственность привела къ нарушенію дисциплины. — Ораа приказалъ сдѣлать общій штурмъ, но это отчаянное покушеніе также было отражено. — Наконецъ Христиносы сняли осаду 18 августа, оставя множество убитыхъ подъ стѣнами крепости и въ томъ числѣ прежняго губернатора Мореллы, который такъ безразсудно допустилъ Педро завладѣть замкомъ.

Пламя у бреша не переставало пылать и потухло только для прохода чрезъ эту брешь — Кабреры. — Счастливымъ вождемъ съ триумфомъ возвратился въ освобожденный имъ городъ. — Никогда испанскіе короли не были принимаемы съ такимъ восторженнымъ энтузіазмомъ: изступленные бросались на колья при его провздѣ, звонъ колоколовъ не умолкалъ во всемъ городѣ. — Въ журналѣ, издававшемся въ Мореллѣ подъ названіемъ *Periodico de Aragon, Valencia y Murcia*, (котораго издателемъ былъ одинъ старій священникъ, ежедневно получавшій приказаніе отъ Кабреры), объ осадѣ Мореллы помѣщена была великолѣпная реляція, оканчиваю-

щаяся сими словами: *мы есть, войны и жители мужественнаго и вѣрнаго рода этого, естъ полагаемъ, что со стороны короля ничего не можетъ быть лучше, какъ дать безсмертно-му Кабреръ титулъ графа Мореллскаго.*

Такъ выпрошенный титулъ, вмѣстѣ съ чиномъ генералъ-лейтенанта, пожалованъ Кабреръ, декретомъ 2-го сентября 1838. изъ Оннаты. — Донъ Карлосъ не могъ ни въ чемъ отказать побѣдителю центральной арміи. Рамонъ, школьникъ Рамонъ подписывался уже звучнымъ титуломъ: *El conde de Morella* (графъ Мореллскій.)

Поздравляя съ одержанною побѣдою, Донъ Карлосъ, сверхъ того, написалъ къ Кабреръ собственноручное письмо, котораго вотъ переводъ:

Любезный Кабрера.

«Великое удовольствіе доставила мнѣ «весьма славная побѣда тобою одержанная и совершенное обращеніе въ «бѣгство враговъ истиннаго благосостоянія нашей любезной Испаніи; не мнѣ пріятно было мнѣ имѣть этотъ «новый поводъ къ награжденію твоихъ «непрерывныхъ заслугъ, твоей постоян- «ной вѣрности, твоей преданности, тво- «его усердія и твоего безкорыстія — «Я долженъ чрезмѣрно благодарить «Бога, который даровалъ мнѣ столь «храбраго мужа какъ ты, облекъ его въ достоинство, постоянство и вѣрность, «столь великія, столь полезныя главной «цѣли нашего предпріятія. — Пребудь «всегда постояненъ и съ каждымъ ра- «зомъ болѣе твердъ въ нашихъ неиз- «мѣнныхъ правилахъ; будь ножемъ (*el «cuchillo*) для нечестивыхъ и разру- «шителей царствъ и престоловъ, и ты «доставишь мнѣ удовольствіе наградить «тебя, какъ я того желаю. — Я узналъ, «что ты едва не огорчалъ меня поте- «рею тебѣ; я приказываю тебѣ никакъ «не рисковать собою дерзостно; ибо

«желелъ съ тобою случится какое ни- «будь несчастіе, то — кромѣ огорченія «для меня — оно будетъ великою поте- «рею и для меня и для дѣла, которое «есть дѣло — религіи. Да продолжа- «етъ Господь даровать тебѣ побѣды, «какъ и въ прежнее время. Всесвятая «Дѣва, наша предводительница, да освѣ- «нитъ тебя своимъ покровомъ, да по- «кровительствуетъ, да направляетъ, да «защититъ тебя и да дастъ намъ вско- «рѣ увидѣться съ тобою въ Мадридѣ, «авъ миръ и по покореніи всѣхъ вра- «говъ. — Прощай, уважаю и люблю «тебя.»

«Карлосъ.»

Слухъ о сятіи осады Мореллы бы- «стро распространился по всей Испаніи.

— Это былъ навеличайшій и наибо- «лѣе неожиданный успѣхъ, изъ всѣхъ «пріобрѣтенныхъ Карлистами съ давня- «го времени; — Кабрера болѣе прежня- «го сдѣлался героемъ своей партіи. — Мы видѣли какъ досталась ему эта «огромная извѣстность и что онъ сдѣ- «лалъ для пріобрѣтенія оной. — Мед- «ленность генерала Ораа наиболе вни- «новна въ происшедшемъ; со стороны Кабреры, единственною заслугою было то, что онъ напалъ на непріятеля какъ ни попало, безъ плана и безъ по- «рядка, какъ отважный герильясъ, ка- «кимъ онъ и былъ.

Кабрера, послѣ успѣха своего, даже и не думалъ преслѣдовать армію Ораа. — Армія эта отступала въ навеличай- «шемъ безпорядкѣ, оставляя знамена, и соединилась только у Алканица. — Ес- «ли бы Карлисты, пользуясь своимъ успѣхомъ, преслѣдовали Христиносовъ, не многіе бы изъ арміи Ораа вышли изъ узкихъ дѣлилъ, которыя они дол- «жны были проходить; но не такъ ве- «дется война въ Испаніи, а притомъ Кабрера имѣлъ другія дѣла.

На другой день по возвращеніи въ Мореллу, Кабрера собралъ всѣ свои

войска, оставилъ городъ безъ защиты и отправился въ сторону противную той, въ которую отступалъ генералъ Ораа; только одинъ баталіонъ посланъ былъ для преслѣдованія отступающихъ. — Если бы конституціонная армія, увѣдомленная объ отбытіи Кабреры, воротилась на свою позицію, она несомнѣнно вступила бы въ городъ безъ выстрѣла; но Ораа даже и не помыслилъ о томъ, разстѣнные солдаты его зацѣплялись только опустощеніемъ проходимои ими страны, которая долго послѣ ихъ перехода казалась пустынею. Посланный въ преслѣдованіе баталіонъ поражалъ Христоносовъ по произволу и захватилъ у нихъ двести пѣхотныхъ, которые и были разстрѣляны, за то что осмѣлились идти на Мореллу.

Куда же отправился Кабрера? — Увидимъ.

Черезъ нѣсколько дней по снятіи осады, Валенскія дамы купались въ морѣ, близъ прелестнаго берега, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города. — Такъ какъ свѣдѣнія не приходили во время, то совершенное спокойствіе царствовало въ городахъ и окрестностяхъ его. — Въ конституціонномъ журналѣ въ Валенсіи помѣщались прекрасные рассказы о мужествѣ оказываемомъ Христоносами при осадѣ Мореллы и жители приготовили уже феерверкъ для празднованія взятія этой страшнѣйшей крѣпости; — увѣряли даже, что Кабрера убитъ, чему всѣ очень радовались; городскія ворота были отворены; все дышало удовольствіемъ и тишиною подъ прекраснымъ и чистымъ небомъ, о которомъ можно сказать, что довольно видѣть его и вдыхать въ себя его воздухъ, чтобы быть счастливымъ.

Вдругъ раздаются крики и купающіяся съ ужасомъ увидѣли скачущихъ всадниковъ и свои одежды подняты на копыя. — По крику: мятежники! (los faciosos! los faciosos!) всѣ обратились въ бѣгство; городскія ворота замкну-

лись. — Дѣйствительно это былъ эскадронъ кавалеристовъ, составлявшій передовой отрядъ арміи Кабреры. — Говорятъ, что начальникъ этого отряда донъ Рамонъ Моралесъ, старый гвардеецъ, сжалился надъ женщинами, столь нечаянно имъ захваченными и, тогда какъ онъ по возможности прятался за утесами, — приказалъ солдатамъ удалиться, вѣжливо увѣряя дамъ, что имъ нечего бояться. — «Какая жалость говорили онъ (выходи изъ воды и торопись убираться въ городъ), что такой кавалеръ — мятежникъ!» (que lastima que tal caballero sea un faccioso!)

Между тѣмъ Кабрера предавалъ огню и мечу великолѣпную Валенсію, столь славную своими богатствами. — Со всѣхъ сторонъ подымалось пламя зажженныхъ деревень. — Звонъ колоколовъ, громъ барабановъ созывалъ жителей Валенсіи къ защитѣ, но никто не осмѣливался выступить противу непріятеля. — Цѣлые два дня Карлисты грабили какъ хотѣли и потомъ такъ же скоро возвратились въ Мореллу, гоня передъ собою табуны лошадей и лошаковъ несшихъ добычу ихъ. — Огромное количество хлѣба привезено въ крѣпость; большія стада быковъ и барановъ загнаны въ сосѣднія горы; деньги же были разделены между солдатами и ихъ начальниками. Понятно, что такая экспедиція для шайки головорѣзовъ (barateros), составлявшихъ большую часть войска Кабреры, была пріятнѣе преслѣдованія и уничтоженія непріятельской арміи.

Ужасъ наведенный этимъ кровавымъ набѣгомъ и по сіе время не изгладился въ Валенсіи. — Объ этомъ можно судить по происшествію бывшему гораздо послѣ набѣга Кабреры. Одинъ купецъ въ Валенсіи ожидалъ корабля съ контрабандою и уже видѣлъ съ берега какъ тотъ лавировалъ, не смѣя приблизиться, чтобы не попасть въ руки таможенныхъ. Желая провести корабль, купецъ поднялся на хитрость,

бросился со всѣхъ ногъ въ городъ, крича во все горло: Кабрера! Кабрера! При семъ крикѣ, повторяемомъ со всѣхъ сторонъ испуганнымъ народомъ, таможенные думали только о спасеніи и побѣжали въ городъ; всѣхъ объялъ паническій страхъ; всякой торопился скрыть что имѣлъ болѣе драгоцѣннаго; — ворота Валенсіи 3 дня были заперты. — У городскихъ стѣнъ столпилось множество народа, но ихъ вопль отчаянія, ихъ мольбы были напрасны: жители Валенсіи не отворяли имъ воротъ, опасаясь влустить вмѣстѣ съ ними ужаснаго опустошителя. — Пользуясь этимъ беспорядкомъ, купецъ выгрузилъ свои товары, чѣмъ жители Валенсіи на этотъ разъ и заплатились за свой страхъ.

Мы оставили Кабрера въ Мореллу; чрезъ нѣсколько дней послѣ того находимъ его подѣ Фальсетомъ, — маленькимъ укрѣпленнымъ городомъ, по ту сторону Эбро, около двадцати миль къ сѣверу отъ Мореллы *). — Быстрота въ движеніяхъ — первое достоинство предводителя партіи, ибо дозволяетъ ему безнаказанно нападать на мѣста, въ которыхъ его наименѣе ожидали; достоинствомъ снѣмъ Кабрера долго обладалъ въ высочайшей степени, а этого достаточно для объясненія его военной славы между Испанцами.

Кабрера шелъ на Фальсетъ, въ надеждѣ захватить въ немъ добычу, какъ вдругъ случай доставилъ ему новую побѣду, которой онъ вѣрно не искалъ самъ. — Генералъ Пардинна, командовавшій третьею дивизіею центральной арміи, съ негодованіемъ видѣлъ отступление цѣлой арміи предъ нѣсколькими тысячами головорезовъ и жаждалъ случая къ отмщенію; когда же узналъ что вновь произведенный графъ Мореллскій находится вблизи отъ него, — поспѣшилъ на встрѣчу ему. У Кабреры было три тысячи человекъ, Пардинна

*) Валенсіа въ 30 миляхъ къ югу отъ Мореллы.

велъ шесть тысячъ, не сомнѣваясь, что съ такими силами онъ опрокинетъ непріятеля.

Кабрера никогда не вызывался самъ на бой въ открытомъ полѣ, но рѣдко, рѣдко отказывался отъ него. — Узнавъ о приближеніи Пардинны, онъ тотчасъ пошелъ ему на встрѣчу. — Обѣ арміи сошлись 1 октября 1838 года, между Фликомъ и Меллою. — Пардинна развернулъ свою дивизію въ одну линію; Кабрера сдѣлалъ тоже. — Съ той и другой стороны это распоряженіе было ошибкою; но со стороны Кабреры было болѣе вины, потому что у него менѣе силъ, нежели у противника его, слѣдовательно онъ подвергался обходу съ обѣихъ сторонъ и атакѣ съ обѣихъ фланговъ и фронта въ одно время. — По всему казалось, что отрядъ Кабреры будетъ разбитъ; но вышло, что дивизія Пардинны была совершенно уничтожена. — Бой завязался съ остревеніемъ. — Христиносы сражались съ рѣшительностію, которую придаетъ желаніе отмстить за понесенный ударъ; Карлисты дрались съ увѣренностію, раждаемою отъ привычки къ побѣдамъ. — Послѣ двухъ часовой пальбы, войска Кабреры должны были уступить превосходству силъ; лѣвое крыло начало отступать и стремленіе къ бѣгству не замедлило разиространиться по всей линіи.

Разъяренный Кабрера бросается впередъ. *Труссы! закричалъ онъ, вы оставяете меня; быть такъ! я сумью одинъ умереть среди непріятеля.* — *Не одни, генералъ,* отвѣчалъ ему полковникъ одного Арагонскаго эскадрона начавшаго уже отступление, *не одни, но съ вашими Арагонцами!* При сихъ словахъ полковникъ обратился на непріятеля и эскадронъ его съ такимъ ожесточеніемъ бросился на лѣвое непріятельское крыло, что разсыпалъ его въ одно мгновение.

Храбрый Пардинна, замѣтивъ безпорядокъ на лѣвомъ крылѣ, бросился

туда со своимъ штабомъ; — но Аррагонскій полковникъ, завидя его, ринулся впередъ, нанеся ему ударъ пикую въ горло, и повергъ мертвымъ. Въ тоже время и свята Пардинны, атакoванная кавалерією Карлистовъ, обратилась въ бѣгство. — Кабрера, успѣвши собрать бѣглецовъ, приходитъ со всеми своими силами; но въ присутствіи его уже не было нужды: узнавъ о смерти генерала, солдаты Пардинны, бросились наземь, поднимая ружья вверхъ прикладами и крича, что они сдаются. — Всѣ они, пять тысячъ человекъ, взяты въ плѣнъ; прочіе убиты въ сраженіи и изъ славной дивизіи Пардинны спаслось только сорокъ кавалеристовъ.

Такъ происходило это славное дѣло, которое было для Христиносовъ самымъ несчастливѣйшимъ изъ всѣхъ дѣлъ этой войны. — Павшій въ дѣлѣ генералъ Пардинна былъ однимъ изъ лучшихъ офицеровъ конституціонной арміи; отрасль одной изъ благороднѣйшихъ фамилій Галиціи, онъ по страсти вступилъ въ военную службу; бывши депутатомъ въ советъ Кортесовъ, онъ добровольно оставилъ скамьи палаты для тяжкихъ трудовъ арміи; когда онъ скончался, ему было тридцать пять лѣтъ.

Мелкое дѣло иначе описано въ испанскихъ журналахъ; но все сказанное выше настоящая истина, подтверждаемая показаніями очевидцевъ. — Пардинна не былъ побѣжденъ превосходствомъ силъ (какъ говорили), потому что у него было войска болѣе, нежели у противника его; онъ уничтоженъ одною изъ тѣхъ несчастныхъ случайностей, которыя на войнѣ обращаются иногда противу храбрѣйшихъ.

Побѣда сія возвела Кабреру на вершъ славы. — Ужась разилась даже до Саррагосы: всякую минуту ожидали тамъ прибытія Кабреры и жители Сарраго-

сы уже взяли за оружіе, но Кабрера не появлялся. — Послѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ нападеній на нѣкоторые незначительные города, Кабрера спокойно воротился въ свои горы, не думая о послѣдствіяхъ, которыя могла бы имѣть одержанная имъ побѣда. — Нѣтъ сомнѣнія, что если-бы онъ, послѣ такого блистательнаго утѣха, явился въ тылу арміи Эспартеро, вѣрно произвелъ бы сильную диверсію; но это было не въ его обыкновеніи.

Онъ заботился только о томъ, чтобы сбыть съ рукъ своихъ плѣнныхъ. — Жители Саррагосы, по обыкновенію своему, обнаружили свой страхъ и гнѣвъ, казнивши нѣсколькихъ заключенныхъ Карлистовъ; Кабрера приказалъ въ возмездіе разстрѣлять по десяти Христиносовъ за каждаго казеннаго Карлиста; и обѣ партіи такъ соревновали другъ другу, что отъ возмездія къ возмездію — почти всѣ пять тысячъ плѣнныхъ подпали одной участи.

Это время было самою блистательною эпохою въ жизни Кабреры. Изъ своей столицы въ Морелья, онъ занималъ и держалъ въ страхъ добрую треть всей Испаніи; армія его усилилась до пятнадцати тысячъ войска, почти регулярнаго, включая въ то число до осми сотъ кавалеристовъ. — У него было сорокъ орудій, нѣсколько крѣпостей и три мужественные помощника: Форкадела, Алакатера и Поло. — Все повиновалось ему, все трепетало предъ нимъ. — Онъ не признавалъ ни чьей власти, даже королевской. На всемъ пространствѣ Испаніи имя его съ уваженіемъ произносилось всѣми Карлистами; наконецъ онъ сдѣлался графомъ, чему самъ долженъ былъ чрезвычайно удивляться. — Пяти лѣтъ достаточно было для возведенія на эту высоту величія бѣднаго школьника изъ Тортосы.

До сихъ поръ казалось сама fortuna

руководила юнаго героя; но наступила | ству и славу, опрокинуть скорше, неже-
нора опрокинуть подмости могуще- | ли она взгромоздила ихъ.

(Изъ R. d. D. M.)

СЪРГЪЙ НАВРОЦКОЙ.

(Продолженіе въ слѣдующей части).

АНДРЕОНЪ ПИЩАШЪ

ДОНЪ ЭСТЕБАНЪ МАНУЭЛЬ ДЕ ВИЛЬГАСЪ.

Монографія.

Мы еще такъ мало знакомы съ поэзіей романскихъ нарѣчій, что и малѣйшія извѣстія объ ней покажутся новостью для нашихъ читателей. Въ историческомъ отношеніи Россія довольно хорошо знаетъ Испанію; но въ отношеніи литературномъ — эта поэтическая страна, для насъ Русскихъ, вообще 1) почти тоже, что Нидерланды — настоящая — terra incognita.

Лѣтъ за тридцать назадъ, находясь въ чужихъ краяхъ, я познакомился съ двумя умными и образованными Испанцами, у консула ихъ Д. Мендисабала. 2)

1) Кроме однихъ именъ Лопе и Кальдерона, которымъ прожужжали намъ уши, и изъ сочиненій которыхъ не сообщили намъ почти ничего въ переводѣ. Не таково ли свойство многихъ людей — морочить ближняго хоть великими именами писателей за неспособность передать самыя произведенія ихъ? Соч.

2) Не могу сказать на вѣрное, родились ли былъ этотъ Мендисабалъ извѣстному министру финансовъ Испаніи при нынѣшней королевѣ: одно навѣрно мнѣ, что

Одинъ изъ нихъ, сынъ тогдашняго дипломата кавалера Д. А. . . . ги, другой Д. Коце де Салинасъ, отставной лейтенантъ, служившій въ испанской дивизіи генерала Кандалана или Маркиза ла Романа, не припомню котораго. Филологія была тогда моею страстію: зная языкъ французскій какъ свой собственный, говоря по итальянски, и получивъ первоначальныя основанія языка латинскаго еще въ С: Петербургской гимназіи, я — при помощи двухъ моихъ пріятелей, испанской грамматики Собрано и лексикона, началъ съ любовью охотника учиться по испански. Успѣхи равнялись моей любознательности: мѣсяцовъ въ пять прочелъ я нѣ-

онокъ былъ ревностный патриотъ, приверженецъ короля Фердинанда VII, и вскорѣ потомъ тайно уѣхалъ вмѣстѣ съ Маркизомъ ла Романомъ во сводси, гдѣ какъ слышно было, промѣнялъ контору торговаго агента на бивуакъ герильяса: чѣмъ онъ кончалъ: живъ ли, убитъ ли, умеръ ли? не знаю. Соч.

сколько повестей знаменитого Сервантеса Сааведры, несколько трагикомедій Лопе де Веха Карпио, Франсиско де Рохаса (Roxas), Кальдерона де ла Барка и начиналъ уже порядочно понимать испанскихъ поэтовъ. Частыя бесѣды съ моими двумя пріятелями, которымъ и я съ свою очередь толковала нашихъ русскихъ поэтовъ, а еще болѣе энтузіазмъ повсемѣстно возбужденный геройствомъ Испанцовъ, витязей—защитниковъ царственного Байонскаго узника, придали и мнѣ—19 лѣтнему энтузіасту—сильную охоту ознакомиться съ языкомъ тогдашнихъ западныхъ героевъ. Разумѣется въ тѣ лѣта, меня болѣе привлекали сочиненія эротическія, на которыя курсъ былъ по крайности пятидесятью процентами выше нынѣшняго: тогда была даже въ великой модѣ и несносная *плаксивость*, надъ которой мы всѣ теперь отъ души смѣемся, но которую тогда величали *сентиментальностью à la Sterne*: признаюсь, и тогда она мнѣ крѣпко надобла, а теперь еще болѣе. Но я отличалъ всегда два рода *эротидъ*: въ однихъ преобладаетъ неестественность, вычурность, какой-то чопорный мадригальный тонъ; въ другихъ выраженіе чувства, языкъ страстей, правильность мысли, истина выраженія. Вотъ почему не могъ я безъ досады читать стиховъ Гонгоры, и полюбивъ поэзію Вильегаса — прозваннаго *Анакреономъ Испаніи*, принялся для перваго опыта — переводить кантилены его по русски. Внезапный отъездъ Мендисабала и двухъ моихъ пріятелей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и другія обстоятельства перервали мои упражненія по части испанской литературы. Только годъ спустя имѣлъ я случай, и то на самое короткое время, найти другаго филолога г. Грейма, 3) съ которымъ иногда бесѣдовалъ

3) Г. Греймъ (Grehm) былъ тогда секретаремъ прусскаго посольства въ Голландіи, потомъ получивъ при другомъ дворѣ мѣсто резидента, наконецъ занялъ

ою испанскою языкомъ и литературою, и занимался ими. Новыя событія, бросивъ меня въ другія связи, отвлекли отъ любимыхъ моихъ занятій: я женился на Голландкѣ и прилепился къ голландскому языку. Съ тѣхъ поръ не имѣлъ я случая, ни возможности говорить по испански, а и того менѣе заниматься испанскою словесностію. Но въ портфель моемъ уцѣляли еще нѣсколько кантиленъ въ подражательно переведенныхъ изъ Вильегаса, и отрывки изъ Кальдерона и иныхъ испанскихъ поэтовъ, съ нѣсколькими замѣтками о духѣ и характерѣ ихъ поэзіи. Прежде нежели предложу что нибудь изъ характеристики Вильегасовой поэзіи, не лишнимъ считаю познакомить съ самимъ поэтомъ.

Донъ Эстебанъ Мануэль де Вильегасъ (Don Estevan Manuel de Villegas), родился около 1585, въ Старокастильскомъ городѣ Нахеръ (*Najera Nagera*). Воспитаніе его началось въ Мадридѣ и кончилось въ Саламанкѣ; обучаясь въ тамошнемъ университетѣ, онъ особенно отличался въ изученіи древнихъ языковъ и сдѣлался превосходнымъ латинистомъ. Любимые авторы его были Анакреонъ и Гораций: онъ какъ бы напитался духомъ ихъ поэзіи.

Подобно Овидію Назону, и Д. Эстебанъ де Вильегасъ оправдалъ на себѣ истину древняго диктона: *Poetae nascuntur!* Съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ обнаружилась въ немъ непреодолимаа страсть къ стихамъ. На шестнадцатомъ году жизни своей перевелъ онъ нѣсколько одъ Горация и Анакреона и перенесъ характеръ поэзіи ихъ въ свои испанскія *кантилены* (*cantilenas*—песни.)

посланника и полномочнаго министра Пруссіи, въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ. Родная сестра его была замужемъ, за знаменитымъ драматургомъ Германіи и славнымъ актеромъ Флемингомъ, съ которымъ я сблизился въ Верлигѣ и состоялъ даже въ перепискѣ.

На двадцать второмъ году собралъ онъ свои мѣлкія сочиненія, отпечаталъ на свой счетъ и посвятилъ ихъ испанскому королю Филиппу III, подъ заглавіемъ «Amatogias o Egolicas» (*любвы или эротическія стихотворенія*) 4.) Посвященіе это и приобретенная имъ извѣстность (кантилены его распѣвались на всѣхъ *тертулахъ*, на всѣхъ *серекладахъ*) едва, едва доставили ему на родинѣ мѣсто гражданскаго чиновника съ весьма скуднымъ доходомъ. По крайней мѣрѣ существованіе его было обезпечено. Не смотря на то что Вильегасъ былъ природный *гидалго* (дворянинъ), онъ принадлежалъ къ той нищей кастѣ испанской шляхты, у которой какъ у Д. Кихота или Д. Рандо де Колибрадосъ ничего не было за душою кромѣ безконецнаго ряда именъ, длинной дѣдовской шпаги, *сухаго дротика*, напоминавшаго о крестовыхъ походахъ, да древней дворянской грамоты начерченной какими-то готическими каракулями на закопчѣломъ пергаментѣ. И вотъ нашъ бѣдный поэтъ гидалго, чтобы не умереть съ голоду, вооружился философіею необходимости: и спустился съ ходулю родовой своей спѣсь, принужденъ былъ искать себѣ пропитанія не на поприщѣ славы рыцаря, а въ смиренномъ званіи *эскрибано* (писаря, подьячаго); званіи, которому, по тогдашнему обычаю, посвящали себя одни *плебеи*. Онъ самъ, какъ увидимъ ниже, смѣется надъ этой барской спѣсью бездомныхъ дворянъ въ своей 25-й кантиленѣ 5), одной изъ лучшихъ въ его сборникѣ.

Любовь автора нашего къ поэзіи не мѣшала ему заниматься и филологіею, въ особенности языкомъ латинскимъ. Но вѣроятно эта школьная латынь, столь необходимая для пропитанія бѣднаго Вильегаса, вскорѣ потомъ пода-

вила весь даръ его творчества. Когда ему минуло 23 года, онъ выпужденъ былъ погасить въ чернилахъ педантизма тотъ священный огонь поэзіи, который такъ ярко пламенѣлъ въ его юношеской душѣ. Съ этихъ поръ не издалъ онъ уже въ свѣтъ ни одного стиха, и граціозная муза его навсегда замолкла. Остатокъ жизни Вильегаса мало извѣстенъ, равно какъ и филологическіе его труды. До насъ дошло только одно его сочиненіе написанное по латыни: *Variae philologiae, sive dissertationum criticarum*. Стало быть, безъ первыхъ поэтическихъ попытокъ Вильегаса и самое имя его не дошло бы можетъ быть до потомства. Но какъ ни малочисленны были эти поэтическіе его труды, они найдены образцовыми въ своемъ родѣ, и благодарность любителей изящнаго сохранила всѣ стихотворенія его, въ которыхъ онъ первый изъ ихъ лириковъ Кастильскихъ заговорилъ такимъ чистымъ, естественнымъ языкомъ; поэтическая Испанія назвала его *свилли Анакреономъ*. Вильегасъ почти изгналъ изъ стиховъ своихъ тѣ несносныя *concellis*, которыми Испанецъ Гонгора и Итальянецъ Марини заразили свои стихотворенія или вѣрнѣе сказать свои *вириши*. Къ сожалѣнію эта жалкая игра словъ, допускаемая иногда въ произведеніяхъ шуточныхъ — *burlesco* (фарсахъ), замѣняетъ у многихъ, и въ наше время, недостатокъ вкуса истинныхъ дарованій.

Вильегасъ умеръ въ 1669 году, имѣя отъ роду 74 года.

Грація маложенія и образовъ, роскошь картинъ и плавность языка — вотъ отличительнѣйшія черты поэзіи Вильегаса, слившаго въ звучныхъ стихахъ своихъ двѣ манеры: древнюю и новѣйшую. Въ этомъ онъ рѣшительно превзошелъ своихъ предшественниковъ писавшихъ въ томъ же родѣ. Но и онъ заплатилъ некоторую дань своему вкусу: и онъ увлекался иногда общимъ направленіемъ современной поэзіи —

4) Изданы 1618 г. въ Нахерѣ.

5) 25-я по показанію Сисмонди.

грѣшилъ не разъ противъ правильно-
сти мысли и мѣстами употреблялъ вы-
чурныя выраженія.

Вотъ одна изъ граціознѣйшихъ кан-

тиленъ Вильегаса, признанная таковою
по общему мнѣнію знатоковъ. Прила-
гаю ее съ построчнымъ переводомъ:

CANTILENA VII.

КАНТИЛЕНА 7-я

Yo vi sobre un tomillo
Quejarse un paraxillo,
Viendo un nido amado
De quien era caudillo 6)
Da un labrador robado.

Vi le tan congoxado
Por tal atrevimiento,
Dar mil quejas al viento,
Para que al ciel santo
Lleve su tierno llanto
Lleve un triste acente.

Ya con triste harmonia
Esforzando al intento
Mil quejas repetia;
Ya cansádo callava;
Yal nuevo sentimiento
Ya sonora volvia.

Ya circular volaba,
Ya rastrero corria.
Ya pues de rama en rama
Al rustico seguia.
Y saltando en la grama,
Perece que decia:
„Dame, rustico fiero,
Mi dulce compania!“
Yo vi que repondia
El rustico: „Ne quiero!“ 8)

6) Отъ слова въ слово: „котораго была владчицей.“

7) *Rastrero* — тоже, что по французски сказать, *rasant le terrain* — такъ быстро бѣгала, что казалось будто бы она брела почу.

8) *Ne quiero* — имѣть по испански два значенія: *не хочу* и *не люблю*. Последнее не переводимо въ настоящемъ случаѣ безъ поясненій; смыслъ его былъ бы слѣдующій „не люблю никого, а потому не жалю и тебѣ.“ На русскоиъ показалось бы это натяжною, и я удержалъ первое въ переводѣ. Это выраженіе предпочли Бутервекъ, Виляндъ и Сисмонди, въ своихъ грамматическихъ переложеніяхъ: вотъ какъ была переведена мною эта кантилена въ подражаніи 1807 года:

Я видѣлъ на тимьянникѣ
Какъ жаловалась пташка,
Смотря на гнѣздо милое
На княжество свое:
Его унесъ крестьянинъ.

Я видѣлъ какъ въ отчаяньи
Отъ этого злодѣйства,
Она въвѣрла вѣтру стоиъ,
Чтобы къ святому небу онъ
Вознесъ и слезы нажности,
Вознесъ и грусти звуки.

То скорбно, гармонически —
Съ усиленнымъ жалобъ тысячи
Старалась повторять;
То — утомясь — нѣмела;
И послѣ съ чувствомъ новымъ
Пронзительно роптала.

То на лету кружилась,
То въ бѣгъ брела 7) почу.
Тамъ — съ вѣтки мчась на вѣтку
Крестьянина слѣдила.
Порхая по колосьямъ,
Казалось говорила:
„Отдай, жестокой хищникъ
Мнѣ милую подругу!“
Я видѣлъ какъ отвѣтилъ
Крестьянинъ: „не хочу!“

ГОРЛИЦА.

На тимьяновомъ кусту
Горлица стаяла,
Злобный мальчикъ разорилъ
Гнѣздышко несчастной:
И птенцовъ ея унесъ,
И лишилъ семейства;
Долго бѣдная вилась
По слѣдамъ любезныхъ,
И къ себѣ птенцовъ своихъ
Кликала — воркуя;
Тщетно! . . вторилъ вѣтръ одинъ
Жалобамъ и стомамъ;
Хищникъ громко хохоталъ
За кустомъ надъ нею:

Въ стихотвореніяхъ чисто эротиче-
скихъ Вильегасъ превосходятъ: отъ
позиціи его вѣетъ полуденнымъ пы-
ломъ страсти, нѣги и роскоши, но
не сластолюбія и разврата. Можно по-
думать что это писалъ какой нибудь
Гораций или Катюль; для примѣра
предлагаю читателямъ двѣ кантилены,
13-ю и 16-ю; вмѣстѣ взятая они со-
ставляютъ какъ бы цѣлый небольшой
романъ любовнаго поцѣлуа.

Кантилена 13-я

КЪ БОГУ САДОВЪ.

Тебѣ, могучій богъ садовъ,
Завѣтный садъ мой поручаю —
Мое наследіе, гдѣ ароматы цвѣтовъ
Съ весеннимъ воздухомъ я въ грудь мою
вдыхаю,
Гдѣ, въ лиственной тиши, я сладко засы-
паю
Подъ гуды пѣнія незримыхъ соловьевъ;
Гдѣ, въ дѣтній зной, прохладный сокъ
плодовъ
Я съ наслажденіемъ вкушаю!...
Будь стражемъ сада моего,
Не допускай чтобъ мяди дернъ его
Нескромные поклонники Цитеры;
Но если Лидію — соперницу Венеры —
Введетъ Эротъ въ святилище мое,
Тогда сыреныый шатеръ благоуханный
Съиши привѣтливо раскинутъ для нее,
И если въ-нѣмъ — о часъ желанный!
Заснетъ въ мечтахъ невинности она,
Тогда, ея не нарушая сна,
Пришли зефиры: мнѣ съ живѣешемъ дол-
гожданьемъ!

Кантилена 16-я.

КЪ ЛИДИИ.

Твой поцѣлуй, прелестница млада,
Какъ выстрѣлъ по моимъ всѣмъ жиламъ
пробѣжалъ,
И въ душу мнѣ проникъ, и я затрепеталъ,
„Возврати мнѣ вѣтродовъ,
Возврати мнѣ радости!
Говорилъ голубки взоръ,
А разбойника устыдилъ!
Отвѣчала: „Не хочу!“

Часть VII. Гл. III

И устъ твоихъ я сладость пожиралъ,
Твоимъ дыханіемъ дышалъ;
Но первый поцѣлуй любви своей давалъ,
Ты обещала дать другой!...
Чего же медлишь ты, красавица скупая?
Еще цалуй меня: обѣтъ исполни свой:
Тебѣ — готово наслажденіе,
А мнѣ — награда за терпѣнье. 9)

Вильегасъ, по мнѣнію моему, особен-
но примѣчательнъ въ картинныхъ опи-
саніяхъ, отличающихъ его вакхическія
кантилены, и хотя онъ въсь, болѣе или
менѣе, отзывается древнимъ эпиграм-
матическимъ оборотомъ, тѣмъ не ме-
нѣе заключаютъ въ себѣ столько соб-
ственныхъ красотъ *своего рода*, что
нельзя отказать имъ въ оригинально-
сти. Приведу здѣсь для примѣра кан-
тилены 22-ю, 24-ю и 25-ю.

Кантилена 22-я.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Отъ высотъ отрываясь, стремится
На долины глубокия снѣгъ,
И ручей ставъ рѣкою — клубится,
Направляя къ поморью свой бѣгъ;
Вотъ и лугъ зеленѣетъ и хочетъ
Чтобъ его оживилась волна...
О чудакъ! о водѣ онъ хлопочетъ:
Видно съ роду онъ не пилъ вина!...
Раздалися вдоль Эбра свирѣли
И бледнѣе радостныхъ стадъ...
Что же вы такъ, друзья, присмирѣли?
Вотъ весна! стройте цитры на ладъ!
Подавайте бутылки скорѣе!
Пойте милыхъ — отраду души,
И подъ громъ востаньютовъ живѣе —
Кто писалъ, тотъ пусть пьетъ; а кто
пилъ, тотъ пляши!

Кантилена 24-я.

КЪ РУЧЬЮ.

Навьюченъ льдомъ, къ намъ движется Во-
рскъ,
И все предъ грознымъ сторонится,

9) Въ подражаніи эти написаны мною
еще въ 1897 году.

И быстрѣй въ берегахъ ручей
Уйти отъ стужи торонится.
Безумецъ! чтобъ тебѣ съ виномъ
Смѣшать потокъ свой серебрястый?
Съ его искусственнымъ огнемъ
Тебя морозъ — рукою льдистой
Въ твои теченья бѣ не сковаль.
Въ питье искусный и досужий,
Я на себѣ не разъ видалъ —
Что въ зимній день, во время стужи,
Когда въ поляхъ трещалъ морозъ,
Я отъ вина — горѣлъ, не мерзъ.

КАНТИЛЕНА 25-я.

КЪ ЗИМѢ.

Полно, полно; доказала
Ты, зима, вражду свою!
Чѣмъ ты родину мою
Въдую не наказала?
Иней, снѣгъ и тучи бѣды
На долины къ намъ слетѣли,
И поля всѣ посѣдали
Будто старцы во сто лѣтъ;
Наши рѣки ты сковала,
Превратя ихъ въ хрупкій ледъ;
Стадъ веселыхъ самый слѣдъ
Съ нашихъ пажитей согнала;
Самыхъ шелковыхъ червей
Въ тканяхъ ты перехитрила:
Вѣлымъ пухомъ испестрила
Стекла оконъ и дверей;
Звѣрь отъ голода унылый,
Пташка грѣя свой пріютъ,
Злобу всѣ твою клянуть;
Всѣ твоей трепещутъ силы;
Но пока я, при огнѣ,
Вижу въ кубкѣ сокъ янтарный
И пою подъ звукъ гитарный,
Не страшна зима ты мнѣ. 10)

10) Эти три кантилены Вильегаса немально напоминаютъ олу *Лессингову шутку* столь же оригинальную:

Большая часть людей родится —
Пить, есть, гулять, любить;
Животное и звѣрь плодится —
Чтобъ есть, гулять и пить;
Не ходить и не вѣсть, а пѣть одно растенье;
Лидя камень не движимъ: не можетъ вѣть и
пить.
Скажи же намъ, чудакъ, преславное творенье?
Что ты? не камень ли? — когда не можешь
вѣть,
Не можешь вѣть, гулять, любить?

Въ заключеніе остается еще выписать одно любопытное полусатирическое стихотвореніе Вильегаса обращенное «къ самому себѣ.» Это просто беседа или разговоръ поэта съ *двумя красавицами* (*michasas bachilleras*), которыя привыкнувъ къ рыцарскимъ романамъ своей родины, требовали у него отчета въ новомъ управленіи его пѣсень. Кантилена эта, косвенная пародія обидѣвшей, но все еще ситсивой аристократки, къ которой принадлежалъ самъ авторъ. Это какая то апология его или родъ софистическаго оправданія въ томъ, что онъ, уклонясь отъ грустной напыщенности своей касты, намѣренъ посвятить себя жизни чувственно веселой. Тутъ видно явное отраженіе известной Анакреоновой оды:

„Мнѣ пѣть было Атридовъ и пр.“

за усвоеніе которой въ такомъ оригинальномъ тонѣ и приравленіи къ духу своей націи, равно какъ и за другія подражанія пѣвцу Хіосскому, Вильегасъ прозванъ былъ *Анакреономъ Испаніи*. Вотъ она:

КАНТИЛЕНА 23-я.

„Отчего, Донъ Эзтебанъ,
Двушки мнѣ говорили:
„Ты поешь одну любовь,
„И не хочешь пѣть сраженій?“ —
— Оттого, я отвѣчалъ:
Мои милочки красотки, —
Оттого, что полъ мужской
Преданъ вамъ, а вы прелестны.
Что за радость мнѣ трубить
О гербахъ и о герольдъ;
О побѣдахъ и бояхъ.
Что мнѣ въ деревѣ съ суками
Безъ цвѣтовъ и безъ плода?
Буду ль сътъ я пергаментомъ,
Или дротикомъ сухимъ?
Много ль гербовъ мнѣ дастъ дождя
И на что герои мнѣ? —
Пѣть; я не пою сраженій:
Войны съ милами прою;

Оттого, дѣвцы красны,
Что я съ милой — самъ герой! 11)

Сообразивъ критическимъ образомъ духъ Вильегасовой поэзии, должно сознаться что она легка; что, вообще говоря, въ ней мало назидательности и глубокихъ чувствъ постоянно проявля-

11) Для тѣхъ кому угодно поверить подражаніе мое съ знаменитою испанскою кантиленою, прилагаю Вильегасовъ оригиналъ. Если я извѣрилъ нѣсколько выраженій, то кажется сохранилъ весь духъ автора и его мысли:

Dicen me las muchachas
¿Que será Don Esteban,
Que siempre de amor cantas
Y nunca de la guerra?

Pero yo las respondo:
Muchachas bachilleras,
El ser los hombres feos
Y el ser vos otras bellas.

¿De que serve que canté
Al son de la trompeta,
Del otro embarazado
Con él pavés a cuestras?

¿Que placeras me quiza
Un arbol pica seca
Cargado de mil hojas
Sin una fruta in ellas?

Quien gusta de los parches,
Che muchos parchés tenga:
Y quiza de los escados
Que nunca los pesca.

Que yo de los guerreros,
No trato las paleas
Sino las de las niñas
Porque estas son mis guerras.

ющихся у Горация, даже и въ самыхъ рѣзкихъ картинахъ его вѣка; за то — нельзя отказать *Анакреону Испаніи* въ томъ преимуществѣ, что въ самыхъ пылкихъ эротическихъ его стихотвореніяхъ видны истина, чувство, страсть; а не сластолюбіе развратника пресыщеннаго чувственностью и рисующаго для возбужденія ея соблазнительные образы: въ поэзии Вильегаса нѣтъ поддѣльныхъ восторговъ французскихъ раздущенныхъ мадригалщиковъ XVIII вѣка; въ ней не преобладаетъ ни цинизмъ систематическаго разврата какъ у Волтера, Пиго ле Брѣна, Луве и имъ подобныхъ новѣйшихъ писателей Франціи и Германіи; въ ней не раздаются ни буйные возгласы добросовѣстно грубаго ювенала; ни холодное безстыдство выраженія нѣкоторыхъ древнихъ, какъ напр. историка Светонія, сатирика Петронія или ядраго бича своихъ современниковъ циника Марціала. Вильегасъ вообще отличается граціозностью образовъ, богатствомъ картинъ, естественностью унодобленій.

Вотъ что думалъ я объ *Анакреонѣ Испаніи* за тридцать лѣтъ назадъ, и теперь еще думаю тоже: если ошибся, прощу великодушно извинить или безпристрастно исправить.

Н. КОРСАКОВЪ.

С. Петербургъ,
20 Июля 1840

РУССАИ

НА ЮЖНОМЪ БЕРЕГУ БАЛТИЙСКАГО МОРЯ.

Надъ разрѣшеніемъ вопроса: откуда пришли къ Славянамъ Руссы, какая страна была ихъ отечествомъ?—трудилось много умовъ; но какъ въ археологіи всего важнѣе изслѣдованіе достоверныхъ источниковъ, изъ которыхъ можно почерпнуть данныя для соображеній; то очевидно, что до результатовъ не оспоримыхъ достигнемъ не прежде, какъ сообразивъ сказанія всѣхъ древнѣйшихъ писателей о Руссахъ и Руси. Известны ли намъ эти сказанія? все ли мы знаемъ, что говорится въ хроникахъ о народѣ, давшемъ имя нашему отечеству? Къ сожалѣнію, нѣтъ. Исторія Государства Россійскаго Карамзина — единственное сочиненіе, къ которому мы привыкли обращаться, когда нужны цитаты или текстъ древнихъ писателей о нашихъ предкахъ.

Не принимая на себя открывать новыя теоріи, мы не разъ думали передать читающей публикѣ тѣ мѣста хроникъ, гдѣ говорится о Руссахъ или Руси: извлеченія изъ книгъ рѣдкихъ, (требующія большаго терпѣнія, чтобы въ фолиантахъ, покрытыхъ въковою пылью, отыскать нѣсколько строкъ или даже нѣсколько словъ), быть можетъ, открыли бы любителямъ отечественной исторіи обширное поле для соображе-

ній, и послужили бы поводомъ къ новымъ изысканіямъ и результатамъ.

Ученый профессоръ Эйхвальдъ далъ историческое значеніе Пинскимъ болотамъ, заселивъ ихъ древними славянскими племенами. Это привело насъ къ мысли, что Чернорусь, входившая въ составъ Туровскаго княжества, просвѣщенная христіанскою вѣрою еще при Владимірѣ великомъ, напрасно не была до сихъ поръ подвергнута критическому взгляду. Историкъ Литвы Нарбуттъ своимъ сочиненіемъ: *Dzieje Starożytnie narodu Litewskiego*, усиллъ наше подозрѣніе, что эта страна и сопредѣльная ей въ древности были театромъ дѣйствій нашихъ предковъ. Нарбуттъ увѣряетъ, что на поморіи Балтійскомъ существовала Русь, принадлежавшая Литвѣ; онъ даже помѣстилъ цѣлую исторію славныхъ дѣяній князей русскихъ; но какъ мы знакомы съ ними по сочиненіямъ Саксона Грамматика, заимствовавшаго свои сказанія изъ руническихъ надписей на камняхъ, которыхъ никто, кромѣ его, не видалъ; то и не раздѣляемъ благоговѣнія историка Литвы къ доблестямъ героевъ, умиравшихъ съ звучными латинскими стихами на устахъ. Равнымъ образомъ не раздѣляемъ его мнѣнія и о томъ,

что Русь прибалтійская составляла часть Литвы; однакожь мы остановились надъ его цитатами рѣдкихъ сочиненій, и, повернувъ ихъ въ публичной библиотекѣ и Румянцовскомъ музеумѣ, составили выдержки изъ хроникъ, упоминающихъ о Руссахъ и Русахъ.

Предварительно считаемъ нужнымъ припомнить, что существованіе Руссовъ на Балтійскомъ поморіи было предметомъ глубокомысленныхъ соображеній Карамзина. Вотъ что говоритъ онъ: «въ Степенной книгѣ XVI-го вѣка и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ лѣтописяхъ сказано, что Рюрикъ съ братьями вышелъ изъ Пруссіи, гдѣ издавна назывались Курскій заливъ *Руссою*, сѣверный рукавъ Немона или Мемеля *Руссою*, окрестности же ихъ *Корусемъ*. Варяги-Русы могли переселиться туда изъ Скандинавіи, изъ Швеціи, или самого Россіана, согласно съ извѣстіемъ древнѣйшихъ лѣтописцевъ Пруссіи, увѣряющихъ, что ея первообитные жители, Ульмиганы или Ульмигеры, были въ гражданскомъ состояніи образованы скандинавскими выходцами, которые умѣли читать и писать. Долго обитавъ между Латышами, они могли разумѣть языкъ славянскій и тѣмъ удобнѣе примѣниться къ обычаямъ Славянъ новгородскихъ. Симъ удовлетворительно изъясняется, отъ чего въ древнемъ Новгородѣ одна изъ многоязычныхъ улицъ называлась Прусскою. Замѣтимъ также свидѣтельство Географа Равенскаго: онъ жилъ въ VII вѣкѣ, и пишетъ, что близъ моря, гдѣ впадаетъ въ него рука Висла, есть отечество *Россоланъ*: думаютъ, нашихъ Россовъ, концы владѣніе могло простираться отъ Курскаго залива до устья Вислы» 1).

Сличивъ свидѣтельство Географа Равенскаго съ сказаніями другихъ хроникъ, мы видимъ, что они между собою согласны. Ими и начнемъ наши выдержки:

Juxta oceanum est patria, quae dicitur Roxolanorum; Svaricium, Svaromatium, per quam patriam inter caetera transeunt flumina, quae dicuntur fluvius maximus, qui dicitur Vistula, quia nimis undosus in oceanum mergitur, et fluvius, qui nominatur Lutta. 2) т. е. «Близъ моря есть земля, называемая отечествомъ Роксолановъ, Сваровъ, Свароматовъ; между прочими рукави, чрезъ эту землю протекають: — *Висла*, почитаемая величайшею, такъ какъ въ большомъ изобиліи изливается въ Океанъ, и другая называемая *Луттою*.» Итакъ отечество Роксоланъ лежало у моря Балтійскаго, по обѣимъ сторонамъ Вислы, въ нынѣшней Пруссіи, вверхъ по Вислѣ, гдѣ теперь Данцигъ, Бутовъ, Ельбингъ, Мариенбургъ, Мариенвердеръ, Кульмъ, Торнъ, Бранденбургъ; и въ Польшѣ — Владиславъ, Гнѣзно, Бржещъ, Плоцкъ, Пултускъ и проч.

Ученый Людовикъ Мураторій, въ изданіи своемъ: *Antiquitates Italicae medii aevi. Mediolani. 1741*, исчисляя донатіи, сдѣланныя разными лицами римской церкви, между прочимъ говоритъ: In alio tomo (предъ этимъ сказано: sicut legitur in tribus chartis Armarii Lateranensis Palatii) sub Joanne XV Papa, Dagone Judex et Oie senatrix et filii eorum Misiça et Lambertus leguntur beato Petro contulisse unam civitatem in integrum, quae est *Schinesghe*, cum omnibus surpertinentiis infra hos affines: icuti incipit a primo latere longum mare sine *Pruzze*, usque in locum, qui dicitur *Russe* et fines *Russe* extendente usque in Cracoa et usque ad flumen Odege.» 3) т. е. «При папѣ Иоаннѣ XV, судья Дагонъ, сенаторша *Омма* и двѣ ихъ: *Мизика* и *Ламбертъ* составили, говорятъ, въ пользу блаженнаго Петра, одно независимое государство, называемое *Schinesghe*, со всѣми принадлежностями въ этихъ предѣлахъ: съ правой стороны

1) Истор. Гос. Росс. т. 1 стр. 50 и 51.

2) Anonym. Haven. pag. 140.

3) Tom. V. pag. 631.

предѣломъ было обширное море *Ruzze* до мѣста, называемаго *Russe*; границы Россіи простирались до Кракова и рѣки Одера.» Незвѣстность древней географіи прибалтійскаго поморія не позволяетъ опредѣлительно сказать, гдѣ находились подаренный городъ; но крайней мѣрѣ отсюда видно, что мѣсто *Ruzze* и страна *Russe* были не далеко отъ Кракова и рѣки Одера; следовательно въ Царствѣ Польскомъ между Галиціею, Силезіею и Помераніею, или между рѣками Вартою, Пилицею, Бугомъ и Вислою.

Нѣкоторые думаютъ, что *Misica* означаетъ Мечислава, отца Болеслава Храбраго; но отецъ Мечислава былъ не Дагонъ, а Зекомысль; притомъ же Мечиславъ принялъ Христіанство, по убѣжденію супруги своей Домбровка, бывши уже княземъ; и потому прежде ни онъ, ни родители его не имѣли повода дарить намъ города.

Какъ бы то ни было, если отечество Роксоланъ, следуя Географу Равенскому, продолжимъ вдоль по Вислѣ, по крайней мѣрѣ до границы Галиціи; то мѣсто *Russe* и область *Russe* будутъ находиться въ землѣ Роксоланъ.

Писатель XII-го вѣка, любекскій пресвитеръ Гельмольдъ, весьма извѣстный и уважаемый въ ученѣмъ свѣтѣ, въ началѣ своего сочиненія *Chronica Slavorum*, говорить: «*Dani et Sveones, quos Northmannos vocamus, septentrionale litus et omnes in eo obtinent insulas. At litus australe Slavorum incolunt nationes, quorum ab oriente primi sunt Ruzi, deinde Poloni, habentes a septentrione Prizos, ab austro Voëmos* 4).

..... т. е. «Сѣверный берегъ Балтійскаго моря и всѣ острова, на нихъ лежащіе, населяютъ Датчане и Шведы, называемые Норманнами; а на берегу южномъ обитаютъ народы славянскаго племени; далѣе всѣхъ на

востоку живутъ Руссы; за ними, къ сѣверу, Поляки, сѣвернѣе—Пруссы, къ Югу—Вогемцы.» О какихъ Руссахъ говорить здѣсь авторъ? не просто ли о Россіи? Не думаемъ. Какъ бы ни толковать это слова, но нельзя доказать, чтобы Россія въ XII вѣкѣ занимала восточную часть южнаго берега Балтики, и чтобы съ нею граничили на сѣвѣрѣ Поляки. Правда, Ярославъ Владиміровичъ, Владиміръ Мономахъ и Мстиславъ Владиміровичъ проносили туда свое оружіе, но поселеній Русскихъ тамъ не заводили. Ближе къ Балтійскому морю; къ Пруссамъ и Полякамъ лежало княжество Полоцкое, и нѣсколько сѣвернѣе, владѣнія Псковскія; но Гельмольдъ, говоря о побережьи Балтійскомъ, не могъ разумѣть ихъ. При взглядѣ на географическую карту, безъ всякаго предубѣжденія, местопребываніе Руссовъ, по Гельмольду, слѣдуетъ полагать въ окрестностяхъ Немена, между рѣками Наревомъ и Виндавою; ибо въ такомъ случаѣ Руссы точно займутъ восточную часть южнаго берега Балтики, на сѣвѣрѣ будутъ Поляки, сѣвернѣе—Пруссы. Другаго мѣста назначить невозможно: все прочее въ окрестности—Литва и Ливъ. Такимъ образомъ Руссы займутъ часть земли Ятвяговъ, примкнутъ къ гавани Куронскому и распространятся до Жмуди. Ниже увидимъ, что Русь обитала тамъ по сказаніямъ другихъ писателей, и слѣды ея существованія остались до сихъ поръ.

Для болѣе ясной замѣчанъ, что Русь прибалтійскую Гельмольдъ называетъ *Ruzia*: «*Dis est ex quo Ruzia credit; т. е. «Уже съ давняго времени Руссы вѣровали;» а нашу Русь пишетъ *Russia*: «*Russia vocatur Danis Ostvagard.*» 5) т. е. «Датчане Русь называютъ *Ostvagard.*»*

Адамъ Бременскій, исчисляя Прусскія провинціи, которыя не правильно называетъ островами, пишетъ: *tercia*

4). *Chronica Slavor. Helmold. Lubecae. 1059. pag. 1.*

5). *Chron. Slavor. pag. 1.*

insula, quae Semland appellari solet, con-
tingit Russis. 6). т. е. «Третій островъ,
известный подъ именемъ Земланда, сме-
жегъ съ Русскимъ островомъ.»

Дитмаръ, описывая благочестивые
труды епископа Бруно, говоритъ: «*Ad
Prusiam pergens, steriles hos agros se-
mine Divino studuit foecundare. Tunc
in confinio dictae regionis et Russiarum, cum
praedicaret, primo ab incolis prohibetur*» 7)
т. е. «Продолжая путь въ Пруссию, онъ
(Бруно) старался оплодотворить эти пу-
стыя мѣста посредствомъ божественнаго
сѣмени. Едва сталъ приводить свой
пашъ въ дѣйствиѣ, какъ встрѣтилъ силь-
ное сопротивленіе въ жителяхъ этой
страны и въ областяхъ Русскихъ.»

Изъ этихъ двухъ сказаній хотя и
нельзя вывести, гдѣ именно обитали
Руссы, однако жъ видно, что они были
смежны съ Пруссіею, и следовательно
не далеко отъ Балтики и Литвы. Дол-
жно думать, что имя ихъ тамъ затеря-
лось отъ преобладанія другихъ нарѣ-
довъ.

Опредѣлительнѣе всѣхъ говоритъ пи-
сатель XIV-го вѣка Дусбургъ: *Terra
Pruschiae pro terminis suis, intra quos
constituta est, habet Viselam, male sal-
sum, Memelam, terram Ruschiae, ducatum
Masoviae, et ducatum Dobrinensem.
Visela est aqua fluens de Cracovia in
terram Pomeraniae, circa castrum Dan-
czki intrans mare, dividens Poloniam et
Pomeraniam a Pruschia. Memela etiam est
fluens aqua, descendens de regno Russiae,
circa castrum et civitatem Memelberg in-
trans mare, ipsam Ruschiam, Lethoviam
et Curoniam dividens etiam a Pruschia.*
8). т. е. «Предѣлы Пруссиі, въ которыхъ

она заключается, суть: *Висла*, соленое
море, Мемель, область Руси, княжес-
тва Мазовское и Добрыньское. Висла те-
четъ изъ Кракова въ область Помераніи
и огибая крѣпость *Данцигъ* впа-
даетъ въ море, отдѣляя Польшу и По-
меранцію отъ *Pruschja*. Р. Мемель вы-
текаетъ также изъ царства Русскаго и
впадаетъ въ море, обнимая собою крѣ-
пость и городъ *Мемельбергъ*; отдѣляетъ
также *самую Русь*, Литву и Куронию
отъ *Pruschia*.»

Нарбуттъ утверждаетъ, что здѣсь го-
ворится о двухъ особыхъ Русяхъ: одну
прорѣзываетъ Нѣмень прежде втеченія
въ землю Литовскую, а другую — уже
за Литвою. Все, что можетъ служить,
въ пользу его мнѣнія — это различное
привоисаніе: *regnum Russiae* и *Ruschia*;
но, сказавши, что Нѣмень вытекаетъ
изъ царства *Russiae*, Дусбургъ тотчасъ
говоритъ, что онъ отдѣляетъ *ipsam Ru-
schiam, Lethoviam et Curoniam* а *Prus-
chia*, следовательно *regnum Russiae* и
Ruschia означаютъ одно и то же; иначе
вѣдь было бы сказать *ipsam Ruschiam*.
Впрочемъ еще не известно, кому при-
надлежитъ правописаніе — автору или
издателю.

Какъ бы то ни было; *in medium pro-
fertur quaestio: гдѣ было regnum Rus-
siae?*

Къ хроникѣ Дусбурга приложена Ген-
нербергерова карта древней Пруссиі.
На ней — Мазовія оканчивается къ сѣве-
ру Наревомъ, на другомъ берегу этой
рѣки показана Русь, съ надписью: «*Jaz-
vingiae sive Podlachiae pars, quae Dus-
burgio vocatur Russia, т. е., «часть зе-
мли Ятвяговъ или Подляхн, названная
въ хроникѣ Дусбурга Русью.»*

Такое положеніе Руси захватываетъ
Бѣлостокскую область, часть Гроднен-
ской и Минской губерній, и совершен-
но согласно съ оказаніемъ Гельмольда,
(какъ видно изъ предшедшаго) и Ду-
сбурга. Последний говоритъ: *Memela
est fluens aqua, descendens de regna
Russiae* т. е. «Нѣмень вытекаетъ изъ

6. Adam. Brem. de situ Daniae. pag. 147.

7). Dithmar. Merseburg. Chronie. Lib. 6 p. 40.

8) Chronicon Prussiae. Dusburg. Jenae 1679
script. 1326 edit. Hartnoch, pars III. cap. 2
pag. 60.

царства Русскаго; а онъ вытекаетъ въ Минской губерніи, въ Бобруйскомъ уездѣ. Очевидно, что тамъ была и Русь: но не владѣли только Русскія, а regnum Russiæ — цѣлое царство. При такомъ положеніи Руси будетъ совершенно соблюдена послѣдовательность мѣстности, которою Дусбургъ обозначаетъ границы Пруссіи, начиная съ сѣвера: Memela, terra Ruschiæ, ducatus Masoviæ, ducatus Dobrinenis.

Въ подтвержденіе, не излишнимъ считаю сказать, что въ большей части Минской губерніи народный языкъ есть русскій, болѣе близкій къ великороссійскому, нежели белорусскій и малороссійскій.

Нужно также припомнить, что языкъ русскій былъ господствующимъ и дипломатическимъ въ самой Литвѣ. Что было сему причиною? отчего политика, усиливавшаяся истребить тамъ русскую вѣру, не могла истребить языка? отчего даже во время Великаго Князя Литовскаго Александра, принуждавшаго свою супругу, несчастную Елену Иоанновну, къ католицизму, употреблялся на письмѣ языкъ русскій? На эти вопросы въ существѣ дѣла не такъ легко отвѣчать, какъ привыкли рѣшать ихъ — первоначальнымъ вліяніемъ Россіи на княжества, прежде имѣвшія влѣстителей русскаго, а послѣ вошедшія въ составъ Литвы. Говорить можно, но убѣждаетъ ли это? не остается ли множество сомнѣній и возраженій? отчего раскольники времени Иоанна III-го Васильевича бѣжали на поморіе Балтійское — въ Ливонію и Литву, гдѣ живут и теперь? что влекло ихъ туда, гдѣ самые туземцы не были укрыты подъ щитомъ закона вѣротерпимости? не была ли то память древняго родства Русскихъ съ жителями прибалтійскими? — Генеалогическія изслѣдованія предложенныхъ вопросовъ проявили бы яркій свѣтъ на нашу исторію.

Вскрытіе древнихъ кургановъ въ Виленской губерніи, на Жмудѣ и въ

Борисовскомъ уездѣ Мѣдской губерніи, произведенное въ 1837 году, не оставило никакихъ сомнѣній, что тамъ, особенно въ послѣднемъ мѣстѣ, въ самыхъ отдаленныхъ временахъ обитали народы славянскаго племени. Описаніе вскрытія сихъ кургановъ и изслѣдованіе о значеніи ихъ напечатаны въ журналѣ *Tudgodnik Petersburgski 1837 и 1838* годовъ, а переводъ помѣщенъ въ декабрьской книжкѣ *Сына Отечества 1838* года.

Но обратимся къ Дусбургу. Сверхъ означеннаго мѣста хроники, онъ упоминаетъ еще о народахъ *Rutheni* и *Russici*. Кто они? Жители ль царства *Russiae*, или народы особыя? послѣднее вѣроятнѣе.

Говоря объ осадѣ какого то замка, авторъ продолжаетъ: «*Scalovitae habebant unum castrum circa Raganitas, in quodam monte, in cuius obsidione Rutheni cum maximo exercitu fuerunt IX annis ante ingressum fratrum domus Teutonicae in terram Pruschiae*» 9) т. е. «Скаловиты имѣли одну только крѣпость на какой-то горѣ близъ Раганитъ. Для осады этой крѣпости *Rutheni* приходили съ огромнымъ войскомъ, за 9 лѣтъ до нашествія братьевъ тевтонскаго ордена на землю *Pruschiae*. Но кто были эти *Rutheni*, откуда приходили и куда ушли — Дусбургъ не упоминаетъ. Гарткнохъ увѣряетъ, что *Rutheni* назывались жители острова Ругена или Рузы: «*Rutheni appellantur incolae Rugiensis insulae*» 10) Если правда, то это названіе или мѣстное или уже не первое; ибо въ XII-мъ вѣкѣ Ружане назывались, какъ видно изъ хроники Гельмольда, *Rani* и *Rugiani*. 11). Всего вѣроятнѣе, что *Rutheni* здѣсь означаютъ просто Русскихъ. Этимъ именемъ называли нашихъ предковъ всѣ писатели до XVI-го вѣка, а съ сего времени стали

9) *Pars. III. cap. 176 pag. 234.*

10) *Dissertation. de originib. Pomaranie, pag. 64.*

11) *Chron. Slavon. pag. 6.*

употреблять большую частью слово *Moscovitae*. Это известно каждому, кто только знакомъ съ иностранными авторами, писавшими о Россіи.

Описавъ усмиреніе бунта Болеславомъ Княземъ Мазовецкимъ, Дусбургъ говоритъ: «*Sic terra Nathangiae in pace quievit. Sed dum commendator de Kunnigsberg cum suo exercitu rediret, ut dictum est, Sambitae et maxime Russici conspirationem fecerunt et aet. 12.)* т. е. «Жители Натангии вели мирную жизнь. Но когда коммендаторъ Куннигсбергскій возвратился съ своимъ войскомъ, какъ объ томъ сказано, Самбиты и преимущественно Русскіе составили заговоръ» и проч. Это мѣсто напоминаетъ мысль Нарбутта, что двѣ особыя страны носили имя Руси. О первой сказано, что она обхватываетъ истокъ Нѣмена; а Руссы (*Russici*), о которыхъ теперь идетъ рѣчь должны были жить на поморіи Балтійскомъ. Изъ приведенныхъ словъ Дусбурга ясно, что они жили или въ Натангии, или въ Самбii, потому что будгъ ихъ имѣть тѣсную связь съ усмиреніемъ первой и съ возстаніемъ последней. Натангія лежала близъ моря, по лѣвому берегу Нѣмена; а Самбія между моремъ, Нѣменомъ и Русною. Въ той ли, въ другой ли обитали *Russici*, все они не будутъ жителями Руси, откуда вытекаетъ Нѣмень. *Regnum Russiae*, по Дусбургу, отдѣлялось отъ няхъ Судавією, Галиндією, Бортонією и Надравією.

Историкъ Литвы не углублялся въ смыслъ хроникъ, — можетъ быть и не имѣлъ ихъ, — и разсматривалъ Русь прибалтійскую; на основаніи своихъ особыхъ соображеній, какъ часть Литвы; однакожъ открытія его заслуживаютъ полного вниманія, какъ плодъ обширной учености и знанія мѣстности.

Топографическое положеніе Руси прибалтійской изслѣдовано Нарбуттомъ, какъ утверждаетъ онъ, точнѣйшимъ обра-

зомъ. «Границы этой области простирались на востокъ до гага Куронскаго (Куришгага); по всему его восточному побережью, на сѣверъ — до Жмуди или древней Югрии, на западъ — до земли Скировъ (*Scygon*) и Сударговъ, на югъ — до *Шалони* *) и Надравин, провинцій Прускихъ. Эти границы легко узнать по урочищамъ, ихъ лянгвистическому различію: мѣста принадлежавшія Надравин имѣютъ названія близкія къ скандинавскимъ, по крайней мѣрѣ недопонятныя для Литовца; а въ предѣлахъ Руси названія болѣе литовскія и болѣе понятныя. Рубежь, раздѣлявшій Русь отъ Пруссіи, такъ яственъ на мѣстѣ, и столько имѣетъ особенностей, что не возможно сомнѣваться въ томъ, что онъ служилъ пограничною чертою двухъ особыхъ странъ.

«Нѣмень, древній Альдескъ, названный послѣ Хрономъ, протекалъ чрезъ землю, занятую ордами Сарматовъ Амаковіевъ, послѣ заселенную Славянами. Надъ этой рѣкою есть посады древнихъ городовъ, насыпи, курганы, могилы и множество урочищъ, освѣщенныхъ воспоминаніями древности. Особенно заслуживаетъ вниманіе нижняя часть Нѣмена, отъ Ковпа до Тильзита. Подъ Шанценкругомъ Нѣмень раздѣляется на два рукава: правый носилъ мнѣическое названіе *Руссъ*, теперь *Руснитъ*. *Русна*, *Русинъ*, по различнымъ выговорамъ — литовскому, нѣмецкому и славянокому. Этотъ классическій рукавъ, при урочищѣ *Руссъ*, гдѣ долженъ быть посады древняго города, образуетъ множество заливовъ, и одинъ изъ нихъ *Лоссе* или *Лессе* напоминаетъ одно изъ

(*) Въ Новгородской области существовать также округъ называвшійся *Шелонскою Платиною*, отъ имени рѣки Шелони — а въ просторѣчii — Шалони — впадающей въ озеро Ильмень. П. К.

славянскихъ названій бога Перкуна. Левый рукавъ, отдѣлившись отъ Русны, имѣетъ направленіе къ западу, и называется *Варрусъ*; деревня надъ нимъ лежащая, остатокъ древняго поселенія, носитъ то же имя, означающее, на литовскомъ языкѣ, *Варлжская Русь*. Изъ сказаннаго рукава образуется множество меньшихъ, и одинъ изъ нихъ называется *Руснейтъ*. Гензенбергъ, прусскій писатель XV-го вѣка, (о картѣ котораго мы упомянули;) исчисляя заливы, изъ коихъ нѣкоторые уже не существуютъ, именуешь между прочими, *Литъ-Руссе* и *Руссе* или Гольмъ. Самый заливъ первоначально назывался *Русна* и *Куртэжикте Руссе*, а въ XV-мъ вѣкѣ курляндскіе крестовые рыцари называли его Куришагомъ, то есть, Куронскій (Курляндскій) заливъ, отъ поселеній своихъ на западной его оконечности.

Имя Руси на поморіи Балтійскомъ звучитъ во многихъ названіяхъ. Такъ— въ нынѣшней Пруссіи, на правомъ берегу рѣки *Русней*, не много ниже Шанценбурга, находится деревушка *Сивнасъ-Руссъ* т. е. старая Русь. Это мѣсто достойно особеннаго вниманія. Тутъ, по всей вѣроятности, былъ городъ или одно изъ древнѣйшихъ поселеній. Славный въ древности сѣвера городъ *Ассагардъ*, о которомъ столько написано противорѣчащихъ другъ другу и мѣстности догадокъ, безспорно находился въ Руси, гдѣ постоянно жили Скандинавы. Ибо *Ассагардъ* — религиозное скандинавское названіе. Оно означало жилище скандинавскихъ полубоговъ и богатырей, называвшихся *Ассали*, которыхъ предки пришли съ Оденемъ съ береговъ Азовскаго моря. Двѣ рѣки также напоминаютъ скандинавскую древность: одна *Ливе* начинается въ *Россиенскомъ* (*) уездѣ Виленской губерніи, прорывавъ границу Прусскую, течетъ мимо деревни *Аспурови* т. е. болото *Ассова*, и впадаетъ въ рѣку

Вевиришу; другая *Ассо* вытекаетъ также въ Россиенскомъ уездѣ, и впадаетъ въ ту же рѣку. Вевирише значитъ, по литовски, *нагорнал*, по нижнюю часть съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она принимаетъ въ себя воды рѣкъ *Ассо* и *Ассо*, туземцы называютъ *Ассе*. При впаденіи ея въ рѣку Мингу, лежитъ деревня *Асгары*. Тамъ до сихъ поръ сохранялись остатки зданій и могилы съ памятниками скандинавской древности. Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ былъ древній *Ассагардъ*. Впрочемъ *Асгарды* могли быть и въ другихъ мѣстахъ, заселенныхъ Скандинавами; даже известно, что одинъ изъ городовъ Ливонскихъ носилъ это имя. 13).

Есть и другія мѣста, напоминающія о Руси, какъ то: деревня *Руссы* при р. Дубассѣ, *Русле* надъ р. Дангой, приморская деревня *Россиенъ*, недалеко отъ гави Куронскаго (Куришага), уездный городъ Виленской губерніи *Россиены*, *Росситы* рыбацкая слобода на Куронскомъ мысѣ, и много другихъ подобныхъ названій и урочищъ.

»Русь о которой мы говоримъ, испытала много перемѣтъ; наконецъ, во время крестовыхъ рыцарей, совершенно опустошена, и служила предѣломъ владѣній литовскихъ и прусскихъ. Въ 1456 году, по конвенціи, учиненной между королемъ польскимъ Владиславомъ, убитымъ при Варнѣ, и Павломъ Русдорфомъ великимъ магистромъ рыцарей, Русь раздѣлена на двѣ неравныя части. Въ уголку между Неменомъ и нижнею частію рѣки Юры, въ лѣсистыхъ окрестностяхъ Смоленскъ на землѣ песчаной и неблагоприятной, до сихъ поръ уцѣлѣлъ народъ, безспорно принадлежащій къ племени русскому. Его костюмъ имѣетъ свой особый характеръ;

13) Iacob. Prilusc. Stat. regn. Polon. lib. 7. cap. 6. p. 944. Privileg. Duc. Pruss. fol. 6

преимущественно праздничный нарядъ дѣвицъ и много другихъ частности ясно доказываютъ, что они завесены туда изъ древней Скандинавіи.» 14.

Точно такъ и нарядъ женщинъ въ великой Россіи днѣмъ не отличается отъ убора женщинъ шведской области Скании или Шонія. Эти два мѣста слѣдовало бы подвергнуть изслѣдованіямъ; ибо гдѣ лучше искать скандинавщины, по крайней мѣрѣ изучать ее, какъ не тамъ, гдѣ она уцѣлѣла во всей своей священной древности!

Сводя все сказанное подъ одну точку зрѣнія, находимъ, что по сказанію помянутыхъ хроникъ, Руссы обитали на южномъ берегу Балтики въ разныхъ мѣстахъ, и въ сопредѣльныхъ странахъ. Последнее обстоятельство нисколько не наводитъ сомнѣній на достоверность повѣствованій: народы воинственные, какъ Руссы и вообще Норманны, всегда готовые назвать своимъ отечествомъ страну, въ которой хорошо, по словицѣмъ *ibi bene, ibi patria*, не могли пѣдыгать перѣдвиженій; по крайней мѣрѣ тамъ находились они въ теченіе значительнаго пространства времени.

Читателямъ журнала министерства народнаго просвѣщенія должно быть известно, что мысль о мѣстопребываніи Руссовъ на южномъ берегу Балтійскаго моря не нова. Профессоръ дерптскаго университета Крузе, утверждаясь на летописяхъ, съ свѣточемъ критики и глубокой учености, опредѣлялъ границы древней Норманіи, обозначивъ ихъ рѣкою Эддеромъ, землею Оботритовъ, землею Саксонцевъ и южною Норвегіею; отыскалъ графство *Рустрангенъ*, въ нынѣшнемъ герцогствѣ Ольденбургскомъ и описалъ воинскія дѣянія замѣчательнаго лица, имъ первымъ выведеннаго на сцену — *Rorich rex Northmannorum*, въ которомъ угадываетъ нашего Гюрика: 15.

14) Dzieje Srozytn. narad. hiteno, T. III.
15) Журн. Мин. Народн. Просв. 1839.
Годъ, стр. 18. — 78.

Настоящее изслѣдованіе совершенно согласно съ открытіями Г. Крузе, только Руссы подвинутся нѣсколько на востокъ. Причина такой разности слѣдующая: предположивъ, что Рорикъ, онъ же и Рюрикъ, былъ сынъ датскаго короля Гольфдана. Г. Крузе и занимался владѣніями Нормановъ ближайшими къ Ютландіи, и притомъ на основаніи другихъ хроникъ.

Продолжая владѣнія Руссовъ на востокъ, мы, сверхъ всего вышесказаннаго, имѣемъ слѣдующія доказательства.

1) Исландскія саги. Въ *Konunga — Sagur Heimskvind* cap. 2, и *Ynglinga — Saga* cap. 5. говорится, что Оденъ покорилъ *Gardarik* (Новгородъ — думаетъ Г. Крузе:), и, слѣдуя сухимъ путемъ, завладѣлъ землею Саксонцевъ, а послѣ уже основалъ королевство Датское. Покоривъ храбрыхъ Саксонцевъ, могъ ли Оденъ не оставить на южномъ берегу Балтики часть своей дружины, для удержанія за собою завоеванныхъ земель? Также изъ *Chron. Petr. Olai* cap. 79 и *Langenbeck script. T. 1 pag. 79*, видно, что Скандинавы еще во II-мъ вѣкѣ по Р. Х. проникали въ Эстляндію, Курляндію и Лифляндію.

2) Древнѣйшіе летописцы прусскіе. Мы привели въ началѣ слова Карамзина, что первобытные жители Пруссіи Ульмигеры образованы скандинавскими выходцами. Поэтому нѣтъ никакого противорѣчія думать, что часть ихъ — племя Русь осталось тамъ или перешло въ мѣста близкія.

3) Сношенія Славянъ прибалтійскихъ съ Скандинавами. Известно, что Славяне мекленбургскіе, штетинскіе и другіе всегда имѣли связь съ жителями Ругена, гдѣ было главное Арконское капище Сьтвовида.

Если наконецъ принять, что Руссы пришли къ Славянамъ изъ погорія Балтійскаго: то малознакомымъ съ нашими летописями это можетъ показаться несогласнымъ съ повѣствованіемъ историка, что Руссы пришли изъ

за моря. Но Карамзинъ отвѣтилъ на это возраженіе: что приходило моремъ, навывалось всегда заморскимъ; такъ — о любскихъ и другихъ нѣмецкихъ корабляхъ говорится въ Новгородской летописи, что они приходили къ намъ изъ за моря. 16.

16., Ист. Гос. Рос. т. 1. прим. III.

И. БОРИЧЕВСКИЙ.

О ГЛАВНЫХЪ ПРИЧИНАХЪ ВѢТРОВЪ.

Къ числу важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ въ общежитіи знаній принадлежитъ знаніе опредѣлять погоду, за нѣсколько времени до ея наступленія. Множество нашихъ дѣлъ и занятій такъ тѣсно связаны съ обстоятельствами погоды, то есть, съ силою и направленіемъ вѣтровъ, ведромъ и ненастьемъ, что часто наши намѣренія, предположенія и начинанія различно ими измѣняются. Не смотря на то, Метеорологія, наука о законахъ метеорическихъ или воздушныхъ явленій, составляетъ еще малозвѣстную и слабо опредѣленную область человеческого знанія. Наблюденій сдѣлано много, а законовъ изъ нихъ выведено мало. Если и дѣлаются предугаданія погоды, то дѣлаются по безотчетнымъ, неопредѣленнымъ, мѣстнымъ признакамъ, и очень часто доступны только привычному, опытному глазу старожила; да и такіа указанія ограничиваются наиболее окрестностями жилища наблюдателя. Наука мало еще прояснена правдою къ точному опредѣленію погоды, особенно на продолжительное время. Здѣсь легко представится вопросъ, возможна ли строгая точность въ подобныхъ предугаданіяхъ. Мы думаемъ, что она возможна, если будутъ близко опредѣлены причины воздушныхъ явленій, и законы, по которымъ они происходятъ въ атмосферѣ. Хотя и кажется, при простомъ наблюденіи, будто бы дождь, снѣгъ, градъ, гроза, бури, вѣтры, происходятъ и смѣняются между собою, безъ всякаго порядка, или зависятъ отъ множества причинъ, которыхъ нельзя опредѣлить наблюдателю: однако точныя изслѣдованія нѣкоторыхъ воздушныхъ явленій показали, что причины ихъ не всегда очень многосложны, и могутъ быть опредѣляемы довольно близко, а иногда и съ точностію. На примѣръ; какъ запутаннымъ представляются вѣтры въ нашихъ странахъ; они настаютъ, смѣняются, продолжаютъ, будто совершенно безъ порядка: но въ нихъ находится правильность.

которую недавно вывелъ и доказать профессоръ Дове. Впрочемъ, и самый здравый разумъ убждаетъ насъ, что ненамѣнный законъ и правильность, установленныя Премудрымъ Творцемъ во всѣхъ дѣйствіяхъ природы, конечно существуютъ также и въ вѣтрахъ и въ прочихъ воздушныхъ явленіяхъ. Мы сообщаемъ здѣсь объясненіе происхожденія вѣтровъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, взятое изъ статьи «о важнѣйшихъ атмосферныхъ явленіяхъ» Галльскаго профессора Л. Кэмпца, помещенной въ Шумахеровомъ *Zaf. bibl.* Это объясненіе, любопытное по своему предмету, служитъ доказательствомъ, какъ проста причина, которая производитъ вѣтры, такое, повидимому, чрезвычайно сложное явленіе.

Прежде рѣчи о вѣтрахъ, просимъ читателей взглянуть въ слѣдующее обстоятельство. Представимъ себѣ, что двѣ, сосѣдныя между собою, полосы земли нагрѣты неравномерно, то есть, одна изъ нихъ похолоднѣе, или одна потеплѣе, другой. Въ атмосферѣ надъ ними сдѣлаются два теченія воздуха: *въ верхней части атмосферы воздухъ устремляется отъ теплой полосы къ холодной, а въ нижней части, подлѣ земли, воздухъ потечетъ отъ холодной полосы къ теплой.* Это явленіе происходитъ отъ того, что воздухъ, нагрѣваясь отъ теплой полосы земли болѣе, нежели сосѣдній съ нимъ на холодной полосѣ, становится легче, и поднимается въ верхъ, а на мѣсто его вступаютъ сосѣдніе, который по этой причинѣ и стремятся притекать отъ холодной полосы къ теплой; на мѣсто же утекающаго воздуха съ холодной полосы, опускается верхній надъ тою полосею воздухъ, а на мѣсто этого послѣдняго вверху стекаетъ поднявшійся съ теплой полосы воздухъ, который потому и течетъ отъ нея вверху по направленію къ холодной полосѣ. Подобное явленіе мы можемъ всегда встрѣтить въ нашихъ лѣсныхъ, разнѣе нагрѣтыхъ. Если

растворить дверь между двухъ такихъ смежныхъ комнатъ; то мы замѣтимъ въ дверяхъ два тока воздуха: въ верхней части замѣтимъ теченіе изъ теплой комнаты въ холодную, а въ нижней, подлѣ пола, изъ холодной въ теплую. Этотъ постоянный законъ перемѣщенія воздуха, отъ различнаго нагрѣванія, составляетъ основную причину всѣхъ вѣтровъ. Посмотримъ теперь, какимъ образомъ отъ нея зависятъ вѣтры, какъ постоянныя, такъ и перемѣнныя.

Береговые вѣтры, принадлежащія къ числу постоянныхъ, очень ясно подтверждаютъ выше приведенный законъ. Въ приморскихъ мѣстахъ теплыхъ странъ, особенно между тропиками, днемъ вѣтеръ дуетъ съ моря на берегъ, а ночью съ берега на море. Эти вѣтры дуютъ постоянно, и они называются *береговыми*. Причина ихъ заключается въ различіи теплоты земли и моря: днемъ нагрѣвается отъ солнца земля болѣе, нежели вода въ морѣ, и тогда воздухъ стремится съ воды на землю; ночью же земля остываетъ скорѣе и сильнѣе, нежели море, и потому тогда воздухъ течетъ съ земли на море.

Пассатные вѣтры. Въ обоихъ половинахъ великаго океана, простирающагося отъ полюса до полюса, между тропиками и нѣсколько за ними, дуетъ во весь годъ одинъ, правильный восточный вѣтеръ: онъ называется *пассатнымъ вѣтромъ*. Вообще, этотъ вѣтеръ въ сѣверномъ полушаріи земли бываетъ сѣверовосточный, а въ южномъ полушаріи — юговосточный; къ полюсамъ, предѣлы этихъ вѣтровъ находитъ между 20 и 30 градусами широты. Близъ экватора простирается поясъ, на которомъ правильныхъ вѣтровъ уже не находится; на немъ, тишь смѣняется жестокими бурями. Здѣсь, большое количество воздуха поднимается отъ земли въ верхнія части атмосферы, и воздухъ внизу стремится къ экватору съ двухъ противоположныхъ сторонъ, отъ обоихъ полушарій. Первые

мореплаватели, пускавшиеся в путь по Атлантическому океану, Колумбъ, Васко де Гама и другіе, были не-мало удивлены великою правильностію восточнаго вѣтра, который очень пособлялъ имъ въ плаваніи къ новому свѣту; но возвращенію ихъ въ Европу этотъ вѣтръ какъ будто поставлялъ препятствіе. Долго, причина этого вѣтра оставалась неизвѣстною, пока Галлей не показалъ, что она зависитъ отъ различія теплоты, какая находится въ странахъ около экватора, и тою, которая бываетъ въ странахъ, ближе къ полюсамъ находящихся.

Это различіе теплоты причиняетъ, по выше приведенному закону, теченіе воздуха въ верхнихъ частяхъ атмосферы отъ экватора къ обоимъ полюсамъ, а близъ земной поверхности — отъ полюсовъ къ экватору. Еслибы земля была неподвижна, то на поверхности моря, гдѣ нѣтъ ни горъ ни другихъ препятствій, затрудняющихъ теченіе воздуха, въ одномъ полушаріи дулъ бы всегда сѣверный вѣтръ, а въ другомъ противоположномъ — южный: но это направленіе вѣтровъ измѣняется отъ вращенія земли. Здѣсь надобно припомнить, что, при суточномъ обращеніи земли около самой себя, движеніе частей ея поверхности не одинаково: скорѣе всѣхъ движутся части подъ экваторомъ, а оттуда къ полюсамъ скорость ихъ движенія становится постепенно медленнѣе. По этой причинѣ, толщи воздуха, притекающія отъ полюсовъ къ экватору, имѣютъ скорость менше той, съ какою движутся части поверхности земли по близости экватора; и какъ эти толщи не могутъ вдругъ приобрести равной скорости, то онѣ отстаютъ отъ вращенія земли, и производятъ препятствіе движенію тѣлъ на поверхности земли, стремящихся съ нею отъ запада къ востоку. Такимъ образомъ, находясь по близости экватора, въ сѣверномъ полушаріи, мы встрѣчаемъ струю воздуха, текущаго отъ полюсовъ къ эквато-

ру, и ощущаемъ въ нейъ препятствіе въ нашемъ движеніи съ землею къ востоку: чувство соединеннаго удара по обоимъ направленіямъ, мы относимъ къ удару воздуха по направленію къ сѣверо-востоку, и называемъ это сѣверо-восточнымъ вѣтромъ; даже и движеніе его на паруса корабля, по закону сложения силъ, происходитъ по тому же направленію. На противъ, въ южномъ полушаріи, отъ соединенія ударовъ по направленіямъ отъ юга и востока, мы замѣчаемъ и ощущаемъ вѣтръ юго-восточный. — Вращеніе земли оказываетъ свое вліяніе не только на нижнее теченіе воздуха, но также и на верхнее. Когда верхнее теченіе приближается къ полярнымъ широтамъ, оно вступаетъ тамъ въ страны, въ которыхъ скорость движенія менше той, какую имѣетъ притекающій воздухъ. По этой причинѣ, тамъ онъ движется къ востоку скорѣе земной поверхности, и кажется намъ въ сѣверномъ полушаріи юго-восточнымъ вѣтромъ, а въ южномъ полушаріи — сѣверо-западнымъ.

Наблюденія, сообщаемыя мореплавателями въ продолженіе столѣтій, подтверждаютъ совершенно вышесказанныя теоретическія заключенія; мы находимъ не только пассатные вѣтры, какъ указываетъ теорія, но находимъ также, что промежуточное пространство, которымъ юго-восточный и сѣверо-восточный пассатные вѣтры разделяются между собою при экваторѣ, переходитъ въ одно время съ солнцемъ къ сѣверу и югу. Въ тропическихъ странахъ, гдѣ пассатный вѣтръ дуетъ правильно, и небо бываетъ почти всегда ясное, хотя трудно опредѣлять верхнее теченіе воздуха, однако случается и тамъ видѣть легкія облачки, которыя появляются иногда въ верхнихъ слояхъ атмосферы; замѣтили, что эти облачки движутся въ сторону противную направленію пассатнаго вѣтра. На вершинѣ Теперическаго пика встрѣчается вообще болѣе или менѣе сильный западный вѣтръ, а вверху

въ то же время, правильно дуетъ пассатный вѣтръ. Сверхъ того, существованіе западнаго вѣтра къ верхнему слою атмосферы доказано еще слѣдующимъ событіемъ. Жители острова Барбадоса, который лежитъ на восточной оконечности Антильскаго архипелага, однажды, при обыкновенномъ пассатномъ вѣтрѣ, были немало удивлены нанесеннымъ къ нимъ вулканическимъ пепломъ. Спустя нѣсколько времени, они узнали, что пепелъ былъ выкинутъ изъ огнедышащей горы на островѣ Сенъ Винцентъ, лежащемъ отъ Барбадоса къ западу. Безъ сомнѣнія, этотъ пепелъ былъ верхнимъ теченіемъ въ атмосферѣ унесенъ далѣе Барбадоса, потомъ, во время своего паденія, попалъ въ струю пассатнаго вѣтра, и имъ принесенъ на Барбадосъ; иначе нельзя объяснить этого явленія.

Не одни пассатные, но и другіе постоянные вѣтры доказываютъ происхожденіе вѣтровъ отъ разностей температуры различныхъ мѣстъ. Таковы *мусоны*, которые дуютъ въ Индійскомъ морѣ шесть мѣсяцевъ въ одну сторону, и шесть въ другую; таковы сѣверные вѣтры, дующіе, особенно лѣтомъ, въ Средиземномъ морѣ и на сѣверныхъ берегахъ Африки.

Выше было сказано, что предѣлъ распространенія пассатнаго вѣтра къ полюсамъ лежитъ между 20 и 30 градусомъ широты; нѣсколько градусовъ ближе къ полюсу встрѣчается главнѣйшее въ сѣверномъ полушаріи югозападный вѣтръ. Хотя эти вѣтры бываютъ чаще, нежели другіе, однако они дуютъ не съ такою правильностію, какъ пассатные вѣтры. Господство западныхъ вѣтровъ въ среднихъ широтахъ доказывается очень убѣдительно слѣдующимъ частнымъ обстоятельствомъ: въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, пакеты боты изъ Диверпудъ въ Нью-Йоркъ употребляли въ сложности по сороку дней въ обратъ, а возвратны изъ Нью-Йорка

въ Диверпудъ проважали въ сложности только по двадцати по три дня. Если станемъ подвигаться отъ экватора далѣе къ полюсамъ, то найдемъ, что югозападные вѣтры, хотя остаются господствующими, однако ихъ учащеніе уже уменьшается. По наблюденіямъ, собраннымъ Дове, Шувомъ и Кемпомъ, во всехъ мѣстахъ большихъ широтъ представляется господство югозападныхъ вѣтровъ, а если въ иномъ мѣстѣ и является отклоненіе отъ этого закона, то причину тому надобно искать въ мѣстныхъ обстоятельствахъ. Этотъ югозападный вѣтръ есть не что иное, какъ токъ воздуха отъ экватора, спустившійся изъ верхнихъ слоевъ атмосферы, и начавшій дуть по земной поверхности.

Мы находимъ большую переѣмчивость вѣтровъ въ большихъ широтахъ; рѣдко случается, чтобы здѣсь вѣтръ дулъ въ одномъ направленіи нѣсколько дней сряду. Однако, если тщательно станемъ изслѣдывать направленіе вѣтровъ, то мы часто будемъ находить значительную правильность въ порядкѣ, въ которомъ вѣтры смѣняются. Такъ, напримѣръ, если сѣверный вѣтръ уже дуетъ въ какомънибудь мѣстѣ, то, чрезъ нѣсколько времени, онъ отходитъ къ сѣверовостоку, потомъ къ востоку, и такимъ образомъ, въ этомъ порядкѣ, обходитъ все точки компаса, пока опять дойдетъ до сѣверной. Время такого кругообращенія вѣтра продолжается иногда большее, иногда меньшее число дней. Временемъ, конечно, вѣтръ переѣмняется вдругъ, отъ одной точки компаса къ другой, переходя чрезъ нѣсколько точекъ какъ бы въ противоположномъ порядкѣ вышесказанному; однако наблюденія, сдѣланныя очень во многихъ мѣстахъ, показываютъ, что упомянутый значающій порядокъ перехода вѣтровъ происходитъ гораздо обыкновеннѣе. Еще Францискъ Беконъ (Лордъ Веруламъ), въ своемъ изслѣдованіи вѣтровъ, приводилъ замѣчаніе судоходовъ о порядкѣ перехода

вѣтровъ, а въ последнее время и сами мореходцы часто говорили о томъ въ своихъ повѣствованіяхъ просто, не опредѣляя естественныхъ причинъ, но указывая на великую важность того порядка. Недавно, профессоръ Дове доказалъ, многими свидѣтельствами и наблюденіями, собранными изъ разныхъ частей свѣта, что прежнее повѣріе о порядкѣ смѣнности вѣтровъ очень основательно, то есть, что вѣтры въ наибольшемъ числѣ случаевъ, въ здѣшнихъ широтахъ, смѣняются, идутъ отъ запада къ сѣверу, отъ сѣвера къ востоку, и такъ далѣе *).

Если тщательнѣе разсматривать обстояательства, сопровождающія вѣтры въ большихъ широтахъ, то по вышесказанной теоріи, въ нашемъ полушаріи, также какъ и при тропикѣ, долженъ находиться сѣверовосточный вѣтръ. И дѣйствительно онъ находится часто, однако этотъ господствующій сѣверовосточный вѣтръ перемежается съ упомянутымъ уже югозападнымъ вѣтромъ, который исходитъ изъ верхнеслойнаго тока, и въ тоже время служить, посредствомъ верхняго движенія, къ замѣщенію въ сѣверныхъ странахъ воздуха, утекающаго оттуда близъ земной поверхности къ экватору. Такимъ образомъ, теорія пассатныхъ вѣтровъ, развѣтая Галлеемъ, объясняетъ въ нашихъ странахъ происхожденіе двухъ противоположныхъ вѣтровъ. Эта теорія подтверждается самымъ дѣломъ совершенно, потому что во всѣхъ частяхъ Европы, изъ которыхъ мы имѣемъ метеорологическія наблюденія, сдѣланныя въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, вѣтры по этимъ направленіямъ происходили

*) Этотъ законъ смѣнности вѣтровъ замеченъ и мною, по наблюденіямъ моими надъ вѣтрами въ С. Петербургѣ. Я упомянулъ о моихъ наблюденіяхъ надъ порядкомъ перехода вѣтровъ, еще въ 1833 году, въ статьѣ „причинахъ наводненій въ С. Петербургѣ“ напечатанной въ № 289 Сѣверной пчелы того года.

наибольше; но, въ тоже время, мы усматриваемъ, что югозападный случается чаще, нежели сѣверовосточный, если гдѣ нибудь горы или подобныя препятствія не причиняютъ разстройства.

Эти два вѣтра, поставленные во всегдашнее столкновеніе, производятъ уже различныя прочіе вѣтры, а съ ними и перемены погоды, въ умѣренномъ поясѣ и въ большихъ широтахъ. Изъ этихъ вѣтровъ, иногда одинъ, а иногда другой господствуетъ; но въ иное время оба вѣтра образуютъ два противоположные теченія, и тогда, въ томъ мѣстѣ, гдѣ они встрѣчаются, типина мѣняется съ жестокими порывами вѣтра. Гораздо чаще, однако, оба вѣтра движутся одинъ подлѣ другаго, болѣе или менѣе сильно; въ срединѣ ихъ теченія, гдѣ они проходятъ другъ подлѣ друга, произходятъ вихри, простирающіеся на большое протяженіе; и составляющіе причину всѣхъ прочихъ вѣтровъ. Вотъ какъ эти вѣтры происходятъ. Положимъ, что на поверхности земли господствуетъ сѣверовосточный вѣтръ, и что онъ совершенно отогналъ назадъ югозападный, или отгнѣснилъ его въ верхніе слои атмосферы; такимъ образомъ первый вѣтръ продолжаетъ дуть; но онъ, какъ дуетъ изъ мѣстъ, болѣе къ сѣверовостоку лежащихъ, постепенно отходитъ къ востоку. Между тѣмъ, и югозападный вѣтръ показывается постепенно въ верхнихъ слояхъ атмосферы, какъ то можно замѣчать по теченію самыхъ верхнихъ облаковъ, между тѣмъ какъ флюгеръ показываетъ сѣверовосточный или восточный вѣтръ. Дѣйствіемъ двухъ вѣтровъ, одного на другой, стремленіе воздуха постепенно отходитъ къ юговостоку и къ югу, потому къ югозападу, а изъ этого направленія, которое принадлежитъ обращенію земли, постепенно переменяется въ западное. Тутъ, сѣверовосточный вѣтръ снова возникаетъ, и какъ оба вѣтра находятся при поверхности земли, то отъ сближенія обоихъ происходятъ

средній вѣтръ, направляющійся постепенно къ сѣверозападу и сѣверу, потому что сѣверовосточный продолжаетъ постепенно усиливаться, и наконецъ онъ опять одинъ останется. Такъ происходитъ непрерывно, въ большихъ широтахъ нашей половины земнаго шара, эта круговая смѣна вѣтровъ; только она происходитъ не съ такою правильностію, какъ здѣсь изложено:

иногда, потому что югозападный вѣтръ, отошедшій уже отъ дѣйствія сѣверовосточнаго вѣтра къ сѣверозападу или къ сѣверу, вдругъ вновь усиливается изобильнымъ притокомъ воздуха отъ экваторіальныхъ странъ, тогда отходить, противъ правила, обратно къ западу и югозападу.

С. УСОВЪ.

—*—*—*—

ОБЪ УПРОЩЕНИИ И УСОВЕРШЕНСТВОВАНИИ

УСТРОЙСТВА

ЖЕЛѢЗНЫХЪ ПАРОХОДОВЪ, ПАРОПЛОТОВЪ, ПАРОВЫХЪ МАШИНЪ, КОЛЕСНЫХЪ ГРЕБКОВЪ,

И ОБЪ ОСОБОМЪ СПОСОБѢ СУДОХОДСТВА, СОЕДИНЕННОМЪ СЪ ФАБРИКАЦІЕЮ РАЗЛИЧНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ ТАМИ ЖЕ ДВИЖУЩИМИ СИЛАМИ И СРЕДСТВАМИ.

Мы получили нижеслѣдующее описаніе всѣхъ этихъ устройствъ, хозяйственно-мануфактурныхъ видовъ и соображеній, отъ самого изобрѣтателя ихъ *Карла Неймовича Эмме* 4-го, бывшаго Директора Тульскаго оружейнаго завода по искусственной части. Всѣ эти изобрѣтенія сдѣланы имъ еще въ 1820 году; и хотя предложены здѣсь безъ чертежей и пояснительныхъ подробностей, но при небольшомъ вниманіи и соображеніи, они слишкомъ удовлетворительно говорятъ сами за себя, такъ что для убѣжденія въ возможности исполненія, въ несомнѣнномъ превосходствѣ и пользѣ ихъ, нѣтъ надобности прибѣгать къ кредиту имени изобрѣтателя, которое, впрочемъ, здѣсь весьма кстати, потому что изобрѣтатель, занимавшій такой важный постъ, и прямо по части подобныхъ изобрѣтеній, конечно предлагаетъ здѣсь не фантазіи, но вещи, которыя онъ, по своимъ свѣдѣніямъ, практикѣ и искусству, могъ со всѣхъ

Часть VII. Гл. III.

7

сторонъ зрѣло обдумать, обсудить, и готовъ все то выполнять съ успѣхомъ до самыхъ подробностей, незнание которыхъ такъ часто вредитъ на практикѣ самымъ обольстительнымъ теорическимъ фантазиямъ. — Всякой безпристрастный согласится, что предлагаемая здѣсь статья содержитъ въ себѣ темы и задачи для множества обширныхъ компаний, и общаетъ обоюдныя выгоды сколько дѣйствительныя, столько же и неисчислимыя, какъ для производителей такъ и для всего Государства. Дай Богъ чтобы праздныя капиталы, наскуча своимъ затхлымъ одиночествомъ, разумно, осомотрительно, и вмѣстѣ предприимчиво соединились наконецъ для разработки всѣхъ предложеній К. И. Эмме 4-го.

Редакт.

О ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХЪ ЗАГОТОВЛЕНІЯХЪ ПРИПАСОВЪ, МАТЕРІАЛОВЪ И ПОНТОНОВЪ, — ДЛЯ ПАРОВОДНОЙ ВЕРФИ.

Для желѣзныхъ Пароходовъ и Пароплотовъ нужно благовременно заготовить, чертежи съ моделями, деталями, смѣтами и описаніями, при содѣйствіи хорошихъ чертежниковъ и механиковъ.

Для постройки желѣзныхъ пароходовъ и пароплотовъ, съ успѣхомъ и выгодною, необходимо благовременно выписать и купить, — хорошіе мягкіе котельные или кубовые желѣзные листы, лучшее болтовое, шинное и полосовое желѣзо предписаннаго вѣса, размѣра и формы; а также необходимо заказать, — мѣдныя и чугуныя части и принадлежности, паровыхъ машинъ и пароходовъ; заказать деревянный понтонъ предписанной мѣры и формы, — съ подъемными машинами, насосами, щитами и шатдорами: нанять или построить мастерскія: кузницы, литейныя, токарныя, слесарныя, со всѣми нужными аппаратами, снарядами, инструментами и машинами, и условиться въ цѣнѣ съ искусными механиками, мастерами и рабочими; да сверхъ-того крайне необходимо благовременно воспитать разныхъ лицъ, потребныхъ, для управленія желѣзными пароходами, пароплотовыми, паровыми машинами, и постройкою всего того, что нужно для обработки разныхъ жизненныхъ потребностей, съ производствомъ канцелярскихъ и счетныхъ дѣлъ.

О ЖЕЛѢЗНЫХЪ ВОДОХОДНЫХЪ СУДАХЪ И ПЛОТАХЪ, И ИХЪ ПРЕИМУЩЕСТВАХЪ ПРОТИВУ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ.

Желѣзные суда г. Эмме — изъ листового котельнаго желѣза: желѣзныя стѣны ихъ облегаютъ простаго устройства рамы или шпангоуты изъ полосового желѣза; дно сихъ судовъ прямое, горизонтальное съ небольшимъ цилиндрическимъ огибомъ по краямъ; стѣны сихъ судовъ отвѣсныя съ люками и съ разными отверстіями для прохода паровъ и частей машинъ; верхъ сихъ судовъ покрытъ желѣзнымъ цилиндрическимъ или эллиптическимъ плоскимъ сводомъ съ люками плотно притворяющимися, для нагрузки и выгрузки и огражденія судна отъ потопленія во время бури, равно какъ и для запиранія паровъ во время приуготовленія въ сихъ судахъ разнаго рода растворовъ и напитковъ (см. ниже). Надъ желѣзнымъ сводомъ сихъ судовъ устроены гвизда и блоки, для установленія мачтъ съ парусами и оснасткою; надъ сводами сихъ судовъ наложены и скрѣплены рамы, съ горизонтальными уступами, отвѣсными перилами и горизонтальною настилкою изъ проволочной стѣи, для помѣщенія пассажировъ, и рабочихъ управляющихъ ходомъ сихъ судовъ; по длинѣ отвѣсныхъ продольныхъ стѣнъ сихъ судовъ съ внутренней стороны ихъ пропущены (съ каждой стороны) по двѣ желѣзныя полосы, съ проушинами въ концахъ, обложенными резиною, съ круглыми дира-

мд. — для адвѣженія въ нихъ крѣпко-пружинистыхъ рамъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ надобно нѣсколько судовъ сдѣлать для общій ихъ тяги паровою машиною; на одномъ концѣ желѣзнаго судна находится съ каждой продольной стороны крѣпокъ съ загибомъ, а на другомъ концѣ съ каждой продольной стороны судна придвѣланъ шкивъ съ воротомъ, для того чтобы резницатый канатъ, задѣтый проушиной за крѣпокъ одного судна и просунутый сквозь кольца пружинистыхъ сдѣльных рамъ, натянуть черезъ шкивъ другого судна посредствомъ ворота; въ концахъ судна находятся у продольныхъ шинъ накладки, вращающіяся въ шарнирахъ, кон надѣваются на проушины пружинистыхъ рамъ и замыкаются замками, — для того чтобы пружинистыя рамы не выскакивали изъ своихъ мѣстъ во время бури, и сдѣленные части судовъ черезъ то не разрывались; продольные желѣзные шины, съ проушинами въ обоихъ концахъ, прикрѣпляются къ стѣнамъ и къ шпангоутамъ судовъ, — а къ онымъ придѣланы съ наружи кольца, для причалу судовъ и управления оными.

Суда заключающія въ себѣ паровую машину для тяги и буксировки, подобнаго же устройства, съ тою разницею, что носовая подводная часть идетъ вверхъ косвенно съ разваломъ для уменьшенія сопротивленія воды во время хода судовъ: въ продольныхъ бокахъ устроены рамы съ наружи, для помѣщенія чугунныхъ колесъ, съ кибями (желобками), для вмѣщенія безконечныхъ веревокъ во время обработки матеріаловъ по окончаніи судходства. Рамы многогранныхъ чугунныхъ колесъ съ безконечными цѣпями и гребками устроены такъ, что ихъ легко разнять, составить и скрѣпить, и безконечныя цѣпи и число гребковъ по мѣрѣ надобности увеличить.

Преимущество желѣзныхъ судовъ и паровъ Г. Эмме 4, противу существующихъ, заключается въ слѣдующемъ.

а). Суда эти столь просты въ устройствѣ, что нѣкъ по указанію г. Эмме можетъ соорудить каждый мастеръ работающій желѣзные и паровые котлы при пособіи хорошихъ русскихъ кузнецовъ.

б). Стѣны и дно сихъ судовъ, подобны стѣнамъ четверугольнаго ящика съ полуцилиндрическою или полуэллиптическою крышею, — слѣдовательно требуютъ небольшое число простыхъ рамъ или шпангоутовъ изъ полосоваго желѣза, связанныхъ по продольнымъ стѣнамъ желѣзными шинами; шпангоуты могутъ быть приготовлены, по частямъ свинчены и установлены на мѣстѣ хорошими русскими кузнецами подъ руководствомъ г. Эмме.

с). Суда сіи имѣютъ плоское дно и не тяжеловѣсную желѣзную оболочку, слѣдовательно при малой осадкѣ въ воду, могутъ поднять несравненно болѣе груза, противу обыкновенныхъ желѣзныхъ, а въ особенности деревянныхъ остроконечныхъ судовъ, — ибо, если судно сдѣлать длиною въ 10 а шириною въ 4 сажени, желѣзную оболочку въ $\frac{1}{4}$ англійскаго дюйма, боковыя стѣны и сводъ со связями и настѣлкою положить въ трое вѣсомъ противу два; кубическій англійскій футъ воды положить въ 70 русскихъ футовъ, а кубическій футъ листоваго котельнаго желѣза въ 70×8 или 560 фунтовъ, — то въ каждой квадратной сажени желѣзной оболочки будетъ около кубическаго фута желѣза или около 560 фунтовъ, что составитъ вѣсу всей желѣзной оболочки (160 квадратныхъ сажень) около 160 кубическихъ англійскихъ футовъ желѣза вѣсомъ въ 160×560 или 89600 фунтовъ или 2240 российскихъ пудовъ. Если же судно съ товаромъ погрузится въ воду на 4 англійскихъ фута, то выдавить 784 кубическихъ футовъ воды вѣсомъ 784×70 фунтовъ или 548.800 фунтовъ воды, — что составитъ водозмѣщеніе съ

полнымъ грузомъ суда: 15.720 пудовъ, а безъ судна чистый грузъ 15720 — 2240 пудовъ или 11.480 пудовъ товара, — большое преимущество, противу обыкновенныхъ нынѣ существующихъ желѣзныхъ, особенно, деревянныхъ судовъ.

d). Желѣзные суда Г. Эмме не могутъ сгнить, разбиться, утонуть и разсохнуться, и всегда удерживаютъ свою цѣнность. Потому не могутъ разбиться что составлены изъ мягкаго котельнаго желѣза; потому не могутъ сгнить и попортиться отъ ржавчиною, что обожжены и обмазаны смолою *); потому не могутъ утонуть, что будучи со всѣхъ сторонъ, съ низу, съ боковъ и съ верху герметически сплочены — не проницаемы водою, развѣ только могутъ състь на мѣль и подводные камни, съ коихъ легко снять ихъ: между тѣмъ какъ нынѣ существующія деревянные суда сгниваютъ, высыхаютъ, разбиваются, и также какъ обыкновенныя желѣзные суда легко тонуть могутъ; барки же привозящія къ мѣсту назначенія товары, и стоящія каждаго ежегодно около 1500 рублей, продаются за безцѣнокъ и разбираются на дрова и доски, что во сто лѣтъ составляетъ 150.000 рублей на одну барку, а на 10.000 ежегодныхъ барокъ, 1.500.000.000 рублей, — между тѣмъ какъ желѣзное судно Г. Эмме длиною въ 10 а шириною въ 4 сажени, имѣя въ су не болѣе 2240 россійскихъ пудовъ, обойдется съ матеріаломъ и работою не болѣе 10 рублей съ пуда, всего около 22.400 рублей, что составитъ въ пятеро менѣе цѣнности барокъ въ 100 лѣтъ, буде желѣзное судно Г. Эмме прочно построенное и хорошо сбереженное, просуществуетъ только одно столѣтіе. Если же къ сему присовокупить сбереженіе строеваго корабельнаго и мачтоваго лѣса, — то выгоды отъ желѣзныхъ судовъ неизчислимы.

e). Обыкновенныя барки, для внутренняго судоходства употребляемыя,

(* Это не спасетъ отъ окисленія. Ред.)

требуютъ: дорого стоящаго бичевника, коноводства, и тяги бичевою и рабочими, неоднократной выгрузки и нагрузки прежде доставленія товаровъ къ мѣсту ихъ назначенія со всеми стелажамы, шатрами, кулами, цѣновками и мѣшками, истребляющими несметное количество липовыхъ и другихъ лѣсовъ, возвышающихъ весьма значительно цѣну на привозимые товары; онѣ весьма медленны въ ходу и дороги отъ долговременнаго содержанія многочисленныхъ рабочихъ, требуютъ неоднократной зимовки и преждевременной напрасной утраты искусственныхъ водохранилищныхъ и естественныхъ дождевыхъ и снѣжныхъ водъ, и сопряжены съ значительною раструскою и истребленіемъ товаровъ животными; между тѣмъ какъ желѣзные суда Г. Эмме всего вышеозначеннаго, для барокъ необходимаго лишняго расхода и неизбежныхъ утратъ, не требуютъ, къ значительному сбереженію издержекъ и къ уменьшенію цѣны привозимыхъ товаровъ, потому что товары нагруженные въ желѣзные суда г. Эмме, прикрыты отъ вреднаго вліянія погоды, животныхъ, раструски и дѣйствія весеннихъ и осеннихъ льдовъ и водъ, плотно непроницаемою желѣзною неразрушимою оболочкою со всѣхъ сторонъ герметически сплоченною, и весьма быстро отъ мѣста нагрузки къ мѣсту доставки отправляются къ значительному ускоренію и умноженію оборотныхъ капиталовъ, въ пользу промышленности и къ значительной выгодѣ правительства и государства. Для удобнѣйшей нагрузки и выгрузки, и для лучшаго сохраненія товаровъ отъ порчи и истребленія вредными животными и отъ порчи и потопленія непогодами, предполагается товары нагружать въ желѣзные вылуженныя кубическія ящики длиною шириною и вышиною въ два фута, объемомъ въ восемь кубическихъ англійскихъ футъ, съ крышами, петлями и пробоями для запиранія, и ручками для носки; эти ящики, постепенно и

повсемѣстно вводимые, доставать для хозяевъ важныя удобства.

г) Обыкновенныя барки проходя Боровицкіе, Волховскіе и другіе пороги и озера, нерѣдко разбиваются, — и если ежегодно положить среднимъ числомъ до 100 утонувшихъ и разбитыхъ барокъ, въ каждой по 10.000 пудовъ груза, то, полагая по рублю на пудъ, составитъ ежегоднаго невозвратнаго изъясну на 1.000.000 руб.; притомъ обыкновенныя барки во время бури, кратчайшимъ путемъ черезъ озера и по широкимъ разлившимся частямъ рѣкъ и водъ вообще сплавляться не могутъ, — потому что непременно разобьются, залются волнами и утонутъ: напротивъ того желѣзныя суда г. Эмме могутъ безопасно плавать на всякихъ водахъ, во всякое время года, во время бури и во время штиля, по вѣтру и противу оного съ достаточною быстротою, безостановочно, при пособіи паровъ и вѣтра.

г) Обыкновенныя суда служатъ только лѣтомъ, отъ вскрытія до замерзанія судоходныхъ водъ; отъ замерзанія же до вскрытія водъ, въ продолженіи полугода, обыкновенныя суда составляютъ не только мертвый капиталъ, но даже требуютъ довольно значительныхъ издержекъ: на сохраненіе ихъ отъ поврежденія людьми, льдомъ и паводками, равно какъ и на выгаскичаніе на берегъ, стаскиваніе съ берега, на конопаченіе и починку; между тѣмъ какъ желѣзныя суда г. Эмме, полгода отъ вскрытія до замерзанія судоходныхъ водъ, употребляются на возку и буксировку товаровъ и пассажировъ, — а въ остальное время года, отъ замерзанія до вскрытія судоходныхъ водъ, въ нихъ производится обработка товаровъ и храненіе оныхъ съ весьма значительною выгодною, превышающею многимъ доходы выручаемые чрезъ буксировку и транспортъ товаровъ и пассажировъ.

б) Обыкновенныя суда удерживаютъ свою *постоянную* длину и форму, и лег-

ко отъ сильныхъ бурь и вѣтровъ могутъ раскачиваться и повреждаться, а отъ сильныхъ продолжительныхъ жаровъ высыхаютъ, — даютъ течь и тонуть: между тѣмъ какъ желѣзныя суда г. Эмме будучи соединяемы по частямъ упругими рамами, могутъ быть увеличены въ длину по произволенію, и во время волненія и бурь, равно какъ и во время сплава по изгибамъ рѣкъ, могутъ извиваться и выпрямляться по произволенію, по мѣстной надобности, — ни мало не расторгаясь, не рассыхаясь и не повреждаясь, и ни сколько не подвергаясь крайне опасной течи.

Овъ отвѣсныхъ горизонтально-движущихся гребкахъ.

Посредствомъ паровой машины съ обѣихъ сторонъ парохода, приводятся въ круговращательное движеніе по двѣ пары колесъ образованныхъ правильнымъ многоугольникомъ съ кппами (желобками) на граняхъ ободовъ сихъ колесъ, — слѣдовательно, съ обѣихъ сторонъ парохода, движется четыре пары такихъ многогранныхъ правильныхъ ровныхъ колесъ съ одинаковою скоростью; около каждаго двуаъ паръ такихъ многогранныхъ правильныхъ колесъ ходятъ по двѣ безкопечныя цѣпи вложенныя въ кппы ихъ ободовъ. Звѣнья сихъ цѣпей цѣпныя четверогранныя; каждое звѣно длиною своею равняется длинѣ стороны многоугольныхъ колесъ. Звѣнья сіи въ концахъ соединены шарнирами той же толщины и ширины, какъ звѣнья копечныхъ цѣпей. Къ звѣньямъ каждаго двухъ паръ безкопечныхъ цѣпей прикреплены желѣзныя рамы съ упорами стойми перпендикулярно къ длинѣ звѣньевъ и къ длинѣ судна; къ рамамъ снмъ приделаны четвероугольныя желѣзныя гребки, кои при обращеніи многогранныхъ колесъ погружающъ отвѣсно въ

воду, ударяют вдругъ многими гребками невыгоднѣйшимъ образомъ и приводятъ пароходъ въ движеніе гораздо скорѣе, нежели колесные гребки у существующихъ пароходовъ. Многогранные колеса, по двѣ пары съ каждой стороны судна, охваченные попарно двумя безконечными цѣпами съ ихъ гребками, вставляются въ особенныя рамы, прикрѣпленныя къ обонимъ продольнымъ бокамъ судна и къ палубѣ. — Сія многогранные колеса съ ихъ безконечными цѣпами, гребками и рамами, могутъ по мѣрѣ надобности легко разбираться, собираться и скрѣпляться, независимо отъ желѣзнаго судна и желѣзнаго котла паровой машины; къ многограннымъ колесамъ прикрѣплены съ обонихъ сторонъ круглыя шкивы съ кипами по наружному ободу, — для надвѣванія безконечныхъ веревокъ, въ случаѣ надобности, для обработыванія матеріаловъ во время зимовки пароходовъ и пароплотовъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ есть складка товаровъ, назначенныхъ къ обработкѣ и потомъ къ отправленію. Очевидное преимущество такихъ гребковъ противу обыкновенныхъ колесныхъ состоитъ въ слѣдующемъ. Гребки колесные при первоначальномъ косвенномъ погруженіи въ воду ударяя ее теряютъ большую часть своей силы и потрясаютъ судно съ низу въ верхъ, потомъ, при выходѣ изъ воды, ударяютъ ее съ низу въ верхъ, теряя опять часть своей силы, и потрясая также судно съ верху въ низъ, и только въ то мгновеніе, когда колесной гребокъ при погруженіи въ воду получаетъ отвѣсное направленіе, онъ дѣйствуетъ кратковременно съ полною силою. Напротивъ, гребки изобрѣтенныя г. Эмме 4, будучи всѣ съ одной нижней горизонтальной стороны безконечныхъ цѣпей расположены отвѣсно въ водѣ, непрерывно въ большемъ числѣ дѣйствуютъ со всею своею силою, и сообщаютъ судну наибольшую скорость при наименьшей потерѣ силы паровъ.

О ПАРОВОЙ МАШИНѢ, СЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЯМИ. — И О ПРЕИМУЩЕСТВАХЪ ОНОЙ, ПРОТИВУ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ ПАРОВЫХЪ МАШИНЪ.

Паровую машину г. Эмме составляютъ:

а) Наружный неподвижный цилиндръ внутри пароваго котла, съ трубою, проводящею пары изъ котла въ цилиндръ съ нижняго конца подъ перегородку между симъ наружнымъ цилиндромъ и другимъ подвижнымъ, вращающимся внутри перваго, цилиндромъ. По бокамъ надъ перегородкою, между наружнымъ и внутреннимъ цилиндрами, трубы съ кранами: изъ коихъ одна труба съ краномъ выпускаетъ пары въ жерло топки для разложенія ихъ на водородный и кислородный газы (въ большемъ усилѣнію жара топлива (внутри котла); другая трубка съ краномъ же проводитъ пары, послѣ ихъ полнаго дѣйствія на паровую машину и клапаны вращающагося внутренняго цилиндра, въ воду, гдѣ пары охлаждаются и тѣмъ ускоряютъ движеніе судна; третья и четвертая трубы съ кранами же, проводятъ пары въ два холодильника съ насосами для полученія силы паровъ въ одну атмосферу; одинъ изъ насосовъ cadaго холодильника впрыскиваетъ воду въ холодильникъ, а другой насосъ cadaго холодильника качаетъ воду изъ того же холодильника въ паровой котелъ.

б) Внутренній цилиндръ, съ клапанами на шарнирахъ по внѣшней его поверхности, растворяющимися подъ перегородкою приделанною къ наружному цилиндру, посредствомъ пружинъ, и затворяющимися надъ перегородкою наружнаго цилиндра посредствомъ сей перегородки; клапаны сіи плотно прилегаютъ между внутреннею поверхностію наружнаго цилиндра и наружною поверхностію внутренняго цилиндра, и составляютъ перегородки или подвижныя поверхности, захватывающія и объемлющія паръ, вытекающій изъ

парового котла во внутреннюю пустоту между наружнымъ и внутреннимъ цилиндрами, тѣмъ обильнѣе, быстрѣе и сильнѣе, чѣмъ огонь въ топкѣ во внутренности котла помѣщенной, жарче и пары сильнѣе изъ воды въ котлѣ образуются и чѣмъ упруге становятся; снѣ пары вытекающіе изъ подъ перегородки наружнаго цилиндра, упираютъ на растворенные клапаны внутренняго цилиндра, и приводятъ внутренній цилиндръ съ его осью въ вращательное движеніе, — и по совершеніи круговаго своего теченія, выходятъ въ отверстіи, надъ перегородкою наружнаго цилиндра расположенныя, черезъ трубы, въ холодильникъ, въ топку и въ воду.

с) Внутренній цилиндръ—на желѣзной оси, проходящей сквозь стѣны котла, и вмѣющей на концахъ своихъ зубчатые колеса, которыми приводятся въ движеніе гребки и дисцентральные круги, приводящіе въ движеніе поршни холодильниковъ; — ось лежитъ плотно и вращается въ мѣдныхъ лодыжкахъ, имѣющихъ въ верху сосудецъ съ деревяннымъ масломъ, дегтемъ или квашеннымъ саломъ для пропуска мало по малу смази сей между осью и лодыжками. Впрочемъ ось эта съ паровою машиною могутъ имѣть горизонтальное, отвѣсное и наклонное положеніе, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями зубчатыхъ колесъ и шестерней, смотря по надобностямъ и видамъ прочихъ частей и приводовъ.

д) Желѣзный паровой котелъ цилиндрической формы съ полушарообразными оконечностями, и съ предохранительнымъ клапаномъ. Въ котлѣ: труба съ краномъ для впуска воды, труба съ краномъ для выпуска паровъ при винокурениіи, пивовареніи и иныхъ варкахъ въ другія герметически закупоренныя суда и сосуды, съ отверстіемъ (люкомъ) и крышкою для входа во внутренность котла рабочимъ; термометръ для опредѣленія силы и упругости паровъ, со

стеклянною трубкою для узнанія высоты воды въ паровомъ котлѣ.

е) Топка съ поддувалою и чугунными дымовыми оборотными трубами, для выгоднѣйшаго и сильнѣйшаго нагреванія воды при меньшемъ количествѣ топлива. Верхняя дымовая труба надъ водою котла наполняется известковымъ камнемъ или желѣзною проволокою или же платиновыми волокнами для большаго увеличенія жара топлива, а гдѣ дымъ выходитъ на воздухъ, тамъ онъ долженъ пробираться черезъ сосудъ съ водою.

По закону инерціи, тѣло какою либо силою приведенное въ движеніе, двигалось бы вѣчно съ одинаковою скоростію по одному направленію, еслибъ не было препятствій, отъ притяженія другими тѣлами, отъ тренія, сопротивленія воздуха или иныхъ жидкостей. Если однажды движутое тѣло, желаемъ остановить, — то должны употребить силу, противоположную и равную первой. Если же хотимъ тѣло въ то же мановеніе двинуть со скоростію равною первой, и притомъ въ противоположную сторону, — то нужно употребить еще силу, равную первой: слѣдовательно для поперемяннаго равномернаго движенія тѣла въ ту и другую сторону, потребна двойная сила, противу той съ которою тѣло движется съ тою же скоростію въ одну и ту же сторону *). Отсюда легко понять почему въ обыкновенныхъ паровыхъ машинахъ, гдѣ пары двигаютъ поршень по пустотѣ цилиндра то въ ту, то въ другую сторону, много силы паровъ теряется напрасно. Если къ этому присовокупить и то, что въ обыкновенныхъ паровыхъ машинахъ много силы пропадаетъ, еще отъ многосложности ихъ, отъ насосовъ поднимающихъ воду въ верхнее наливное водохранилище и въ холодильникъ, отъ тренія, отъ маховыхъ колесъ, уравнителей и другихъ

*) Въ паровой машинѣ это не такъ.
Редакт.

необходимых принадлежностей, равно как и отъ того, что пары съ одного конца цилиндра не равномерной густоты и упругости втекаютъ и неравномерно и не внезапно въ другой половинѣ цилиндра охлаждаются и теряютъ свою упругость, и къ этому прибавить треніе плотно прилегающихъ поршней и паровпускныхъ и паровыпускныхъ клапановъ, преждевременное охлажденіе паровъ о ствны цилиндра прикасающагося къ холодному воздуху и преждевременное уменьшеніе черезъ то упругости паровъ, — то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что по меньшей мѣрѣ окончательное дѣйствіе паровъ на производящія и работающія части машины втрое уменьшается *). Напротивъ, у паровой машины г. Эмме всѣ недостатки существующихъ паровыхъ многосложныхъ машинъ мѣста не имѣютъ, потому что, — ствны цилиндровъ, наружнаго неподвижнаго и внутренняго, съ растворяющимися и затворяющимися клапанами, находясь въ кипячей водѣ внутри пароваго котла, отъ прикосновенія наружнаго воздуха охладиться не могутъ, — следовательно упругость паровъ внутри сихъ цилиндровъ дѣйствующихъ и свободно притекающихъ не только не уменьшается, напротивъ, увеличивается по мѣрѣ возвышенія жара въ паровомъ котлѣ. Пары дѣйствующіе на клапаны внутренняго цилиндра, ворочаютъ его всегда въ одну сторону, безъ всякаго уменьшенія той силы, какая потребна для попеременнаго движенія то въ ту, то въ другую сторону, и для одолѣнія тренія и подъема воды многосложныхъ частей обыкновенной паровой машины; но чтобы въ котлѣ пары отъ ствнъ его, черезъ прикосновеніе наружнаго воздуха, не охладились, — паровой котель г. Эмме покрытъ со всѣхъ сторонъ войлочнымъ чехломъ съ клеенкою или досками съ варужи, а

между котломъ и войлочнымъ чехломъ набито золою, то есть самымъ худшимъ проводникомъ теплота, удерживающимъ внутреннюю теплоту и жаръ котла до той степени, что стоящіе около не чувствуютъ того изнурительнаго томленія отъ зноя, которое обыкновенно ощущается рабочими отъ сильнаго жара при обыкновенныхъ паровыхъ котлахъ.

О понтонахъ съ ящиками кругомъ, со щитами, шатдорами, воротами, глаголями, насосами и стапелемъ, для постройки на нихъ паровыхъ судовъ, для ихъ починки, оснастки, выпуска и впуска, — и о преимуществѣ сихъ понтоновъ противу береговыхъ стапелей въ существующихъ корабельныхъ верфяхъ.

Дабы во всякое время на всякомъ судоходномъ мѣстѣ можно было устраивать желѣзные пароходы Г. Эмме, — имъ же изобрѣтенъ пловучій подвижной понтонъ, простаго, удобнаго исполнимаго слѣдующаго устройства: а) Основаніе деревяннаго плота состоитъ изъ обожженнаго отмоленнаго клѣткообразнаго бревенчатаго сруба, изъ крестообразно расположенныхъ обожженныхъ шпунтовыхъ брусевъ скрѣпленныхъ желѣзными болтами, (воронеными смолой) и законопаченныхъ плотно по пазамъ; въ квадратныхъ пустотахъ сихъ срубовъ, между нижнимъ и среднимъ рядомъ брусевъ, настиляется обожженный, осмоленный, законопаченный полъ изъ мадрильныхъ шпунтовыхъ досокъ съ подсылкою подъ оный толченаго угля; между верхнимъ и слѣдующимъ нижнимъ рядомъ брусевъ настиляется верхній обожженный смоленный законопаченный полъ, также изъ мадрильныхъ шпунтовыхъ досокъ съ подсылкою подъ нихъ толченаго угля: для того чтобы, посредствомъ герметически спертаго

* Уменьшается, и много, но не столько.
Редикт.

пустаго пространства, плотъ не глубоко погружался въ воду, и могъ быть придвинуть къ берегу на мѣлкомъ фарватерѣ.

б) Около краевъ плота сдѣланы обожженные осмоленные законопаченные и болтами (смолою воронеными) скрѣпленные срубы, изъ шпунтовыхъ брусьевъ, съ отверстіемъ или входомъ съ одной узкой стороны для впуска и выпуска желѣзныхъ пароходовъ и пароплотовъ; въ квадратныхъ срубкахъ кладется баластъ для погруженія понтона въ воду на желаемую глубину; тамъ же устраиваются ящики съ крышками для поклажи и храненія подъ замками инструментовъ, аппаратовъ, матеріаловъ и такелажа.

с) Въ отверстіи или во входѣ понтона располагается, деревянный обожженный осмоленный законопаченный и болтами (смолою воронеными) прикрѣпленный порогъ или шлагтрепель съ деревянными сжимами или усами.

д) Надъ порогомъ или шлагтрепелемъ устанавливаются между усами щитовые обожженные осмоленные внутри наклоненные стойки съ четвертами; между стойками задвигаются деревянные щиты съ желѣзнымъ (смолою вороненымъ) скрѣпленіемъ, — все это для заирания, во время постройки и оснастки желѣзныхъ пароходовъ и для впуска къ починкѣ и исправленію назначенныхъ желѣзныхъ судовъ.

е) Глаголи (краны) съ оснасткою для подыманія тяжестей, и для выниманія и установленія щитовыхъ стоекъ со щитами, — когда понадобится готовое желѣзное судно вывести изъ понтоннаго шлюза или ввести въ шлюзъ: ибо понтонъ такимъ образомъ устроенъ что по снятіи стоекъ со щитами чрезъ втеченіе въ камору воды, онъ по мѣрѣ надобности погружится въ воду, а желѣзное готовое судно отдѣлившись отъ понтоннаго пола всплыветъ; тогда плывучій пароходъ и пароплотъ весьма легко изъ каморы вывести или ввести.

г) Насосы для выливанія воды изъ понтонной каморы, по заложеніи щитовыхъ стоекъ со щитами, — дабы осушенная такимъ образомъ понтонная камора съ окружными стѣнами и всѣми принадлежностями, поднялась изъ воды по мѣрѣ надобности, и доставила сухую платформу для производства работъ и помѣщенія матеріаловъ.

Преимущества сего подвижнаго плывучаго понтоннаго шлюза, противу обыкновенныхъ стапелей въ корабельныхъ веряхъ, состоятъ въ томъ, что его по мѣрѣ надобности можно перевести съ одного мѣста на другое, и при меньшей глубинѣ воды выпустить изъ него готовое судно или перевести въ немъ судно чрезъ мѣлкое мѣсто.

О ПРОЧИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЯХЪ КЪ ПАРОХОДАМЪ И ПАРОПЛОТАМЪ, ДЛЯ ОБРАБОТКИ РАЗНЫХЪ МАТЕРІАЛОВЪ ВО ВРЕМЯ ЗИМОВКИ, И ДЛЯ РАЗНЫХЪ ЖИТЕЙСКИХЪ ПОТРЕБНОСТЕЙ ВО ВРЕМЯ КСРОВОКЪ СУДОВЪ И ВОЗКИ ПАСАЖИРОВЪ И ТОВАРОВЪ.

Принадлежности къ парходамъ и пароплотамъ Г. Эмме суть слѣдующія:

а) Всякая домашняя мебель, посуда, инструменты, аппараты, напитки и съѣстные припасы съ нагрѣвательными и кухонными печами, простаго легкаго и прочнаго устройства, — для удовлетворенія жизненныхъ потребностей въ домашнемъ быту, и для рабочихъ людей.

б) Канаты, веревки, бичевки, шпуры, цѣпи, замки, блоки, шкивы, шесты, багры, лодки, весла, паруса, якоря, насосы, руди, и прочее необходимое для судоходства, сплава, оснастки, зимовки и починки.

с) Походныя кузницы, со всѣми принадлежностями.

d) Каменный уголь и всякое топливо. *Апараты и принадлежности*, простаго, легкаго, выгоднаго и лучшаго устройства:

e) Мукомольныхъ мельницъ. f) Маслобойныхъ мельницъ. g) Пильныхъ мельницъ. h) Бумагодвигательныхъ мельницъ. i) Для приготовления разныхъ напитковъ. k) Для приготовления разныхъ сортовъ мыла, свѣчей, помады, духовъ и туалетныхъ предметовъ. l) Для сушенія, бѣленія, пряденія, вязанія, тканья, крашенія, апретуры разныхъ нитокъ, пряди и тканей. m) Для обработки разныхъ деревянныхъ посудъ, мебели и вещей. n) Для обработки разныхъ ковровъ, шпалеръ, обоевъ, одежды, обуви, бѣлья. o) Для сушенія, соленія, моренія, копченія, храненія и транспортировки разныхъ фруктовъ, яицъ, рыбъ, мяса, дичины, — словомъ для всего того, что можно, по прибытїи на зи-

мовку желѣзныхъ пароходовъ и пароплотовъ, въ нихъ и на берегу пристаней, при малозначащихъ издержкахъ и незначительныхъ приготовленіяхъ, устройствахъ, ввести, употребить, обработать и по открытїи судоходства въ тѣхъ же пароходахъ и пароплотахъ везти и буксировать.

p) Рабочіе мастера, механики и строители, съ ихъ помощниками и учениками.

Само собою разумется, — что смотря по выгодѣ и удобству, часть аппаратовъ и принадлежностей означенныхъ въ статьяхъ a, b, c, d, e, f, g, h, i, k, l, m, n, o, p, можетъ оставаться на мѣстѣ доставки и обработки, а другая часть аппаратовъ и принадлежностей можетъ быть перевозима съ мѣста на мѣсто и фабрикація производится въ продолженіе судоходства и зимовки въ теченіе цѣлаго года.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ И РАЗВОРЪ СИСТЕМЫ ГАЛЯ.

Если обратимъ вниманіе на окружающую насъ природу, и взглянемъ на небо усыпанное миллионами различныхъ тѣлъ, неужели захотимъ еще долѣе оставаться въ дерзкомъ предубѣжденїи, будто человекъ разгадалъ ужъ совершенно таинства природы, посредствомъ опытовъ мгновенной жизни, на которыхъ основывается вся его наука? . . . Результаты наблюденій собранныхъ въ продолженіе четырехъ тысячъ лѣтъ,

едва успѣли убѣдить астрономовъ, что эта, по ихъ мнѣнію, недвижимая точка, это великолѣпное солнце, съ цѣлою своею системою, съ безчисленнымъ множествомъ звѣздъ, которыя они считали неподвижными, движутся неизвестною силою, и стремятся въ невосстижимые для насъ предѣлы; следовательно, есть еще, вѣроятно, другіе солнца, которыя, во истеченїи многихъ тысячелѣтїй, послѣ миллионовъ наблюденій

и почисленийъ. покажутся вамъ недвижимиыя, и которыхъ недвижность въ послѣдствіи опять будетъ сомнительною.

Этотъ одинъ примѣръ доказываетъ ясно, что невозможно узнать природу посредствомъ одного только наблюденій; и что этотъ путь не доведетъ насъ никогда до желаемой цѣли; для ея познанія нужно, чтобъ естественныя органы отброся обманъ органовъ чувствъ и выдумки фантазій, съ точнымъ взглядомъ соединили глубокое размышленіе, и посредствомъ холоднаго разсудка обсуживали свои наблюденія. Но къ несчастію совершенно иначе поступаютъ некоторые: они изъ глубины души вызываютъ на свое поприще фантазію; въ наблюденіяхъ своихъ стараются отыскивать непременно то чего желаютъ, и увлекаются страстію, а не силою творчества, создаютъ себѣ теоріи, основанныя на началѣ совершенно ложныхъ, или вымышленныхъ. Къ послѣднимъ принадлежитъ докторъ Галь.

Можетъ быть найдутся некоторые изъ читателей, которымъ не хорошо известно ученіе этого чловѣка, занимающаго одно изъ важныхъ мѣстъ между учеными; то я намѣренъ прежде дать краткій очеркъ его системы, а потомъ приступить къ ея разбору.

Галь родился 1788 въ Тизенбрунѣ (Tizenbrunn) въ Виртембергскомъ королевствѣ, а скончался въ Монружѣ (Mont-Rouge), недалеко отъ Парижа, 1835. Первоначальное воспитаніе получилъ въ Виденѣ; послѣ въ Страсбургѣ обучался медицинѣ; наконецъ въ Вьвѣ получилъ степень доктора медицины, и до 1805 года старался объ усовершенствованіи себя. Но еще до этого, началъ онъ свое ученіе, и 1808 прибылъ въ Парижъ, гдѣ оставался до конца жизни, и гдѣ собственно начался его поприще.

Наука Гали называется Краниологіею или Френологіею; предметъ ея — по бугоркамъ и шишкамъ на черепѣ, судить о способностяхъ и наклон-

ностямъ чловѣка. На первый взглядъ наука чрезвычайно важна и великолѣпная, потому что отыскиваетъ способности и наклонности чловѣка, показываетъ ему путь, по которому онъ можетъ достигнуть своего высокаго назначенія; кромѣ того, она уничтожаетъ для каждаго завѣсу между его будущностію и настоящимъ временемъ. Но принесетъ ли она въ самоѣ дѣлѣ такую пользу? — увидимъ.

Галь въ молодыхъ еще лѣтахъ стремился всегда къ наблюденіямъ естественнористорическимъ; еще между родными своими замѣчалъ, что каждый изъ его братьевъ и товарищей, имѣлъ что нибудь исключительно себѣ свойственное и тѣмъ отличался отъ другихъ. Онъ замѣтилъ, говоритъ, что одинъ былъ скромный и откровенный, другой гордый и скрытный, третій спокойный, четвертый сварливый; некоторые отличались почеркомъ, другіе способностію къ математическимъ исчисленіямъ; иные наконецъ, ловкостію къ различнымъ механическимъ занятіямъ. Когда же дошелъ онъ до изученія высшихъ наукъ, увидѣлъ что некоторые изъ его товарищей отличались сильною памятію, и по своимъ наблюденіямъ, находилъ ее всегда у тѣхъ, у которыхъ больше на выкатъ глаза. Это обстоятельство сильно подѣйствовало на молодого Галь; въ скоромъ времени онъ выселъ заключеніе, что если память сопутствуетъ всегда большимъ глазамъ, то въроятно и другія способности души имѣютъ что нибудь отвѣчающее имъ въ наружномъ измѣненіи. Съ этихъ поръ, каждый, кто только отличался какою нибудь способностію или качествомъ, дѣлался предметомъ наблюденія Гали. Онъ постепенно разсматривалъ головы великихъ музыкантовъ, поэтовъ, живописцовъ, математиковъ и прочихъ; наконецъ случай, доставившій ему голову умершей женщины, поощрилъ его надежды. Галь разсмотрѣвъ со внѣшнимъ строгіемъ мозга, представилъ

результатъ сихъ наблюденій своимъ слушателямъ, и съ большимъ еще рвеніемъ занялся изслѣдываніемъ чело-вѣка.

Наблюдая такимъ образомъ нѣсколь-ко лѣтъ, рѣшилъ, что нужда, удоволь-ствие горести, желанія, страсти, кли-матъ и союзы общества, не могутъ быть началомъ никакихъ наклонностей, чувствованій или талантовъ; что воспи-таніе можетъ только усовершенствовать или измѣнить способности, которыя че-ловѣкъ и животныя получили отъ при-роды, но не можетъ ихъ совершенно уничтожить, или вложить въ нихъ то, въ чемъ отказало Провидѣніе. Галь ви-дѣлъ, что всякое животное, едва успѣ-етъ выйти изъ утробы матери, или изъ скорлупы своей, тотчасъ начинаетъ извѣстныя дѣйствія, иногда довольно-сложныя, безъ всякой предварительной науки и расчетовъ принесутъ ли онъ ему какую нибудь пользу; такъ, напри-мѣръ, наукъ едва сбросить свою оболочку, сейчасъ же по врожденному ин-стинкту, начинаетъ плести паутицу ко-торая должна ему доставлять нѣско-мыхъ, пухлыхъ для поддержанія жиз-ни; перелетка, только что оставила свое гнѣздо, стремится къ зерну или нѣскомому, которое составляетъ ея пищу; маленькое дитя, сжимаетъ ин-стинктивно дрожащею и слабою еще рученкою грудь своей матери, чтобъ выжать заключающееся въ ней молоко; птенецъ птичка не получаетъ ни-какихъ наставленій отъ своихъ родите-лей, какимъ образомъ и изъ какого матеріала строить гнѣздо, въ которомъ намѣрена высидывать свои яйца, одна-кожь не отстываетъ отъ того порядка, какому слѣдуютъ всѣ принадлежащія къ ея роду.

При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи этого предмета, Галь замѣтилъ, что мно-гіе изъ молодыхъ людей, хотя росли въ тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ и воспитывались одинаковымъ совер-шенно образомъ, весьма различались

другъ отъ друга своими свѣдѣніями и зрѣлостію ума; а что замѣчательна, между ними есть такіе, которые, не смотря на постоянныя труды и жела-нія, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, едва могли назваться посредственными, тогда какъ другіе безъ трудовъ, оказывали чрезвычайныя успѣхи. Замѣчая при томъ что дикія животныя представляютъ въ своихъ способностяхъ и нравахъ разницы сходственныя съ тѣми, кото-рыя онъ находилъ между людьми, что, по его мнѣнію, не зависѣло уже ни отъ воспитанія, ни отъ вѣншихъ при-чинъ, онъ заключилъ: что «Способ-ности и наклонности челоука и животныхъ — врожденныя».

Вотъ основная идея, которою руко-водствовался докторъ Галь,—идея его ни гольтиныхъ размышленій; она служи-ла однимъ изъ началъ его системъ.

Замѣчая далѣе что способности ин-телектуальныя, наклонности, и нравст-венныя качества у людей, равно какъ и у животныхъ, различаются смотря по сложению, полу и множеству мате-ріальныхъ причинъ, которыхъ не воз-можно не видѣть, и которыя имѣня-ютъ челоука не только въ дѣтствѣ и юношествѣ, но даже въ зрѣлыхъ лѣтахъ и въ старости, и что качество и коли-чество пищи, труды, и которыя боль-ныя страсти, тоже дѣйствуютъ какъ причины ослабляющія или возвышающія душевныя способности, — вывелъ слѣ-дующее заключеніе, служащее вторымъ началомъ его науки: *«Возвышеніе на-шихъ инстинктивныхъ стремленій, на-шихъ наклонностей, способностей и нравственныхъ качествъ, зависитъ отъ количества матеріальныхъ и организо-ванныхъ у людей».*

Съ этою же самою проникательностію и постоянствомъ, Галь преслѣдо-валъ отправленія зависящія отъ различ-ныхъ частей организма. Здѣсь казалось ему, что ни одинъ органъ внутренней, напри-мѣръ, сердце, желудокъ, лег-кія, печень, грудобрюшная преграда,

сжатическій нервъ, и нервы покрывающіе своими сплетеніями внутренности, не могутъ быть началомъ никакаго инстинктивнаго влеченія, никакой способности, или нравственнаго качества. Собрать кромѣ того много анатомическихъ и физиологическихъ свѣдѣній, показывающихъ, что развитіе мозговой массы благоприятствуетъ увеличенію способностей; вывелъ третье начало своего ученія: *«Головной мозгъ есть исключительный органъ всѣхъ инстинктивныхъ пристрастій, всѣхъ склонностей, чувствованій, способностей и нравственныхъ качествъ»*. Но не здѣсь еще конецъ его заключеніямъ: онъ распространилъ ихъ дальше; и примѣняя ко всѣмъ способностямъ, представилъ, такъ сказать, душу чловѣка и ея проявленія, въ видимыхъ и осязательныхъ признакахъ.

Разбирая систему Галля, можно видѣть, что онъ вездѣ старался особенно доказать слѣдующее положеніе, — четвертое изъ главныхъ началъ его системы: *«Всѣ склонности, способности, таланты и чувствованія, излиются въ мозгу свои части или органы, которые отвѣчаютъ имъ специально; слѣдовательно, когда каждая способность имѣетъ свой органъ, то и душа, которая состоитъ изъ совокупности всѣхъ этихъ способностей, должна также имѣть свой органъ, и органъ самый высшій, т. е. мозгъ. Далѣе онъ говоритъ, что всякій органъ состоитъ изъ нѣсколькихъ частей или нервовъ, которыхъ соединеніе составляетъ возвышенную часть, бугорокъ на поверхности мозга; что каждый такой бугорокъ есть особенный органъ какой нибудь способности, и что въ чловѣкѣ столько находится способностей, сколько видимыхъ или осязательныхъ выпуклостей. Наконецъ доказываетъ, что черепъ развиваясь вмѣстѣ съ мозгомъ, принимаетъ совершенно его форму; слѣдовательно, наружная поверхность черепа содержитъ тѣже самыя выпуклости и впадины, какія находятся*

на поверхности мозга. Поэтому, изучивъ, какой способности отвѣчаетъ всякая выпуклость, можно по наружности головы, судить о способностяхъ чловѣка. Но эти выпуклости мозга или непосредственные органы души, говоритъ Галль, не развиваются никогда такъ, чтобъ представляли значительныя возвышенія; и только немногія развиваются довольно сильно.

Объявленіе совершенно новой, и на первый взглядъ столь важной науки, сдѣлало Галля известнымъ. Молодые люди съ жадностію бросились къ появившемуся ученому, который успѣлъ открыть самое важное таинство природы; ибо показалъ чловѣку путь, которымъ онъ долженъ слѣдовать. Слушатели его много способствовали распространенію новой науки, которая въ скоромъ времени сдѣлалась известною во всей Германіи и Франціи. Шпурцгеймъ (Spruzheim) пламенный почитатель, ученикъ, а послѣ, товарищъ Галля, основываясь на собственныхъ наблюденіяхъ, еще увеличилъ число способностей души; онъ слѣдовалъ почти совершенно пути своего учителя, съ тою только разницею, что Шпурцгеймъ считалъ 35 способностей, а Галль 25. Здѣсь для примѣра приведу нѣкоторые органы, обозначаемые Галемъ и Шпурцгеймомъ, чтобъ послѣ еще развѣтльнѣе показать неосновательность ихъ системы.

Органъ любви родителей къ своимъ дѣтямъ. Этотъ органъ находится на задней части головы, надъ органомъ физической любви, по обѣимъ сторонамъ линіи проходящей вдоль черезъ середину черепа.

Галль замѣтилъ, что задняя часть головы болѣе выдается у женщинъ и у обезьянъ (самокъ) нежели у мужчинъ; но долго не зналъ къ чему отнести это измѣненіе; наконецъ одинъ изъ духовныхъ, посѣщавшихъ его лекціи, навелъ его на мысль, что привязанность къ дѣтмиъ, особенно замѣтна у женщинъ. Галль обратилъ вниманіе на устройство

ить черепа, и сращивая выпуклости у всех животных и у многих недвумных человеческого рода, вывели заключение, что выше показанные бугорки обозначают несомнительно органы любви родителей къ своимъ дѣтямъ. Не возможно, говорить онъ, взаимную привязанность матерей и дѣтей, считать слѣдствіемъ кормленія грудью, потому что ея весьма часто встрѣчаемъ у женщинъ и самокъ многихъ животныхъ, которыя не кормятъ молокомъ, также и у мужчинъ; нельзя это же считать слѣдствіемъ нравственныхъ качествъ и чувствованій, потому что у животныхъ, гдѣ почти нѣтъ этихъ качествъ, или на чрезвычайно низкой степени, встречаемъ иногда самую сильную привязанность къ своимъ дѣтямъ. Шпурцгеймъ говоритъ, что изъ тридцати женщинъ, которыя лишили жизни своихъ дѣтей, у двадцати пяти, этотъ органъ едва былъ замѣтенъ; а пять остальныхъ, у которыхъ онъ немного болѣе выдавался, были приведены къ убійству насильственными обстоятельствами; далѣе говорить послѣдній, этотъ органъ обнаруживался всегда въ видѣ значительныхъ бугорковъ у всехъ женщинъ, которыя отличались сильною привязанностью къ своему плоду. По наблюдениямъ этихъ ученыхъ, всѣ животныя, которымъ недостаетъ этого органа, вообще болѣе дико и кровожадно пещельны, у которыхъ онъ представляетъ видимыя возвышенія.

Органъ дружбы. Этотъ органъ находится въ верху, по сторонамъ предшествяго, и составляетъ бугорки по обѣимъ сторонамъ головы. Обыкновенно, говоритъ Галь, разсматриваютъ дружбу, какъ слѣдствіе сходства нѣкоторыхъ наклонностей, привычекъ и душевныхъ качествъ; другіе, напротивъ, считаютъ ее слѣдствіемъ взаимныхъ выгодъ; но какъ дружба существуетъ между лицами гдѣ нельзя предполагать ни одной изъ этихъ причинъ, то надобно искать другаго источника, и считать ее чувствомъ вро-

жденнымъ, включающимъ начало въ организмъ человека, отъ котораго происходитъ не только взаимная привязанность между собой подобными, но который внушаетъ также въ насъ пріятное расположеніе ко всемъ окружающимъ насъ существамъ, и даже къ неодушевленнымъ предметамъ. Но надобно разсматривать внимательно, не есть ли это чувство общее расположеніе къ известнымъ только предметамъ, или спеціальная привязанность къ одному существу?.. Въ этомъ то вся трудность обозначенія дружбы; потому что привязанность людей къ своимъ семействамъ, многочисленныя отношенія обществъ, слѣпая и страстная, иногда привязанность одного лица къ другому, наконецъ невозможность различать истинныя чувства отъ притворныхъ, поставляютъ непреодолимыя препятствія наблюдениямъ. Галь долго не рѣшался назначить мѣсто этому органу; наконецъ наблюденія надъ нѣсколькими недвумными, которыя жертвовали всемъ для спасенія своихъ друзей, и дали много доказательствъ истинной дружбы, окончили его изысканія. Онъ представлялъ всегда какъ доказательство голову генерала Вурмзера, который во всю жизнь былъ примѣромъ дружбы, и на черепѣ котораго видны были бугорки этого органа; также черепъ разбойника, который лишилъ себя жизни, чтобъ не выдать своихъ товарищей; наконецъ черепъ многихъ собакъ, которыя, не смотря на жестокое обращеніе своихъ господъ, оказывали имъ удивительныя признаки привязанности.

Подобнымъ образомъ, Галь обозначаетъ органы всехъ способностей, пороковъ и нравственныхъ качествъ, стараясь всегда доказать примѣромъ всякое предположеніе.

Разсматривая его систему, видимъ, что онъ старался органы высшіе, какъ напр. добродѣтелей и нравственныхъ качествъ, помѣщать на самыхъ возвышенныхъ, или переднихъ частяхъ головы; напротивъ органамъ пороковъ,

напримѣръ воровства, физической любви, злодѣянія, насмѣшливости и прочимъ, назначалъ мѣсто на задней части височныхъ костей или на задней части головы.

Я не намѣренъ разбирать критически каждый органъ, занимающій мѣсто въ системѣ Галля, и доказывать его неосновательность, потому что это составило бы обширное сочиненіе, которое не одному показалось бы можетъ быть излишнимъ и скучнымъ; но ограничусь только общимъ обзореніемъ этой науки, и показаніемъ несправедливости началъ, на которыхъ Галь основывая свое ученіе выводилъ часто весьма ложныя заключенія.

Въ природѣ есть непрерывная связь видимаго съ невидимымъ, — матерія съ понятіемъ; следовательно, эта же самая связь должна быть между физической и духовною жизнью человека. Духъ не можетъ иначе обнаруживать своихъ дѣйствій, какъ только посредствомъ матеріальныхъ органовъ, но тончайшіе оттѣнки въ формѣ этихъ органовъ вовсе не извѣстны; такимъ образомъ здѣсь самая природа представляеть намъ трудности въ показаніи этого отношенія между формою и отправленіемъ, которое однакожъ вѣроятно существуетъ. Можно согласиться съ Галлемъ на это предположеніе, что, какъ всякое отправленіе имѣетъ свой органъ, то и духовное отправленіе должно также имѣть свой органъ; но нѣтъ средствъ отыскать его; не возможно вырвать изъ рукъ Провидѣнія то, что оно оставило исключительно своему распоряженію; не такъ легко, какъ показалось Галлю, узвать сія таинства природы и ея законы, которымъ она слѣдуетъ въ устройствѣ нашей духовной жизни.

Всякій органъ, для своей жизни и настоящей силы; долженъ имѣть нервъ; изъ этого Галь выводитъ заключеніе, что и душа должна имѣть нервъ; но мы видимъ, что нервная система безвліянія впрочемъ частей организма, ни-

чего не значить; нервъ не имѣлъ бы силы, еслибы его не оживляла гармонія всѣхъ другихъ органовъ. По его мнѣнію мозгъ какъ источникъ или центръ нервной системы долженъ быть органомъ души. Эта мысль принадлежитъ древнимъ еще философамъ, и Галь старался только доказать ея справедливость; но если взглянемъ на общее проявленіе жизни, то никакъ не можемъ согласиться назначить мозгъ исключительнымъ мѣстомъ или органомъ души. Мы должны считать душу какъ существо духовное, какъ проявленіе въ насъ частицы Божества, для того странно и нелѣпо, духъ — силу, которая должна быть разлита во всемъ организмѣ, заключать въ одно только постоянное и исключительное мѣсто. Наконецъ, если бы мозгъ былъ исключительнымъ жилищемъ и органомъ души, то мы должны бы находить большее количество животныхъ, которыя бы своими способностями весьма мало отставали отъ людей; когда мы напротивъ при малой, и иногда едва замѣтной разницѣ въ развитіи мозга животныхъ и человека, находимъ чрезвычайное разстояніе между духовными ихъ способностями. Душа есть существо высшее, существо отвлеченное; потому нельзя назначить ей мѣста и органовъ, которыми она дѣйствуетъ; следовательно, если бы Галь обратилъ вниманіе на это только послѣднее обстоятельство, вѣроятно бы пересталъ отыскивать то, чего умъ человеческій постигнуть не въ состояніи. Правда, всѣ идеи и понятія производятся въ мозгѣ; но самъ вовсе неизвѣстно, каковы образомъ это происходитъ; мы знаемъ только, что они сообщаются мозгу посредствомъ органовъ чувствъ, которыя принимаютъ всѣ впечатленія окружающихъ предметовъ, и что мозгъ есть источникъ этихъ органовъ; но душа проявляется не только въ ихъ дѣйствіи, она какъ существо духовное, видима во всѣхъ отправленіяхъ человеческой жизни.

Галь говоритъ, что мозгъ есть также органъ всѣхъ инстинктивныхъ проявленій. Хотя не объясняетъ, что понимается онъ подъ словомъ инстинктъ, однакожъ изъ многихъ доказательствъ, въ которыхъ Галь употребляетъ это выраженіе, видно, что подъ словомъ инстинктъ разуметь какое то врожденное слѣпое побужденіе къ дѣйствіямъ; и что отправленія чисто матеріальныя, напр: голодъ, жажду, влеченіе къ другому полу, называетъ онъ инстинктивными. Такимъ образомъ органъ, которому съ одной стороны придаетъ столько важности и значенія, считая его исключительнымъ станомъ души, унижаетъ до крайности, дѣлая подвластнымъ какому то слѣпому влеченію, каковой то врожденной силѣ, которая напротивъ того, должна покоряться разуму. Давно ужъ философы согласились, что у человека нѣтъ инстинкта, и что всѣ его дѣйствія суть слѣдствія размысленія. Если обратимъ вниманіе на животныхъ, и наблюдая ихъ жизнь, станемъ преслѣдовать всѣ ихъ дѣйствія, то увидимъ, что у нихъ тоже нѣтъ инстинкта; что во всѣхъ ихъ занятіяхъ проявляется не слѣпое побужденіе, но что они все также изучаютъ въ неясныхъ границахъ, сколько позволяетъ имъ развитіе ихъ организма. Галь между примѣрами приведенными для подкрѣпленія перваго своего предположенія, будто наклонности и способности человека и животныхъ врожденны, представляетъ паука, который тотчасъ послѣ рожденія инстинктивно плететъ паутину чтобъ ловить насѣкомыхъ. Видно что Галь мало наблюдалъ этихъ животныхъ или наблюдалъ неосновательно; потому что мы находимъ совершенно другое: если паукъ сейчасъ послѣ рожденія плетутъ паутину, то это вовсе не есть слѣдствіе инстинкта, а имѣетъ начало въ органическомъ ихъ устройствѣ. У нихъ въ кровеносной системѣ отдѣляется липкая жидкость, которая выходитъ изъ

бородавокъ находящихся на задней части ихъ тѣла, черезъ вліяніе воздуха дѣлается довольно тягучею и крѣпкою; животное желаетъ освободиться отъ излишней матеріи, и это испраженіе обращается въ ихъ пользу; но молодой паукъ совершенно иначе дѣлетъ свою паутину, нежели тотъ, которому нужда дала ужъ нѣкотораго рода опытность; тогда, когда первый путаетъ ее безъ всякой симметріи, и самъ загоразживается себѣ пути, другой съ извѣстнаго рода размысленіемъ, ставитъ съѣсть свою соотвѣтственно мѣсту въ которомъ онъ находится; то есть, даетъ ей такое положеніе, какое удобнѣе для ловли насѣкомыхъ. Кто хочетъ въ увѣрится, пусть повторитъ это легкое наблюденіе: пусть сравнитъ съѣти пауковъ живущихъ въ комнатахъ, и тѣхъ, которые обитаютъ на деревьяхъ. Поэтому, если дѣйствія животныхъ, которыхъ организмъ остается на столь низкой степени развитія, въ сравненіи съ другими, находимъ слѣдствіемъ извѣстной степени размысленія а не слѣпаго инстинкта, то тѣмъ болѣе это относится къ животнымъ съ болѣе совершеннымъ организмомъ. Не по инстинкту, а по видимому размысленію, собака выжидаетъ ивогда въ теченіе довольно значительнаго времени, удобнаго случая, отмстить сдѣланную ей обиду. — Человекъ въ душѣ своей имѣетъ зародышъ всего, но совершенно не въ такой степени, какъ предпологаетъ Галь; не все составляющее жизнь въ самомъ уже началѣ готово и окончено; напротивъ, многое возникаетъ только въ самомъ ея теченіи, и какъ бы изъ первоначальнаго даннаго образуется Правда, въ насъ есть множество чувствованій и стремленій самыхъ разнообразныхъ; нельзя сказать однакожъ, чтобъ всѣ они были ужъ въ насъ въ самую первую минуту нашей жизни; нѣтъ, всѣ они родились въ насъ въ теченіи времени; смотри потому, какъ способствовали ихъ развитію вѣшнія

и внутреннія условия. Нѣтъ сомнѣнія, что и дѣтя имѣеть свои представленія, свои чувствованія и положенія; но духъ его не созрѣлъ еще для высшей дѣятельности, можетъ быть и никогда не созрѣеть; потому, что миліоны людей умирають въ глубокой старости не достигнувъ этого великаго развитія.

Ни какъ нельзя согласиться съ Галемъ, чтобъ человѣкъ въ началѣ своей жизни имѣлъ ужь органы пороковъ, напримѣръ, воровства, жестокости, прелюбодѣянія и прочіе; нельзя предполагать чтобъ душа обладала такими наклонностями, которыя бы унижали родъ человѣчскій; ибо такимъ образомъ, человѣкъ еще въ утробѣ матери, еще въ неодушевленномъ зародышѣ, былъ бы уже обреченъ на злодѣянія, и съ рожденіемъ на свѣтъ, явился бы уже готовымъ преступникомъ. Это мнѣніе совершенно противно здравому разсудку, и въ полномъ смыслѣ нелѣпо. Не природа заставляетъ человѣка быть тѣмъ, чѣмъ онъ можетъ и долженъ быть; но его духу, вмѣстѣ съ прочими различными способностями, дарована свобода, и съ нею возложено на него важное требованіе, чтобъ онъ самъ направлялъ себя къ совершенству и отъ юнечнаго, гдѣ начинается земное его бытіе, стремился къ безконечному. Но очевидно, что здѣсь нѣтъ ни какой внѣшней, непреодолимой необходимости, которая бы заставляла его быть добрымъ, или восходить непременно на высшую степенъ образованія. Природа поставляетъ человѣка, при самомъ рожденіи, на степенъ чувственности, на которой онъ долженъ проводить лѣта младенчества; представительная способность занимается здѣсь единственно и исключительно предметами тѣлесными подлежащими вышшимъ чувствамъ; нѣтъ еще для него ничего общаго духовнаго; но все чудесное и выходящее за предѣлы познатія, приковываетъ къ себѣ его

вниманіе; все его образы весьма живы и раздражительны, но относительно тѣхъ только предметовъ, которые постигаются чувствами, и имѣють непосредственное отношеніе къ благосостоянію одного только тѣла. Отъ этого то періода зависитъ вся жизнь человѣка; потому что эти чувствованія часто обнаруживаются въ сильныхъ порокѣхъ; иногда переходятъ въ страсти, которыя какъ продолжительныя и господствующія желанія, составляютъ средоточіе всей духовной жизни.

Вмѣстѣ съ первыми позваніями пробуждается въ человѣкѣ чувство истины; но это чувство не подлежитъ еще его сознанію, и только машинально заставляетъ его признавать дѣйствительность того, что представляется чувствамъ; существованіе же нравственнаго и религіознаго, еще менѣе замѣтно, если оно не возбуждается въ немъ ни наставленіемъ, ни воспитаніемъ, ни примѣрами, и если тщательно не поддерживается въ своемъ развитіи. Въ человѣкѣ находящемся на этой степені жизни замѣтно побужденіе къ дѣятельности; но если мы не умѣемъ найти для него приличныя занятія, то весьма часто, это стремленіе, которое, бывъ направлено къ добру, могло бы принести отличныхъ плодовъ, дѣлается началомъ пагубныхъ послѣдствій. Это основывается на причинѣ совершенно естественной: человѣкъ въ младенческихъ лѣтахъ, когда преобладаетъ чувственная способность, живетъ только для настоящаго времени, и ни сколько не заботится о будущемъ; настоящее наслажденіе считаетъ высочайшимъ, а первое попадающееся ему средство, лучшимъ для исполненія своихъ желаній; нисколько онъ не обращаетъ вниманія на то, что можетъ произойти для будущаго его благосостоянія; онъ золь не отъ злости, добръ не отъ доброты; онъ просто увлекается только минутнымъ расположеніемъ своего духа; его произвольная при-

знательность за доставленное ему наслаждение, остается въ сердце до тѣхъ только поръ, пока помнится наслажденіе; если только это расположеніе духа не будетъ поддерживаемо прочнѣйшими узами, узами органическихъ отношеній.

Таково постепенное возвышеніе духовной жизни человѣка; ни въ одномъ недвижимомъ нѣтъ исключительнаго, безпредѣльнаго и существеннаго начала какой нибудь добродѣтели, а тѣмъ болѣе порока; но появленіе ихъ зависитъ отъ направленія какое дано человеку въ то время, когда душа его, возбуждаемая одною только чувственностію, способна принимать всѣ впечатлѣнія внѣшняго міра.

Въ этомъ отношеніи наблюденія Галля весьма неосновательны. Много примѣровъ, гдѣ человекъ съ самой развратной и порочной жизни, возвращается на путь нравственности и добродѣтели; если бы же его порочная жизнь имѣла начало въ организмѣ, если бы напримѣръ органъ воровства достигъ своего совершенства въ развитіи, тогда ужъ никакая сила не въ состояніи была бы вырвать человека изъ пропасти, въ которую погрузило его органическое развитіе.

Но не здѣсь еще конецъ неосновательности системы Галля; она еще болѣе видима и разительна въ его физиологическихъ и анатомическихъ положеніяхъ: «и такъ, говоритъ онъ, — всѣ органы души, или бугорки находящіяся на поверхности мозга, имѣютъ соотвѣтствующія возвышенія на поверхности черепа.» Это мнѣніе совершенно ложно. Во первыхъ, бугорки головного мозга не составляютъ ни какихъ нервовъ или органовъ души, а только просто сложеніе частицъ мозговой массы; во вторыхъ, бугорки находящіяся на поверхности черепа, не отвѣчаютъ возвышеніямъ мозга. Не лзя сказать чтобъ на внутренней сторонѣ не было отпечатковъ нѣкоторыхъ главныхъ вы-

ступностей; но за то, возвышенія на внѣшней поверхности не отвѣчаютъ имъ; потому что они имѣютъ совершенно другое начало. Когда въ зародышѣ начинаютъ окостенѣвать хрящи, то процессъ этотъ начинается не вдругъ въ цѣлой массѣ, но на нѣкоторыхъ только частяхъ, гдѣ образуются съ начала, такъ называемыя точки окостенѣнія, въ которыхъ кость всегда прочнѣе и толще. У различныхъ недвижимыхъ эти точки появляются на другихъ мѣстахъ; потому, весьма естественно, что черепъ одного человека сходенъ съ черепомъ другого, или различается отъ него.

Изъ этого видно, что положеніе, на которомъ Галль исключительно основывалъ свою систему, вовсе несправедливо и совершенно не согласно съ тогдашними даже, а тѣмъ болѣе съ новѣйшими, наблюденіями; потому, я долженъ заключить, что и вся наука не имѣетъ ни какого основанія

Хотя Галль дѣлалъ много раздѣленій, однакожъ ясно, что всѣ его наблюденія были соединены съ пристрастіемъ къ новѣй наукѣ, съ выдумками фантазіи, и всеколебимымъ желаніемъ отыскать то, что было нужно ему для доказательства его предположеній. Если далѣе обратимъ вниманіе на способъ обозначенія органовъ души, то увидимъ, что Галль, иногда долго не рѣшился назначить мѣсто какой нибудь способности или наклонности, и что къ этому принуждалъ его только необходимость привести все въ систему; такъ, напримѣръ, обозначеніе органа дружбы и многихъ другихъ, показываетъ его сомнѣніе и нерѣшимость. Примѣръ Вурмзера и разбойника, которые случайно могли имѣть одинаковыя возвышенія на черепѣ, не имѣетъ ни какого значенія; самоубійство разбойника могло произойти изъ болзни сильныхъ наказаній, при допрашиваніи о сотоварищахъ его злодѣяній, или отъ многихъ другихъ причинъ, а во

все не отъ дружбы; впрочемъ, трудно даже предполагать такъ сильнымъ это возвышенное качество въ человѣкѣ, который безъ содроганія проливаетъ кровь невинныхъ. Въ отношеніи органа любви могу также замѣтить, что я видѣлъ нѣсколько женщинъ, которыя, при едва замѣтныхъ признакахъ этого органа, были примѣромъ привязанности къ своимъ дѣтямъ. Тоже самое и относительно всѣхъ органовъ.

Показавъ такимъ образомъ неосновательность системы Галля, я долженъ при этомъ сказать нѣсколько словъ о пользѣ, какую припесло его ученіе.

Главнымъ вліяніемъ было то, что

эта наука развила идею между естествоиспытателями и философами, что наша нематеріальная сторона не можетъ иначе дѣйствовать, какъ только посредствомъ матеріальныхъ органовъ; что тѣлесная жизнь человѣка, хотя состоитъ изъ отправленій чисто матеріальныхъ — растительныхъ, которыя образуютъ и поддерживаютъ тѣло, составляетъ однако орудіе духовной его жизни. Эта наука навела ученыхъ на многія открытія, и выставила человѣка, какъ существо спеціальное, отъ котораго невозможно требовать всѣхъ способностей и совершенства.

В. КИРХНЕРЪ.

1848-1849-1850-1851

ИЗБРАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

ПИСЬМО М. Н. ЗАГОСКИНА.

Любезный другъ

Петръ Александровичъ *)

Давно уже я собираюсь писать къ тебѣ, и поблагодарить за истинное удовольствіе, которое приносить мнѣ чтеніе твоего изданія, и вотъ наконецъ собрался, тогда когда бы мнѣ вовсе писать не слѣдовало, потому что я, измученный ужасными спазмами, три дня уже ничего не ѣлъ и едва могу отъ слабости сидѣть на стулѣ; — но сердце мое не терпѣть невмоты — я прочелъ или, лучше сказать, проглотилъ послѣднюю (IV) часть Маяка — ретивое закипѣло, стлянку съ микстурой за окно, перо въ руку и пишу.

Боже мой! сколько въ этой части

(*) Мы дали обещаніе помѣщать въ Маякъ всѣ дѣльныя замѣчанія на наши промахи, ошибки и заблужденія, какъ бы эти замѣчанія горьки или сладки ни были — и, скрѣпя сердце, исполняемъ свое обещаніе. П. Ж.

прекрасныхъ вещей! — что за логическая, свѣтлая и умная голова у твоего товарища Бурачка! — сколько новыхъ ясныхъ идей, сколько святыхъ истинъ! — Наконецъ, благодаря Бога, явилось у насъ изданіе книги, въ которой говорить прямо, что безъ религіи не можетъ быть и хорошей литературы. Когда я прочелъ между прочимъ въ разборѣ Герол нашего времени, слѣдующія слова:

«Какъ не жаль хорошее дарованіе «посвящать такимъ гадкимъ нелѣпостямъ, изъ одной только увѣренности, что они будутъ имѣть успѣхъ; дѣло «давно извѣстное, чѣмъ всего скорѣе «угодишь слабымъ людямъ; но дѣло ли «художника пользоваться этой слабостію «людей, когда художникъ призванъ «именно врачевать эту слабость, а не «развивать ея.» — то я такъ бы и бросилъ

хъ Бурачку на шею — да на бѣду, шел-то его въ Петербургъ, а мои руки въ Москвѣ — такъ прошу тебя, любезный другъ, исполнить это за меня раг просcuration. — Однакожъ, я не во всемъ согласенъ съ твоимъ сотоварищемъ, и въ двухъ случаяхъ вовсе его не понимаю — вотъ въ какихъ именно.

Не понимаю какъ могъ Бурачекъ, человекъ религіозный, логическій, человекъ, который такъ хорошо определялъ достоинство *Герола нашего времени*, — какъ могъ назвать Марлинскаго *колосомъ*? (*) О Господи! — да простится ему

(*) Признаюсь, я-бъ и самъ не дозволилъ моему товарищу такого *колоссальнаго нарвѣя* о Марлинскомъ; и въ его словахъ право не нахожу того, въ чемъ ты обвиняешь Бурачка. Вотъ, отъ слова до слова, все сказанное имъ на счетъ Марлинскаго.

«Марлинскій въ буквальный смыслъ романтикъ — пѣвецъ современнаго *рыцарства*, подъ формою *удальства* и *молодечества*. Вѣчно восторженный, текущій, блистательный, волшебникъ *фразы*, академикъ художественнаго построения повѣстей, съ *весьма ординарною философией*, еще меньшую *религіозностью*, и еще меньшую *народностью*, — блистательнымъ, (еже и бысть), недостижимымъ (еже и бысть) успѣхомъ своимъ, увлекъ множество *молодыхъ и старыхъ* подражателей своей не подражаемой *фразѣ*; эти подражатели до сихъ поръ немилосердо крутятъ ее, заставляя выплясывать à la Marlinsky и представляютъ жалкую литературную комедию. Исторія литературы вѣчно будетъ жалеть, что Марлинскій и Пушкинъ *оба въ молодости попали на превратное направление*, удовольствовались *ограниченнымъ* просвѣщеніемъ безъ *правильнаго* образованія воли. Эти два исполна (только по дарованію, разумѣется), разрывшіеся превосходными *игрушками*, которыми *литературные* малолѣтки до сихъ поръ не нарадуются — высоко бы подняли нашу литературу. Все что *оба* они сдѣлали, сдѣлали природнымъ умомъ, съ помощью *легкой начитанности*».

Все это приведено какъ причины упадка нашей литературы.

Можно бы это же самое высказать

этотъ грѣхъ и въ сей и въ будущей жизни! — Что такое былъ Марлинскій? разскажи съ талантомъ и воображеніемъ. Марлинскій, этотъ, по временамъ, самый рабскій подражатель неистовой французской школы — этотъ бонмотистъ, щеголяющій самыми нелѣпыми сравненіями и остротами, этотъ умникъ, который живя на Кавказъ описывалъ нравы Московскаго общества по Бальзаку, — и вѣроятно лучше зналъ бытъ Дербент-

погорячье: но 1. лежакаго не бьютъ; 2. Марлинскій писалъ во время самаго романческаго тумана, всеобщихъ похвалъ, словесныхъ и печатныхъ: тогда никто и голосомъ не заводилъ критиковать Марлинскаго, и поэтому Марлинскій — полувиноватъ; не то, что нынѣшніе, которымъ спуску не было и не будетъ; и товарищ мой, право, хорошо сдѣлалъ, что написалъ кротко и слегка, но вѣрно и праведно.

Согласенъ, я не судья въ своемъ дѣлѣ; и можетъ быть пристрастно заступаюсь за написанное товарищемъ и одобренное мною. Но вотъ тебѣ другой свидѣтель, человекъ для насъ посторонній, соперникъ по ремеслу, Н. И. Гречъ: ты знаешь до какой степени онъ не охотникъ хвалить безпричинно. Вотъ что онъ писалъ къ моему товарищу по прочтеніи IV части.

«Позвольте отъ всего сердца поблагодарить васъ, за статью о литературѣ въ послѣдней (IV) части Маяка. Я давно не читалъ ничего лучше, справедливѣе, откровеннѣе, благороднѣе. Продолжайте такъ, и общая благодарность публики будетъ вашимъ удѣломъ, и тѣмъ не объиметь Маяка.»

И такъ противъ твоихъ обвиненій мнѣ есть за кого спрятаться. Но я долженъ сказать, что я совершенно согласенъ съ тобой во всемъ остальномъ, кромѣ твоего абсолютнаго отрицанія философіи, которая — какъ даръ Божій — столько же необходима и полезна, сколько пагубна ея злоупотребленія. Помирить тебя съ философіей представляю моему товарищу. Ц. К.

смихъ Татаръ, чѣмъ Русскихъ мужичковъ; этотъ исковерканный, вычурный, осыпанный полнялыми французскими блестящими Марлинскій, который говорить что *Улитка* разговора перешла на другой предметъ и думаетъ что сказалъ очень умно; этотъ безусловный обожатель Запада и всѣхъ его мерзостей; этотъ Марлинскій, который находитъ что между дикимъ Чеченцомъ и Русскимъ дворяниномъ меньше разстоянія, чѣмъ между этимъ послѣднимъ и какимъ нибудь французскимъ маркизомъ или английскимъ лордомъ, какъ будто бы всѣ маркизы и лорды люди истинно просвѣщенные, а всѣ Русскіе дворяне рѣшительно невѣжды — Марлинскій, у котораго во всѣхъ сочиненіяхъ подобныя невольности разсыпаны тысячами: Марлинскій, который коверкаетъ, увѣчиваетъ, ломаетъ, терзаетъ безъ всякой пощады Русскій языкъ; Марлинскій, который изрѣдка только говоритъ языкомъ человѣческимъ и никогда не согреваетъ души читателя ни одной высокою религиозною мыслію; наконецъ Марлинскій въ которомъ я только потому и признаю истинный талантъ, что не смотря на всѣ эти дряни, онъ читается съ удовольствіемъ — этотъ Марлинскій — колоссъ! — что же послѣ этого тотъ, кого Бурачекъ назоветъ пигмеемъ? — чтожъ онъ такое? — инузорій?

Другой случай касается одного меня. Бурачекъ говоритъ что *слава Рускимъ романистамъ нельзя обвинять въ религиозности*. Въ этомъ общемъ числѣ, впрочемъ нахожусь и азъ многогрѣшный. (*) Я могу быть писателемъ

(*) Выдаю преступника руками! вѣдайся съ нимъ самъ. Здѣсь онъ точно виновать тѣмъ, что не оговорилъ тебя, и тѣмъ болѣе виновать, что по душѣ онъ высоко цѣнитъ чистоту и прелесть твоего прямо Русскаго пера. Какъ это у него сорвалось? какъ я это просмотрѣлъ? — не знаю! имѣешь право требовать полной сатисфакціи.

Ц. К.

бездарнымъ; невѣждою — всѣмъ что ему угодно; но чтобъ въ романахъ и повѣстяхъ моихъ, не проявлялись идеи религиозныя, нѣтъ! воля его, въ этомъ я ни какъ не могу согласиться. — Я не сомнѣваюсь, увѣжденъ, *вѣрую*, что мой первый романъ обязанъ своимъ успехомъ, именно религиозному чувству, которымъ онъ согрѣтъ. — Если Бурачекъ, прочтя первый томъ *Аскольдовой Могилы*, не замѣтилъ въ этомъ романѣ рѣшительно религиознаго направленія, то, или ему не угодно было во все обратиться на это своего вниманія, или наши понятія о религиозности не имѣютъ ничего общаго между собою.

(*) Я полагаю, что религиозность въ романѣ состоитъ въ томъ, чтобъ при всякомъ удобномъ случаѣ, напоминать читателю, что земная жизнь есть не цѣль, а только средство къ достиженію цѣли; что безъ христіанской религіи нѣтъ истиннаго просвѣщенія, что мудрованья западныхъ философовъ есть только «мѣдъ звѣнящая и кимвалъ звѣчающій», и что наконецъ одна только вѣра во Христа даетъ человѣку возможность быть истинно добродѣтельнымъ: все это — видитъ Богъ — можетъ быть очень дурно, — по я стараюсь выполнять во всѣхъ моихъ сочиненіяхъ. — Правда съ нѣкотораго времени я поослабѣлъ, потому что усталъ воевать одинъ противъ нашихъ скептиковъ, Европейцовъ, либераловъ, ненавистниковъ Россіи, апологистовъ всѣхъ неистовыхъ страстей, и поэтовъ сладострастія, то есть защитниковъ земной жизни и всѣхъ ея плотскихъ наслажденій. Но когда сталъ выходить вашъ *Маякъ* и я познакомился съ Бурачкомъ, то сердце мое снова ободрилось; я сказалъ: слава Богу! теперь я не одинъ — насъ двое! теперь есть у меня сослуживецъ на этомъ ратномъ полѣ, да еще какой? — чудо-богатырь

(*) Guilty! вотъ и все оправданіе! Я и товарищъ совершенно согласны во всемъ этомъ, Ц. К.

не тутъ то было: Бурачекъ не хочетъ меня признать и товарищемъ. (*) Жаль! — Нашъ полкъ не великъ—а ихъ — избави Господи!!

Теперь я обращаюсь прямо къ вамъ, неумолимый мой судья—я думаю Корсаковъ исполнилъ уже мое препорученіе — мы съ вами обнимались — следовательно можемъ говорить откровенно какъ старинные пріатели. Г. Бурачекъ! — (имя и отчества вашего не имѣю чести знать) я прочелъ съ восторгомъ вашу разборъ духовныхъ сочиненій—съ наслажденіемъ почти всю статью о словесности; но когда дочитался до колосса Марлинскаго и заглянулъ потомъ въ статью о философіи, то меня такъ холодомъ и обдало! — «ахъ батюшки! подумалъ я—ужъ не хочетъ ли онъ служить двумъ господамъ?—избави Господи!»—«Что это, почтенный Бурачекъ, вы такъ уважаете философію — разумѣется я говорю о философіи, которая ведетъ, или лучше сказать старается вести насъ къ познанію истины и къ необходимости нашего перерожденія, другой я не признаю.—Эта философія для плохаго христіанина наука сбивчивая, шаткая и рѣшительно неудовлетворительная, потому что душа его чувствуетъ что онъ ищетъ истину не тамъ гдѣ долженъ искать её, и что божественная истина недоступна для земнаго нашего разума, а постигается одною только вѣрою. Для истиннаго христіанина философія (не прогнѣвайтесь!) — одно пустословіе, потому что всѣ важнѣйшія ея вопросы для него давно уже рѣшены. — Неистинный тотъ христіанинъ, который станетъ искать доказательствъ безсмертія души, въ Платоновомъ Федонѣ; неистинный тотъ христіанинъ, который станетъ благоговѣть передъ наукою, въ которой дѣлаются слѣдующіе вопросы — (извините): «Не самобытенъ ли

видимый міръ? — конечно ли онъ, или у него не было начала и не будетъ конца?» — Не правда ли, что эти вопросы и рѣшенія ихъ должны показаться христіанину не только пустословіемъ, но даже богокульствомъ? Осмѣлится ли онъ повѣрять своимъ ничтожнымъ земнымъ умомъ, истины нарѣченной самимъ Богомъ? да и что прібыли ему изучаться философіи для того, чтобы узнать, что онъ долженъ вѣрить тому, чему давно уже, безъ всякихъ доказательствъ, вѣрить.— Воля ваша—какъ бы мнѣ ни стали умно доказывать что я—т. е. М. Н. Загоскинъ—точно М. Н. Загоскинъ,—а все таки бы я сказалъ что это пустословіе. Къ чему же ведетъ эта наука того кто вѣруетъ? ровно ни къ чему; а неужели вы скажите, что вѣруетъ только тотъ кто учился философіи?—Г. Бурачекъ! вы называете почти всѣхъ насъ язычниками—что къ несчастію довольно справедливо—смотрите, не сдѣлайтесь сами язычникомъ, не ведумайте сами вмѣсто Бога поклоняться философіи, то есть вашему земному разуму. — Древніе ему и поклонились—это очень естественно — философія была откровеніемъ амаинскихъ мудрецовъ, а мы по милости Божіей христіане—то есть знаемъ все то, что можемъ и должны знать, не изучая ни Гегеля, ни Фихте, ни Канта, ни Окена, ни всѣхъ этихъ амаино-христіанскихъ болтуновъ, о мудрости которыхъ кажется не съ большою похвалою отзывался Апостоль Павелъ. Теперь позвольте, Бурачекъ, пожать у васъ на прощаньи руку—только сдѣлайте милость не будьте деспотомъ, не гнѣвайтесь на меня за то, что я думаю не по вашему, а по моему. (*)

(*) Я совершенно разделяю все вами сказанное; глубоко на сердцѣ спрятавъ всѣ ваши пометки. Ясно разумю всю тщету языческой философіи, (см. ч. IV. ст. II заключеніе, стр. 142 и далѣе.) Признаю всю необходимость истинной философіи для заблудшаго и учащагося человечества. Вы браните философію во-

(*) Guilty! Guilty! Безъ вины виновать, В. В! Заставьте за себя вѣчно Бога молить. П. К.

Обращаюсь опять къ тебѣ, любезный другъ Петръ Александровичъ. первое мое препорученіе ты вѣрно исполнилъ — т. е: обнялъ своего книжного сотоварища — посмотримъ какъ то ты сладилъ съ другимъ. Ты ужъ душевнѣе ка большае старъ, кажется ты на моихъ крестинахъ, танцевалъ съ покойной моей бабушкой перегурдинъ — такъ спиваю то у тебя не очень гнется — однакожь попытайся и поклонись, да пониже —

общее, а того и не замѣчаете, что все ваше писанье есть отрывокъ нашей собственной философіи же; и если философія существуетъ у каждаго недѣлимаго, то она должна существовать и въ чело-вѣчествѣ вообще. Я не успѣлъ еще въ Мадридѣ и *деуль* словъ сказать о ней. Ежели Господь дастъ мнѣ силы и разумъ, то мало по малу и вы полюбите философію. Только потерпите, нельзя намъ ускорить, чтобъ не прискучить — *черезъ часъ по ложку*. Дайте слово читать скрѣпя душу, прощать философскіе вздоры, эти плевелы, невольны пробивающіяся сквозь самую добрую пшеницу воли. А до того примите мою скромную благодарность за ваши нескромныя похвалы нашему искреннему и посылному усердію быть полезными Русскимъ по Русски, и напередки милости просимъ съ *пугою*, хоть бы и необернутою ватой. А то, не равно, — сахаръ, да сахаръ, — такъ и здоровье разстроится. С. Б.

Князю Мышницкому, за его прелестный отрывокъ. — Если весь романъ таковъ же, (*) то я перекрещусь и скажу: «Слава Тебѣ Господи! — нажили мы романтиста.» — Какъ просто, вѣрно, хорошо! а описаніе русской мятели — прелесть! — ну что моя мятель въ Юріѣ Милославскомъ, дрань передъ этой! — я читалъ этотъ отрывокъ вчера, — день былъ жаркой, 21 градусъ тепла — а я чуть было не закричалъ: «человѣкъ, медвѣжьё шубу!» — Только, да поможетъ ему Господь — остаться всегда такимъ какимъ онъ есть теперь, т. е. не острить по пустякамъ, не писать крючковатымъ слогомъ, не фантить неумѣстной ученостию, — а пуще всего не выставлять въ хорошемъ свѣтѣ неистовыя страсти и не подражать наkostenъ — французской словесности, хотя бы за это прославили его во всѣхъ казармахъ и караульныхъ Россіи — необычайнымъ гениемъ: всё это фольга, мишура, шумиха, а талантъ его изъ пробнаго золота.

Прощай любезный другъ, будь здоровъ, обнимаю тебя тысячу разъ.

МИХАИЛЪ ЗАГОСКИНЪ.

Июня 28 1840

Москва.

(*) Дѣйствительно таковъ же весь романъ. Я его ценсуровалъ. Явленіе чрезвычайно отпадное! // К.

ВЗГЛЯДЪ ШОСТРАЦА

НА

ИСТОРИЮ РОССИИ ДО КОНЧИНЫ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Напечатанъ похвальное слово Фонте-неда Петру Великому, считаемъ полезнымъ показать: какъ смотрятъ на исторію Россіи просвѣщенные Французы *нашего времени* — разница во взглядѣ удивительная! особенно любопытенъ взглядъ на времена до-Петровскія; смѣло можно сказать, изъ русскіхъ писателей не въ-даль правдливо и безпристрастно судятъ

о нашей исторіи. Помѣщаемая статья написана была графомъ Сен-При, по случаю появленія книги: *Histoire de Russie et de Pierre le grand, par M. le général comte de Ségur*. Считаемъ обязанностью замѣтить, что въ нашемъ переводѣ вполне сохранено все существенное въ этомъ сочиненіи, исключая нѣсколькихъ мѣстъ въ началѣ, которыя не имѣютъ прѣдлага

отношенія къ сужденію о Россіи, а потому изложены вкратцѣ. — Тѣ изъ мнѣній автора съ коими нельзя вполне согласиться, отмѣчены въ особыхъ примѣчаніяхъ.

Редактн.

У древнихъ исторія принадлежала къ искусству: съ улыбкою на устахъ или съ грозою во взорахъ, благосклонная или мстительная, Кlio блистала въ числѣ музъ, и руководствуясь правилами одного только изящества, покоряясь законамъ пылительной архитектуры, ни когда не забывалась, даже въ порывахъ гнѣва. Превосходные писатели древности, болѣею частью, занимались современною имъ исторіею; но простота ея рѣдко казалась имъ удовлетворительною: къ нимъ всегда являлся на помощь вымысль; истину они находили недостаточно величественною. Впрочемъ, благодаря ихъ Теогоніи, вымысль составляла часть міра существеннаго: боги, облеченные образомъ человѣческимъ, не удивляли никого; они вмѣшивались въ житейскій бытъ, и безъ ихъ посредничества не совершалось ни одно, сколько нибудь замѣчательное событіе. Это придавало исторіи формы важныя, исполнскія, удовлетворяя въ тоже время, хотя и грубымъ, нелыбымъ образомъ, самой сильнѣйшей потребности человѣческаго духа—видѣть во всемъ сущемъ, являющемся и происходящемъ, соизволеніе, поущеніе, помощь, противодѣйствіе, награду, наказаніе, попеченіе и управленіе Божіе. Древние, съ этой стороны, изумительно были вѣрны тайному человѣческому инстинкту, во всѣхъ своихъ историческихъ и литературныхъ произведеніяхъ. Историки и писатели христіанскихъ народовъ—далеко ниже ихъ въ этомъ отношеніи. Цезарь убитъ въ сенатѣ; событіе, кажется, очень великое; оно можетъ обойдись безъ чудесъ. Но римскіе писатели судятъ иначе: для нихъ мало того, что потрясенъ міръ нравственный: имъ надобно, чтобъ земля качалась физически, являлись кометы, и звѣзды стадикивались въ воздухѣ. Цезарь уно-

силь въ могилу сожалѣніе римскаго народа: какъ ни превосходна эта надгробная хвала, все таки она кажется простонародною, и потому недостаточною, входя въ кругъ дѣлъ возможныхъ; мало печали народа: статуи, мѣдныя и изъ слоновои кости, должны также проливать слезы . . .

Христіанство, перейдя вѣки чудесъ поразительныхъ, ослѣпительныхъ, вышпныхъ, общенародныхъ, и вступя въ вѣки чудесъ сокровенныхъ, внутреннихъ, уразумѣніе которыхъ по вышшему ходу судьбы человечества, не недоступно для изучающаго, — не имѣетъ надобности скрашивать исторію вымыслами грубо-чудеснаго, но обязаю изучать тѣсную связь между человечествомъ и Богомъ, во всемъ происходящемъ. По недостатку этого до настоящаго времени, исторія новая всегда казалась сухою, однообразною, скучною. Ролленъ говорилъ исключительно воображенію Французовъ; событія, поставленныя въ оптическомъ отдаленіи, внушали намъ какой-то ужасъ; головы наши воспламенялись при одномъ имени Термониль; лавры Мильціада смущали сонъ камеръ-пажа, гвардейскаго офицера, двадцатилѣтняго полковника! . . . какъ ни стара Греція, одна только она имѣла власть восхищать ихъ, между тѣмъ какъ Франція, болѣе юная, была для нихъ завалена пылью приказныхъ и монастырскихъ архивовъ. Сколько людей изъ всей исторіи своего отечества знали хорошо—только одну генеалогію и родство своей семьи! Если кое какія событія избавлялись отъ этого общаго презрѣнія, то почитали долгомъ облагороживать ихъ греческими или римскими жаргами. Необходимъ былъ отблескъ мифологій, чтобы сколько нибудь благопріятно выставить новыя имена; страсть къ сравненіямъ преслѣдовала придворныхъ историковъ и увѣнчанныхъ поэтовъ. Людовикъ XIV; былъ возносимъ къ облакамъ не иначе какъ подъ маскою Гермудеса, Юпитера, солда-

Живописцы, не уважая его шпаги, замѣняли ее палицею, и великолѣпіе королевское, ослаблявшее дворъ, казалось недостойнымъ рѣзца ваятеля, потому только, что было ново.

Чувство жалости къ современной эпохѣ, которое поставило древнихъ въ необходимость все раскрашивать, теперь не въ нашихъ правахъ. У насъ, скорѣе противоположный недостатокъ: во Франціи мало народныхъ воспоминаній, мало именъ, которыя были бы въ устахъ каждаго, *мало славъ* (*il y a peu de gloires*), которыя жили бы сохраняясь въ пересказахъ; слава Генриха IV-го единственная въ этомъ родѣ. Исследования о временахъ прошедшихъ возбуждаютъ любопытство нѣкоторыхъ, а не всѣхъ; правда, кругъ людей, которые сочувствуютъ этимъ занятіямъ, принимаютъ въ нихъ участіе, очень обширенъ, болѣе нежели когда нибудь обширенъ, но это кругъ не общій. Для большей части внѣшняго общества, исторія Франціи начинается съ собранія государственныхъ чиновъ и оканчивается текущимъ годомъ. Революція, имперія, возстановленіе дома Бурбоновъ, министерство Виллеля: вотъ исторія, дѣйствительно народная. Вымысль скрытый, ложь и вѣроломство, не одинъ разъ вкрадывались въ повѣствованія объ этихъ происшествіяхъ, судимыхъ множествомъ различныхъ страстей; но вымысль грубый не нашелъ бы себѣ въ нихъ мѣста, былъ бы строго отвергнутъ. Въ наше время, когда уже событія мало по малу принимаютъ разумный — хотя только *внѣшній*, смыслъ, имѣющій основаніе и общую связь, и тѣмъ улаживаютъ путь будущимъ историкамъ для изученія и раскрытія *внутренняго* смысла и значенія тѣхъ же событій, въ порядкѣ божественнаго міроуправленія, безъ чего исторія останется все таки тѣломъ безъ души — трупомъ, какъ бы хорошо онъ, тонкими политическими и философическими соображеніями, набальсамированъ ни былъ, — въ наше время, говорю, при-

выкаютъ уже къ исторіи обнаженной: она уже нравится безъ всякихъ прикрасъ, и, будучи довольно сильна собственнымъ (но все таки внѣшнимъ) величіемъ, живо событій составляетъ предметъ вниманія.

Но тотъ, кто желаетъ изобразить близкія къ намъ событія, принимаетъ на себя обязанность огромную, хотя и легкую при первомъ, поверхностномъ взглядѣ: надобно понять и списать современную исторію, во всемъ ея размѣрѣ, не обременить ненужными украшениями, но — и — нисколько не убавить. Вотъ затрудненіе. Новый историкъ имѣетъ дѣло съ читателями энтузіастами, но энтузіастами отчетливыми. Воображеніе очевидцевъ всегда воспалено самолюбіемъ: гордятся тѣмъ, что сами видѣли, сами дѣйствовали, они безпокоятся, какъ страстные любовники, обо всемъ, что болѣе или менѣе относится къ ихъ воспоминаніямъ. Эти воспоминанія хотятъ они увидѣть вновь, не только во всемъ ихъ великолѣпіи, но и со всею точностью. Впечатлѣнія великія и сильныя, воспоминанія самыя подробныя: вотъ расположеніе, съ коимъ они принимаются за историка своего времени. Что ужаснѣе подобнаго судилища? . . . Взгляните на тѣхъ воиновъ, которые совершили походъ въ Россію: для нихъ все живо! необычайная природа, огромная надежда, и бѣдствіе еще болѣе огромное, все это сохранилось въ ихъ памяти, — даже имя самой ничтожной деревушки, приказъ при самомъ пустомъ дѣлѣ, случай при малѣйшей сшибкѣ; встрѣчи, очень неважныя или мѣлкія, все это одинаково драгоценно для такихъ читателей, всего этого потребуютъ они отъ летописателя. И онъ принужденъ идти съ осторожностью между тактикою и поэзіею, уравнивать одну другою, смотрѣть безпрестанно, чтобы онъ были вмѣстѣ, не сталкивались, и вести ихъ къ одной цѣли. Какой трудъ! какая тяжкая обязанность! известно, какъ исполнялъ это графъ Сегюръ.

Кто не знает его «Исторія большой арміи?» Блестящій, всеобщій успѣхъ ея не имѣетъ примѣра. Суровые критики упрекали графа Сегюра, говоря, что онъ написалъ поэму; но если война 1812 года была настоящею эпопеею! такъ обвиняйте ее, а не автора. Если вы почитаете именемъ поэзіи все, исполненное души, жара, занимательности, въ такомъ случаѣ графъ Сегюръ поэтъ; но если подъ именемъ поэзіи вы разумѣте вымыслъ и ложь, то никогда не бывало упрека несправедливѣе. Авторъ мало заботился о расцвѣчиваніи портретовъ, которые онъ умѣлъ написать; по мнѣнію другихъ критиковъ, въ тысячу разъ болѣе несправедливыхъ, онъ обезобразилъ своею копіей славнѣйшій изъ своихъ оригиналовъ. Удивленіе графа Сегюра къ Наполеону такъ велико, что онъ не могъ сдѣлать его богомъ. Какъ историкъ правдивый, какъ человекъ прямой, откровенный, Сегюръ не скрылъ вліянія физической болѣзни на удивительную, однакожъ человѣческую, и слѣдовательно сокрушающую природу его. Но эта именно искренность, въ соединеніи съ даромъ живописать, и придаетъ его сочиненію характеръ прочности, физіономію памятника, чего нѣтъ въ большей части біографій Наполеона. Они писаны или зомлями или сендами, и потому всѣ похожи или на ругательное сочиненіе, или на похвальное слово. Историкъ войны 1812 года лучше ихъ понималъ важность своей обязанности, и всю великость ея: Россія—театръ дѣйствія, вселенная—зритель, армія—герой драмы: вотъ предметъ его! одинъ дѣйствительный очевидецъ могъ достойнымъ образомъ описать дивную драму эту. Въ самомъ языкѣ его есть что-то воинское; онъ увлекаетъ насъ на поле битвы, и съ нимъ слышится намъ громъ пушекъ, мы чувствуемъ запахъ пороха. Книга его написана подъ шатромъ, при огнѣ bivачномъ; или, лучше, это не книга, а разсказъ солдата своимъ сослуживцамъ, которые собрались вокругъ до

машного камина послушать прежняго товарища.

Когда разнеслись слухи, что графъ Сегюръ готовится издать новое сочиненіе, объ исторіи Россіи до кончины Петра Великаго: «Для чего,» говорили иные, «подвергать испытанію литературную славу, такъ хорошо утвержденную? Если второе произведеніе не будетъ имѣть такого успѣха какъ первое, то оно лишь затмитъ прежшій блескъ. Къ тому-же, предметъ не такъ близокъ къ намъ: можетъ быть онъ не внушитъ намъ живаго участія.» Всѣ эти разсужденія не слишкомъ основательны: не послѣ большаго успѣха, а послѣ неудачи писатель долженъ умѣть помолчать. Событія нашего времени придали русской исторіи новую занимательность. Притомъ неужели Русскіе не такъ близки къ остальной Европѣ, какъ Персы къ древней Греціи? А что сдѣлалъ Ксенофонтъ, разсказавъ объ отступленіи десяти тысячъ? онъ снова взялъ свой стиль и написалъ Киропедію.

Историковъ Россіи являлось довольно; *) полнѣе другихъ писали: Левекъ, Карамзинъ, Леклеркъ, Вольтеръ: послѣдній занимался исключительно Петромъ Великимъ. Многіе Нѣмцы также были русскими историками, но я ограничусь разсмотрѣніемъ только четырехъ названныхъ мною. Каково-бы ни было ихъ достоинство, но они не могли отнять смѣлости у графа Сегюра. *Левекъ* точенъ: въ этомъ была отдана ему справедливость самими Русскими, слѣдовательно онъ избѣжалъ скалы, о которую обыкновенно сокрушаются всѣ, пишущіе исторію чужаго народа. Онъ былъ одолженъ своимъ успѣхомъ не лести: какъ

*) Авторъ говоритъ здѣсь исключительно о Франціи; о Карамзинѣ же распространяется потому, что славный исторіографъ нашъ приобрѣлъ европейскую славу, и его «Исторія Государства Россійскаго,» явилась на французскомъ языкѣ въ двухъ переводахъ,

лѣтописатель искреній, Левекъ различалъ добро отъ зла; впрочемъ образъ его выраженія нѣсколько слабъ, хотя въ сущности, его сужденія довольно справедливы. Большой недостатокъ его книги заключается въ отсутствіи движенія; особенно это явно ощутительно, когда идетъ дѣло о предметѣ важномъ, хотя бы иногда и мало занимательномъ. — Въ *Леклеркѣ* на оборотъ, уже слишкомъ много воображенія. Ошибки его часто разительны. Одинъ русскій критикъ, Болтинъ, вывелъ ихъ наружу въ двухъ толстыхъ томахъ, въ большую четвертую долю листа. Можетъ быть и на самаго рецензента можно бы написать столько же томовъ опроверженій. Онъ увлекался патриотизмомъ и, конечно невольно, самъ сдѣлалъ нѣсколько ошибокъ довольно важныхъ; но, какъ-бы то ни было, его критика уронила Леклерка въ глазахъ Русскихъ. Къ тому же Леклеркъ, какъ и всѣ посредственные писатели прошедшаго столѣтія, надуть въ слогъ. Сочиненіе его совершенно упало. — *)

*) После такого отзыва Французскаго писателя о своихъ соплеменникахъ не имѣетъ выслушать отзывы Шлецера о тѣхъ же компиляторахъ русской исторіи.

56. Одинъ французскій граверъ, по имени Левекъ, выѣхалъ въ 1770 г. въ Петербургъ, досталъ себѣ мѣсто учителя нижняго класса (вѣрно французскаго языка) въ одномъ кадетскомъ корпусѣ, прожилъ 12 лѣтъ въ Россіи, стараясь между тѣмъ съ удивительною прилежностію и успѣхомъ изучиться русскому языку и исторіи. Набралъ въ Петербургѣ тѣмъ подшечниковъ какъ между придворными, такъ дворянами, и учеными людьми, напечаталъ онъ въ 1782 г. въ Парижѣ 5 книжекъ въ бол. 12, подъ слѣдующимъ названіемъ: *Histoire de Russie, tirée des chroniques originales, des pièces authentiques et des meilleurs historiens de la nation* — Все правда! Нельзя оспорить, что бы какой иностранецъ, выключая этого Левека, написалъ когда нибудь и что нибудь такъ порядочно и при томъ, такъ полно о русской исторіи. Только неизвѣстно ему было то, что до тѣхъ

Иной жребій испыталъ Карамзинъ. При самомъ появленіи «Исторіи Государства Россійскаго» автора встрѣтили всеобщимъ восторгомъ: въ цѣлой Россіи, всѣ единогласно привѣтствовали этотъ народный памятникъ. Не знали чему болѣе удивляться: красотѣ ли языка, силѣ мыслей, или занимательности повѣствованія. Народъ созналъ свои достоинства, и принялъ подъ свою защиту того человека, который напомнилъ и возвратилъ ему прежніе вѣка величія и сла-

поръ очищено иностранною критикою, можетъ быть отъ того, что не разумѣли ни по латыни, ни по нѣмецки: но онъ очень вѣрно слѣдуетъ древнимъ еще не очищеннымъ временникамъ, также какъ и новѣйшимъ Татищеву, Ломоносову и Щербатову.

57. Одинъ французскій полковникъ лѣларъ, по имени Леклеркъ, вызванъ былъ въ 1759 г. лѣкаремъ для малорусскаго гетмана, которому послѣ сопутствовалъ въ путешествіи его по Европѣ. Въ 1769 г. прѣхалъ онъ въ другой разъ въ Россію и занималъ многія публичныя медицинскія должности; но въ 1775 г. возвратился опять въ Парижъ набравъ съ собою всякой всячины: лѣтописей, записокъ, медалей, анекдотовъ и проч. Въ 1783 г. хотѣлъ было онъ всю эту всячину обратить въ деньги; но Левекъ (N 56) предупредилъ его. Тутъ между лѣкаремъ и граверомъ поднялась страшная война о дѣлахъ, до русскія исторіи касающихся. Леклерково сочиненіе вышло въ 1783 г. великолѣпнѣйшимъ образомъ въ Парижѣ въ 3 кн. въ 4, и болѣе нежели съ 70 прекрасно вырѣзанными рисунками, подъ названіемъ. *Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne*. Но давно уже такъ грубо не обманывали публику, какъ симъ великолѣпно изданнымъ сочиненіемъ. Этотъ лѣкаръ отменно хвастаетъ, говоритъ какъ *écuyer et chevalier de l'aigle du roi* о Лудвикѣ XVI, о Герцогѣ Орлеанскомъ, о министръ-гражданинѣ, о привычкѣ жить съ вельможами, и не боится, что при этомъ можно подумать о собственномъ его словѣ, reptile d'antichambres. Книга его есть твореніе, посвященное истинѣ, а онъ самъ наблюдатель но состоянію и вездѣ выдаетъ себя за историка философа-жи-

вы: наибольшее литературное противоречіе Карамзину было бы приписано недостатку патриотизма. Такъ Иродотъ получилъ вънокъ изъ рукъ цѣлой Греціи, собранной на играхъ Олимпійскихъ. Но успѣхъ былъ уже слишкомъ великъ; онъ не могъ долго поддерживаться: первое изданіе исторіи Карамзина было расхвачено; для втораго не легко нашлось достаточное число подписчиковъ. За упоеніемъ послѣдовало желаніе унижать, и трудъ новаго историка, бывший сначала предметомъ величайшаго удивленія, и дѣйствительно замѣчательный

вописца. Только русскій историкъ не разумѣлъ русскаго языка, а и того менѣе могъ читать лѣтописи: это ему доказалъ Левекъ, у котораго выкралъ онъ всѣ историческія происшествія, завалилъ ихъ обыкновенными мыслями, какими то политическими разсужденіями и сравненіями. Напримѣръ полустрочку: Игорь женился на Ольгѣ, разтѣнулъ онъ на 65 строкъ, (стр. 114—116). Нѣтъ примѣра такому смѣшенію разнородныхъ предметовъ, собранныхъ имъ въ одно мѣсто для наполненія цѣлыхъ страницъ, и переходамъ отъ одного къ другому, напримѣръ отъ Владимірова крещенія пересказываетъ онъ къ бонзамъ Фо; а рассказывая объ Уграхъ описываетъ теперешнихъ Седмиградскихъ Секлеровъ (стр. 85, которыхъ главный городъ называетъ Szekes). Но приводимое мною здѣсь внизу *), превосходитъ все то, что въ словесности сего столѣтія критика когда либо выставила говоря про невѣжество или лучше про недостатокъ чело-вѣческаго смысла.—Генераль-Маіоръ Болтинъ написалъ на него въ 1788 г. опроверженіе въ 2 — кн. въ 4, болѣе нежели на 1200 стр., и вмѣстѣ приказалъ (Врем. 1, стр. 380). Очень жаль, что лучшія наши нѣмецкія классическія книги и по сію пору еще ссылаются на это смѣшное сочиненіе.

*) Изъ числа 70 прекрасныхъ вырванныхъ рисунковъ сего сочиненія, большая часть изображаютъ всѣхъ русскихъ Государей начиная отъ Рюрика до Петра 1. Деклеркъ (кн. 1 стр. XII) называетъ это портретами Государей, срисованными съ подлинныхъ. Но что такое эти подлинники? Сочинителю (кн. II, стр. XVI) попалась одна русская рукопись, въ которой

своею общностью, не нашелъ даже истинныхъ цѣнителей. — Карамзинъ воздвигъ памятникъ своему отечеству: это несомнѣнно. Онъ далъ жизнь разбѣяннымъ лѣтописямъ русскимъ, и облекъ ихъ слогомъ яснымъ, легкимъ, сладкозвучнымъ: языкъ и составляетъ главное достоинство его книги. Я думаю, что исключая нѣкоторыя подробности, Карамзинъ утвердилъ русскую прозу. Для Россіи онъ тоже, чѣмъ были для Франціи Бальзакъ, Вуатюръ, Вожеласы. Какъ историкъ, Карамзинъ понятенъ, ясенъ, чрезвычайно точенъ въ отношеніи къ

были изображенія всѣхъ русскихъ Государей отъ Рюрика до Теодора. Неизвѣстно кто ихъ писалъ; можетъ быть они издуманы какими нибудь монахомъ; ибо многіе русскіе временники набиты подобными фигурами.. Сверхъ того на Петербургскомъ монетномъ дворѣ выбито полное собраніе, состоящее изъ 96 бронзовыхъ большихъ медалей, изъ которыхъ на каждой изображенъ Государь съ краткою надписью, показывающею его имя, дѣла и вѣри: можетъ быть сдѣланы это камиі нибудь дѣтскій учитель, хотѣвшій заставить дѣтей игрушками выучиться отечественной исторіи. Одинъ Нюрнбергскій художникъ по имени Доршъ, вырвалъ эти портреты на зеленой Сибирскѣй яшмѣ. Оба эти собранія можно видѣть въ музеѣ Петербургскія академіи (см. кабинетъ Петра Великаго, III, стр. II).—Декларкъ по несчастію счелъ эти портреты за древніе и подлинныя (да и Академія наукъ приложила къ календарю 1766 г. Рюриковъ портретъ); и такимъ образомъ, послѣ временниковъ, принялъ онъ эти игрушки за второй главный источникъ русскія исторіи. На многіхъ мѣстахъ говоритъ онъ, что у Русскихъ есть такая полная лунисинатическая исторія, каково нѣтъ у другихъ народовъ; удивляется сколь много надписи оныхъ согласны съ временниками и доказательства свои утверждаютъ словами: la médaille d'Oleg prouve, la médaille d'Jgor prouve и проч. Едва можно вѣрить своимъ глазамъ читая то, что онъ въ кн. 2, стр. XVI говоритъ въ защищеніе свое противъ Левека, который (Histoire des differents peuples de Russie, T. 1, предисл.) осмѣялъ его предъ всеми умными людьми, хотя и съ французскою тонкостью, но съ такою силою, что г. écuier могъ только браниться, а не отвѣчать.

матеріальной сторонѣ событій; но онъ не глубокъ. Его разсказъ прерывается отступленіями и мыслями, правда, весьма нравственными, но общими какъ нельзя болѣе. У него, безпрестанно восклицанія противъ жестокости того, противъ неблагочестія другаго. Нѣтъ соразмѣрности въ различныхъ частяхъ его сочиненія: неважное княженіе какого ни будь великаго князя, покорнаго Татарамъ, занимаетъ у него столько-же мѣста, какъ царствованіе завоевателя. Отъ Ярослава до Иоанновъ почти нельзя читать исторіи Карамзина. Опишите два наши первые поколѣнія въ пяти томахъ, страницъ по семисотъ каждый . . . увидите, что выйдетъ! А именно то сдѣлалъ историкъ Россіи. Къ тому-же, онъ писалъ не довольно откровенно. Высокая душа Александра конечно не могла боиться новаго свѣта, разливаемого на Ярополковъ, Василювъ и Иоанновъ; историкъ видимо наложилъ на себя обязанность наблюдать извѣстныя приличія. Есть однакожъ истина, которой не могъ избѣжать и Карамзинъ въ своемъ сочиненіи: она выходитъ изъ событій, разсказанныхъ безъ поясненій, изъ хартій, буквально приведенныхъ имъ, изъ историческихъ документовъ. Истину читатели иногда найдутъ не въ самомъ сочиненіи, а въ примѣчаніяхъ, многочисленныхъ и поучительныхъ. Недостатокъ откровенности особенно чувствителенъ въ первыхъ томахъ его исторіи: *) послѣдніе гораздо лучше. **) Въ нихъ Карамзинъ, противъ своего обыкновенія, не разнѣживается, и находитъ сильныя краски для ужасныхъ изображеній двухъ Иоанновъ.

*) Въ этомъ никакъ нельзя согласиться съ авторомъ.

**) Въ отношеніи къ краснорѣчію, такъ; но не въ отношеніи къ исторической критикѣ, особенно при описаніи времени Грознаго и Годунова: припомните замѣчанія гг. Булгарина, Погодина, Арцыбышева.

За что не брался Вольтеръ? какимъ предметомъ не игралъ онъ? онъ говорилъ обо всемъ: и о томъ что зналъ, и о томъ чего ни когда не зналъ; однако, даже и въ такомъ случаѣ, всегда открывалъ средство научить чему нибудь своего читателя. Конечно, никто не былъ менѣе его знакомъ съ исторіею Россіи времени Петра Великаго: нравы русскаго народа и самый характеръ законодателя представлялись ему какъ бы въ туманѣ; однакожъ книга его, хотя и не точная, не совершенно ничтожна. При нѣкоторой критикѣ, при знаніи мѣстности, можно почерпнуть изъ нея порядочныя свѣдѣнія; но оцѣнка нѣсколькихъ частныхъ событій недостаточна для общности исторіи. Исторія Петра Великаго, сочиненная Вольтеромъ, есть одно изъ самыхъ посредственныхъ его произведеній. И можетъ ли не быть такимъ сочиненіе заказное? оно было предпринято изъ угожденія, начато изъ вѣжливости, продолжалось неохотно и кончено наскоро. Въ общей перепискѣ видимъ тысячу доказательствъ этого. Впрочемъ, патриархъ Фернейскій видѣлъ Петра Великаго не довольно близко, такъ что не могъ изобразить его съ добродушною истинною, и не довольно отдаленно, отчего не могъ представить его и гомерически. Историкъ досадно видѣтъ своего героя, бѣгающаго по парижскимъ лавкамъ, а такъ представился въ первый разъ глазамъ юнаго Аруэта Петръ Великій *).

Новый историкъ Россіи начинаетъ свое сочиненіе географическими и статистическими подробностями. Всѣ они извлечены изъ лучшихъ источниковъ и составляютъ вѣрную декорацию открывающейся драмы. На сцену являюся

*) "Мы вмѣстѣ съ своимъ исторіею Петра Великаго. Когда за 40 лѣтъ, я видѣлъ его бѣгающаго по парижскимъ лавкамъ, то ни онъ, ни я, конечно не воображали, что я сдѣлаюсь его историкомъ.",
Voltaire à Thiriot, 11 juin 1759.

Варяги, Норманы или Скандинавы. *) Граф Сегюръ объясняетъ ихъ происхождение въ примѣчаніи; — это плодъ ученыхъ и трудныхъ изысканій. Лѣтописцы утверждаютъ, что Рюрикъ и его братья были призваны туземцами; подобными баснями окружаютъ колыбель каждаго народа. Минимое призваніе худо скрываетъ отъ насъ вооруженное вторженіе; оно было въ обычаяхъ тогдашняго времени. Трудно повѣрить, чтобы Новгородская республика добровольно поддалась Варягу. Она была богата, сильна, независима; торговля ея простиралась отъ береговъ Гангеса **) до береговъ Одера, и Рюрикъ едва-ли имѣлъ средства увеличить благосостояніе Новгорода. Я почти готовъ сомнѣваться и въ томъ, что этотъ Норманъ завоевалъ Новгородъ. Ставъ удѣломъ новыхъ властителей, какъ могла эта республика сохранить преимущества—вольнаго города? какъ распространила она свою торговлю до предѣловъ Германіи? Если Новгородъ всегда принадлежалъ великимъ князьямъ, то для чего одинъ изъ этихъ же князей принужденъ былъ его завоевывать въ пятнадцатомъ вѣкѣ? Завоеваніе Рюрика, вѣроятно, было временное, и наконецъ не было уже существеннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состояла власть русскихъ князей надъ этою республикою? они не присутствовали при суж-

деніяхъ о мирѣ, о войнѣ, объ избраніи чиновниковъ; они сами имѣли нужду въ утвержденіи народнымъ вѣче, которое признавало ихъ не иначе, какъ заставивъ поклясться въ соблюденіи древнихъ законовъ страны. Ярославъ далъ всѣмъ сии права Новгороду; но, имѣя жестоко обманываюсь, или Новгородцы *умели приобрести* ихъ, прежде нежели получили. Ярославъ очень могъ играть роль Людовика Толстаго, который также далъ свободу городамъ. Загляните въ «письма объ исторіи Франціи» Тьерри; спросите особенно опыты другихъ странъ: уступки правителей народу очень рѣдко бывають добровольны.

Quien no ha visto à Sevilla
No ha visto a maravilla,

говорили некогда Испанцы. Древніе Русскіе питали не менѣе преувеличенное удивленіе къ Новгороду; у нихъ также была пословица: «кто противъ Бога и великаго Новгорода?» Образъ этой хвалы живописуетъ оба народа: Испанецъ хочетъ, чтобы любимый его городъ превосходилъ всѣ другіе прелестью; Русскій желаетъ, чтобы его городъ подавлялъ могуществомъ: ужась и привлекательность, это сѣверъ и югъ, льды и солнце. — Имя Новгорода всегда поражало меня въ лѣтописяхъ Россіи. Оно заключаетъ въ себѣ что-то неизвѣстное, таинственное, неизяснимое. Позволятъ ли мнѣ остановиться на немъ вниманіе? я очень хорошо понимаю, что могущественное государство можетъ уничтожиться, пасть и послѣ того уже ничего не значить на вѣсахъ народовъ: это случилось весьма часто. Не удивляюсь, что Новгородъ, некогда складочное мѣсто торговли между Германіею и Азіею, въ наше время представляетъ одну печальную груду раззоренныхъ церквей и деревянныхъ домовъ, *) разсыпанныхъ по берегамъ озера,

*) Т. е. авторъ не видалъ нынѣшняго Новгорода.

*) Варяги, но не Скандинавы, не Норманны, извѣстные въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Свеевъ и Мурманъ. См. изысканія Венелина, Морошкина, Каченовскаго, Эверса; окончательный результатъ относительно Варяговъ и Руса можете видѣть въ «литтерат. прибавл. къ рус. инв.» 1897, N 31, стр. 294 и 295.

*) Прямой торговли съ Индіею не было, развѣ чрезъ посредство Арабовъ, по Волгѣ; но и въ такомъ случаѣ нельзя это называть торговлею собственно-Новгородскою. Правильнѣе можно бы сказать *отъ южныхъ береговъ Каспійскаго моря*, которые бывали предметомъ и набѣговъ нашихъ.

еще более печального и мрачнаго. Но существовать ему, блестящимъ образомъ, среди набъговъ норманнскихъ, ливонскихъ, татарскихъ, среди нравовъ древней Россіи и непрерывныхъ войнъ ея князей: вотъ что изумительно; вотъ загадка, которую исторія объясняетъ только въ половину? Что говорятъ летописцы? Новгородъ, вольный союзный городъ нѣмецкой ганзы, процвѣталъ семь вѣковъ и палъ въ царствованіе Іоанна III-го, въ 1480 году. Вотъ его исторія: она коротка, но полна, какъ кажется; однакожъ, напрасно станемъ искать въ ней происхожденія Новгорода, его обычаевъ, духа законовъ, образованности, которую онъ долженъ былъ имѣть, сему доказательство находится въ самомъ его существованіи. — Приходитъ Рюрикъ; онъ встрѣчаетъ грознаго противника въ Вадимъ, начальникъ Новгородцевъ, что безъ сомнѣнія значить начальника господствующей партіи среди народнаго управленія. Рюрикъ побеждаетъ его, и убиваетъ собственною рукою. Образъ Новгородскаго правленія, при немъ и послѣ него сохранявшійся, предполагаетъ уже государство древнее, цвѣтущее, уважаемое; и все это гораздо прежде вторженія Норманнскаго. Къ какому же времени отнести начало Новгорода? . . . Вотъ чего еще не объяснили. Рюрикъ и Вадимъ были представителями своихъ народовъ, своихъ различныхъ племенъ: съ одной стороны кровь норманнская, чужеземная; съ другой, чистая кровь Славянъ. Эта политическая борьба должна была сходствовать въ причинахъ и слѣдствіяхъ съ тѣми продолжительными войнами одного племени съ другимъ племенемъ, которыя являются во всѣхъ летописяхъ рода человеческого, какъ объяснилъ нашъ одинъ красноречивый историкъ.

Вадимъ убитъ, но съ нимъ не погибъ Новгородъ, онъ не достался въ добычу Рюрику и его наследникамъ, и вошелъ въ ихъ удѣлы только по нару-

жности. Онъ жилъ еще много вѣковъ; и въ то время, когда вся остальная Россія была жертвою ужаснѣйшаго безначалія, когда Русскіе Великіе Князья спѣшили къ стопамъ Татарина съ ежегодною данью, Новгородъ удерживалъ свое правленіе, и пользуясь имъ, входилъ въ сношенія съ великимъ семействомъ Европейцевъ, особенно съ нѣмецкими союзами, что предполагаетъ, если не свѣденія въ искусствахъ и словесности, то по крайней мѣрѣ знаніе языковъ и обычаевъ чужеземныхъ. Новгородъ былъ на равнѣ съ Данцигомъ, Бременомъ и Любекомъ: Ганзейская гордость, столь жестокая даже въ отношеніи къ самимъ императорамъ, признаетъ собратомъ своимъ городъ варварскій, находящійся въ углу Европы. И это еще не все: богатства его, слѣдствіе заслуженной доверенности, становятся предметомъ общаго искаательства. Окружные князья завидуютъ Новгороду до изступленія, и въ продолженіи семи вѣковъ не могутъ уничтожить бытія одного города, тогда какъ онъ самъ, не выходя изъ своей земли, не нападаетъ ни на кого. Русскіе князья убиваютъ другъ друга передъ глазами Новгородцевъ; а они не заботятся объ этомъ и спокойно продолжаютъ распространять свою торговлю. Внутреннія несогласія иногда возстаютъ въ стѣнахъ Новгорода, какъ и вездѣ; и ни одно изъ нихъ не наводило жителей его на мысль отречься отъ своихъ вольностей.

Вотъ, если не ошибаюсь, признаки мудрости высокой! Въ Новгородѣ не было великихъ людей: но это заставляетъ предполагать, что въ немъ обитало счастье; потому что въ такомъ правленіи великіе люди часто бывають притѣснителями всѣхъ остальныхъ. Впрочемъ, въ предположеніяхъ легко потеряться; но гдѣ не достаетъ свѣдѣній историческихъ, тамъ позволительны и предположенія. Открытіе какого нибудь свитка, погребеннаго гдѣ либо

въ монастырь, конечно, может разрушить ихъ; но до тѣхъ поръ, дозвольте мнѣ почитать ихъ правдоподобными, потому что ни одно свидетельство историческое не опровергаетъ ихъ, а многія подтверждаютъ. Но всему своя очередь и свое время. Пока семейство новгородское не обезсилью отъ своего размноженія, пока оно было выше другихъ родственныхъ разрозненныхъ семействъ, какъ своимъ могуществомъ такъ и просвѣщеніемъ, до тѣхъ поръ его правленіе было хорошо для него. Но когда все смежное сравнялось и пересилило его, ему слѣдовало войти въ общую семью, передать и частное богатство и частное могущество и образованность свою цѣлому, и въ самое короткое время потерять не только русло даже слѣды прежняго своего теченія. Таковъ результатъ всего, что дѣлается естественно, въ свое время. Сѣверная Венеція кончилась также, какъ и все человеческое; отвлекая общій и справедливый порядокъ вещей, мы принимаемъ участие въ ея кончинѣ, сострадаемъ ея предсмертнымъ бореніямъ. Характеръ Марыи, этой героини, величественъ, какъ характеръ женщинъ спартанскихъ: горестно, когда она беззавѣтитъ себя, призывая войска литовскія. Исторія Новгорода предметъ высокій, и я вызываю на него терпѣніе и прощательность русскихъ историковъ. Новая и сильная, хотя слишкомъ еще вышняя и потому односторонняя школа историческая, принесшая столько чести для Франціи, конечно распространится и до Россіи; а Новгородъ достоинъ найтти Тьерри въ одномъ изъ своихъ соотечественниковъ. Противоположности нравовъ, борьба правительствъ, раскрытіе таинственнаго происхожденія, изображеніе страшнаго бѣдствія: все найдется въ исторіи Новгорода. Послѣдняя часть летописей Новгорода очень хорошо пересказана графомъ Сегюромъ.

Со времени Рюрика до смерти Ярослава, то есть съ девятаго вѣка до одиннадцатаго, Россія шла на ряду съ остальною Европою, ни типе, ни скорѣе ея: это достоверно, и доказано графомъ Сегюромъ. Въ самомъ дѣлѣ, сравните Великое Княжество Русское съ королевствами Юга и Запада Европы. Въ него также какъ во Францію, какъ и въ Англію, какъ и всюду — христіанство внесено женщиною; святая Ольга имѣетъ сходство съ святою Клотильдою: вы узнаете здѣсь и тамъ одинакія дѣйствія одного и того же убѣжденія. Частные нравы Русскихъ были не только не болѣе нашихъ варварскіе, но можетъ быть менѣе. Законы ихъ ни въ чемъ не разнились отъ уложенія, обще-употребительнаго у нашихъ предковъ: благородная важность, которую выдѣли въ нѣкоторыхъ наружныхъ признакахъ, какъ то въ бородахъ, въ волосахъ; судъ огнемъ и желззомъ; поединки судебные; неги за убійство, соразмѣряемы съ качествомъ убитаго, огромныя за благороднаго, ничтожныя за раба: это исторія Германіи, Франціи, Италіи, словомъ, исторія всей Европы. Владиміръ былъ даже выше своего вѣка слишкомъ на тысячу лѣтъ: онъ уничтожилъ смертную казнь. Возстановивъ ее снова, Ярославъ отдалъ дань тогдашнему *варварству* не Русскому, а *Европейскому*. Такимъ образомъ Русскіе одиннадцатаго вѣка были на одной ступени съ другими народами, и потому вѣрнѣе удивляются нѣкоторые историки, что нашъ Генрихъ I-й искалъ супруги въ Москвитинъ *); вскорѣ послѣ того, во Франціи была королева изъ Даніи: одно не удивительнѣе другаго, и слѣдственно нѣтъ

*) Выраженіе не совсемъ точное: тогда еще не было государства Московскаго, и потому справедливѣе бы сказать или просто: *изъ Россіи*, или же: *изъ дѣвятикиля Кіевскаго*, изъ рода Ярослава.

ни какой надобности замѣнять французскимъ именемъ Руси (Roussy) иностранное имя: Анна Русская. Не значить-ли это разрѣшать затрудненіе небывалое? Югъ, хранилище просвѣщенія, не имѣлъ въ это время никакого преимущества надъ Сѣверомъ; къ тому-же великія разстоянія не столько ужасали тогда какъ спустя нѣсколько вѣковъ **).

Уничженіе Россіи, обыкновенно приписываютъ вторженію Татаръ; оно началось гораздо прежде. Различныя, сложныя причины способствовали этому политическому перевороту, какъ бываетъ всегда и вездѣ. Главнѣйшія изъ нихъ извѣстны: раздѣленіе великаго княжества на удѣлы, беспорядокъ въ наследованіи престола, переходившаго отъ брата къ брату, отъ племянника къ дядѣ, и, наконецъ, всего болѣе, вторженіе золотой орды. Я не буду распространяться объ этомъ важномъ предметѣ: авторъ новой исторіи Россіи разрѣшилъ всѣ задачи, которыя представляются уму при взглядѣ на ходъ событій. Кажется, нельзя проникательнѣе разсматривать и привлекательнѣе излагать событія. Повѣствованіе автора, хотя чрезвычайно сжатое, прелестно: онъ проходитъ свой предметъ, не замедляясь ни однимъ происшествіемъ, болѣе означая его, нежели рассказываетъ. Однакожъ общность его сочиненія чрезвычайно занимательна, цѣлѣстна, исполнена жизни. Форма его оживлена, даже тогда какъ Сегюръ рассказываетъ сокращенно. Его всегда поражаетъ драматическая сторона событій, и на нее-то всего болѣе обращаетъ онъ силу своего слога: онъ оживляетъ ее, оживотворяетъ, врѣзываетъ неизгладимыми чертами въ память читателя. Откройте кни-

*) Вопросъ о дочеряхъ Ярослава еще не рѣшенъ окончательно. Относительно же Руси во Франціи, замѣтимъ, что тамъ дѣйствительно была Русь, колонія западной славянской Руси прибалтійской, извѣстная еще Римскимъ писателямъ.

гу третью: не правда-ли? Эта золотая орда, которой таинственное, поэтическое имя какъ будто похищено изъ тысячи и одной ночи: шатры Татаръ, бродячая ихъ жизнь, странность ихъ оружія, смѣлость, умъ, умъ, умъ, благоразуміемъ, жестокость полная коварства, этотъ макиавелизмъ пустынь, всѣ эти черты, столь характеристическія, эти рѣзкія противоположности не имѣютъ ли у него вида самой удивительной дѣйствительности? Не живете ли вы съ Монголами, по крайней мѣрѣ въ воображеніи? Впрочемъ, это единственное, нѣсколько пріятное средство познакомиться съ ними. Далѣе занимательность должна была уменьшиться: надо войти въ лабиринтъ внутреннихъ раздѣленій, бывшихъ слѣдствіемъ вторженія Татаръ, на бѣду Россіи и читателя. Здѣсь начинается рядъ дѣйствій, которыя, также какъ и въ летописяхъ нашего перваго поколѣнія, внушаютъ не только ужасъ, но и скуку. Историкъ, предвидя это затрудненіе, внимательно разсматриваетъ свой предметъ, обънимаетъ его однимъ взглядомъ, мастерски схватываетъ его сущность, оставляя въ тѣни кучу преступленій однообразныхъ, вѣроломствъ утомительныхъ, и выказывая тѣ великіе характеры, которые случайно встрѣчаются на этой грязной дорогѣ, обрызганной кровью. Таковы были: Владиміръ Мономахъ, съ мужествомъ соединившій мудрость; Андрей Суздальскій, князь достойный замѣчанія, погребенный въ Русской исторіи: графъ Сегюръ, такъ сказать, отрывъ его достоинства; таковъ еще Дмитрій Донской, искусный полетикъ, блестящій воинъ, герой, въ полномъ смыслѣ сего слова, *) любезный памятью своею для

*) Разборъ всѣхъ мнѣній объ этомъ великомъ человѣкѣ можете прочесть въ книгѣ „Дмитрій Юанновичъ Донской, первоначальникъ Русской славы,“ (М. 1837) историко-критическое изслѣдованіе Н. В. Савельева, о которой послѣ скажемъ нѣсколько словъ.

Русскихъ, такъ часто радующихся ею на театрѣ народномъ; таковъ, наконецъ, Иоаннъ III-й, самодержецъ, могущественный Августъ, Людовикъ XIV-й Свѣра. Его царствованіе, какъ-бы вырѣзанное на мѣди графомъ Сегюромъ и изображенное на нѣсколькихъ страницахъ, есть историческій отрывокъ, чрезвычайно замѣчательный. Я не буду считать чертъ Иоанна съ оживленной картины великаго живописца: отнынѣ, малодушный покоритель Казани, коварный истребитель Новагорода останется «вылитый изъ бронзы для потомства» *) Истина, благородство, быстрота, жаръ, всѣ качества, которыхъ часто желаютъ для исторіи, все есть въ этомъ отрывкѣ. Историкъ останавливается передъ ужаснымъ лицомъ Иоанна IV-го, удивляется, спрашиваетъ: что значить эта жестокость, ненасытимая, бесполезная? Не баснословное ли, не невозможное ль что нибудь? Убѣдившись въ печальной действительности, онъ медлитъ разсказывать столько ужасовъ; но должно: это обязанность историка; онъ покоряется ей, начинаетъ, и быстро проходитъ злодѣяніи чудовища, какъ бы увлеченный великостію своего пегодованія. О немъ бы можно сказать: это древній жрецъ, сѣдищій на трепожникѣ и невольно повинующійся божеству, которое одушевило своего провозвѣстника. Это почти Тацитъ, налагающій клеймо на Тиверіа. Но, не думая добиваться выразительности, силы этого знаменитаго писателя, графъ Сегюръ хотѣлъ избѣжать недостатка, которымъ часто упрекали величайшаго живописца древности **) человекъ, удивительнѣйшій во временахъ новыхъ: «Тацитъ», говорилъ Наполеонъ, «не довольно объясняетъ своихъ тирановъ.» Графъ Сегюръ

быть достоинъ внять уроку, данному съ такой высоты: онъ вспомнилъ о немъ, и мы видимъ, какъ удачно воспользовался онъ этимъ наставленіемъ, и какъ счастливо привѣнилъ его къ дѣлу, въ картинѣ первыхъ лѣтъ Иоанна IV. Оскорбленія отъ попочителей, униженіе въ дѣтскихъ лѣтахъ, нерадѣніе о воспитаніи, не оправдываютъ злодѣяніи Иоанна, но объясняютъ ихъ *).

Конецъ XVI и первые годы XVII вѣка представляютъ самый богатѣйшій матеріалъ для историка Россіи; такой занимательности не имѣетъ ни какая эпоха, ни у какого изъ новыхъ народовъ. Этотъ періодъ Русской исторіи мало извѣстенъ въ остальной Европѣ, потому что до сихъ поръ еще не имѣлъ историковъ **). И графъ Сегюръ не хотѣлъ быть его историкомъ; этому не отвѣчалъ планъ сочиненія: царствованіе Петра — составляетъ главную цѣль; всему предшедшему надлежало быть собственно только введеніемъ. — Пропустимъ Бориса Годунова: этотъ похититель, ненавидимый дворянствомъ, оплакиваемый плебеями, имѣетъ сходство съ Людовикомъ XI-мъ, и съ тысячею другихъ до сихъ еще ужасающихъ, какъ скоро исторія ста-

*) Таково общее мнѣніе послѣ Карамзина. Впрочемъ на Иоанна можно смотрѣть съ другой точки зрѣнія, какъ смотрятъ теперь на Христіана II: Курбскому не лзя вѣрить во всемъ, и — не должно: онъ желалъ, для оправданія самаго себя, очернить Иоанна передъ потомствомъ. Исторія должна быть справедливѣ!

**) И до сихъ поръ не имѣетъ. Г-нъ Бутурлинъ, въ прошедшемъ году, напечаталъ первый томъ своего сочиненія объ этихъ временахъ; жаль, что дѣло остановилось только на первомъ томѣ, и эта любопытная „Исторія смутнаго времени“ остается безъ окончанія. Не уже ли это по милости нѣсколькихъ голословныхъ, не добрыхъ журнальныхъ отзывать.

*) Выраженіе генерала Фуа объ исторіи кампаніи 1812 года. Прим. автора.

**) См. Расиново предисловіе къ Бригантику.

вить насъ съ нами лицомъ къ лицу *). Говорятъ, что Борисъ началъ первый приписывать крестьянъ къ землѣ: это мнѣніе общепринятое, но хронологически мало вѣроятное; по крайней мѣрѣ оно возбуждаетъ сомнѣнія, требуютъ изслѣдованій. **) Но и совсѣмъ этимъ въ Россіи существовало точное уравненіе состояній, въ чемъ и заключается истинная свобода когда половина міра носила еще оковы! Московія не только не стала отъ европейскаго просвѣщенія, но даже шла тѣреди, до 1590 года. Трудно вдругъ принять такое странное мнѣніе; но тогда была вѣкъ чудныхъ событий. Исторія Ажедмитрія есть задача особеннаго рода. Судьба его донынѣ еще облечена туманомъ; обманъ его не доказанъ совершенно; ***) иные приписываютъ падеіе Димитрія не столь-

ко неправотѣ его, сколько приверженности къ католической религіи: онъ внушаетъ имъ едва ли не то страданіе которая привлекаетъ насъ къ Маріи Стуртъ, не смотря на ея преступленія. Однимъ словомъ, мужа Марины Мнищекъ не всѣ почитаютъ обманщикомъ: мнѣніе смѣшное! Гришка Отрепьевъ былъ Матюринъ Брюно своего времени, съ тою разницею, что онъ обрабатывалъ землю болѣе плодотворную. Впрочемъ, извѣстно, что главною причиною его бѣдствія были: польскія гвардія, польскіе придворные, польскій царядъ его жены, не-русское знаменіе креста и музыкальные инструменты, которые онъ употреблялъ при обѣдахъ, въ противность уставамъ греческой церкви: но всего болѣе погубила его свита Іезуитовъ.

*) Совсѣмъ тѣмъ, попеченія Бориса о благѣ и просвѣщеніи своего народа, намѣреніе основать въ Москвѣ университетъ, и когда еще? и всѣхъ его усилій возвысить Россію, исторія не забудетъ. Она же припомнитъ и то, что изъ любимцевъ и друзей царя Бориса вышелъ освободитель Россіи — князь Пожарскій. См. дѣла по мѣстничеству, помѣщенные въ Сборникъ историческаго общества.

**) Новѣйшія открытія подтвердили это мнѣніе, и потому всякое сомнѣніе должно умолкнуть. Впрочемъ должно замѣтить, что Борисъ приписалъ крестьянъ къ землѣ, а не къ лицу помѣщиковъ. Введеніе нынѣшняго помѣстнаго права должно отнести ко временамъ Петра: установивъ рекрутскіе наборы, онъ возложилъ ихъ на отвѣтственность помѣщиковъ, приписавъ поселянъ къ ихъ лицу.

***) Свидѣтельства Бера, который самъ лично бесѣдовалъ съ приверженцемъ Ажедмитрія Васмановымъ, и отзывъ знаменитаго Жолкевскаго, могутъ убѣдить, каждаго безпристрастнаго чловѣка въ самостоятельность этого мнимаго сына Юаннова. Далѣе, самъ авторъ согласенъ въ этомъ.

Событія послѣ убіенія Аже-Димитрія, еще болѣе достойны воспламенить благородный геній. — Лѣтописи народовъ рѣдко представляютъ намъ союзъ различныхъ сословій государства; — доказательство истиннаго уравненія состояній, іерархической иорядокъ! Часто враги и всегда соперники, они рѣдко раздѣляли общую славу: торжество одного изъ нихъ почти всегда состояло въ уничтоженіи другихъ. Вотъ причина и необыкновеннаго пристрастія въ которыхъ изъ нашихъ новыхъ историковъ: тотъ защищаетъ дворянство, другой духовенство, третій народъ. Думая давать отчетъ за вѣка минувшіе, они говорятъ о нихъ какъ о вчерашнемъ анекдотѣ. Они болѣе адвокаты, нежели историки: для нихъ прошедшее есть дѣло, которое должно рѣшить ко вреду или къ пользѣ настоящаго! Выгода касты заставляла ихъ взяться за перо: это такъ явно, что опытные глаза угадаютъ малѣйшія подробности общественаго положенія историка, по его сострастію или ненависти, пристрастности или нелицейности снисходительности. — И могло-ли

быть иначе? Новая исторія, съ начала до конца, не есть ли судебное донесеніе объ отчаянной битвѣ между Европейскими феодалами и рабами, между силою и слабостью? (чего въ Россіи никогда не было, потому что въ ней всегда было уравненіе, равновѣсіе состояній). Историкъ-судья на полѣ битвы: ему надлежало бы оставаться безпристрастнымъ, но онъ человекъ, кровь кипитъ въ его жилахъ, онъ предается побѣдителю или побѣжденному, и изъ судьи легко становится подсудимымъ. — Этого сильнаго искушенія нечего бояться за ту эпоху Русской исторіи, которая известна подъ именемъ междоусобицы. Сенека думалъ, что есть одно зрѣлище, не недостойное взора Божества: зрѣлище добродѣтели въ борьбѣ съ несчастіемъ. Есть и другое зрѣлище, не менѣе достойное быть угоднымъ Божеству: это единодушное согласіе всѣхъ гражданъ на защиту отечества и отраженіе общаго непріятеля. Поляки приближаются; Россія можетъ быть завоевана; и вотъ крестьяне, народъ, духовенство, дворянство, возстаютъ всѣ: у нихъ одна душа, одинъ духъ. Настоятель Троицкій жертвуетъ безчисленными богатствами своего монастыря; Мининъ, богатый купецъ, приносить все свое имѣніе на публичную площадь, и увлекаетъ своимъ примѣромъ всю Россію; князь Пожарскій беретъ Минина за руку и летитъ съ нимъ на битву: они являются, чужеземецъ бѣжитъ, отечество спасено. За то, ни что не можетъ сравниться съ народностью сихъ воспоминаній въ Россіи: нераздѣлимая имена Пожарскаго и Минина въ устахъ, или лучше сказать, въ сердцахъ всѣхъ Россіянъ. Вельможа, нищій, извозчикъ, баба, мужикъ, всѣ знаютъ Пожарскаго и Минина, всѣ благословляютъ память ихъ. Статуи *)

*) Въ подлинникѣ сказано: мраморныя статуи, les statues en marbre. Впрочемъ, въ печати: человекъ, нашедшему

двухъ друзей украшаютъ одну изъ площадей Московскихъ, и въ 1812 году, призывая имена Пожарскаго и Минина, Русскіе укрѣпились духомъ въ героическомъ сопротивленіи неурядному нашествію.

Принятый планъ не позволилъ графу Сегюру подробнѣе изложить междоусобицу: объ этомъ не льзя не пожалѣть. Живописная кисть его дала бы истинную физиогномію этимъ событіямъ, укороченнымъ въ его исторіи. Мы увидѣли бы, какъ Пожарскій, полководецъ столько же великодушный сколько и скромный, поднесъ предлагаемую ему корону Михаилу Романову *.) Мать юноши съ ужасомъ отвергаетъ подносимый ему даръ, почитая оный пагубнымъ; она видитъ въ немъ смертный приговоръ своему сыну, и на колѣняхъ умоляетъ народъ избавить его отъ опасныхъ благодѣяній. Царствованіе Михаила не оправдало предвѣщанія матери, слишкомъ боязливой: оно было мирно, даже славно **) и если государь заслужилъ отъ потомства только уваженіе, то этому причина его счастье и вмѣстѣ невыгода быть отцомъ Алексѣя и дедомъ Петра Великаго.

такую прекрасную статью объ Русской исторіи, должно быть извѣстно, что статуи Минина и князя Пожарскаго вылиты изъ бронзы.

*) Къ занятію трона назначали двухъ человекъ: Михаила Романова, по избранію народа, и князя Василія Голицына, по избранію дворянства и духовенства. Голосъ Пожарскаго утвердилъ выборъ народный. Исключеніе кандидата своего званія есть новая дополнительная черта этого изумительнаго характера. См. Нарушевича. *Примѣч. автора.*

**) Превосходное разсужденіе объ удѣленіи — рѣчь г-на московскаго профессора Ф. А. Морошкина, произнесенная имъ на торжественномъ актѣ, въ прошедшемъ году.

Царствование Алексея описано несколько небрежно. Образователь Русской торговли, законодатель, одним словом предшественник Петра I-го, предуготовивший для него пути просвещения, заслуживал несколько таких страниц, какія графа Сегюра уметь писать. Чувствуешь, что онъ сивнеть къ своему герою. Едва прииженено имя Петра, жизнь вновь оживотворяет его повествованіе. Все одушевляемо, все принимает свой цвѣтъ. Вотъ царица Наталія, неустрашимая мать Петра; вотъ царица Софія, честолюбивая и непредусмотрительная. Софія алкала крови своего брата. Она нахетса, имѣла много ума, и, питая въ душѣ своей зѣвскіе замыслы, любила литературу. Въ королевской библиотекѣ есть трагедія, сочиненная ею, годъ забываемъ «Навуходоносоръ» в переводѣ «Лжкаръ по неволѣ» *). Софія и Мольеръ! Сганарель и Стрельцы! Трудно вѣрить ихъ современности. Мы живемъ съ Молье-

*) Русскій театр родился въ тѣни монастырской. Въ XVII столѣтіи, одинъ ученый духовный, причтенный греческою церковію къ лику Святыхъ, Дмитрій, митрополитъ Ростовскій, мапсаца много драмъ и заставлялъ представлять ихъ въ монастыряхъ своей епархіи. Содержание во всѣхъ заимствовано изъ св. писанія: Рождество Христово, Воскресеніе, Эсфирь блудный сынъ и проч. Во время вакаціи студенты Кіевской академіи ѣздили по Украйнѣ и соседственнымъ областямъ, представляли благочестивыя драмы сопровождаемыя самою грубою мимикою. Въ 1686 году бояринъ Матвѣевъ вывелъ передъ царя Алексея Михайловича труппу нѣмецкихъ комедіантовъ: они представили дивную исторію о Іудеѣ, отсѣкающей голову неприятелискому полководцу. Нѣсколько скрипокъ и небольшихъ органовъ сопровождали оркестръ; спектакль кончился балетомъ, въ которомъ поэтъ Орфей, пропѣвалъ оду въ честь царя, пустился плясать между двухъ движущихся пирамидъ. См. Греча, учебная книга. — Примѣч. автора.

ромъ; но мы за десять столѣтій отъ Софіи: такъ сближаетъ или раздѣляетъ зѣва сродство или разница въ просвещеніи, въ правахъ и обычаяхъ!

Не смотря на свой умъ, Софія не умѣла понять Петра: она ничего не провидѣла въ дѣтскихъ его забавахъ. Геронческое дѣтство царя одушевляемо графа Сегюра: этотъ прелестный отрывокъ я приведу вполне. Читатель поблагодаритъ меня.

«Удаленный отъ трона, Петръ избѣгаетъ атмосферы нѣги и лести, которая всегда окружаетъ престолъ государей. Ненависть, внушаемая ему къ палачамъ его семейства, увеличиваетъ силу его характера. Онъ знаетъ, что долженъ завоевать свое мѣсто на тронѣ, занимаемомъ сестрою хитрою, честолюбивою, окруженною варварскимъ войскомъ. Съ этого времени дѣтство Петра имѣетъ то, чего слишкомъ часто не достаеъ зрѣлому возрасту: цѣль. Геній его, уже смѣлый и упорный, овладѣваетъ ею. Окруженный отважными умами людей предприимчивыхъ, издавѣка пришедшихъ попытать свое счастье, онъ развивается быстро.

«Одинъ изъ окружающихъ его, Лефорть, безъ сомнѣнія увидѣвъ въ Юлію Царевичъ слѣды образованности, посвященной можетъ быть первымъ его наставникомъ *), показываетъ ему свѣтъ наукъ, искусствъ европейскихъ, и особенно искусства военнаго. Говорятъ, что тогда, при видѣ варварства своихъ соотечественниковъ, царственный отрокъ проливалъ слезы великодушной скорби. Кажется, юнымъ взорамъ героя Ахиллеса представили мечъ: но Петръ болѣе — не будемъ же удивляться, что его игрушками было оружіе, играми военные экзерциціи. Но вотъ что изумительно: онъ понималъ важность подчиненности въ такихъ лѣтахъ, когда она кажется вестернымъ игномъ

**) См. Ваксевича, записка Лефорта. — Примѣч. автора.

Онъ подвергнулся ей съ такою пылкостью, съ какою другіе люди обыкновенно уклоняются отъ нея; онъ упорно остался при этомъ въ самое невзличивое время жизни; наконецъ, онъ подавалъ примѣръ въ такомъ возрастѣ, когда едва умѣютъ лишь слѣдовать примѣру другихъ.

«Пятьдесятъ юныхъ Россіянъ было опредѣлено къ нему, не какъ избранные юноши Египетскіе къ Сезострису, или, какъ некогда сыновья вельможъ Персидскихъ къ юному Киру, но единственно въ товарищи для увеселеній, въ *потыгники*, какъ называли ихъ при грубой простотѣ того времени.

«Съ удивительною разборчивостью, свойственною великимъ людямъ, и съ тою силою, какую имѣютъ они и надъ собою и надъ другими, Петръ пользуется единственнымъ, оставленнымъ ему средствомъ, вырывается изъ окружающаго его варварства, и увлекаетъ за собою все его окружающее. Деревня *) въ которую онъ былъ удаленъ, становится военною европейскою школою, товарищи — учениками военного искусства, опытными, вооруженными, одѣтыми какъ иностранцы, которыхъ превосходство онъ увидѣлъ. Юный Царь самъ хочетъ пройти всѣ чины, исполнить самыя тягостныя обязанности: онъ сдѣлался барабанщикомъ, потомъ солдатомъ, наконецъ офицеромъ; не для одной суетной формы; онъ самъ, на тележкѣ сдѣланной его руками, вывозилъ землю изъ выкопанныхъ имъ шанцевъ; самъ наряду съ послѣднимъ солдатомъ, стоялъ въ караулѣ. — Онъ хочетъ возвысить это поприще, хочетъ оставить на немъ глубокіе слѣды государя, чтобы самому служить примѣромъ для послѣдователей. Послѣ того, онъ подалъ еще другой славившій примѣръ: въ свободныя отъ службы минуты онъ старательно изучаетъ нѣ-

мецкій языкъ и математику, отдыхая трудомъ ума отъ трудовъ тѣла, и образуетъ такимъ образомъ для жизни героической.

«Но Софія и ея приверженцы, со смѣхомъ глядятъ на эти воинственныя игры. Въ этихъ послѣдовательныхъ усиліяхъ, идущихъ все по одному направленію, Софія не узнаетъ попытокъ рождающагося генія. Въ этихъ пятидесяти дѣтахъ, въ этой ротѣ *потыгмы*, она не провидитъ зародыша тѣхъ регулярныхъ корпусовъ, которые вскорѣ будутъ способствовать къ низверженію ея съ трона, къ уничтоженію ея приверженцевъ.»

«Теперь взглянемъ на Петра, уже взрослога челоуѣка.

«Великое сердце его, безъ эгоизма въ самой эгонстической изъ страстей, заключаетъ въ одномъ себѣ высокое честолюбіе, принадлежащее цѣлому народу, чуждое личности: славу двадцати миллионовъ челоуѣкъ! . . . Съ этимъ величіемъ души, онъ соединяетъ правоту сужденія, вѣрность ума, словомъ, здравый разумъ, который одинъ только можетъ дать всѣмъ силамъ души и тѣла полезное, и слѣдственно истинно великое направленіе. — Прибавьте къ этому сложеніе великаго челоуѣка,сообразность крѣпости и дѣятельности физической и умственной, что такъ необходимо для живыхъ и сильныхъ помысловъ, для упорнаго исполненія и совершенія обширныхъ предприятий; наконецъ ростъ героевъ баснословныхъ, рѣдко бывающій у истинныхъ: потому ли что природа челоуѣческая не можетъ быть полною, и что она истощается въ огромныхъ размѣрахъ или души или тѣла, или потому что оба эти преимущественія несоединимы: люди, одаренные прекрасною наружностію, не принимаютъ на себя труда быть великими людьми.»

Я зналъ въ дѣтствѣ своемъ нѣсколко стариковъ, почти столѣтнихъ, видѣвшихъ Царя. Видъ его былъ очень ва-

*) Село.

жизнь, чтобы не сказать очень страшно. Когда жены Саардамских матросов хотѣли унять крикъ своихъ дѣтей, то всегда пугали ихъ «большимъ московскимъ плотникомъ» *). Сила его отвѣчала наружности. Однажды, за ужиномъ съ Августомъ, Королемъ Польскимъ, Петръ взялъ двѣ серебряныя тарелки, смялъ ихъ одну о другую и свернулъ въ трубки **). Въ Амстердамѣ, въ 1697 году, онъ остановилъ одною рукою крылья мельницы, когда ему захотѣлось получше разсмотрѣть ихъ. Подобныя бесполезныя неосторожности часто могли ему стоить жизни; но его удовольствія могли ли быть не столько исполненскими, какъ и его труды? онъ былъ вездѣ тотъ-же: его работы; его забавы, все происходило изъ одного источника.

Онъ ненавидѣлъ роскошь, которую такъ любилъ его отецъ. Одинъ Англичанинъ, медикъ Алексѣя Михайловича, оставилъ намъ много подробностей о дворѣ сего Монарха: «Царь Алексѣй Михайловичъ» говоритъ докторъ Самуилъ Коллинсъ, «показывается народу не иначе, какъ покрытый жемчугомъ, бриллиантами, окруженный множествомъ придворныхъ. Онъ никогда не посѣщалъ ни одного изъ частныхъ людей, на смертномъ одрѣ, кромѣ своего наставника. Стражи его стоятъ предъ нимъ угрюмы, вытануты, неподвижны, какъ истуканы. Можно подуматъ, что дворецъ его — необитаемое мѣсто: въ немъ всегда царствуетъ глубочайшее молчаніе. Алексѣй обѣдаетъ одинъ и посылаетъ нѣсколько блюдъ со своего стола къ боярамъ, когда хочетъ изъяснить имъ благоволеніе.» Петръ отбросилъ этотъ восточный этикетъ: не только не заперся въ великолѣпной пустынѣ, напротивъ, поощрялъ собранія людей обоихъ половъ и самъ любилъ

участвовать въ нихъ. Нѣкоторые изъ нашихъ читателей, можетъ быть, удивятся, узнавъ, что законодатель Россіи былъ также однимъ изъ лучшихъ танцоровъ своего отечества. Однакожъ это совершенная правда: балы начались въ Россіи съ его времени; Петръ посѣщалъ каждый изъ нихъ, и никогда не былъ празднымъ зрителемъ. Однажды ему вадумалось заставить прыгать самыхъ старыхъ и самыхъ важныхъ особъ своей Имперіи: онъ самъ распоряжалъ танцами, дѣлалъ самыя странныя фигуры, трудныя па, и принуждалъ немскисныхъ танцоровъ осушать большою кубокъ, прозванный *большимъ орломъ*.

Петръ одѣвался очень просто, онъ носилъ одежду своего времени (въка Людовика XIV-го), но безъ лентъ и безъ перьевъ. Не болѣе какъ два торжественные случая заставили его одѣться парадно. Одинъ былъ слѣдствіемъ его политики: Князь Долгорукій и Графъ Головкинъ, занимавъ дипломатическія мѣста при различныхъ Европейскихъ Государяхъ, возвращались въ Россію. По общему мнѣнію, они оба научились въ Европѣ пріятные обращенія и переняли образованные нравы Царь былъ этимъ чрезвычайно доволенъ и рѣшился имъ изъяснить свою признательность самымъ блестящимъ образомъ: надѣлъ кафтанъ изъ малиноваго бархата, шитый золотомъ по швамъ, и, въ сопровожденіи своего семейства и гвардіи, выѣхалъ на встрѣчу къ своимъ посланникамъ. Четыре часа Петръ ждалъ ихъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга, потомъ посадилъ въ свой экипажъ, заставилъ проѣхать черезъ весь городъ, какъ въ триумфѣ, и всенародно поздравилъ ихъ съ *созлеченіемъ ветхаго человека* *).

Какъ Петръ располагалъ своимъ днемъ, вполне описано въ современныхъ запискахъ. Петръ всегда ложился въ 10 ча-

*) Sobeltema, Russland en de Niederlande, 1617. Примѣч. автора.

**) Рукопись Навога. Примѣч. автора.

*) Бюшнингъ, Вассерманъ, Бергольцъ. Прим. автора.

часовъ; а вставалъ въ 3 зимою и лѣтомъ. Вставши, онъ тотчасъ занимался пересмотромъ журналовъ и книгъ иностранныхъ, переведенныхъ по его повелѣнію. Какое бы сочиненіе ни печаталось, его подносили Императору, и онъ самъ напередъ все разсматривалъ, исправлялъ. Между 4 и 5 часомъ онъ бралъ свою трость, записную книжку, и шелъ осматривать работы. После того онъ занимался, до 11 часовъ, въ Сенатѣ. Здѣсь показывалъ онъ ту живость ума, ту быстроту въ работѣ, который принадлежатъ только людямъ подобнымъ ему; Бассевичъ говорить, что Царь дѣлалъ въ одну часть то, чего другіе въ четыре бы и въ четыре. Но выходъ изъ Сената начинались аудіэнціи. Богатый, бѣдный, знатный бояринъ, купецъ, крестьянинъ, къ нему все было равно допускаемо. Петръ со вниманіемъ выслушивалъ ихъ, и дѣлалъ рѣшенія на мѣстѣ *). Около полудня онъ садился за столъ, въ кругу своего семейства. Столовая была подлѣ кухни, чтобъ не простывали кушанья: проваръ вынималъ ихъ изъ печи и тотчасъ подавалъ на столъ Императорскій, черезъ окно **). После обѣда отдыхъ въ яхтѣ, на Невѣ; потомъ, политическая аудіэнція, въ кабинетъ или въ мастерской, которыхъ двери на это время крѣпко запирались, даже для Императрицы и Великихъ Князей. Отсюда-то, побѣдитель Карла XII-го, основатель Петербурга, посылалъ приказы въ Архангельскъ, въ Астрахань: здѣсь-то учился онъ теоріи мореплаванія, разговаривалъ съ отличными людьми, или точилъ образъ Св. Николая Чудотворца.

Довольно этихъ подробностей о частной жизни великаго человека, обратимся къ нему, какъ Императору. Я не стану, со словъ графа Сегюра, излагать

предпріятія, учрежденія и войны Петра Великаго: новый историкъ описываетъ все это, и — не такъ какъ компиляторъ, но какъ воинъ и политикъ. Графъ Сегюръ знаетъ какъ лучше сообщить читателю ясное понятіе о великомъ человекѣ: онъ самъ жилъ вблизи великаго человека. Но это еще не все: въ его сочиненіи удивительная занимательность господствуетъ въ высокой степени. Судъ Царевича Александра разсказанъ превосходно: историкъ болѣе сожалѣетъ объ отцѣ, нежели судитъ его. Онъ видитъ Россію преобразованную, и, какъ Вергилій, который колебался порицать Брута республиканца, онъ не смѣетъ осуждать Брута-Самодержца.

Infelix! . . . . .

Впрочемъ графъ Сегюръ не только удивляется своему герою: онъ истинно боготворитъ его. И мы, вмѣстѣ съ нимъ, изумляемся множеству чудесъ Петра; мы удивлены, поражены при видѣ необычайнаго человека творца. Эта творческая способность придала бы ему, въ глазахъ древности, нечто божественное, тѣмъ болѣе, что слава подобныхъ ему почти всегда ограничивается однимъ даромъ истребленія. Но не слишкомъ ли резко исполнялъ онъ свои преобразования? не раздражалъ ли онъ часто, безъ надобности, тотъ народъ, который хотѣлъ исправить? не лучше ли было-бы дать время обрить бороды исподоволь, чѣмъ обривать ихъ вдругъ и насильственно? Приведемъ одинъ или два примѣра. Петръ уничтожилъ древнія названія бояръ, думныхъ дьяковъ, и замѣнилъ ихъ титулами президентовъ, советниковъ, и проч. графъ Сегюръ хвалитъ его за такіа измѣненія; а мы, признаемся, не нашли-бы въ нихъ повода къ хвалѣ. Говорятъ, что литература есть выраженіе общества. Если Русская литература донынѣ не имѣетъ собственной физиономіи, то причина этого не отыщется ли въ односторонности ея: она не имѣетъ тонкости своей съ иностранными общ-

*) Нартовъ, Голиковъ, Брюсъ. *Примѣч. Автора.*

***) Горниловъ, Русская старина. *Примѣч. Автора.*

чаевъ? Какая надобность была Петру дразнить (taquiner) своихъ подданныхъ, подписываясь Piter, по-голландски, вмѣсто того что бы просто подписываться по русски? Его предпріятія были велики, огромны, удивительны; но, не вмѣшивалась ли въ нихъ часто прихоть? Игрѣ воображенія обязаны мы самымъ правильнымъ городомъ въ мірѣ; Неаполь и Петербургъ находятся на двухъ оконечностяхъ Европы; подлѣ одного — Везувій, подлѣ другаго — Нева; зачѣмъ было селиться въ такомъ грозномъ соседствѣ? не ужели ПЕТРЪ не умѣлъ предусматривать? *) Въ первый годъ основанія Петербурга, онъ увидѣлъ замѣтку на вершинѣ одного дерева, и спросилъ: «что это?» — «замѣтка послѣдняго наводненія, Государь!» отвѣчалъ ему простодушный житель. «Вода доходила до нея.» Царь не возразилъ ничего, но велѣлъ срубить дерево.

Желая придать большій блескъ славы ПЕТРА, — *нелицоущей надобности ни въ какомъ украшеніи*, — историки всегда преувеличиваютъ варварство до него, и образованность, введѣнную имъ въ Россію. Что разумѣютъ подлѣ названіемъ *сбразованности*? пріятность въ обращеніи, въ разговорѣ, ученіи, литературѣ, занятіи искусствами, прелесть, въжливость. Если всемъ этимъ отличается въ наше время высшее Русское общество; отдадимъ за это честь ПЕТРУ, но не прямо: эта утонченная образованность не могла быть введена въ Россію *безъ него*, но въ его время она *не существовала*. Она принадлежитъ

*) Намъ кажется, авторъ здѣсь не совсемъ справедливъ: основаніе Петербурга было слѣдствіемъ видовъ политическихъ, глубоко обдуманныхъ, которые до сихъ поръ перевѣшиваютъ неудобства мѣстности съ другихъ сторонъ. Его настойчивость въ измѣненіи вѣтвннхъ мѣлочей въ то время имѣла основаніе въ собственныхъ прим. Не начни онъ разомъ и вѣтвно и внутренне преобразование Русскихъ, не вдадутъ бы ему издакъ успѣшно въ семью Европейцевъ.

царствованіемъ Анны, Елисаветы, и — если хотимъ судить справедливѣе — согласимся, что, собственно говоря, образованность началась только со времени Екатерины II. Варварство, прежде ПЕТРА, было конечно велико; но развѣ не былъ погруженъ въ варварство весь сѣверъ? Принцеса Вильгельмина Прусская, Маркграфиня Байрейтская, насмѣхается надъ Русскимъ дворомъ: а если судить по ея же собственнымъ словамъ, — многимъ-ли отличался дворъ Царя отъ двора Фридриха Вильгельма, отца ея?

Мы не согласны съ графомъ Сегюромъ, будто Русскій народъ въ XVII вѣкѣ былъ пораженъ величайшимъ обрубіемъ и рабствомъ. Его мнѣніе опровергается патріотическимъ движеніемъ Пожарскихъ, Мининыхъ, духовенства, дворянства, народа, цѣлой Россіи, во время вторженія Поляковъ. Надо отличать форму рабства отъ истиннаго рабства тяготившаго всю Европу. Не самъ ли авторъ привелъ примѣры смѣлости, данные членами всѣхъ классовъ общества, бѣднымъ извощикомъ, простымъ капитаномъ и княземъ Долгорукиимъ? Не истинный-ли Римлянинъ тотъ вельможа, который рѣшился разодрать несправедливый указъ передъ глазами самаго Императора? Благородный характеръ Долгорукаго соединился съ знаменитымъ именемъ. Говоря, что у Русскихъ дворянъ нѣтъ ни предковъ, ни воспоминаній, графъ Сегюръ конечно говоритъ не о великой, истинной аристократіи; а вѣроятно, намекаетъ на низшее дворянство, въ которое можетъ вступить всякой свободнаго званія человекъ, посредствомъ оберъ-офицерскаго диплома, посредствомъ ничтожной царской должности: ни какой высокой родъ не затмить происхожденія Русскихъ Князей, которые получили достоинство это по праву рожденія. Одни, напримѣръ, Долгорукіе, потомки Рюрика; другіе, отрасль Государей Польскихъ, Литовскихъ: таковы Голи,

пыны, одинъ изъ могущественнѣйшихъ домовъ въ Европѣ, по числу, богатству, знатности; они какъ Ягеллоны, происходятъ отъ одного изъ сыновъ Гедимина, владѣтельнаго князя Литовскаго. Ягеллоны брали супругъ и зятьевъ отъ всѣхъ троновъ христіанскихъ; кровь ихъ соединилась съ кровію государей Баваріи, Саксоніи, Австріи, съ кровію Фуа, и слѣдственно королей Французскихъ.

Правда, нѣкоторыя части царствованія Петра омрачены темными пятнами; но, зато, умирая онъ имѣлъ право дать себѣ отчетъ, не имѣющей примѣра: *я одинъ совершилъ дѣло вѣковъ*. Смерть его была поводомъ къ тысячѣ предположеній: графъ Сегюръ разбираетъ ихъ съ большою проникательностію и, въ заключеніе, съ рѣдкимъ краснорѣчіемъ описываетъ послѣднія минуты своего героя.

«Дворецъ въ смутеніи: въ Лейденъ и Берлинъ скачутъ курьеры за спасительными совѣтами; всѣ Петербургскіе медики призваны къ тому одру, на которомъ возлежитъ столько воспоминаній, столько надеждъ славы и народнаго блага. Тамъ, уже десять дней, употребляютъ самыя ужасныя средства для облегченія страждущаго, средства, которыя, говорятъ, только ускорили его кончину; крикъ, извлекаемый страданіями, наполняетъ дворецъ, а онъ, негодя на такую невольную слабость свою, восклицаетъ: «изъ меня познайте, какое бѣдное созданіе человекъ!»

«28-го января, онъ предается волю Всевышняго, громкимъ голосомъ зываетъ къ небу и принимаетъ послѣднія утѣшенія религіи; изъ христіанскаго ли смиренія, чувствуя ли при смерти тягостныя воспоминанія, или покоряясь древнему русскому обычаю, онъ приказываетъ заплатить свои долги и освобождаетъ заключенныхъ въ тюрьмы, и тутъ же говоритъ: «надеюсь, что *Богъ обратитъ на меня милосердый взглядъ*

за все добро, какъ е обѣщавъ я своему отечеству.»

«Тысячу разъ умираетъ онъ въ продолженіе цѣлыхъ двухъ дней; но, едва почувствуетъ минутное облегченіе отъ боли, и съ тою-же твердостью, съ какою жилъ, пользуется этими непродолжительными мгновеніями, и съ прежнимъ жаромъ къ посвященію, завѣщаетъ Екатеринѣ свою Академію наукъ, повелѣваетъ пригласить въ нее ученыхъ изъ Европы; онъ указываетъ на Остермана: «Россія не можетъ обойтись безъ него; одинъ онъ знаетъ истинныя пользы ея;» потомъ, назначаетъ, сколько времени поситъ послѣ него трауръ.

«Послѣ того, онъ желаетъ *п смелію* изъявить свою волю; но, въ обманчивомъ спокойствіи неполной смерти, которая такъ много разъ слѣдовала за его страданіями, еще не знаетъ, какъ мало остается у него силъ. Трепещущая, отяжелѣвшая его рука проводитъ на бумагѣ только неясныя черты; онъ самъ не можетъ въ нихъ прочесть ничего, кромѣ словъ: «отдайте все». . . . Тогда онъ велитъ призвать, какъ можно скорѣе, милую дочь свою, княжну Анну, она прибѣжала; но — голая, рука и вся лѣвая сторона тѣла ея отца уже умерли. Онъ усиливается окончить рѣчь — напрасно: воли его еще воопы существуетъ, но уже безъ сообщенія въ здѣшнемъ мірѣ. Государь, столь могущественный, еще живеть, и — среди своего народа, окруженный своими приближенными, въ объятіяхъ своего семейства — уже отдѣленъ отъ нихъ. Такъ остается онъ, одинъ въ борьбѣ съ смертію, сопротивляясь ей въ продолженіи пятнадцати часовъ ужаснѣйшаго томленія.

«Наконецъ, 28-го января, около 4-хъ часовъ утра, глаза его закрываются навсегда . . . и въ тотъ часъ, когда прежде бывало пробуждаясь отъ другаго сна, каждое утро вновь начиналъ онъ трудиться для своей Имперіи, теперь — Петръ оканчиваетъ сорока трехъ лѣтъ

шее царствованіе и пятьдесятъ второй годъ жизни, которою Россія живетъ и дониндѣ.»

Благія желанія Петра услышаны: уже нѣсколько поколѣній потомки княгини Анны занимаютъ престолъ Россіи. Они близко слѣдовали своему правду въ любви ко всему великому, не подражая его излишествамъ, потому что исторія Царя — нельзя скрыть этого — не только изумляетъ, но и тяготитъ душу *). Величіе цѣли его внушаетъ удивленіе; но суровость средствъ хладитъ ужасомъ: Петръ не щадилъ крови, даже своей. Преобразование народа можетъ ли вознаграждать за такія жертвованія? должно ли, для победы надъ варварствомъ, превзойти его? неужели будущее счастье, плодъ преобразования, можетъ быть приобретено только цѣною скорбей настоящаго? человечество, стесняя, отвергаетъ такую мысль; опытъ видитъ прошедшее и колеблется. Человѣкъ всегда такъ лѣнивъ, такой рабъ привычки, что ни одно измѣненіе въ его правахъ, въ его законахъ не можетъ совершиться безъ потрясеній. Народъ, который дремлетъ, застывъ среди вѣковыхъ преданій, по большей части, пробуждается только при ударѣ грома, и — дѣло ужасное, или, лучше сказать, непостижимое! — часто цѣлое поколѣніе приносится въ жертву поколѣніямъ слѣдующимъ! Такъ въ мірѣ физическомъ соствдство вулкановъ есть залогъ плодородія. Но, если и подобно признать этотъ законъ природы, по крайней мѣрѣ не станемъ соглашаться съ тѣми, которые захотѣли-бы примѣнить его къ намъ: пусть хвалы наши не поощряютъ никого употреблять такое опасное оружіе. Не будемъ заставлять этихъ страшныхъ врачей человечества слушать крикъ жертвъ, исцѣляемыхъ ими: эти крики мало тронуть ихъ. Покажемъ и гениямъ, что потомство можетъ оспаривать у нихъ

*) См. слѣдующее примѣчаніе.

славу кровавую. Гордымъ умамъ должно говорить только о славѣ: она — ихъ богъ, ихъ жизнь, ихъ сила и слабость; только съ этой стороны они доступны. Можетъ быть, я обманываюсь, по крайней мѣрѣ я твердо убѣжденъ, что со временемъ исторія сдѣлается благоразумнѣе и будетъ соразмѣрять свое уваженіе болѣе съ выборомъ средствъ, нежели съ случайностями успѣха. Она будетъ сомнѣваться въ величіи генія, который могъ проявить себя не иначе, какъ поколебавъ границы нравственныхъ; — послѣ строгаго разсмотрѣнія, она дастъ ему условную награду; но, уже не будетъ сравнивать героевъ этого разряда съ тѣми, у кого сердце было равно уму *).

Съ Французскаго.

ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ.

(Изъ Revue Britannique).

Въ маѣ 1840, явилось твореніе высокой важности, вторая часть *Démocratie en Amérique*, par *A. de Tocqueville*, — (Демократія въ Америкѣ), составляющая отдѣльное цѣлое съ первою частію. Любопытно слышать какъ отзываются о сей книгѣ, пламенные поклонники демократіи — Французы. Выписываемъ отзывъ изъ *Revue Britannique*.

«Обсудивъ вліяніе демократическаго государства на законы Американцевъ, авторъ поцѣлываетъ вліяніе того же на чувствованія и мнѣнія въ гражданской и частной жизни. Эти два новые тома

*) Но представитъ ли исторія такихъ гениевъ, у которыхъ сердце было бы равно уму? Человѣкъ всегда человѣкъ: полного, совершеннаго, не ищите — его не найдете. А по величію, по слѣдствіямъ, гдѣ человѣкъ, равный Петру? . . .

То академикъ, то герой,

То мореплаватель, то плотникъ.

Онъ всеобъемлющей душой

На тронѣ вѣчный былъ работникъ. . .

И кто такъ любилъ Русскихъ и Россію какъ онъ.

обнимаютъ ученіе о томъ, что *de Tocqueville* называетъ философическою методою Америкапцевъ, ученіе о религіозныхъ идеяхъ, наукахъ, искусствахъ, словесности, однимъ словомъ, о вліяніи демократіи на чувствованія, и проч. Трудно указать на книгу, которая была бы болѣе философически обдуманна и лучше исполнена со стороны мысленія. Хотя мы не изъ тѣхъ, которые справедливо иногда требуютъ, отъ автора, другаго нежели то что онъ хотѣлъ сдѣлать; но при всемъ удивленіи къ этому произведенію высокаго ума, да позволено намъ будетъ сказать, что не здѣсь надо изучать американскій народъ. *G. de Tocqueville* конечно не сочинялъ *utopii*, политическаго романа; но иногда оно походить на то: такъ авторъ жертвуетъ подробностями идеямъ общимъ, такъ, для логической вѣрности въ приложеніяхъ своихъ теорій, онъ охотно забываетъ что Американцы образуютъ *соединеніе*, а не единство народное. Нѣтъ, эти семейства различныя по происхожденію, эти Американцы потомки бѣжавшихъ изъ за религіи и политики, эти Американцы, изъ коихъ древнѣйшіе считаютъ не болѣе вѣка, изъ коихъ новѣйшіе суть вчера прибывшіе, или прибывающіе еще сего дня шайками колонистовъ, эти Американцы населяющіе здѣсь югъ, тамъ сѣверъ—здѣсь земледѣльцы, тамъ купцы; здѣсь республиканцы, владѣтели фабрикъ, тамъ республиканцы съ невольниками: однимъ словомъ, Соединенные Штаты скорѣе образуютъ толпу болѣе или менѣе подчиненную законамъ, сообщество болѣе или менѣе согласное на счетъ своихъ выгодъ, но не народъ. Вотъ почему онъ не имѣетъ еще ни литературы, ни искусства, ни религіи въ собственномъ смыслѣ. Все что говоритъ *de Tocqueville* удивительно хорошо изложено и кажется совершенной истиною; но нѣтъ ни одного изъ его правилъ которое не имѣло бы исключенія столь же важнаго какъ самое правило. Также—недостатокъ

въ фактахъ; ибо этотъ будущій народъ безъ потомственныхъ правовъ не имѣетъ еще исторіи. Ныкогда, — вѣроятно, авторъ предвидитъ американскій народъ, — станутъ изумляться прорицательности г. де Токвиля; онъ безъ сомнѣнія поможетъ создать духъ общественный предположеніемъ онаго. Но нынче эта прекрасная книга, этотъ прекрасный трактатъ философіи и правственной политики, почти вымыселъ. Признаюсь, я сужу объ ней такимъ образомъ по напечатаніи второй части; но первая часть говоритъ о законахъ, а кто не знаетъ что законодатели принуждены бывають, также какъ и философы, предвидѣть вѣдвѣствительнаго положенія народовъ! Сравнивали де Токвиля съ Монтескье; правда, между этими двумя умами есть много сходства; но посмотрите какъ каждое общее замѣчаніе Монтескье опирается на цѣлость фактовъ. Еще разъ, системъ Токвиля недостаетъ фактовъ. Теперь, забудемъ Америку, и его книга будетъ прекраснымъ сочиненіемъ о демократіи вообще.

Alph. Borghers, которому мы обязаны переводомъ *«Европа въ средніе вѣка»* соч. Галлама, кончилъ переводъ его *Исторіи европейской литературы въ XV, XVI и XVII вѣкахъ* *). Это важное сочиненіе не замедлитъ быть приятнымъ во вся библіотеки. Оно наполняетъ пробѣлы и отвѣчаетъ нуждъ возбужденной многими подобными трудами въ нашей настоящей литературѣ, но изъ коихъ ни одно сочиненіе не можетъ сравниться съ этимъ. Какая бы ни была эрудиція Галлама, для полноты, подобное сочиненіе можетъ быть требовало бы многихъ соудружниковъ; но, воспользовавшись всеми изысканіями

*) Переводъ напечатанъ у Бодри.

описанъ предшественниковъ и современниковъ, Галламъ удачно выполнилъ сочиненіе столь совершенное какъ только можетъ быть сочиненіе произведенное однимъ человекомъ. Мы имѣемъ любопытный анализъ успѣховъ ума у новѣйшихъ народовъ. Галламъ прекрасно характеризовалъ всѣ литературы. Онъ часто приводитъ, или въ примѣчаніяхъ, или текстъ, всѣ авторитеты на которые онъ опирался, но никогда впрочемъ не уклонялся собственной критики. Не возможно разбирать подобную энциклопедію, и самыя англійскія обзоренія, въ своихъ обширныхъ рамкахъ, могли только означить планъ автора. Мы замѣтили, въ тщательномъ изученіи театра, что Галламъ судить весьма безпристрастно нашихъ драматическихъ поэтовъ; онъ не только удивляется Мольеру какъ удивлялся ему Вальтеръ Скотъ, вопреки особеннымъ критикамъ Шлегеля, но онъ отдастъ также справедливость Корнею и Расину, что рѣдко въ Англии. Въ свою очередь, мы можемъ аплодировать, безъ зазрѣнія совѣсти, сто тысячъ первому боготворенію Шекспира какое находимъ въ книгѣ Галлама, тѣмъ болѣе что это сделано со вкусомъ; надо замѣтить, что кто въ самой Франціи удивляется Шекспиру даже въ его ошибкахъ, тотъ сильно подозрителенъ что онъ его не понимаетъ. *Это языческое боготвореніе Шекспира*, говоритъ Галламъ, *не что иное какъ сумасбродство, дѣлающее болѣе затрудненія критику, нежели чести поэту*. Галламъ также допускаетъ мнѣніе Колье, который думаетъ, что съ введенія декораций начинается упадокъ англійской драматической поэзіи. «Мѣсто сцены перемѣнилось въ нашей древней драмѣ именно потому что его вовсе не перемѣняли; иначе, это дало бы сильный аргументъ въ пользу единства мѣста, если бы не было просто — экономіей мѣста.» Эта остроумная черта заставляетъ Галлама забывать, что уже во времена

Шекспира существовать, ежели не для народныхъ театровъ, по крайней мѣрѣ для придворныхъ, великій архитекторъ, великій машинистъ, великій декораторъ, Иниго Джонсъ; да, онъ былъ всѣмъ этимъ; и по описанію современниковъ, позволено утверждать что *маски* Бенъ Джонсона, игранныя передъ Яковомъ I, стоили не менѣе въ постановкѣ какъ и опера Скриба и Обера. Но извѣстно что бѣдный Шекспиръ довольствовался предвзрѣшеніемъ публики: «представьте себѣ что вы видите море, дворецъ, лагерь, и проч.»; и снисходительная его публика смотрѣла на все это глазами поэтической вѣры.

Переводъ Боргерса вѣренъ слогу Галлама, то немного метафорическому, то черезъ чуръ прозаическому. Мы замѣтимъ только одинъ неизбежный недостатокъ. Многія заглавія театральныя пьесъ или иностранныхъ сочиненій, буквально переведенныя, доказываютъ, что переводчикъ не читалъ этихъ пьесъ и сочиненій. По крайней мѣрѣ следовало ему выставлять въ скобкахъ англійскія заглавія для библиографовъ; Г. Боргерсъ время отъ времени пренебрегалъ этимъ.

(изъ Revue de deux mondes)

Рыцарскія Лѣтописи Испаніи и Португаліи (Chroniques chevaleresques d'Espagne et de Portugal,) издаванныя Фердинандомъ Дени.

Авторъ *Иванго* говоритъ, что прекрасная лѣтопись о *смерти Альбайлдо* довольно полно обрисовываетъ Испанца, и Г-жа Сталь, и Вальтеръ Скотъ не могли надвинуться, читая трогательныя и драматическія легенды романста. Но это оттого, что рыцарскій вѣкъ Испаніи, всегда богатый необыкновенными происшествіями, продол.

жаются еще и до настоящего времени; оттого, что въ этой странѣ бурливыхъ страстей и неумолимаго мщенія любовь и вѣрность все еще свирѣпствуютъ въ полной своей силѣ, и въ рыцарскихъ правахъ Испаніи, даже до настоящаго времени видна дикость древняго міра. Образованность, не смотря на всѣ усилія, никогда не достигала ихъ предѣловъ, и самыя величественныя картины испанской исторіи, съ своимъ героизмомъ, всегда оттѣнены варварствомъ и жестокостью, какъ напримѣръ монахи Зюрбарана. Здѣсь какъ и въ летописяхъ Португаліи въ основаніи каждаго разсказа — ужасъ и слезы, и драма не прерывается во всей летописи. Евангеліе и коранъ всегда на сценѣ. Темница инквизиціи вырыта подъ церковію, и когда мистицизмъ среднихъ вѣковъ готовъ былъ разрушиться, являются опять новыя чудеса. Съ X вѣка по XVI, съ Инфантовъ Лары до доны Лионаръ, продолжается непрерывная цѣпь самыхъ разительныхъ несчастій, столько ужасныхъ, какъ напримѣръ несчастія Инесы, что *плакали бронзовыя и мраморныя статуи*. Корнель, умѣвши понимать величіе и героизмъ, много почерпалъ для себя изъ этихъ обильныхъ источниковъ. Но во Франціи, гдѣ любопытствуютъ узнать сосѣдей по одной только прихоти или изъ принятаго обыкновенія, жаркій энтузіазмъ скоро перешелъ въ холодность. Нуженъ гений Лесажа, чтобы возобновить XVIII вѣкъ Саламанки; я не говорю о Гонзавѣ Кордуанскомъ, котораго обезобразилъ Флоріанъ: этотъ опытъ для насъ не могъ сдѣлать интересными рыцарей и Арабовъ полуострова. После, поэзія романа пережила различные періоды. Шатобрианъ написалъ *les Abencerrages* и Эскуріаль и Алгамбра снова обратили на себя вниманіе. Фердинандъ Дени оказалъ теперь самую большую услугу, издавъ замѣчательныя хроникі Португаліи и Испаніи, подъ формою, доступною и

для науки и для простаго любопытства. Продолжительное занятіе ознакомило его съ литературою Сервантеса и Камоенса; а въ выборѣ пѣтическихъ легендъ и историческихъ разсказовъ онъ показалъ вѣрный взглядъ, который приобретается только продолжительнымъ трудомъ. *Les sept Jnfans de Lara* составляютъ первую книгу. Это военная хроника; но мистицизмъ виденъ и здѣсь, и *Святая Казильда* представляетъ самый возвышенный образецъ религіозной легенды. Съ X вѣка по XVI, попеременно видите, мечты и пабожные восторги, триумфы и бѣдствія, заключенные въ одной рамкѣ, которые въ продолженіе 600 лѣтъ имѣли вліяніе на судьбу двухъ великихъ народовъ. Дени изъ множества преданій выбралъ только тѣ, которыя разительный интересъ увѣковѣчилъ навсегда; любовные рыцари или герои интригъ: Инеса, Фердинандъ Кортесъ, донъ Себастьянъ — суть герои его книги. Я думаю, нѣтъ нужды сомнѣваться въ томъ, что въ оригинальномъ разсказѣ всегда любовно видѣть вѣрный колоритъ народности, и эти знаменитыя лица, въ сколько разъ перереженные изъ подражанія не искусною рукою, увидѣть снова одетыми въ свою Кастилянскую мантию. Переводъ Г. Дени оживленъ и вѣренъ; въ текстѣ историковъ, романистовъ и поэтовъ онъ часто дѣлаетъ довольно большія сокращенія; по такой ускоренный ходъ развязки въ хроникахъ и поэмахъ намъ показался очень счастливою поправкою. Изданіе Г. Дени доставитъ театру новую канву; въ этихъ Маврскихъ драпировкахъ есть изъ чего шить костюмы для сцены. Рыцарскія преданія Испаніи вдохновляли *Сидя*, преданія Португаліи — *Пинто*, а этого, конечно, уже слишкомъ достаточно, чтобы пробудить литературное честолюбіе. Но къ несчастію, Тахо и Гадалquivира текутъ не по одному золотистому руслу, и я боюсь, чтобы тотъ, кто захочетъ достигъ до

Корпеля не пустился противъ imbroglione de Bois Robert Scudery и крича о своемъ успѣхѣ не остался бы за 1630 годомъ.

Исторія Испаніи (Histoire de l'Espagne par M. Rosseeuw Saint-Hilaire) г. Сент-Илера. 4 тома.

Книга г Сент-Илера начинается только пашествіемъ Готовъ. Перелъ Испаніей Римской помѣщено довольно обширное введеніе. Въ началѣ книги собраны замѣчательныя подробности о образованіи полуострова, о первыхъ поселенцахъ, каковы Целты и Иберы, о вліяніи Грековъ и Финикійскъ и о владычествѣ Карфагенянь. За тѣмъ слѣдуютъ давнишнія повѣствованія о Карфагенѣ, о Гамилкарѣ, Аннибалѣ и Сагунтѣ; победы Сципіоновъ, геройскіе подвиги Виріатовъ, кровавая осада Нуманціи, воинскіе успѣхи Метелла, Серторія и Перпенны: все эти исторіи уже слишкомъ стары и извѣстны каждому еще въ школѣ, но г. Сент-Илеръ, вполне выдерживая характеръ древняго ихъ величія, умѣлъ придать имъ интересъ и занимательность. Испанія, ставшая римскою провинціей, почти не имѣла своихъ летописей; ея національность уничтожилась; она потеряла даже собственный характеръ и ея исторія уже принадлежитъ исторіи Галліи и Рима.

Но уже съ пашествіемъ Готовъ опять начинается исторія Испаніи. Эта часть книги г. Сент-Илера вполне заслуживаетъ благодарность; его разсказъ о владычествѣ Готовъ въ Испаніи, о обращеніи Ричарда въ христіанство; — царствованіе христіанскихъ королей въ Толедѣ, преслѣдованіе Иудеевъ во время Сизбута; и наконецъ продолжительный упадокъ и совершенное уничтоженіе монархіи — представляетъ занимательную картину. Но совершенно новую часть его труда составляетъ изслѣдованіе о церковномъ устройствѣ, о соборахъ, іерархіи, готскихъ мона-

Часть VII. Гл. IV.

стыряхъ; особенно изученіе ихъ законодательства и кодекса ихъ юридическихъ формъ и исправительныхъ тѣхъ, ихъ земледѣлія и торговли. Г. Сент-Илеръ не такъ счастливъ въ слѣшкомъ большихъ подробностяхъ, не совсемъ соразмѣрныхъ съ его планомъ, которыя онъ помѣстилъ въ своей книгѣ касательно происхожденія Готовъ и ихъ исторіи до пашествія на Испанію. Читатель при такомъ изложеніи теряетъ связь и сбивается почти на каждой страницѣ. Говоря такъ обширно о завоеваніи Италіи и объ Аларикѣ, распространяясь объ Аттилѣ и владычествѣ Готовъ, г. Сент-Илеръ слѣшкомъ удаляется отъ своего предмета; а касаясь Арабовъ и ихъ быстрыхъ завоеваній, онъ тутъ начинаетъ отшучиваться.

Исламизмъ, распространенный войною, по необходимости вселялъ воинственный духъ и въ покоренныхъ имъ народахъ. Политическая и вмѣстѣ религіозная мысль воодушевляла Арабовъ идти на Европу. Они хотѣли распространить предѣлы Дамасскаго государства до послѣднихъ концовъ извѣстнаго тогда міра, и вступили въ Испанію, не какъ Норманны въ слѣдствіе инстинкта къ грабежу и изъ любви къ дальнимъ воинскимъ походамъ; но они хотѣли твердо основаться въ этой землѣ, надѣясь пріобрѣсть пророку новыя владѣнія. Г. Сент-Илеръ прекрасно объясняетъ прямая и косвенныя побужденія, которыя подняли эти Мусульманскія орды на Азію и Африку. Трехъ лѣтъ достаточно было для завоеванія. Арабы идутъ на сраженіе, бьются и умираютъ съ ожесточеніемъ фанатизма. Война ихъ ужасна, и чтобы показать, что они также не страшатся и голода, какъ же страшатся шиаги, подѣ ствами Эсика варятъ трупы, оставшіеся на полѣ битвы, и показываютъ Испанцамъ, что за недостаткомъ живыхъ они могутъ питаться и мертвыми. Если не

10

доставтъ у нихъ фашины для пристуна, то они тѣми же онитъ трупами наполняютъ рвы, а въ этомъ фашинникѣ никогда не было недостатка, потому что Испанцы, не смотря на свои бѣдствія, не забывали Нуманціи и Сагунта. Осажденные, они всѣ до одного умираютъ на стѣнахъ, и если они при поражении въ полѣ разбѣгаются какъ овцы, за то на стѣнахъ и въ укрѣпленныхъ мѣстахъ дерутся какъ львы. Замѣчательно при этомъ случивъ то, что фашизмъ не уничтожилъ въ Арабахъ благородства и великодушія. Кровь льется рѣкою на поляхъ битвы, а побѣжденный народъ спокойно исполняетъ обряды своей религіи; мусульманскіе солдаты въ самыхъ жаркихъ стычкахъ войны берегутъ женщинъ, дѣтей, стариковъ и монаховъ; для нихъ клятва или условенный договоръ — дѣло столько же священное какъ и самый коранъ. Обязанности Христіанства исполняются при нихъ свободно и безъ всякихъ притѣсненій. Епископы открываютъ соборы, а Христіане Андалузіи, изъ уваженія къ благороднымъ побѣдителямъ, добровольно выполняютъ правила исламизма, впрочемъ съ полнымъ сохраненіемъ въ своихъ предковъ и совершаютъ надъ своими дѣтьми въ одно и тоже время и крещеніе и обрезаніе. Такаѣ уступка, впрочемъ, малоажна. Исламизмъ напрасно вооружался всѣми этими добродѣтелями, для того чтобы болѣе восторжествовать надъ побѣжденными. Въ Азіи и Африкѣ его побѣды были скоры и рѣшительны, потому что онъ приносилъ политическое и религіозное единство племенамъ, составленнымъ изъ обрывковъ тысячи различныхъ сектъ, которыя при своей раздробленности кочевой жизни сами ощущали нужду въ средствахъ соединиться между собою. Но вступивъ на полуостровъ, онъ встрѣтилъ здѣсь Христіанство терпѣливое, упорное въ самомъ несчастіи и готовое переносить всѣ бѣдствія. Арабъ

былъ выше Испанца по образованію, по уму, можетъ быть, даже въ самыхъ добродѣтеляхъ; но ничто великое и высокое, принесенное имъ, не возрасло на покоренной землѣ. Съ самаго еще начала, достигнувъ послѣдней своей силы и вліянія, религія пророка быстро кляпцалась къ паденію. Завоеванія постоянно отпадали, а напротивъ побѣжденная нація, не смотря на непрерывныя бѣдствія, все стремилась къ высшему своему назначенію, и Христіанство было ея святымъ кивотомъ.

Эта двойная исторія двухъ народовъ, или иначе, кровавая дуэль во имя Магомета и Христа на почвѣ, въ одно время и плодоносной и дикой, такъ счастливо расположенной для безконечныхъ войнъ, представляетъ ирелюбопытный синхронизмъ. . . Но Испанія въ продолженіе осьми вѣковъ, среди различныхъ войнъ, напрасно мечтала о своемъ политическомъ единствѣ; каждая провинція Испаніи была маленькимъ королевствомъ, или Арабскимъ или Христіанскимъ. Но при всемъ томъ, исторія этихъ маленькихъ королевствъ, настоящая эпопея. Единство въры не изгладило ненависти между завоевателями, Азіятцами и Африканцами. Арабы и Берберы едва успѣли ступить на Испанскій берегъ, уже и заспорили о первенствѣ власти. Постоянно кровавыя борьбы и ужасныя сшибки; враждующія войска дерутся копьями по нѣскольکو часовъ на лошадяхъ; но когда издохнуть лошади и переломаются копья, — они продолжаютъ биться на ногахъ цѣлый день и кончаютъ тогда, когда переломають свои шаги. Счастіе еще побѣжденныхъ, что у нихъ есть догматъ рока, который служить утѣшеніемъ для нихъ, отчего и самыя ужасныя пораженія не производятъ въ нихъ ни жалобы ни ропота. Г. Сентъ-Илеръ превосходно излагаетъ превратности испанскихъ Арабовъ въ VIII вѣкѣ подъ владычествомъ Эмировъ. Съ вѣрнымъ знаніемъ мусульманскихъ и

христианскихъ летописей онъ описы-
ваетъ ихъ междоусобныя войны, бит-
вы съ туземцами, отдаленные походы
въ страну Франковъ и случайное сча-
стие ихъ предводителей, почти всегда
измѣнчивое: предводители ихъ отъ вла-
сти очень скоро переходили къ казни.
При случаѣ, въ видѣ небольшого пося-
сненія, г. Сентъ-Пьеръ бросаетъ ум-
ный взглядъ на положеніе Калифата и
Эмирата въ Африкѣ, исторія которой
тѣсно соединена съ исторіею мусуль-
манской Испаніи; такъ что вы легко
можете обнимать внутренніи и внѣш-
ніи причины революцій, несчастій и
усилья господствующаго племени;
подмываете побужденія и дѣйствующіи
пружинны, которыми оно получаютъ извѣ-
тъ; узнаете его планы и видите границы,
которыя Европа поставила его побѣ-
дамъ.

Очертивъ съ художническимъ искус-
ствомъ политическую и военную исто-
рію арабскихъ монархій въ Испаніи до
владычества Алморавидовъ, авторъ оста-
навливается и обрисовываетъ въ об-
щей картинѣ состояніе правленія и ци-
визаціи. Начинаетъ съ налога, осно-
ваннаго на мусульманскомъ обыкнове-
ніи давать десятину, которая опредѣ-
лена Богу и Государю, и ведетъ съ собою
законное право на владѣніе имѣніемъ.
Учрежденіе десятины, въ своемъ нача-
лѣ было самое благодѣтельное, это
родъ подаянія бѣднымъ. Монахи, дѣти,
женщины, рабы, всѣ большыя, всѣ увѣ-
чныя и исполняющіе священныя долж-
ности, избавлены отъ налога. Послѣ,
налогъ былъ приспособленъ къ нуж-
дамъ государства и общественнымъ по-
требностямъ. Христиане должны были
цѣлать вдвое противъ Мусульманъ.
Весь доходъ арабской Испаніи былъ
около 200 милловъ нынѣшней моне-
тою, не считая притомъ временныхъ
доходовъ отъ войны и завоеваній, ко-
торыя были также значительны. Та-
кая огромная сумма государственныхъ
доходовъ заставляетъ предполагать о

счастливымъ устройствѣ государства.
И въ самомъ дѣлѣ, земледѣліе и про-
мышленность во время владычества
Арабовъ были такъ усовершенствован-
ны, что не были лучше и у поз-
днѣйшихъ Христианскихъ народовъ.
Сынъ Абд-ель-Рашмана, какъ видно
изъ хроникъ, шпекти и конья; передѣ-
лалъ на плуги и грабли, и въ его цар-
ствованіе на полуостровѣ считалось до
ста тысячъ скотскихъ выгоновъ.

Торговля и промышленность была
столько же богата, какъ и почва.

На фабрикахъ выдѣлывались сукна,
которыя калифы посылали въ подарки
Карлу Великому и Карлу Лысому и
которыя во Франціи считались удиви-
тельною рѣдкостью. Мусульманская ро-
скошь и кочевая жизнь благоприятство-
вали торговлѣ; народность была бога-
та, дѣятельна и многочисленна; ее боз-
ошибочно можно положить вдвое про-
тивъ нынѣшней. Правленіе, какъ и у
всѣхъ народовъ восточнаго происхож-
денія, было исключительно деспотиче-
ское: власть халифа въ государствѣ — бе-
зусловна, какъ власть отца въ семействѣ,
и этотъ халифъ, *повелитель правопур-
ныхъ*, по произволу слагаетъ и снова
принимаетъ на себя власть. Нужно за-
мѣтить, что сила государственнаго управ-
ленія относительна, что деспотизмъ
для иныхъ народовъ гораздо лучше
и спасительнѣе, чѣмъ была бы для
нихъ свобода. Самъ коранъ, этотъ ко-
дексъ вѣчной неподвижности, ставилъ
въ первой рядъ образованности ревно-
стныхъ до фанатизма своихъ послѣдова-
телей. Арабы, которые такъ далеко от-
стали теперь въ образованности, въ X
вѣкѣ были учителями Европы. Когда
христианскія государства находились
въ самомъ большемъ певѣжествѣ, —
образованность процвѣтала въ мусуль-
манской Испаніи, въ царствованіе Аль-
Гакема II, который собиралъ книги
у побѣжденныхъ имъ народовъ, какъ
побѣдныя трофеи. Всѣ полки христи-
анскихъ бібліотекъ, въ то время, были

набиты кой какими обрывками древней литературы, отцевъ церкви, да и тѣ были изуродованы нелѣпыми толкованіями монаховъ; и еще лежали тамъ огромные фоліанты комментаріевъ на Священное Писаніе. Съ трудомъ накопляли какую нибудь сотню томовъ, и эта сотня составляла богатое сокровище, черезъ которое, какое нибудь аббатство, дѣлалось знаменитымъ. Аль-Гакемъ, заботясь болѣе Христіанъ, о произведеніяхъ ума, набралъ огромную бібліотеку, которой одинъ каталогъ составлялъ сорокъ четыре тома. Наука въ его государствѣ не была исключительнымъ занятіемъ немногихъ. Самыя женщины занимались ею съ жаромъ, даже рабы занимались поэзіею и писали прекрасные стихи. Философія, медицина, науки положительныя и естественная исторія имѣли многихъ любителей и искреннихъ покровителей въ королевствѣ Кордовы. Правда, философія Арабовъ, слѣпо слѣдующая за Аристотелемъ, часто была пустымъ наборомъ словъ и формулъ; ихъ поэзія замѣняла мысль мечтательностію; ихъ медицина была болѣе кабала, чѣмъ практика; — но какъ бы велико ни было несовершенство, по крайней мѣрѣ, была наука, было серьезное занятіе предметами мысли, было стремленіе къ изслѣдованію и искусству, — и эта смѣсь народовъ, которая, въ одно и тоже время, принадлежала своимъ происхожденіемъ Риму, Греціи, Константинополю, на все положила свой оригинальный отпечатокъ. Арабскія хроники безъ мѣры превосходятъ все испанскія хроники того времени. Арабы имѣли исторію, когда христіанская Европа знала только легенды; кромѣ того, Арабы имѣли Авиценну и Аверроеса.

Испанія христіанская и Испанія невѣрныхъ раздроблены были на враждующія между собою государства, которыя имѣли свои различныя требованія

и свои различныя выгоды; но при всемъ томъ, эти государства, сжатые въ тѣсныхъ своихъ предѣлахъ, существовали долѣе, чѣмъ сильная и могучая имперія Карла Великаго. Таково напримѣръ королевство Астурійское, которое вело непрерывную войну и затѣвало каждый годъ крестовый походъ противъ Мавровъ. Таково королевство Леонское, рыцарскій турниръ, на которомъ Христіане съ невѣрными переломали у себя все копья. Сильные характеры, безпощадная битва, жестокія несчастія, какъ у Христіанъ такъ и у Арабовъ представляютъ самую занимательную драму. Г. Сентъ - Илеръ очень счастливо подмѣтилъ отгѣнки испанскихъ характеровъ; онъ раскрываетъ причины, почему на этой землѣ, гдѣ во всемъ свирѣпствовалъ деспотизмъ и въ законахъ гражданскихъ и въ религіозныхъ постановленіяхъ, осталось неутраченнымъ сильное стремленіе къ свободѣ, и по чему угнетенный Испанецъ сохранилъ всю свою независимость; отчего свобода и цивилизація не достигли полного своего развитія? Отчего такая слабость, безсиліе и вмѣстѣ великость въ одно и тоже время? отчего такое безплодіе земля столько плодородной, и эта бѣдность государства, владычющаго такими богатыми источниками. За эту историческую проблему Г. Сентъ - Илеръ принимается съ проникательнымъ и терпѣливымъ изслѣдованіемъ и ищетъ ея рѣшенія въ глубокомъ изученіи законовъ и народныхъ постановленій. И въ XII вѣкѣ онъ еще находитъ остатки готскаго кодекса, и отмѣчаетъ, что погибло изъ этого варварскаго законодательства и что осталось, какое впечатлѣніе оно оставило на нравахъ и какія формы передало праву. Онъ разбираетъ fueros, родъ муниципальныхъ хартій, данныхъ государями или сильными баронами, воинскія постановленія и воинственные ордены Калатравы, Алкантары, Сантіаго, вооруженные монахи которыхъ, почертившіе отъ солнечнаго жару, любили только

Бога, войну и быстроногих коней. Такимъ образомъ; приводя въ порядокъ хаосъ провинціальныхъ «уеросовъ», авторъ ясно излагаетъ все неудобства и все выгоды муниципальной системы, удовлетворительнымъ образомъ объясняетъ взаимныя отношенія городовъ и тѣ частныя постановленія, которыя препятствовали успѣхамъ монархическаго единства; и опредѣляетъ состояніе общества въ государствахъ и частнаго человѣка въ обществахъ.

Трудная работа, которую принялъ на себя Г. Сентъ-Илеръ, еще не кончена и осталшая, неизданная часть его книги должна быть не меньше занимательна. Онъ еще не касался важныхъ эпохъ Америка, Карлъ V, Наполеонъ должны имѣть мѣсто въ его сочиненіи, которое будетъ доведено до 1830 года. Тогда его сочиненіе будетъ вполне совершенно и замѣнитъ навсегда пустую плодovitость французскихъ книгъ, относящихся къ исторіи полуострова. *Abregé chronologique* Г. Дезармо, историографа дома Бурбоновъ, труды Макке и Лакомба—только компиляции, которыя не заслуживаютъ даже названія исторіи, Отецъ д'Орлеанъ и аббатъ Барту тоже не значительны. Чтобы узнать Испанію вѣрно, непременно надобно обратиться къ источникамъ. Но тутъ нужно труженничество, на которое рѣдкіе ученые рѣшаются; по этому все благонамѣренные люди, для которыхъ интересны совѣстливыя и основательныя изслѣдованія, будутъ благодарны Г. Сентъ-Илеру за сообщеніе столько любопытныхъ фактовъ, которые до сихъ поръ не были известны науцъ, оставаясь неоткрытыми въ арабскихъ и испанскихъ хроникахъ. Можно сдѣлать автору нѣсколько замчаній на счетъ формъ языка, которыя напоминаютъ *поэтическую Галлію* и на счетъ нѣкоторыхъ неточныхъ и неясныхъ выводовъ; но въ цѣломъ *исторія Испаніи* книга очень важна, самая

добросовѣстная и займетъ высокое мѣсто между книгами подобнаго рода.

Исторія Французовъ со времени Галловъ (*His'oire des Français depuis les Gaulois* par. Th. Lavallée), соч. Лавалле.

Исторія Франціи въ наше время сдѣлалась общимъ достояніемъ cadaго. Мало того, что изучаютъ ее, штъ, каждый хочетъ писать се. Да почему бы и не такъ! вѣдь это очень легко. Кроме Гизо, Тьери, Форьелля, Дону, которыхъ превозносятъ до небесъ, списываютъ у Даніели, Велли, Генольта, Анкетилля, помаленьку побранивая всѣхъ и cadaго; это нынѣ въ модѣ; а кто задумаетъ попасть въ академію подписей, — кричитъ во всеобщее услышаніе, что кромѣ самой матушки науки прочее все дичь, все нужно переработать; Бенедиктинцы были только труженники; XVIII вѣкъ ничего не зналъ исторію, наука необработанная, наука вовсе нова. Зная нѣсколько цитатъ изъ балландистовъ, изъ Буке и другихъ сборниковъ, въ которыхъ пересматриваютъ одни только оглавленія, какъ-разъ дѣлаютъ изъ себя чудознатоковъ. А къ этому какъ еще прибавятъ свой взглядъ на певниные розсказни своихъ предшественниковъ, такъ и пошли писать исторію, да какъ же писать! какъ въ XVI вѣкъ писали софеты, а въ XVIII букеты à Chlois. А кто любитъ разпобразіе, тотъ можетъ начать исторію и безъ брани, начать такъ, въ родѣ введенія, исторію какихъ нибудь мало-извѣстныхъ Египетскихъ или Персидскихъ царей;—объясненіемъ олимпіады, или разсказомъ о фараонахъ; а тутъ въ доброй часъ, прямехонько, безъ всякаго скачка съ долинь неподвижной Азии можно перепрыгнуть на вершину Монмартра, и отрыть тамъ такихъ народовъ, о которыхъ и слухомъ не слышали и видомъ не видали и назвать ихъ своими предками; а после, благословясь, и прокричать во всеуслышаніе, что происхожденіе Франціи не извѣстно, что оно не такъ понятно. Такимъ

импровизациями прошедшее немножко можно поизказить и сотворить хаосъ, а послѣ торжественно и сказать: *Да будетъ свѣтъ!* Къ счастью, что еще есть люди, хоть и слишкомъ рѣдки, вполне ученые и преданные наукѣ, которые вѣрятъ, что прежде произнесения своего суда о предшествовавшихъ поколѣніяхъ народа, напередъ нужно узнать ихъ. Желая сказать что нибудь о мертвыхъ они вызываютъ ихъ, долго живутъ у нихъ въ обществѣ и размышляютъ, хоть такъ-лѣтъ съ десятокъ до сочиненія. Лавалле очень благо-разумно поступилъ, что такъ долго изучалъ свой предметъ и въ подробностяхъ и въ цѣломъ, а черезъ это достигъ возможности подарить такую книгу, которую можно поставить между самыми лучшими исторіями Франціи. Религія, свобода и отечество, говорить онъ, вдохнули въ него мысль о его трудѣ и онъ исполнилъ его добросовѣстно и заставилъ читать себя съ удовольствіемъ. Вотъ награда, которую не всегда заслуживаютъ и знаменитые историки.

Лавалле раздѣлил свою исторію на довольно большіе періоды, Первый періодъ обнимаетъ Галлію до завоеванія ее Римлянами, и время ихъ господства; потомъ слѣдуетъ нападеніе варваровъ; далѣе, съ X вѣка начинается эпоха, которую авторъ назвалъ героическимъ вѣкомъ феодализма. Церковь стремится къ всеобщей монархіи и частью достигаетъ ее; но по вѣковой перемѣнчивости человѣческихъ дѣлъ, она скоро лишилась этого высокаго титла. Феодальная система господствуетъ съ XIV до XVI вѣка и въ свою очередь, со вступленія Бурбоновъ на престолъ, уступаетъ монархіи. Такъ доходите до 89 (С). На этомъ пути можетъ быть понадобится переставить нѣкоторыя вѣхи. Новая эра обществъ не всегда начинается въ такомъ то году, такого то числа, и подъ часъ не мѣшаетъ усомниться въ эпохахъ, почти столько же какъ въ

лишай и элементъ; но должно сознаться, что дѣленіе Г. Лавалле вообще вѣрно. Оно показываетъ въ немъ рѣдкій талантъ порядка и методы. Отъ этого у него въ другихъ мѣстахъ бываетъ довольно сухо; по эту холодность, которая прямо ведетъ къ цѣли, я всегда предпочту отступленіямъ безъ цѣли и околичностямъ ученаго лиризма: распространяясь о прошедшемъ хотая написать цѣлую эпопею. Метода и ясность главные достоинства книги Лавалле, написанной добросовѣстно, въ которой—очень много замѣчательнаго. Видно, что авторъ довольно знакомъ съ оригинальными документами и повыми сочиненіями, умѣренъ въ подробностяхъ, и, при всемъ томъ, что авторъ, кажется увлекся средними вкусами, онъ безпристрастенъ къ дѣлу. Но вотъ и упреки, если только они могутъ имѣть мѣсто. Лавалле въ самыхъ неважныхъ случаяхъ старается отыскать важныя историческія слѣдствія и каждое событіе разбираетъ до самыхъ малыхъ подробностей, для того чтобы только похвалить что нибудь. Людовикъ XI у него не только искренній другъ Тристана, но искренній политикъ и большой храбрець, который черезъ кровь слѣдуетъ по предположенному себѣ пути и цѣною собственнаго униженія хочетъ доставить своему отечеству силу и единство. Авторъ очень справедливъ къ заблужденіямъ и искательствамъ Папъ, не смотря на то, что онъ на первыхъ страницахъ показалъ самое набожное исповѣданіе вѣры и уваженіе къ высочайшымъ и непостижимымъ судьбамъ католицизма; это ни сколько не ограничиваетъ его свободы въ критикѣ. Жалко, что Лавалле не избѣжалъ вліянія филантропическихъ идей. Онъ находитъ зародыши успѣховъ тамъ, гдѣ другіе видятъ одніи только печальныя и жалкія несчастія; ни мало не стыдится за Декуртея, Кресю и Азинкурта, потому что жестокости этихъ вельможъ и бароновъ въ послѣдствіи обратились въ пользу для работъ и чер-

ни, которая чрезъ это освободилась отъ тиранства господъ. Я не думаю, чтобы, на другой же день послѣ такихъ тризвъ, эта система вознагражденія могла быть одобрена даже людьми низшаго круга. Вообще для Лавалле нѣтъ счастья ни въ идеѣ, ни въ формѣ, когда онъ въ чело-вѣчествѣ старается видѣть стремленіе и успѣхъ. Правда, онъ болѣею частію за то и встрѣчаетъ его на уклоненномъ пути и всегда ближе къ погвбелю, чѣмъ къ благу; но это не доводитъ его до отчаянія: успѣхъ, въ какой бы то ни было формѣ, будетъ въ свое время. Мы советуемъ г. Лавалле не награждать одинаковымъ уваженіемъ писателей, которыхъ онъ, въ предисловіи, назвалъ руководителями своихъ философскихъ выводовъ. Удивительно, какъ онъ еще не спутался въ этомъ безкопечномъ лабиринтѣ, сѣдуя попеременно, то Боссюэту и М. Бюше, то Гердеру и М. Баланшу, то Вико и Сень-Симону. Если Лавалле доведетъ свои изслѣдованія до настоящаго времени, чего мы отъ него не премѣнно надеемся, то ему трудно будетъ, при такомъ разногласіи системъ этихъ людей, соблюсти единство въ формуль *фила-тропизма и прогрессивности* для нынешнихъ обществъ, особенно когда онъ еще будетъ опираться на свидѣтельство оффиціальныя записки Монпѣра.

Bibliothèque de l'École des Chartes: recueil historique, philologique et littéraire, publié par la Société de l'École Royale des Chartes.

Общество королевской школы рукописей, основанное въ апрѣль мѣсяцъ 1859 года изъ прежнихъ и новыхъ воспитанниковъ этой школы, предпринимаетъ періодическое изданіе, назначенное собственно въ пользу его членовъ, подъ заглавіемъ «Библиотека школы рукописей».

Оно имѣетъ цѣлю изученіе исторіи и литературы въ подлинникахъ. Для ученыхъ это большой кладъ; цѣль и

выполненіе самое серьезное. По плану редакторовъ «Библиотеки школы рукописей» главнымъ занятіемъ будетъ народная исторія и относящіяся къ ней вопросы; но они не забудутъ — хоть эта школа основана собственно для разбора огромнаго наследства, которое средній вѣкъ оставилъ французскимъ библиотекамъ и архивамъ — не удаляясь отъ цѣли своей, собирать и издавать въ свѣтъ остатки классической древности. Они будутъ уже награждены если найдутъ какойнибудь прекрасный отрывокъ латыши, на тѣхъ самыхъ листахъ, на которыхъ написаны исторіи отцовъ и первые опыты литературы.

Изъ одного оглавленія можно видѣть разнообразіе сборника, въ которомъ будутъ заключаться:

1. Не издаанные памятники всякаго рода; отрывки изъ древнихъ авторовъ, выдержки литературы среднихъ вѣковъ, поэзія трубадуровъ, хроніки и исторіи, рукописи, дипломы, надписи и проч.

2) Историческая и литературная критика: записки о фактахъ малоизвѣстныхъ или обезображенныхъ, изслѣдованіе неточныхъ положеній, принятыхъ историками, біографія важныхъ но забытыхъ лицъ, исправленіе поврежденныхъ текстовъ, изслѣдованіе древнихъ диалектовъ Франціи, замѣчанія о рукописяхъ, указаніе богатыхъ архивовъ, публичныхъ и частныхъ и проч.

3) Библиографическій бюллетень историческихъ и филологическихъ замѣчательныхъ сочиненій.

4) Наконецъ частная хроника, въ которой будутъ отмѣчаемы полезныя открытія въ палеографіи и исторіи и различныя факты, интересныя въ ученое отношеніи.

При самомъ началѣ своего предпріятія общество школы рукописей получило самыя лестныя ободренія. Многіе члены академіи надписей, въ числѣ которыхъ и президентъ комиссіи школы рукописей, объявили желаніе сообщать

замѣчательныя статьи. Король и всѣ королевская свита удостоили записаться въ число подписчиковъ; министр народнаго просвѣщенія, который такъ радовался образованію общества школы рукописей, сдѣлать пособіе, разрѣшивъ, чтобы изданіе было братомъ къ библиотеки королевства, написавъ следующую резолюцію: «почитаю себя счастливымъ, что могу доставить обществу эту выгоду, которую вполне заслуживаетъ такое умное и полезное изданіе.»

Такое высокое одобреніе, безъ всякаго сомнѣнія, они постараются оправдать передъ учеными, литераторами и вообще предъ всѣми, которые любятъ изучать народную исторію. Редакторы, «библиотеки школы рукописей,» посвятивъ себя специальнымъ занятіямъ какъ опытные въ наукѣ, общаются подражать примѣрнымъ образцамъ французской учености: они желали бы возобновить труды Бенедиктинцевъ, такъ несправедливо брошенныхъ въ наше время, и ежели это будетъ выше ихъ силъ, то по крайней мѣрѣ — способствовать къ возобновленію въ наукѣ такого духа общительности, который воодушевлялъ релігіозныя общества и дѣлалъ ихъ способными предпринимать и приводить въ исполненіе труды, завѣщанныя напему вѣку.

Двѣ книжки библиотеки школы рукописей уже вышли; третья печатается и выйдетъ въ скоромъ времени.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИЖКИ:

Историческое замѣчаніе о королевской школѣ рукописей г. Марсіала Дельри; потомъ слѣдуютъ административныя акты, относящіяся къ основанію школы рукописей, перемѣнамъ, въ ней сдѣланнымъ, списокъ прежнихъ и новыхъ воспитанниковъ школы рукописей по порядку возведенія ихъ въ ученые степени. — Неизданный отрывокъ изъ латинскаго поэта Августова времени, ораторическихъ фигурахъ, отысканный

г. Жюль-Кишра. — Записка о смерти Стефана Маркела и революція 31 іюля 1358, г. Лакабане. — Прошеніе написанное французскими стихами въ нидерландскій департаментъ отъ руанскаго духовенства и рѣшеніе парламента на прошеніе, г. Флюке, члена корреспондента института. Библиографическій бюллетень «исторіи права поземельной собственности на востокъ» г. Лабулэй.

ВТОРОЙ КНИЖКИ:

Исторія Конардовъ Руанскихъ, г. Флюке. — Неизданная латинская грамматика 13 вѣка, печатанная съ рукописей флорентинской и парижской съ длинною диссертациею, г. Гесаръ. — Двѣ неизданныя рукописи Карла-Лысаго, доставленныя г. Жеро. — Библиографическій бюллетень «исторіи Прованса» г. Буркю. — Хропика.

ТРЕТЬЕЙ КНИЖКИ:

Двѣ статьи, изъ которыхъ одна общена г. Парделю, членомъ института и президентомъ коммисіи школы рукописей; другая г. Хиврей, членомъ института — записка г. Ленобльо «*Notus deliciaum*,» изъ рукописной энциклопедіи XII вѣка въ 1829 употребанная Академіею надписей и изящныхъ искусствъ. — Изслѣдованіе о Гумбертѣ II, Дофинѣ Виенскомъ и Жакѣ Брунне, его канцлеръ, г. Петиньи. — Латинскій гимнъ въ честь Анны Мушье, героини XII вѣка, доставленный г. Буркю. — Неизданные стихи Карла Великаго, найденные въ рукописяхъ Монкасенскаго аббатства; г. Монтропы — библиографическій бюллетень и хроника.

Это изданіе, выходя каждыя два мѣсяца по книжкѣ отъ шести до восьми печатныхъ листовъ, составитъ въ одинъ годъ большой томъ въ осьмую долю листа, почти сорокъ листовъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе для Парижа 10 фран., для департаментовъ 12 фр. а для заграничныхъ 15 фран.

Можно адресоваться къ г. Ле-Ру-де-Ленси (Le Roux de Lincy), секретарю общества школы рукописей.

П. КОНШИНЪ.

РУССКІЯ КНИГИ.

Повѣсти и преданія народовъ Славянскаго племени, изданныя И. Боричевскимъ. С. П. Б. 1810 въ тип. Н. Греча. XV и 185 стр. въ 12 д. л.

Быль бѣдный мужикъ Пахомъ. Думалъ онъ, думалъ, какъ бы разбогатѣть, и рѣшился запродать душу бѣсу: вышелъ въ лѣсъ, сталъ на перекресть дорогъ и началъ призывать нечистую силу. Изъ за развѣсистой сосны показался бѣсъ — то подойдетъ, то отскочитъ. Увидѣлъ Пахомъ, что чортъ не такъ страшень, какъ его *мамоютъ*, осмѣлился и началъ ободрять: «не бойся, папе чорте; иди смѣлю!» — сбрось то, что у тебя на груди, отвѣчала нечистая сила. Пахомъ припомнилъ, что на немъ крестъ, снялъ его и повѣсилъ поотдалъ на деревѣ. — Теперь здоровъ будь, человѣче! сказалъ сатана и протянулъ лапу. «Здоровъ бувъ, папе чорте,» отвѣчалъ Пахомъ, хотѣлъ пожать лапу, но укололъ палецъ объ когти; однакожь изъ учтивости смолчалъ, и только поплевалъ на руку.

Знать тебѣ, свать, что нибудь пондобилось? спросилъ сатана. «Ничого!» отвѣчалъ Пахомъ, почесывая за ухомъ. — Такъ понапраснужь я прилетѣлъ изъ бусурманщины. — «Отъ таки уже и понапрасну!» перебилъ, обидѣвшись, Пахомъ: «понюхаемъ табаки, якъ добрые люди.» — Ну понюхаемъ, такъ понюхаемъ — сказалъ сатана, видя что Пахомъ неправомахъ.

Понюхали табаки, пустились въ тарыбары, перекладывали изъ пустого въ порожнее, и дошли до того, что Пахома *нужны деньги*; но онъ уже раздумалъ запродать душу, а просилъ взай-

мы. — Дамъ и взаймы, сказалъ бѣсъ, но съ уговоромъ: если черезъ годъ не отдашь, то по смерти возьму твою душу, хоть правду сказать, и это для тебя будетъ находка. — «Добрая находка!» подумалъ Пахомъ; почесалъ за ухомъ, потянулъ съ ладони табакъ, такъ что за пол-милн слышенъ былъ свистъ, ударилъ руками объ-полы, и согласился. Сатана полетѣлъ за деньгами; а Пахомъ побѣжалъ домой, принесъ заступъ и четверикъ безъ дна, выкопалъ яму, поставилъ надъ нею четверикъ и усвѣлся на земли преспокойно, протянувъ ноги. Скоро зашумѣлъ лѣсъ, затрепали деревья, явился бѣсъ съ мѣшкомъ, всыпалъ золото въ четверикъ и покрутилъ головою отъ удивленія: золото едва покрыло дно. Девять разъ леталъ сатана за деньгами, приносилъ мѣшокъ за мѣшкомъ, наконецъ наполнилъ и положилъ на четверикъ ногтями *знакъ*, чтобы Пахомъ не подмѣнилъ при отдачѣ.

Пахомъ принесъ деньги домой, вставилъ въ четверикъ дно, отмѣрилъ золота съ верхомъ, приброесилъ горсточку, *чтобъ чортъ не могъ привязаться*, и спряталъ для отдачи долга; а на остальные зажилъ добрымъ порядкомъ.

Черезъ годъ, Пахомъ принесъ долгъ въ назначенное мѣсто. Тамъ ужъ спѣлъ чертъ, откинувши на пол-мили хвостъ, и барабанилъ когтями объ когти: онъ думалъ, что свать заплатитъ душою, и ошибся. Пахомъ отмѣрилъ четверикъ золота съ верхомъ, пять свалившихся червошцевъ спряталъ въ карманъ; потомъ, вынулъ изъ голенища рожокъ, насыпалъ изъ него табакъ на ладонь, приложилъ одну ноздрю и потянулъ такъ, что отголосокъ пролетѣлъ по всему лѣсу, свѣлалъ тоже другую ноздрю, присыпалъ изъ рожка, и предложилъ своему кредитору *понюхать гарной талаки*. Не говоря ни слова, чортъ осмотрѣлъ четверикъ, узналъ свою замѣтку, не посмотрѣлъ на свата, даже не понюхалъ табаки, и

улетѣлъ съ дѣньгами. «Отъ тобѣ и чортъ», сказалъ самъ себѣ Пахомъ: «розумный, розумный, а не сдогадался, что четверникъ былъ безъ дна.»

Опростоволоосился пацъ-чортъ съ Пахомомъ; опростоволоосился и въ другой разъ: недосмотрѣлъ, что здѣсь, на блонь свѣтъ, собираются всѣ рассказы объ его продѣлкахъ съ бѣдными чоловѣками, да не только про него одного, а про всѣхъ и ученичковь-то его, волшебниковъ, чародѣевъ, колдуновъ, чернокнижниковъ, про вѣдьмъ лихихъ, про бабу ягу. Мало того: сидѣтъ сидмя, и не провидѣлъ ни отъ кого, что книжку эту печатаютъ въ числѣ *мѣсколькихъ содѣ* экземпляровъ, въ типографіи Николая Ивановича Греча, откуда пойдетъ она гулять по всему крещеному міру. Плохо, вапе-чорте, плохо; самъ разсудилъ: ораву, кажись, держмши не малую, а толку-то и проку-то въ ней ни ца грошъ; знать не знали, вѣдать не вѣдали, анъ глѣдь... книжка г-на Боричевского какъ свѣтъ на голову. Подлинно, правду говорится: «на бѣднаго Макара всѣ шишки валятсѣ.» Теперь кто не узнаетъ похождения паца-чорта? да надъ нимъ же и смѣяться-то стануть; прочтутъ книжку, и скажутъ сами себѣ: «отъ тобѣ и чортъ — розумный, розумный, а не сдогадался, какъ въ книжкѣ выводить на чистую воду шутни его.»

Но, если пацъ-чортъ и въ самомъ дѣлѣ не па-шутку разсердился на издателя «повѣстей и преданій народовъ славянскихъ», который такъ много и такъ умно всѣмъ про него готовъ рассказывать, что по неволѣ заслушаешьсѣ; то мы читатели, — наше дѣло сторона, — мы, обязаны величайшею благодарностью Боричевскому, за его милые и занимательные рассказы, тѣмъ болѣе, что его книжка отличается удивительнымъ богатствомъ и разнообразіемъ содержанія. Разверните ее и чего вы тамъ не найдете? и бѣсы, и колдуны, и чернокнижники, и баба яга, и язва моровая, —

только нѣтъ холеры, да объ ней писали и напишутъ другіе — и оборотни, и вѣдьмы, и рыцари, у которыхъ подмѣнили храброе сердце злчымъ, и вѣршій шляхетскому слову пацъ Твердовскій, и отважные вптязи и юныя дѣвы, любовь ихъ... Начните читать — не оторветесь до самаго конца книжки, и даже захотите, можетъ быть, еще разъ прочесть нѣкоторые изъ рассказовъ Боричевского; а ихъ таки довольно: XXXVI піесъ къ вашимъ слугамъ. Смѣло можно сказать: пробѣгая и перелистывая *современныя* повѣсти, вы рѣдко получите такое удовольствіе, какое испытаете, прочитавъ «новѣсти и преданія народовъ славянскаго племени.» Народная фантазія разовѣетъ передъ вами волшебное покрывало свое, и тысячи образовъ, то ужасныхъ, то смѣшныхъ, то печальныхъ, то восхитительныхъ, промелькнутъ передъ вашими взорами, въ прекрасныхъ, увлекательныхъ созданіяхъ. Проникнутые живымъ, поэтическомъ интересомъ, они представляютъ въ тоже время самую вѣрную характеристику народа, и вполне подтверждаютъ высокое мнѣніе Гёте о могуществѣ и силѣ фантазіи у народовъ славянскихъ, которою могутъ они поспорить со всеми народами въ мірѣ.

Нѣкоторые піесы переведены *мпрною* прозою. Для показанія, какъ идетъ такой родъ переводовъ, и вмѣстѣ для оправданія словъ нашихъ о высокомъ поэтическомъ достоинствѣ этихъ «повѣстей», представляемъ одинъ рассказъ о Кралѣ Сербскомъ Троянѣ. Ему было предсказано, что никогда онъ не долженъ видѣть солнечнаго свѣта, въ противномъ случаѣ, погибнетъ и расплывется каплями влаги. Вотъ наступила ночь; Краль собирается къ своей *любѣ*, къ своей милой, онъ спѣшитъ, потому что къ утру долженъ воротиться домой, въ насѣдственный замокъ своихъ предковъ.

„Гей коня мнѣ, скорѣ коня! и мѣсяцъ ужъ выплылъ, и звѣзды зажглись, роса

серебрится въ поляхъ. Нѣтъ теплаго вѣтра, а дуетъ прохладный. Съ трепещущимъ сердцемъ, меня ждетъ милая, съ слезою на черныхъ очахъ. Я съ скоростью вѣтра, полетомъ соколинымъ, на быстромъ конѣ поскачу: ночь такъ коротка, день такой долгій, а я только ночью живу!

Такъ говорилъ король Сербскій Троянъ, никогда не видавшій свѣта дневнаго: еслѣвъ лучъ солнца коснулся его головы, онъ бы расплылся водою.

Коня съ лебединою шеей къ крыльцу подвели, Король вспрыгнулъ, понесся стрѣлою, а слѣдомъ помчался слуга, какъ вихоръ пустынный.

„Холодъ и вѣтеръ,“ радостно молилъ Троянъ; „мѣсяцъ хоть свѣтитъ, звѣзды хоть блещутъ, не грѣютъ. Зелень покрылась росою, будто коралломъ; въ капляхъ серебряныхъ сверкаютъ огни: то вижу я мѣсяцъ, то звѣзды. Все спитъ сномъ тихимъ, какъ бы въ могилѣ. Мысли просторно: нѣтъ ей помѣхи; лишь ночью филинъ съ темнаго лѣсу смутно кричитъ!

— Лучше блескъ солнца, лучше день ясный, молилъ слуга. Хоть лучи грѣютъ, жаръ припекаетъ, все же милѣе, чѣмъ сумраки ночи. Ночью такъ темно, не распознаешь: роза, фиалка или василекъ *)? все ужъ уснуло: птички, и люди, и звѣрь, только порою, песь, вѣрный сторожъ, вояка почуявъ, лаемъ разбудить эхо вдали. Какъ волны моря, классы златые выблуются въ полѣ порывомъ вѣтра. Птички всѣ смолкли въ рощахъ зеленыхъ. Пѣвецъ весенній, жаворонокъ сѣрый, съ восходомъ солнца, крылья расправивъ, въ выси небесной пѣснь защебечеть; а теперь дремлетъ, и силы собираетъ, для пѣсни звонкой, прекрасной, во славу Бога, солнцу въ привѣтъ. Мы среди мрака, ночью, какъ тѣни летимъ.

Съ черною бровью, съ горячею грудью, съ любовію въ сердцѣ, ждетъ дѣва короля; ждетъ не дождется въ богатомъ замкѣ. Онъ, какъ лампада, свѣтитъ Трояну, яркимъ огнемъ.

Вотъ мчится всадникъ, черезъ мостъ дѣ-

*) Василекъ, любимый цвѣтъ Сербовъ, играетъ роль во всѣхъ сербскихъ разсказахъ.

ловый, и у подѣзда, спрыгнувъ съ коня, бросилъ поводья слугѣ.

Долго слуга боролся съ дремотой: вѣки смежались и раскрывались; глупувъ на небо сказалъ: „короля будить ужъ пора; въ замокъ путь дальній; куры запѣли; скоро потухнуть звѣзды на небѣ, мѣсяцъ потонетъ въ хладныя волны, солнце рассыплетъ лучи.“ Рукою мощной ударилъ въ двери: „король, пробудися, вѣхать пора! конь бьетъ копытомъ; звѣзды померкли, близко разсвѣтъ!“

— Спать не мѣшай мнѣ, сказала королева гнѣвно; я лучше знаю близость разсвѣта: знакъ моей смерти — солнца восходъ.

Слуга послушный слова не молвилъ; ждалъ напрасну! король не выходитъ; а загорѣлась въ небѣ денница. Страхомъ объятый, вновь ударяетъ въ крѣпкія двери: „Король, пробудися! мигъ промедленья — солнце застигнетъ въ пути!“

— Пожди минуту, я тотчасъ выйду; не блеснетъ солнце, какъ будемъ дома.

Слуга полушанный ждалъ съ нетерпѣливостью; вотъ появился Троянъ, свѣтъ торопливо, мчится полетомъ стрѣлы.

Только промчался длинный дворъ замка, дворъ зазвучалъ отъ копытъ, какъ зарумянился край небосклона.

„Король, то солнце!“ вскрикнулъ слуга. — Чѣсъ смерти близко! Троянъ отвѣтилъ съ горькой улыбкой. Я лягу на земь, плащъ падо мною скорѣ раскинъ, а въ сумракъ ночи сюда носѣннай съ бѣгуномъ.

Дрожащій и слабый, король палъ на землю; слуга раскинулъ плащъ надъ Трояномъ, и съ бѣгунами помчался въ замокъ. Паль мостъ подъемный, раздался топотъ; въ замкѣ проснулась прислуга Короля. Гдѣ Король остался? — всѣ вопрошаютъ, слуга заплакалъ: Король лежитъ въ полѣ, плащемъ покрытый, на влажной землѣ; съ закатомъ солнца, я спѣшить долженъ туда.“

День былъ знойный, вѣтеръ не вѣялъ; пекло солнце, какъ огонь. Подъ плащемъ Троянъ дрожащій, отъ боязни и отъ жару, далъ объѣтъ чистосердечный, если жизни не лишится, никогда не ждять зарю, въ стѣнахъ замка своей милой.

На бѣду, тутъ со стадами проходили пастухи; усмотрѣли плащъ лежащій и подняли торопливо. Король кричитъ и

заклинаетъ, плащъ раскинуть поскорѣе И мольбы и заклинанья — все напрасно! солнце свѣтитъ; лучъ ударилъ на Трояна. Вдругъ замолокъ онъ: разлилися очи въ капли; таютъ перси, шея, руки; скоро тѣло расплылося, и Трояновы останки на минуту заблестали въ капляхъ влаги; чрезъ минуту ихъ не стало: изушилъ ихъ пламень солнца.

Въ сумракъ ночи прискакала вся Троянова прислуга; но Трояна не застали: видятъ только плащъ лежаций, тужать, стонуть. Плачь напрасенъ, стоить безъ пользы: они Краля не пробудятъ.

Гдѣ Трояновъ пышный замокъ красовался, тамъ развалины остались; и въ покоѣ его темно, незнакомомъ съ дневнымъ свѣтомъ, недоступномъ блеску солнца, однѣ ласточки витають.

Довольно ли этого, для подтвержденія нашихъ словъ о высокомъ политическомъ достоинствѣ «повѣстей» славянскихъ племенъ? . . . О важности ихъ для полного и отчетливаго уразумѣнія нашихъ отечественныхъ древностей и говорить нечего: мы тогда только узнаемъ и оцѣнимъ собственныя преданія, когда ближе познакомимся съ другими славянскими народами. Иначе, преданія, общія всемъ славянскимъ землямъ, вѣчно будемъ почитать заимствованіями изъ чужеземщины. Дѣтство почти вездѣ одинаково; въ періодѣ младенчества, всѣ народы, какъ всѣ дѣти, сходствуютъ между собою въ общихъ чертахъ; частности, подробности, оттѣнки фізіономіи развиваются уже въ послѣдствіи, и отъ времени дѣлаются такими рѣзкими чертами, которые тотчасъ отличаютъ одинъ народъ отъ другаго. Въ дѣтствѣ все различіе заключается еще только въ наружныхъ формахъ, которые потому и должны служить главнымъ характеристическимъ признакомъ, будучи безконечно разнообразны. Общее человеческое содержаніе, сущность человеческой природы, еще не успѣла обособиться въ дѣтствѣ; это обособленіе

(индивидуализированіе) совершается въ періодъ юности и мужества, когда частное, вначалѣ незамѣтное почти, начнеть развиваться и получать совсѣмъ особенную фізіономію отъ вліянія постороннихъ обстоятельствъ, способствующихъ или противоборствующихъ развитію, благоприятныхъ или неблагоприятныхъ для него. Общее и частное (личное) развиваются въ одно время, и оттого-то общее сглаживаетъ постепенно тѣ безконечно различныя формы, какими проявляется дѣтство; а частное, личное, получая свою особенную фізіономію, наружнымъ формамъ — уже болѣе или менѣе общимъ — сообщаетъ свою печать, слѣдствіе своего внутренняго развитія. Взгляните на дѣтей и на взрослыхъ: фізіономія первыхъ почти одинакова, наружныя формы только и отличаютъ одно дитя отъ другаго; обратите жъ теперь вниманіе на взрослыхъ: наружный видъ почти у всѣхъ одинаковъ, зато фізіономія каждаго отпечатывается въ такой степени, что единственно и должна служить главною характеристическою чертою.

Такъ бываетъ въ человеческой природѣ; тоже самое видимъ и въ неорганической природѣ. Вотъ два источника: въ началѣ вода у нихъ одинакова; далѣе, они разбѣгаются по разнымъ направленіямъ: одинъ бѣжитъ по песку, другой просачивается сквозь слои земли, наполненные различными минералами. Въ продолженіи времени, оба эти ключа принимаютъ, отъ вышнихъ обстоятельствъ, совершенно разные характеры: одинъ становится рѣкою, которой влага (болѣе или менѣе) все же имѣетъ хоть нѣкоторый вкусъ и цвѣтъ, потому что является не въ чистомъ видѣ; другой ключъ, просачиваясь сквозь минеральныя слои, такъ проникается ими, что самъ получаетъ исполнѣ и вкусъ, иногда и цвѣтъ, и свойства тѣхъ минераловъ — однимъ словомъ, влага его теперь становится

совѣтъ нвою — ключъ является минеральнымъ. У истока своего сходные, безъ цвѣта, безъ запаха, безъ особенныхъ свойствъ, эти источники отличались только наружными формами; въ продолженіи пути, каждый получилъ свой отдѣльный, особенный характеръ, и существенно имъ только отличается.

Народныя преданія принадлежатъ дѣтству народовъ, когда они развиваются подъ преимущественнымъ вліяніемъ фантазіи. Племена европейскія, взросшія на одной землѣ, составляющія одно общее семейство, по внутреннему и внѣшнему развитію, естественно должны были имѣть и дѣтство почти общее, отличающееся вначалѣ только наружными формами. Вотъ почему и между сказаніями европейскіхъ племенъ есть что-то общее, какъ между произведеніями фантазіи, настроенной одинаковыми впечатлѣніями; но, составляя часть цѣлаго, европейскаго племени, каждый изъ этихъ народовъ въ то же время заключалъ въ себѣ сѣмя частности, личности, особенности. Не переставая быть общимъ, европейское племя раздробилось на роды и виды: явились Тевтоны, Славяне, Латыпы Эллинны, Кельты. Но такъ какъ все близкое къ своему истоку должно между собою сходствовать; то преданіе Тевтоновъ, Скандинавовъ, Славянъ, какъ самыхъ близкихъ сосѣдей-европейцевъ, должны имѣть *нѣчто* сходное въ сущности. Въ то же самое время, составляя совершенно два разныхъ племени, Скандинавы и Славяне должны различаться одни отъ другихъ. Въ дѣтствѣ, когда они еще не успѣли приобрести собственной фizioноміи, развить свою особность (индивидуальность), все различіе — какъ мы видѣли — должно заключаться въ наружныхъ формахъ созданія, а не въ общихъ идеяхъ, которыя у всѣхъ почти одинаковы. По этому, желая судить о сродствѣ племенъ по народнымъ преданіямъ фантазіи, должно обратить

особенное вниманіе на наружную форму.

Вникнувъ хорошо въ это, можно ль утверждать «родство Славянъ съ Скандинавами?» Могутъ сказать: «понятія народныя тѣхъ и другихъ такъ близки, что сходства ихъ не льзя приписать случайности.» Такъ: никто и не будетъ ихъ приписывать случайности: это сходство показываетъ только европеизмъ, общность, принадлежность къ одному семейству; но *совершенно различныя* формы, въ которыхъ выражаются общія идеи, показываютъ въ то же время: разво-народность, принадлежность къ особымъ родамъ и видамъ. Сравните же въ самомъ дѣлѣ народныя повѣрья: у Славянъ очи недобрыя или урочныя производятъ болѣзнь; въ Эддѣ, отъ взгляда исполина, распадается каменный столбъ и разсыпается крыша на домъ 1). Есть ли тутъ сходство?

У Славянъ, заколдованные люди превращаются въ *птицъ* и *звѣрей*; у Скандинавовъ, въ *рыбъ* и *выдръ* 2). Какое тутъ сходство?

Въ повѣрьяхъ Славянъ, *чортъ* *взвиваетъ* вихрь; у Скандинавовъ, на концѣ неба сидитъ *исполинъ* въ *орлиныхъ перьяхъ* и *движеніемъ крыльевъ* производитъ вѣтеръ 3). Припомните пожалуй Эллинскаго Эола: ужъ и Греки-то не сбѣгали ль въ Скандинавію, за своимъ Эоломъ? Они вѣдь были такіе приткые.

У Славянъ есть повѣрье, что надо изжарить сердце для *возбужденія любви*; Скандинавы рассказываютъ, что Сигурдъ испекши сердце, притронулся до него пальцемъ, обжегся и суцулъ палецъ въ ротъ — чуть коснулась кровь *до языка*, Сигурдъ сталъ *понимать языкъ птицъ* 4). Не ужели и тутъ есть сходство?

1) Himis quida, VII. — 2) Quida Sigurdar, XIII. — 3) Wofsthrud nis mal, II. — 4) Q. Sigurdar, XIV.

Славяне думаютъ, что вѣдьмы лѣтаютъ *на ступѣ*; Скандинавы, что въ *вихрь* летаютъ какія-то женскія существа 5). Что тутъ сходнаго?

Славянское повѣрье, что можно *убить чорта серебряной пулей* или пуговицей; Шведы полагаютъ, что можно уничтожить *обалгнѣа ласнаго духа Skogsga*, бросивъ въ него *кусокъ желѣза* 6).

У насъ до сихъ поръ существуютъ разные заговоры; изъ Эдды видно, что у Скандинавовъ была *какая-то* заговорная пѣснь: какал, неизвѣстно. Слѣдуетъ ли же изъ этого обстоятельства заключать что нибудь относительно родства двухъ народовъ?

Какъ же теперь, послѣ всего этого, согласиться съ мыслью о мнимомъ родствѣ Славянъ и Скандинавовъ? Но, не соглашаясь въ этомъ, мы вполне согласны съ г-мъ Боричевскимъ, о необходимости «передать сказанія другихъ славянскихъ народовъ въ звукахъ языкахъ роднаго.» Умно и основательно говоритъ онъ, далѣе: «еслибъ осуществилась мысль о собраніи сказаній народовъ славянскаго племени въ одно цѣлое; то какими прекрасными, неподдѣльными сокровищами обогатилась бы наша литература! И кому, какъ не намъ Русскимъ, единственному, великому славянскому царству, приотить бродящія сказанія славянщины, гибнущія во мракъ забвенія, готовые погаснуть у нашихъ младшихъ братьевъ, южныхъ и западныхъ Славянъ, теряющихъ свою самобытность среди иноплеменниковъ! О, еслибы на землѣ Русской воздвигнуть памятникъ былыхъ повятій славянщины: кто знаетъ, не у его ли подножія свивались бы вѣтки памяти родной старины, не вдохновлялъ ли бы онъ нашихъ пѣвцовъ, подобно какъ Будрисы и Фарисы пробуждали дивный рокоть на Русской лирѣ!» (Пред. стр. XIII и XIV).

5). Runa Capituli. = 6). Nouv. annal. de voyages, май, 1836.

Замѣтимъ нѣкоторыя и недостатки: стр. 2: «въ капляхъ сребристыхъ *огни сверкаютъ*», должно выговаривать *огни*; перестановите слова, и удареніе останется на мѣстѣ. стр. 3: «а теперь дремлетъ и *собираетъ* силы для пѣсни звонкой:» здѣсь, для сохраненія *мѣры*, необходимо сказать: силы собираетъ. стр. 5: «я лигу на земь, плащъ надо мною *раскинь скорпѣ*», опять, должно перестановить слова. — Далѣе: тимографская явная ошибка: «день былъ знойный, вѣтръ *вѣялъ*», вмѣсто *не вѣялъ*. Есть еще кое-гдѣ опечатки; впрочемъ онѣ касаются однихъ только буквъ, и нигдѣ не вредятъ смыслу.

Изданіе очень красиво. Мы увѣрены, что оно не залежится въ книжныхъ лавкахъ, и что общество дастъ средство Боричевскому продолжать прекрасный трудъ свой, вполне заслуживающій вниманія всѣхъ образованныхъ читателей.

Н. САВЕЛЬЕВЪ.

1. *Исторія смутнаго времени въ Россіи, въ началѣ XVII вѣка.* Сепатора Д. Бутурлина. Часть первая. Спб. 1839, въ тип. Александра Смирдина 278 и 128 стр. въ 8 дол. листа.

2. *Сборникъ книгъ Оболенскаго.* М. въ тип. Лазеревыхъ института восточныхъ языковъ, въ 8 д. л. 11 номеровъ.

3. *Біографія Іосифа Цобровскаго,* сочиненная Ф. Палацкимъ. — М. 1838, въ тип. Августа Семена, 70 стр. въ 8 д. л. — съ портретомъ и видомъ гробницы.

4. *Жизнеописаніе генерала Зейдлица.* Сочиненіе Форигагена фонъ-Энзе. — Переводъ съ Нѣмецкаго — Кіевъ 1839, въ университетской типографіи.

Съ этими четырьмя книгами было бы не простительно не познакомиться читателямъ Маяка.

Изданіемъ «Исторіи смутнаго времени въ Россіи» мы обязаны А. Ф. Смирдину. Съ тѣхъ поръ, какъ не стало Карамзина, только одинъ Берхъ пытался было занять исторіею Россіи, начиная

сь XVII вѣка. Его опытъ замѣчательнѣе какъ опытъ, не болѣе: трудолюбивый изыскатель, Берхъ не имѣлъ нисколько таланта историческаго; а исторія необходимо требуетъ сильнаго дарованія. — Если вы перенеслись въ прошедшее, сдружились съ образомъ тогдашнихъ мыслей, съ тогдашними правами, обычаями, проникли въ сущность тогдашнихъ событій, сдружились съ тѣмъ вѣкомъ, сочувствуете тѣмъ людямъ: нѣтъ никакого сомнѣнія, вашъ разсказъ будетъ носить на себѣ слѣды того—онъ будетъ одушевленъ, проникнутъ чувствомъ, согрѣтъ душевною теплою. Мертвый, холодный разсказъ обличаетъ въ писателя отсутствіе дарованія, показываетъ, что онъ не былъ *призванъ* къ исторіи. Удивляться ли, что труды Берха не произвели почти никакого впечатлѣнія на массу читателей? Этого писателя не забудетъ, конечно, исторія русской литературы; но и она скажетъ, что Берхъ не имѣлъ и сотой доли таланта и дарованія карамзинскихъ. — Послѣ Берха, никто не выступалъ на поприще бытописанія Россіи; въ прошедшемъ году явился новый подвижникъ, сенаторъ Бутурлинъ, известный уже «исторіею пашества Наполеона,» и «исторіею походовъ Россіянъ въ XVIII столѣтіи», сочиненіями, писанными одинаково на французскомъ языкѣ, но переведенными и на русскій. «Исторія смутнаго времени» написана самимъ авторомъ по-русски; и заслуживаетъ особенное вниманіе, какъ сочиненіе относящееся прямо къ любопытнѣйшей эпохѣ и принадлежащее отечественной литературѣ. Вѣроятно, будетъ еще томъ или два. Въ первомъ событія доведены до смерти перваго самозванца. — Взглядъ автора новъ и оригиналенъ: главною причиною тогдашнихъ событій онъ почитаетъ измѣненіе въ положеніи поселянъ, прикрѣпленныхъ Годуновымъ къ землѣ (но не къ лицу помѣщика). «Только внимательный разборъ происшествій того времени можетъ объяс-

нить намъ причины сихъ дивныхъ переворотовъ, важнымъ слѣдствіемъ коихъ было измѣненіе въ общественномъ устройствѣ самаго многочислнншаго сословія въ Россіи.» (стр. 2.) Особенно любопытны сужденія автора объ этомъ предметѣ, стр. 10 — 14, 36 — 38, о мѣстничествѣ, 16—21, о нововведеніяхъ Годунова, 31—32, о тогдашнемъ голодѣ, 38 — 43; также замѣчанія на извѣстія Карамзина (примѣчанія на стр. 44, 152 и 157.) Въ концѣ приложеній, переводъ рукописи польской: «походъ въ Москву,» описанный паномъ Станиславомъ Боршемъ, ротмистромъ и дворяниномъ Царя Московскаго. — Не лзя не пожелать, чтобы общество достойно оцѣнило труды автора и благопamтвеннаго издателя, который—какъ слышно—дѣлаетъ теперь уступку: вмѣсто 10 рублей, говорятъ, скоро можно будетъ получить «Исторію смутнаго времени» по 5 рублей. Эта сбавка цѣны облегчитъ для всѣхъ возможность приобрести сочиненіе г-на Бутурлина, и почтенный Александръ Филипповичъ вѣрно не останется въ пакладѣ, потому что всѣ экземпляры будутъ съ жадностью разобраны на расхватъ. Книга этого заслуживаетъ.

О «Сборникѣ князя Оболенскаго» я уже подробно высказалъ мое мнѣніе въ «Отечественныхъ запискахъ» прошлаго года (№ 2); и теперь могу только повторить, что всѣ десять номеровъ сборника князя Оболенскаго найдутъ мѣсто въ бібліотекахъ всѣхъ занимающихся исторіею. По полученіи здѣсь 11-го номера отдамъ подробный отчетъ обо всѣхъ статьяхъ, въ немъ заключающихся.

Біографіи Добровскаго и Зейдлица привлекутъ къ себѣ общее вниманіе, когда узнаютъ, какъ отзывались объ нихъ Гете и Фридрихъ. О Добровскомъ Гете сказалъ: старѣйшина по части историко-критическихъ изслѣдованій въ Чехіи, этотъ рвдкій человекъ, при гениальномъ трудолюбіи и геродотовскихъ путешествіяхъ, съ молодости предавшійся

изученію славянскихъ языковъ и бытописанія, всѣ свои изслѣдованія при-мѣнялъ къ изученію чешскаго народа и его страны, и такимъ образомъ соединилъ *славу народнаго имени со славою науки*. Гдѣ только онъ углубляется въ изслѣдованія, тамъ тотчасъ видѣтъ знатокъ, обнимающій свой предметъ вполнѣ, и умѣющій изъ отрывковъ составлять цѣлое.» О Зейдлицъ сказалъ Фридрихъ Великій: *Seidlitz ist das edelste Loos geworden, was ein Soldat errei hen kann: er lebte unübertroffen, er s'irbt ohne ersetzt werden zu können*. Таковы были сужденія знаменитыхъ людей о Добровскомъ и Зейдлицъ: кому же будетъ не любопытно познакомиться съ жизнью отличнаго писателя и отличнаго генерала?

Н. САВЕЛЬЕВЪ.

НѢМЕЦКІЯ КНИГИ.

Schwedische Geschichten unter Gustav III.

Изъ сочиненій, болѣе серьезныхъ по своему предмету, должно отдать преимущество книгѣ Г. Арндта, «о замѣчательныхъ происшествіяхъ временъ Густава III и Густава IV.» Арндтъ это тотъ самый, который во время Французской войны съ Германіею, болѣе всѣхъ, между своими горячими патріотами, показалъ себя особенною ненавистію къ Наполеону и своими сочиненіями противъ Франціи. Но когда Генское сраженіе подчинило судьбу Пруссіи оружію Франціи, Арндтъ видѣлъ, что для него опасно оставаться въ отечествѣ, — удалился въ Швецію и тамъ своими анти-наполеоновскими сочиненіями приобрѣлъ себѣ благосклонность Густава IV. Арндтъ жилъ псковскою времени въ Стокгольмѣ, вѣздилъ по многимъ областямъ Швеціи и послѣ издалъ свои путевныя записки, не много длинноватыя и даже монотонныя, но въ нихъ много любопыт-

ныхъ фактовъ и дѣльныхъ замѣчаній. Съ паденіемъ Имперіи онъ опять возвратился въ Германію и вступилъ въ должность профессора въ Бонскомъ университетѣ. Здѣсь онъ опять принялся бранить Францію и проповѣдывать мысль о свободѣ Германіи. Но тѣ же самыя воззванія къ свободѣ, которыя Прусское правительство, когда гнуло голову подъ тяжелою рукою Наполеона, считало благороднымъ поступкомъ патріотизма, теперь стали уже для него возмутительными криками, когда Пруссія возвратила свою независимость. Несчастный Арндтъ, все еще держась мыслей 1807 года, не зналъ что и думать, когда увидѣлъ, что на него смотрятъ, какъ на человека опаснаго; на него, который считалъ себя однимъ изъ освободителей Германіи и который, можетъ быть, думалъ, что его перо будетъ поставлено въ параллель съ мечемъ Блюхера. Полиція пришла къ нему въ домъ и захватила всѣ его бумаги. Мѣстный губернаторъ отрѣшилъ его отъ должности профессора и позвалъ къ отвѣту, за мятежныя мысли, передъ слѣдственной комиссію, въ Майнцѣ. Арндтъ писалъ протестъ за протестомъ. Онъ оправдывался, что не былъ ни членомъ тайныхъ обществъ, ни развратителемъ юношества, ни якобинцемъ, — что была правда и на самомъ дѣлѣ. Онъ былъ вполнѣ преданъ королю и монархическому правленію, а не любилъ только аристократіи. Но для оправданія не достаточно было однихъ его словъ; онъ подвергся всѣмъ строгостямъ слѣдствія и уже послѣ долгихъ проволочекъ получилъ позволеніе снова вступить въ должность. Сочиненіе, которое онъ издалъ теперь, носитъ полный отпечатокъ его прежнихъ политическихъ негодованій. Въ предисловіи онъ объявляетъ, что его приверженность къ Густаву IV была слѣдствіемъ ненависти къ Наполеону. Его введеніе представляетъ довольно обширную и занимательную картину

Шведии. Онъ очень умно говоритъ о нравственномъ состояніи страны, о характерѣ народа и о домашнемъ бытѣ на Сѣверѣ. Одна аристократія выводитъ его изъ границъ благоразумія. Лишь только гдѣ коснется рѣчь о ней — его демократическія дрожжи взбудораживаютъ и квасятъ все: тогда у него и въ словахъ и въ мысляхъ — просто сарказмъ, онъ забываетъ о томъ, что эта аристократія была самымъ жизненнымъ элементомъ Шведскаго народонаселенія, въ продолженіе многихъ вѣковъ; что она приобрѣтала свою знаменитость на самыхъ трудныхъ постахъ государственной службы и на поляхъ битвъ: съ Густавомъ Вазою — въ лѣсахъ Даленкурин, съ Густавомъ Адольфомъ на равнинахъ Лютцена, съ Карломъ XII въ предѣлахъ Польши; онъ не помнитъ, что эта аристократія, не такъ какъ въ другихъ какихъ-нибудь государствахъ, не какое нибудь надутое и заносчивое сословіе, которое держится на однихъ только преданіяхъ давности своего происхожденія и хвастаетъ только своими привилегіями и дѣдовскими гербами, не принося никакой пользы общей жизни государства. Шведская аристократія всегда отличалась глубокимъ чувствомъ народности, часто была ближе къ черни, чѣмъ къ придворному важничанью, и часто причисляла къ себѣ людей изъ средняго сословія и даже изъ черни, которые отличались или храбростію или талантами: вотъ достоинство Шведской аристократіи. Раскройте герольдію Шведскаго дворянства: подлѣ древнихъ фамилій Бондовъ, Брачовъ, Билковъ, исторія которыхъ начинается почти вмѣстѣ съ исторіею ихъ отечества, вы найдете сотни другихъ аристократическихъ фамилій, которыя очень недѣльно причислены къ числу вельможъ изъ самаго скромнаго званія. Большею частію въ послѣднее время высшія должности въ государствахъ занимали дѣти священниковъ, купцовъ и профессоровъ, а глава

Часть VII. Гл. IV.

отношенія на сеймъ, который добирается въ Стокгольмъ, происходитъ отъ самой старинной дворянской фамиліи.

Слѣдующее за этимъ введеніемъ повѣствованіе набито тѣмъ же анти-аристократическими мыслями. Густавъ III и Густавъ IV у него два великіе царя герои между возмутительныхъ исполнителей вельможъ. Но, по правдѣ сказать, и тотъ и другой имѣли много недостатковъ, съ чѣмъ долженъ согласиться самъ авторъ. Они можетъ-быть были бы первыми государями въ мірѣ, ежели бы не были окружены такими аристократами; но изучавшіе подробнымъ образомъ исторію Швеціи находятъ, что ежели эти два государя иногда и имѣли несчастіе испытать обманъ или измѣну своихъ агентовъ и министровъ, за то они сами часто были единственною причиною своихъ ошибокъ и несчастій: правда, Густавъ III былъ надменъ самыми прекрасными достоинствами, образованъ, проникателенъ, свѣдущъ, страстный къ славы оружія и наукъ; но онъ былъ ослѣпленъ блескомъ иностранныхъ дворовъ и забывалъ скромную простоту своихъ предковъ. — Онъ окружилъ себя роскошью, бесполезною изысканностію и глупыми вѣжливостями Версаля, однимъ словомъ, онъ былъ Людовикомъ XV Швеціи, только съ большимъ достоинствомъ и большею возвышенностію духа. Какъ Людовикъ XV, онъ сначала былъ любимъ и уважаемъ и какъ Людовикъ XV, еще прежде, за много лѣтъ до смерти подъ желзомъ Анкастрема, онъ лишился обязанности и любви народа.

Густавъ IV сдѣлалъ только одну и то легонькую ошибку: вообразилъ себѣ, будто онъ въ состояніи бороться съ Наполеономъ и Франціею: что съ Франціею? — съ Россіею, Даніею и Англіею, и одинъ воевалъ съ такими четырьмя державами. Его государство было для него баснословною землею, у которой онъ не зналъ даже границъ и вовсе не

имѣлъ понятія о средствахъ и богатствѣ своего государства. Однажды онъ назначилъ непосредственный сборъ въ 200 милліоновъ пенсовъ, и съ удивленіемъ слушаль, когда сказали ему; что это составляетъ двадцатилѣтній доходъ государства. Онъ думалъ, что Швеція все еще *vagina gentium* и стоитъ только топнуть ногою въ землю, — и изъ ней повывскакаютъ люди. Мопітеу: правду сказалъ объ немъ, хоть эдиграмма было нѣсколько и груба, когда Густавъ IV объявилъ неудовольствіе къ Франціи, что онъ отъ дѣда своего, Карла XII, наслѣдовалъ только большіе сапоги.

Г. Арндтъ слишкомъ раскрасилъ плачевныя слѣдствія царствованія Густава IV и ошибки Густава III. Въ этомъ отношеніи его книга не полна; но въ ней можно найти драгоценныя документы о многихъ происшествіяхъ, которыхъ самъ авторъ былъ очевидцемъ, о государственныхъ мужахъ, которыхъ онъ зналъ, и о многихъ фактахъ, тайну которыхъ онъ не могъ не знать, живя тамъ нѣсколько времени.

Мы еще пока не имѣемъ подробнѣйшаго изложенія этой драматической эпохи Шведской исторіи. Въ ожиданіи, пока Гейеръ опишетъ ее съ своею проницательностію, или пока Фриксель нарисуетъ ее намъ своими красками мыслей и слога, сочиненіе Г. Арндта останется единственнымъ мемуаромъ, въ который съ пользою можно заглядывать и съ удовольствіемъ прочитывать.

Geschichte von Dänemark (исторія Даніи) соч. М. Т. Л. Дальмона. Часть первая.

Сколько разъ принимались писать исторію Даніи. Въ XII вѣкѣ, когда въ это время во всей Европѣ были одни только холодныя и сухія летописи, священникъ Рескильдъ, Саксо грамматикъ на прекрасномъ латинскомъ языкѣ на-

писалъ предлинную фантастическую хроникѣ своего отечества. Большая часть его разсказовъ сплетена изъ народныхъ сказокъ. Саксо зналъ одного Исландца, который разсказывалъ ему геройскія сказки про свою страну, а простодушный историкъ съ своею простотою и вставилъ ихъ въ свою исторію. Отъ этого у него вышелъ предлинный рядъ королей, войнъ, событій, начиная съ баснословнаго Дана до Горма до IX вѣка. Но съ этого времени онъ пишетъ уже по достовѣрнымъ памятникамъ и послѣднія его семь книгъ имѣютъ характеръ достовѣрности. За этою, еще первою исторіею, живою, завлекательною какъ романъ, вышла ученая критическая исторія XVII вѣка. Гвидельдъ, подъ названіемъ хроникъ, выдалъ 10-тъ томовъ въ 4-ю долю листа, которые не похожи на очаровательный разсказъ Сакса, но которые показываютъ трудъ и долговременныя занятія. Въ то же время Бартолень издалъ книгу о древностяхъ Даніи, Оле Вормъ изучалъ памятники, а Торфезеръ критически раббиралъ исландскія саги. Въ XVIII вѣкѣ писали: Зумъ, Дангебекъ, Арнъ Магнуссенъ, Грамъ и другіе. Зумъ написалъ 14-тъ томовъ исторіи Даніи въ 4-ю долю листа. Видно, что это труженническое и ученое сочиненіе, слишкомъ растянута, однообразно, безъ художнической отдылки и даже часто безъ критики. Голберъ написалъ гораздо менѣе ученую исторію, но за то болѣе народную. Черезъ нѣсколько времени вышла исторія Маллета, о которой въ то время отзывались и хорошо и худо. Въ ней множество матеріаловъ для хорошей исторіи, только нужно ихъ обработать; въ другихъ мѣстахъ сократить, въ нѣкоторыхъ поправить по новымъ открытіямъ или просто ее нужно написать по новому плану.

Историческое движеніе, данное Даніи въ XVIII вѣкѣ, съ успѣхомъ продолжается и до настоящаго времени. Сѣверяки любятъ долговременное и

труженическое занятіе. Они большіе аналитики и пишутъ комментаріи, какъ писали во время среднихъ вѣковъ. Но имѣя трудолюбіе своихъ предшественниковъ, они превзошли ихъ обработанностью идей и основательностію изысканій. Между учеными трудами, которые, въ последнее время прославили Датскую исторіографію, довольно упомянуть о трудахъ ученаго и умнаго Эразма Миллера, Розенвинга, Верлауа, Шлегеля и о трудахъ общества свѣрныхъ антикваріевъ подъ надзоромъ Финна Мангусена и Раена. Пересмотрѣно множество старинныхъ списковъ и издано много новыхъ. Все, что имѣетъ соприкосновеніе съ національною исторіей: юриспруденція, археологія, преданія, все было изучаемо, перебрано, и развито въ занимательныхъ и умныхъ разсужденіяхъ. Но исторія Даніи все еще сбивчива и неудовлетворительна.

Зумъ дѣлитъ исторію на три эпохи: на неизвѣстную, мнѣческую и историческую.

Первая кончается прибытіемъ Одина на свѣрь, около семидесяти лѣтъ до Р. Х. и простирается до неизвѣстнаго времени, которому нельзя указать начала. О всей этой эпохѣ ни больше ни меньше какъ одни только зыбкія гипотезы: племена населявшія свѣрь неизвѣстны, а еще менѣе известны ихъ переходы и дѣйствія.

Вторая эпоха начинается прибытіемъ Одина и продолжается до VIII вѣка. Это эпоха героевъ и богатырей, жесточайшихъ войнъ и кровопролитій, время народныхъ преданій и чудесныхъ разсказовъ, гдѣ фактъ скрытъ подъ символомъ, а исторія подъ баснею. Исторіку большаго стоитъ труда узнать истину подъ этимъ покрываломъ вымысла и въ такомъ безконечномъ ряду безсвязныхъ хроникъ установить преемственность королей и послѣдовательность событій.

Наконецъ уже съ VIII вѣка начинается историческая эпоха, еще несо-

всѣмъ обработанная и небогатая памятниками, но по крайней мѣрѣ имѣетъ достовѣрное основаніе.

Если посмотрѣть на исторію Даніи къ концу среднихъ вѣковъ, то въ ней не найти такого разнообразія и драматизма, какой мы находимъ въ то время въ исторіи Швеціи. Данія не имѣла такихъ королей, которыхъ жизнь, богатая приключеніями пріобрѣла бы Европейскую славу. Въ фамиліи Ольденбурга не было Густава Вазы, Густава Адольфа, Христины, Карла XII. Она не вносила своего оружія, какъ Швеція, къ народамъ воинственнымъ и сильнымъ; она не имѣла счастья, устрашать Россію и управлять Германіею. Всѣ ея дѣйствія и успѣхи не распространялись дальше постоянныхъ предѣловъ: между Швеціею, Норвегіею, Герцогствомъ Шлезвигскимъ и Ганзейскими городами. Самый сильный и знаменитый король ея былъ Христіанъ IV. Но и этотъ государь, во время тридцатилѣтней войны, призванный защищать протестантизмъ, напрасно брался за это дѣло, которое Густавъ Адольфъ кончилъ съ такою славою. Къ этому еще, начиная съ XIV вѣка Данія постоянно клонилась къ упадку. Въ 1523 году она потеряла господство надъ Швеціею, которое имѣла съ времени Кальмарскаго договора; въ 1658 году она потеряла провинціи по ту сторону Зунда; а въ 1814 году лишилась Норвегіи.

Самое блестящее время въ ея лѣтописяхъ — древняя эпоха, когда Данія считалась первою на свѣрь и весь скандинавскій языкъ былъ извѣстенъ только подъ именемъ датскаго; — когда Регнаръ Лодброкъ устрашалъ Шотландію и Ирландію, когда Гаральдъ зеленый зубъ съ своимъ флотомъ входилъ даже въ Шербургскую пристань, когда Кануть завоевалъ Англію и когда Вальдемары одинъ за другимъ получали названіе великихъ и непобѣдимыхъ.

Въ недавно вышедшей, въ Германіи,

исторіи Даніи хотѣлось бы видѣть эту эпоху описанною съ ея грубою поэзіею: чтобы авторъ переслѣдовалъ гипотезы ученыхъ о первобытныхъ временахъ этой страны и далъ свое мнѣніе о Датскомъ племени: однимъ словомъ, чтобы онъ для Даніи сдѣлалъ тоже, что Гейеръ сдѣлалъ для Швеціи въ своихъ *svea rikes floefder*. У Г. Дальмана такой трудъ былъ бы интересенъ, и публика, мы увѣрены, приняла бы съ признательностію.

Наконецъ для полноты книги, и чтобы лучше познакомить съ исторіею Даніи, читателей которые незнакомы еще съ самыми ея началами, автору не худо бы повторить свое превосходное разсужденіе о Саксо грамматикѣ, изданное имъ въ 1822-мъ году, и присоединить къ нему критическое изслѣдованіе ученыхъ XVII и XVIII столѣтій, и представить намъ перечень датской исторіографіи, ея попытокъ и заблужденій. Подобный трудъ многіе писатели употребляютъ въ родъ панегирика самимъ себѣ или въ видѣ будущихъ измненій; но Г. Дальманъ, при извѣстныхъ его достоинствахъ, не сомнѣваемся, написалъ бы книгу, вполне полезную, серьезную и оригинальную.

Начало этой исторіи, о которой мы сей часъ говорили, не отвѣчаетъ ожиданію; въ ней мы думали найти окончательное рѣшеніе, или, по крайней мѣрѣ, новый отвѣтъ на многіе важные вопросы. Авторъ слишкомъ коротко высказалъ свое мнѣніе о книгѣ Саксо и исландскихъ хроникахъ. На нѣсколькихъ только страницахъ онъ разсказалъ о языческой эпохѣ, столько невѣроятной, столько богатой фактами, и началъ свое повѣствованіе почти уже съ того времени, когда верныя лѣтописи замѣнили неопредѣленные преданія. Послѣ царствованія Магнуса онъ прерываетъ повѣствованіе и бросаетъ взглядъ назадъ, чтобы описать пра-

вы, и повѣствованія древней Датской монархіи. Въ этой главѣ много любопытныхъ фактовъ и умныхъ замѣчаній, къ несчастію только она слишкомъ коротка. Объ этомъ предметѣ можно бы написать цѣлую книгу: авторъ помѣстилъ все на сорока страницахъ.

Сдѣлавъ замѣчанія на эту книгу, мы должны похвалить искусство автора, съ которымъ онъ выполняетъ свой планъ. Его разсказъ завлекателенъ и быстръ, слогъ ясенъ и одушевленъ чувствомъ, достоинство рядкое въ нѣмецкой литературѣ, на каждой страницѣ видны трудъ и ученость.

Г. Дальманъ давно уже приобрѣлъ себѣ славу ученаго литератора въ Германіи, но не давно прославился еще какъ политикъ. Въ 1837 году онъ рѣшился съ двумя братьями Гриммами и четырьмя своими товарищами подписать протестъ противъ распоряженій Ганноверскаго Короля. Лишившись должности профессора и выгнанный изъ Геттингена, въ слѣдствіе этого необдуманнаго поступка, онъ посвятилъ себя наукѣ; теперь онъ употребляетъ все свое время на сочиненіе книгъ, которое прежде употреблялъ на образованіе учениковъ. Признательность къ его имени, и къ его произведеніямъ да послужитъ ему ободреніемъ въ трудахъ и утѣшеніемъ въ изгнаніи!

Geschichte von Port — Royal

(Исторія Портъ — Рояля)

Соч. Доктора Германа Рейхлина

Въ жизни бываютъ времена сомнѣнія и безпокойства, когда серьезный чловкъ страшась будущаго и недовольный настоящимъ, обращается къ прошедшему, и ищетъ соутѣхы или утѣшенія въ томъ, что исторія передастъ о другомъ времени и другихъ людяхъ. Когда говорятъ, что книга явилась кстати, это не то значить будто она въ

самомъ дѣлѣ приспособленія къ нашимъ интересамъ, и къ нашимъ страстямъ, будто она служитъ какъ бы защитительному рѣчию въ тяжбѣ, о какомънибудь дѣлѣ, или что она какъ наметель лѣстницей мятежному движению толпы. Совершенно напротивъ, книга, которая выходитъ кстатѣ, всего болѣе противоположна нашимъ идеямъ и нашему политическому или нравственному состоянию. Она показываетъ намъ другой путь, и другую цѣль, а это самое болѣе и интересуетъ насъ. Ежелибы такая книга была даже вовсе безъ достоинства, то одинъ контрастъ фактовъ и поматій съ событіями и понятіями времени придаетъ ей болѣе блеску, и заставляетъ любоваться читателей. Изъ объявляемыхъ книгъ, въ числѣ обыкновенныхъ произведеній часто иногда встрѣчаются довольно оригинальныя, въ которыхъ описывается эпоха, вполне извѣстная, но въ такихъ рѣзкихъ и противоположныхъ чертахъ, что мало назвать эту книгу оригинальною, ее приличнѣе назвать странною. Такова исторія Портъ-Рояля, исторія общества, соединеннаго неразрывными узами въ то время, когда, какъ намъ извѣстно, были только случайныя связи до перемены министерства; — исторія о благородствѣ, когда благородство не существовало ни въ политикѣ ни въ литературѣ; — о самопожертвованіи, когда всѣ преданы были самимъ себѣ, — объ отреченіи отъ міра и счастья, когда только и грезилъ, какъ бы оторвать хоть лоскуточекъ власти, и когда поклонялись золотому тельцу корыстолюбія. Общество Портъ-Рояля такъ мало похоже на действительное тогдашнее общество, что многіе можетъ быть отнесутъ его какъ фантазію къ временамъ несуществующимъ или къ области фантастическихъ сказокъ. Путешественникъ, приходя къ развалинамъ этого аббатства и вспоминая прекрасныя страницы *Mémoires de Fontaine*, я думаю спрашивать самъ себя: какъ! ужели только ос-

талось отъ того религіознаго зданія, которое нѣсколько лѣтъ привлекало къ себѣ любопытство Франціи и Европы? какъ! ужели правда, что здѣсь, не болѣе какъ два столѣтія назадъ благородная Анжелика управляла этимъ монастыремъ, куда приходили знаменитые государи и даровитые люди, въ смиреніи вѣры, забывая свое величіе и свое честолюбіе, куда Робертъ Даниэль унесъ съ собою, въ тишину этой долины, свои богатства таланта, Ле-Метръ свой ораторскій жаръ, Сень-Киранъ свое апостольское могущество и мученической героизмъ, Паскаль — свои геніальныя произведенія? Да! не болѣе двухъ вѣковъ тому назадъ, христіанство брало своихъ отшельниковъ изъ совѣта министровъ, съ кресель парламента, Оиванда процвѣтала подъ тѣнью монастыря, не вдалекѣ отъ шумнаго Парижа и блистательной Версаля. Но съ того времени, сколько уже сокрушилось священныхъ памятниковъ на своихъ пьедесталахъ и сколько идей, законовъ, и постановленій погребено въ обширной безднѣ понятій человеческихъ!

Все что соприкасалось къ Портъ-Роялю, особенно въ послѣднюю его эпоху, у насъ, во многихъ сочиненіяхъ сохранено со всею подробностію. Смотря на пространныя и любопытныя записки обитателей Пустыни, невольно подумаешь, что благочестивые кинобиты, предчувствуя близкій конецъ своего братства, спѣшили рассказать исторію о себѣ и предать ее потомству, какъ послѣднее наставленіе. Для окончательной обработки этой исторіи у насъ есть *Mémoires* напечатанныя въ Утрехтѣ въ 1742 году, писанныя монахами, имѣемъ *Mémoires* Фонтена, Фоссе, Лавилота и исторію Расина, которую Буало считалъ однимъ изъ лучшихъ произведеній французской литературы. Къ этому можно присоединить бездну отрывочныхъ замѣчаній, разбросанныхъ по сочиненіямъ того времени

Нужно только рассортировать материалы, которых даже слишком много, сдѣлать изъ нихъ выборъ, гдѣ сократить гдѣ убавить, изъ различныхъ мнѣній и разсказовъ выбрать болѣе вѣрное и изъ множества сочиненій, набитыхъ мѣлочными подробностями, составить одну обработанную, полную и вѣрную исторію. За этотъ трудъ, почти въ одно время, принялись двое: Г. Сентъ - Бѣвъ во Франціи, и Г. Рейхлинъ въ Германіи. Г. Сентъ-Бѣвъ еще не кончилъ своего труда; но потому, сколько мы знаемъ о его постоянныхъ изслѣдованіяхъ и о долговременномъ изученіи предмета которому онъ посвящалъ себя, мы увѣрены, что это произведеніе будетъ вполне его достойно. Лучшей похвалы мы не можемъ сказать объ немъ. Г. Рейхлинъ уже издалъ одну часть своего произведенія. Первый томъ его (настоящій нѣмецкій томъ, сжатый, компактный, восемь сотъ печатныхъ страницъ) показываетъ, что онъ обработываетъ свой предметъ въ огромныхъ размѣрахъ. Исторія Портъ-Рояля для него не есть исторія случайнаго общества, которое гнали партіи, и уничтожило правительство. Это общество имѣетъ глубокую, вѣковую идею, отъ которой зависитъ все умственное развитіе послѣднихъ вѣковъ. «Доколѣ яansenизмъ не кончалъ своей смертной борьбы, говоритъ Рейхлинъ, исторія Портъ-Рояля была неразрѣшимою загадкою для католиковъ; нѣмецкіе протестанты принимали участіе въ своихъ собратахъ по вѣрѣ, и Франція, какъ мячикъ, отвергала ихъ отъ себя; яansenизмъ сбросилъ съ себя то невыносимое иго, которое римская церковь возлагала на совѣсть; и черезъ это доставилъ богатую пищу ожесточенной полемикѣ и колкимъ замѣчаніямъ. Потомъ настала эпоха невѣрія и революціи, когда все это было забыто. Но яansenизмъ, теряя свое вліяніе, при развитіи революціи, достигъ чрезъ

это полной своей зрѣлости. Теперь уже это дѣло прошлое, его можно изучать съ полнымъ хладнокровіемъ. Пока не будетъ вполне изучена исторія яansenизма и иезуитства, нельзя говорить ни о церковной исторіи XVII-го и XVIII-го вѣковъ, ни объ исторіи умственного развитія во Франціи въ ту эпоху. Далѣе прибавляетъ: «Портъ-Рояль былъ для яansenизма тѣмъ же, чѣмъ Ля-Ромель для реформатской церкви», и въ оправданіе обширности плана своего труда приводитъ слова Г. Ройеръ - Калларда: «кто не знаетъ Портъ-Рояля и его исторіи, тотъ не знаетъ исторіи человечества.» Сочиненіе Г. Рейхлина начинается поэтическимъ описаніемъ Оверни, и биогрѣическою картиною древняго дома Арнольдовъ, уважаемаго, богатаго знатными связями, прославившагося должностями по арміи, по части юстиціи и финансовъ. Первый членъ этой фамиліи, который оставилъ свои горы и поселился въ Парижѣ, былъ Антоній Арнольдъ, аудиторъ контрольной палаты. Это было въ 1665-мъ году. Второй сынъ его, тоже Антоній Арнольдъ, былъ знаменитымъ адвокатомъ; человекъ съ сильною энергіею и увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Онъ гремѣлъ противъ иезуитовъ своимъ могучимъ словомъ, котораго они боялись. Въ теченіи долговременной службы на своемъ поприщѣ онъ пріобрѣлъ себѣ высокое уваженіе: государи, принцы, говоритъ Г. Рейхлинъ, удостоивали его всей своей довѣренности, и обходились съ нимъ, какъ съ равнымъ себѣ. Губернаторы провинцій, которые въ то время были полукоролями, всякой разъ посѣщали его когда прѣзжали и выѣзжали изъ Парижа; въ такомъ же отношеніи были къ нему любимцы регентши.

Антоній Арнольдъ имѣлъ двадцать человекъ дѣтей, былъ отцемъ знаменитаго Роберта Дандальи, доктора Антонія Арнольда, Епископа Дижерскаго,

и матери Анжелки. Десатеро изъ его дѣтей умерли въ малолѣтствѣ; остальные семь посвятили себя монашеской жизни.

Отъ этой біографіи первыхъ Арнольдовъ Г. Рейхлинъ переходитъ къ исторіи Іезуитовъ. Съ замѣтною нерасположенностію къ нимъ рассказываетъ о ихъ прибытіи во Францію, объ употребленныхъ ими хитростяхъ, чтобы получить позволеніе поселиться въ Парижѣ, о безпрестанной борьбѣ ихъ съ парламентомъ и университетомъ, о ихъ размноженіи, и наконецъ объ ихъ силѣ. Они, въ 1594 году, послѣ преступленія Шастеля, были выгнаны, но вскорѣ стали требовать возвращенія, и возвратились болѣе сильными, чѣмъ прежде. Когда они пришли во Францію, ихъ было только десять человѣкъ. Менѣе, чѣмъ черезъ полѣтъ, они умножились до 10,000. Въ 1561-мъ году, при присоединеніи Пуасси, они приняли всѣ предложенныя имъ отъ парламента условія, даже условія—отказаться отъ своего имени, которое они черезъ нѣсколько времени опять приняли на себя. Прежде они боялись и епископовъ, и парламента, и университета; но настало время, когда самыя высшія общества государства стали бояться ихъ. Заключенные, сначала, въ стѣнахъ училища, и приставленные къ незначительнымъ должностямъ воспитанія, они мало по малу получали новыя привилегіи, распространяли кругъ своихъ занятій и овладѣли всеми учебными заведеніями, присутственными мѣстами, церковью и дворомъ. Они имѣли богатыхъ банкировъ въ торговыхъ городахъ и сильныхъ королевскихъ духовниковъ. Ришельё находился подъ ихъ вліяніемъ и Людовикъ XIV покорился ихъ могуществу. Борьбѣ парламента съ Іезуитами Г. Рейхлинъ придаетъ видъ нравственнаго рабства, которому это верховное правительство подверглось во время Людовика XIV. «Парламентъ, говоритъ онъ, игралъ за-

нимательную роль во время раздора Ришельё съ фамилією Людовика XIII: онъ былъ избранъ отъ имени народа посредникомъ между двумя партіями, но тѣмъ не менѣе онъ терялъ свою силу и въ это время, малые союзы, и провинціальныя штаты покорялись неограниченной власти министра. Парламентъ самъ показалъ дорогу, своими жестокими гоненіями на Іезуитовъ, къ этой неограниченной власти; чтобы ограничить ихъ какъ можно болѣе, онъ опредѣлялъ, что временная власть безъ ограниченія (unbeschränkt) принадлежить королю. Кто же воспользовался этими преимуществами? — Іезуиты. Парламентъ начавъ гоненіе, долженъ былъ опасаться анархіи. Но дѣла перемѣнились; и онъ началъ преслѣдовать призракъ, который пугалъ его и самъ приближался къ своему паденію. Такъ въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній короли и народъ старались разрушить то, что не было опасно, и забывали опасность близкую. Словомъ, парламентъ потерялъ свою прежнюю силу еще прежде, чѣмъ Людовикъ XIV, съ бичемъ въ рукъ, объявилъ ему свою неограниченную волю. Онъ не былъ разбитъ бурей, но раздѣлился и разединился самъ собою. Въ его опредѣленіяхъ не было единства и души въ цѣломъ. Онъ никогда не имѣлъ столько силы, и не могъ простирать своихъ притязаній такъ далеко, какъ по смерти Ришельё. Но къ несчастію это было только случайно. Въ смутахъ 1648 и 1649 годовъ, парламентъ повредилъ самъ себя, когда отдѣлился отъ средняго сословія и перешелъ на сторону низшихъ классовъ. Все было какъ то слабо, члены парламента уничтожали сами себя своимъ несогласіемъ: одни принимали неограниченную власть (l'absolutisme); другіе искали своихъ низкихъ выгодъ въ безконечныхъ тяжбныхъ проволочкахъ, и дѣлались предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ; иные, какъ въ Брюсселѣ, фамиліарничали съ

мятежною чернию; иные наконецъ, какъ то Барильёнъ, Ле-Метръ де Саси, Ле-Нуаръ, особенно Арнольдъ, (эти имена, кажется, строго размѣщены) пустились въ набожность; послѣдніе слишкомъ умничали и считали низкимъ для себя сдѣлаться рабами черни или деспотизма. — Это не первый примѣръ такихъ религіозныхъ сектъ при разрушеніи политическаго порядка. Нужно было уступить, члены парламента знали это; нужно было отказаться отъ правъ, что защищали ихъ предки. Но тѣ, которые сознавали себя людьми, не хотѣли пожертвовать своимъ сознаниемъ, привилегіями и свободою. Все это они передали одному Богу, думая, что предъ Нимъ однимъ должно смиряться. Отказавшись отъ міра, они вышли изъ сферы, гдѣ произволь замѣняетъ законъ, и рабство подавляло свободу. Неограниченная власть (Absolutisme), возростала, и чтобы отразить удары нанесенные упорнымъ ученіемъ послѣдователей Кальвина, она должна была стараться разрушить стѣны его убѣжища, гдѣ видѣла тѣнь прежнихъ своихъ враговъ. Условное повиновеніе должно было пострадать отъ воли, которая не знала ни законовъ ни предѣловъ. Отъ этого борьба, отъ этого упорство, готовое на все пожертвованія для защиты своего убѣжденія противъ правителей церкви и государства.

Соединивъ эти два начала и сдѣлавъ обзоръ этой борьбы, Г. Рейхлинъ опять обращается къ исторіи Арнольдовъ, которые были самыми сильными поборниками этой священной оппозиціи. Съ философскимъ энтузіазмомъ, языкомъ сердца и ума, онъ рассказываетъ попеременно блістательное время и лишенія парламента, высокое смиреніе Роберта Дандильи, который пройдя всѣ самыя высокія должности вдругъ отказался отъ всѣхъ своихъ титуловъ, отъ своей власти и удалился въ уединеніе Портъ-Рояля, и занялся

переводомъ на свой языкъ отцовъ черквы. Онъ рассказалъ о жизни своего брата, благочестиваго Епископа Данжерскаго, и о жизни пылкаго непоколебимаго Антонія Арнольда, который послѣ сороколѣтней борьбы, изгнанный, но непобѣжденный, отвѣчалъ своему другу Николаю который желалъ ему успокоиться: «намъ успокоиться! еще цѣлая вѣчность остается намъ для успокоенія.» Четвертая книга вся посвящена біографіи Анжелики. До сихъ поръ авторъ касался только стороною Портъ-Рояля Де-Шампо; но въ этой книгѣ онъ описываетъ его начало, постепенное развитіе и упадокъ, когда молодая Анжелика, одаренная могучею силою ума и непреклонною волею своего отца вступила въ него съ званіемъ абатиссы. Отсюда начинается религіозная реформа, которая продолжается до своевольнаго монастыря Мобюиссона. Молодая абатисса была сама примѣромъ добродѣтели, которую она проповѣдывала монахиамъ. Описанія ея аскетической жизни и ея строгостей — самыя любопытныя страницы этого дивнаго и занимательнаго разказа. Среди всѣхъ этихъ подробностей духоваго управленія, уставовъ, благочестивыхъ испытаній отъ міра и его соблазновъ, авторъ помѣстилъ трогательный эпизодъ жизни Ле-Метра, который, одержавъ въ парламентѣ блистательную побѣду своимъ краснорѣчіемъ, пришелъ въ келью Портъ-Рояля и сложилъ съ себя человѣческую суету.

За благочестивою и прекрасною жизнью Анжелики слѣдуетъ жизнь Янсена, которой далъ свое имя фанатической сектъ преслѣдуемой Іезуитами, — потомъ жизнь Сентъ-Кирана, благороднаго поборника, который своимъ благочестіемъ напоминаетъ времена первобытной церкви, а своимъ терпѣніемъ — героизмъ мучениковъ. Послѣ слѣдуетъ время жаркихъ споровъ, когда нава осуждаетъ ученіе Янсена котораго сами янсенисты не найдутъ въ

своихъ книгахъ; когда Паскаль гремитъ противъ Іезуитовъ своими *провинциальными письмами*; когда ненависть противниковъ Портъ-Рояля постоянно дѣлается сильнѣе и непримѣримѣе, когда наконецъ Людовикъ XIV, уступая ихъ требованіямъ, повелѣваетъ уничтожить яansenизмъ.

Онѣида Шевредская объявлена подъ оцалюю, святое братство разсыяно, монастырь взятъ военною рукою и нѣкоторые изъ самыхъ благочестивыхъ отшельниковъ заключены, какъ преступники, въ бастилію, благородные защитники Портъ-Рояля исчезли одинъ за другимъ. Сначала умеръ Сентъ-Киранъ въ 1643 году, потомъ Ле-Метръ, послѣ Паскаль, который, говоритъ Г. А. де-Латуръ, уронилъ съ своего болѣзненнаго ложа три или четыре мысли, могшія спасти міръ отъ сомнѣнія, которое уже начинало вторгаться со всѣхъ сторонъ, — наконецъ Анжелика съ своею твердостью, которой не могъ и побѣдить ни возрастъ, ни гоненія, умерла ценоколебимою въ вѣрѣ и обрадованною въ послѣднюю минуту дучемъ небесной надежды. «Мы думаемъ, говоритъ Г. Рейхлинъ, что на гробъ Анжелики творятся чудеса. Самая жизнь ея и смерть были уже великимъ чудомъ: торжествомъ вѣры надъ слабостію плоти. Портъ-Рояль старался, по ся примѣру, остаться побѣдоноснымъ предъ Богомъ, будучи побѣжденъ въ глазахъ міра. Духъ Анжелики не погасъ въ ея могилѣ. Онъ остался въ братствѣ, пока братство Портъ-Рояля не было совершенно уничтожено, и пока не были разрушены стѣны этого святаго убѣжища.

Указъ короля, булла папы, уничтожили монастырь, но они не могли уничтожить ученія, которое существовало въ немъ; яansenизмъ пережилъ и противниковъ и защитниковъ своихъ. Онъ снова приобрѣлъ себѣ послѣдователей во время регентства, явился въ чудесахъ энтузіастовъ и въ чудесахъ па-

рижскаго діакона и нѣсколько спустя въ *Feuilles ecclésiastiques* Фонтеня (не того Фонтеня, который написал *me-moires*, а другаго) и теперь онъ существуетъ еще во многихъ семействахъ, хотъ и не въ первоначальной своей чистотѣ, и въ своемъ связаномъ ученіи; Сентъ-Севелинскій приходъ весь населенъ яansenистами. Каждый годъ, въ день смерти парижскаго діакона, въ церковь св. Медарда приходитъ множество лицъ, не принадлежащихъ къ этому приходу. Здѣсь они приобщаются св. таинъ и поклонившись предъ гробомъ діакона, берутъ съ собою земли съ этого гроба.

Указывая главные отдѣлы книги Г. Рейхлина мы не долго останавливаемся на подробностяхъ заключающихся въ ней, потому что эти подробности уже известны всѣмъ намъ. Главнымъ дѣломъ нужно было знать, какъ авторъ размѣстилъ ихъ, и какого держится взгляда при ихъ изложеніи. Въ его учености, мы увѣрены: достаточно одного перваго тома для удовлетворенія самаго взыскательнаго и самаго разборчиваго критика. Г. Рейхлинъ собиралъ материалы для своего труда изъ всѣхъ возможныхъ источниковъ. Не довольствуясь документами, какіе онъ могъ находить въ бібліотекахъ Германіи, искалъ другихъ въ бібліотекахъ Парижа. XVI и XVII столѣтія ему известны что называется *отъ доски до доски*. Онъ наизусть знаетъ свой Портъ-Рояль, и все соприкосновенное съ нимъ. Видно что онъ въ этомъ дѣлѣ на своемъ мѣствѣ. Онъ рассказываетъ безъ сухости нѣмецкихъ ученыхъ, которые не могутъ сдѣлать шагу безъ цитатъ и примѣчаній, — но съ искусствомъ остроумнаго чловѣка, который владѣетъ своимъ предметомъ и развиваетъ его смѣло. Ежели бы его книга была написана для Франціи, то она была бы даже слишкомъ ученою. Есть мѣлочи и отступленія, которыя могли бы быть лишними для насъ; — мы всегда торопимся

поскорѣе дочитать до конца. Но должно помнить, что онъ пишетъ для трудолюбивой и терпливой Германіи, которая ни когда не утомляется перечисленіемъ самыхъ подробностей разсматриваемаго предмета. Я позволю себѣ съдѣлать одинъ упрекъ г. Рейхлину за то, что онъ расположилъ свои матеріалы по плану довольно неотчетливому. Въ его книгѣ есть единство, но между тѣмъ она кажется несвязною, отрывистою, будто составлена изъ отрывочныхъ понятій и въ разные пріемы. Сначала исторія фамиліи Арнольдовъ, потомъ исторія Іезуитовъ, далѣе опять исторія Арнольдовъ. Такимъ образомъ читаемъ до половины перваго тома и не видимъ, что все это должно вести къ исторіи Португаліи. Отъ книгъ подобнаго рода требуютъ трехъ условій: выразить духъ времени, показать людямъ и слѣдить за развитіемъ ихъ идеи. Но всѣ эти требованія вести вмѣстѣ невозможно, потому что каждая изъ нихъ требуетъ особыхъ поясненій; не лучше ли бы—въ общемъ введеніи соединить вмѣстѣ всѣ отступленія прерывающія ходъ и развитіе идеи, которой авторъ предполагалъ слѣдовать, или изложивъ ученіе Португаліи и его противниковъ начать рассказъ съ того времени, когда начинается борьба. Отъ этого, намъ кажется, книга была бы яснѣе, религіозная и политическая мысль, лежащая въ основаніи, гораздо бы виднѣе выставилась изъ громады окружающихъ ее подробностей.

Теперь мы дошли до втораго вопроса: съ какой стороны авторъ разсматриваетъ эту длинную и драматическую исторію? На первыхъ же страницахъ рѣшенъ этотъ вопросъ. Авторъ врагъ Іезуитовъ, которые у него — представители слѣпаго политическаго и религіознаго абсолютизма; онъ жаркій защитникъ Арнольдовъ, которые въ его глазахъ истинные представители свободы.

Этотъ первый томъ, не смотря на

нѣсколько краткихъ объясненій—ученіе Янсена и доктора Арнольда, заключаетъ въ себѣ одну только чисто-историческую часть секты Жансена; — догматическая часть вѣроятно будетъ изложена въ слѣдующемъ томѣ. Намъ кажется, что пристрастіе Г. Рейхлина къ ясенизму зависитъ отъ близкихъ отношеній, по его мнѣнію, между ясенизмомъ и ученіемъ протестантскимъ.

«Реформація, говоритъ онъ, пробудила въ нѣдрѣ самой католической церкви сильное стремленіе къ свободѣ челоуѣка. Эта идея, развитая у Янсена, у Сентъ-Кирана, настоящаго южнаго Француза, ревностнаго приверженца церковной іерархіи, и еще болѣе первоначальной чистоты церкви. Ученіе о совершенной преданности безпредѣльной волѣ Божіей, также имѣетъ всю силу закона откровеннаго и внутренняго, который освобождаетъ челоуѣка отъ принужденія, и даетъ ему истинную общественную свободу въ церкви и государствѣ. Эта мысль выражена у Янсена: *Servitus Dei vera libertas*. Многіе учатъ тому же догмату, но только вполнину, не вѣря во всю силу той истинны, что въ рабствѣ Божіемъ — истинная общественная свобода.

«Изъ этого догмата видно, что первоначальный ясенизмъ имѣлъ довольно тѣсныя отношенія къ положительному протестантизму. Однако Англичане въ началѣ настоящаго столѣтія, пристали съ индостанскими солдатами къ берегамъ Краснаго моря. Индѣйцы пали на землю предъ древними Египетскими идолами какъ бы они были ихъ собственные. Этотъ одинъ фактъ лучше доказываетъ намъ первоначальную связь Египетской и Индѣйской мифологій, чѣмъ труженическія изслѣдованія ученыхъ. Параллель сдѣланная іезуитами, показываетъ намъ какъ тѣсно соединены между собою основныя догматы ясенизма и реформатской церкви. Но одинъ случай болѣе убѣждаетъ насъ въ этомъ. Одна фамилія сохранила

въ чистотѣ преданія янсенизма поощають реформатскую церковь, и всякую проповѣдь, какую она здѣсь слышитъ, признають вполне согласною съ ученіемъ ясенистовъ. Іезуиты, какъ мы уже сказали, всегда выставляли на видъ эту мысль; но жители Портъ-Рояля упорно отвергали ее и въ свою защиту съ ожесточеніемъ нападали на реформатское ученіе. Ежелибы показать имъ отношеніе ихъ ученія къ протестантизму, — какъ бы они перепугались! потому что они католики и желали остаться католиками.»

Далѣе Г. Рейхлинъ снова возвращается къ этой идеѣ: „понятіе Ясенія о благодати и свободѣ, говорить онъ, вполне согласно съ понятіями реформатовъ. Есть впрочемъ между этими двумя ученіями различіе, не только въ формахъ но и въ самомъ ученіи, и это различіе особенно замѣтно, когда Калвинъ говоритъ о временной благодати, которой онъ не считаетъ, также какъ и Ясеній, благодатию дѣйствительною. Но ежели взять вмѣстѣ съ одной стороны протестантизмъ, съ другой католицизмъ, а въ срединѣ поставить ясенизмъ, тогда различіе между ними становится почти незамѣтнымъ. Противники ясенистовъ скоро поняли выгоду, какую можно было имъ извлечь изъ этого: они прежде всего доказывали что ученіе Ясенія одинаково съ ученіемъ реформатовъ, и следовательно еретическое. Ясенисты, напротивъ, утверждали, что они держатся ученія св. Августина. Пока и тѣ и другіе правы. Но ясенисты, чтобы не сблизиться слишкомъ съ соборами и св. Августиномъ, утверждали, что ученіе Калвина не было ученіемъ Августина, и въ этомъ они обманывали болѣе себя чѣмъ своихъ противниковъ. Привязка только къ выраженіямъ а не къ духу ученія. Калвинъ проповѣдуетъ ограниченность воли, св. Августинъ возстаетъ противъ вѣншей ограниченности, а не противъ свободы, которую принимаетъ Калвинъ.

Ученіе Калвина отвергаетъ свободу въ томъ смыслѣ, какой даютъ этому слову схоластики: св. Августинъ употребляетъ въ своей системѣ слово «свобода» въ значеніи произвольности, чему учитъ и Калвинъ. Когда вопросы о ясенизмѣ рѣшались въ Римѣ, іезуиты много повредили ему, пославъ къ св. престолу сочиненіе одного реформатскаго богослова, который указалъ множество отношеній своего вѣрованія къ вѣрованію Ясенія.»

Эти отношенія между обоими ученіями Г. Рейхлинъ, безъ сомнѣнія, раскроетъ въ своемъ второмъ томѣ, а объ этомъ довольно будетъ спору.

Schillers Flucht nach Manheim (Бѣгство Шиллера въ Мангеймъ).

Мало знаю въ литературѣ книгъ, болѣе завлекательныхъ и поучительныхъ въ известномъ отношеніи, чѣмъ біографія людей, надѣленныхъ богатыми способностями и обиженныхъ счастьемъ. Они вступаютъ на свое поприще съ честолюбивымъ жаромъ поднаго сознанія своихъ умственныхъ силъ и на первомъ шагу попадаютъ въ рабство, на которое осуждаетъ ихъ судьба. — Ни одинъ еще романтикъ не придумалъ жизни столько дѣятельной и столько занимательной, какъ жизнь этихъ людей, и ни одинъ философъ не развилъ въ теоріи идей твердости и терпѣнія, съ такою силою, какъ они выношаютъ ихъ на самомъ дѣлѣ. — Какая богатая и прекрасная картина упорства генія противъ гнетущаго его несчастья, борьбы между стремленіемъ и неудачами, между духомъ и матеріею! какой прекрасный урокъ нравственности въ этой твердой волѣ, въ этомъ мужествѣ уничтожающемъ препятствія, въ этомъ упорномъ терпѣніи, достигающемъ своей цѣли! Если между поэтами и артистами, вступившими въ эту упорную борьбу, есть такіе, которые увидѣвъ предстоящую имъ битву удаляются назадъ съ своего ратнаго поля; ежели есть и

такіе, которые изнемогаютъ прежде, чѣмъ получать награду за свои побѣды; за то сколько такихъ, которые мало по малу сбивая съ себя оковы, наконецъ какъ побѣдители идутъ проложеннымъ себѣ путемъ. — Въ странѣ гдѣ Kicke Whéte сошелъ съ ума и Chatterten покусился на свою жизнь, когда никакой надежды не оставалось болѣе, поэтъ Grable своими трудами изъ самой нищенской бѣдности нажилъ себѣ огромное богатство. — Въ Германіи Гинтеръ умеръ въ бѣдности; но Клопштокъ, который въ своей молодости не зналъ гдѣ находить кусокъ хлѣба, сдѣлался богачемъ и счастливецемъ. — Жизнь такихъ людей, которые въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ не падаютъ духомъ и не отчаиваются въ своемъ будущемъ, должна послужить примѣромъ для тѣхъ, которые идутъ по ихъ слѣдамъ. — Такія страницы біографіи, такой мужественный подвигъ, дали бы, въ часы сомнѣнія и изнеженія духа, назидательный урокъ тѣмъ, которые измѣняютъ сами себѣ, отказавшись отъ борьбы. — Многие изъ этихъ людей воображивъ свое несчастное положеніе хотѣтъ сравнить его съ несчастіями великихъ и благородныхъ несчастливцевъ. — Другіе въ страданіяхъ видятъ славу, и улыбаются при мысли томиться въ темницѣ подобно Тассу, или скитаться по морямъ подобно Каможесу. — Какую бы они имѣли силу, ежелюбы, вмѣсто того чтобъ въ прощеднемъ искать себѣ такихъ заманчивыхъ и опасныхъ примѣровъ, вмѣсто того, чтобъ собирать съ несчастными усиліями эти цвѣты, которые въ своей прекрасной чашѣ скрываютъ смертоносный ядъ, съ тѣмъ же жаромъ они искали болѣе благодарныхъ занятій!

Всѣ эти мысли прилипли мнѣ на умъ при чтеніи біографіи Шиллера. Его счастье было самое скудное и непостоянное, вся молодость его была самая неспокойная и мучительная, сначала все предсказывало ему скромную и мирную

жизнь, которая начинается безъ блеска и кончается безъ шума. — Рожденный въ посредственномъ состояніи, окруженный заботами и нежностію своего семейства, подъ непосредственнымъ покровительствомъ своего государя, онъ видѣлъ предъ собою широкій путь, вступилъ на него съ радостію; но вдругъ непредвидѣнное обстоятельство совсѣмъ перемѣнило его судьбу. Его родители желали, чтобы онъ былъ пасторомъ; кроткая и благочестивая душа его была вполне согласна съ этимъ званіемъ, и успѣхи первыхъ его занятій показывали что онъ будетъ необыкновеннымъ пасторомъ. Герцогъ Виртембергскій захотѣлъ имѣть его въ своей новой школѣ *); и заставить его учиться правамъ. Родители Шиллера противились этому, и самъ Шиллеръ объявилъ, что онъ не хотѣлъ бы разстаться съ изученіемъ богословія, но Герцогъ снова требовалъ его, и семейство поэта должно было покориться его волѣ. Шиллеръ поступилъ въ Каролинскую Академію учиться правамъ.

Одинъ изъ его друзей разсказалъ подробно о пребываніи его въ школѣ и послѣдствіяхъ онаго. Изъ недавно вышедшей книги мы заимствуемъ нѣсколько любопытныхъ подробностей которыхъ нѣтъ ни въ Англійской Кардиновой біографіи, ни въ нѣмецкихъ біографіяхъ Шиллера. Цѣлый годъ изучая юриспруденцію, молодой академикъ получилъ приказаніе оставить ее и приняться за изученіе медицины, потому что число юрисконсультовъ сдѣлалось слишкомъ велико. — Для него это было новою неволюю, болѣе тяжелою чѣмъ первая: къ медицинѣ онъ чувствовалъ еще менѣе склонности, чѣмъ къ правамъ, но ни онъ, ни родители его не осмѣлились противиться волѣ Герцога. Учители и начальники Шиллера стали

*) Эта школа называлась военною Академіею и Каролинскою Академіею. Знаменитый Кювье нѣсколько учился въ ней.

другіе; ему скучно и тяжело было заниматься наукою, которую навалили на него. Онъ имѣлъ слишкомъ много ума, и повилъ привлекательныя стороны на новомъ своемъ поприщѣ; но его мысли были направлены уже въ другую сторону и его способности были болѣе сродны съ другою наукою болѣе завлекательной чѣмъ та, теорію которой читали ему. Лишь только оставалась у него свободная минута, онъ бросалъ трактаты и анатомическія таблицы и хватался за исторію, за своихъ любимыхъ поэтовъ, за Клопштока, который удивлялъ его своимъ возвышеннымъ изложеніемъ, за Галлера, пѣвца Альповъ, и Шекспира, которому онъ вполне сочувствовалъ.

Разгоряченный этимъ чтеніемъ и мечтами, онъ при первомъ пробужденіи своего поэтическаго дарованія написалъ драму *Разбойники*.

При выпускѣ изъ школы онъ сдѣланъ былъ полковымъ лѣкаремъ; гдѣ получалъ 45 франковъ жалованья въ мѣсяць. Это было наградою десятилѣтняго его ученія; надвѣясь на свою драму, онъ мечталъ увеличить небольшой доходъ, по крайней мѣрѣ хоть на время; но нѣмецкіе книгопродавцы тогда не рисковали какъ теперь. Ни кто, къ кому онъ обращался, не хотѣлъ издать сочиненія еще неизвѣстнаго молодого человека. Шиллеръ занялъ двѣсти флориновъ и отпечаталъ его на свой счетъ.

Его трагедія послѣ драматическихъ произведеній всѣхъ родовъ, порожденныхъ во Франціи и Германіи въ послѣднее полустолѣтіе, имѣла бы теперь, можетъ быть, только посредственный успѣхъ. — Но представьте себѣ, какой эффектъ она должна была сдѣлать въ то время, когда въ романтической литературѣ были только еще первые попытки — и въ той странѣ, гдѣ привыкли только — къ поэзіи нравственной, дидактической и религіозной, къ поэзіи Геллера, Робенера, Клопшто-

на, гдѣ баллады Бюргера считались чрезвычайнымъ произведеніемъ, гдѣ новая драма: *Гецъ Берлихингенъ* изумила всѣхъ. Къ удивленію, которое возбудилъ новый слогъ Шиллерова произведенія присоединилось еще другое нравственное удивленіе. — Поэтическія теоріи древней Германіи поколебались еще болѣе, чѣмъ прежде; разительная драма переходила изъ провинціи въ провинцію, изъ города въ городъ. — Многіе не могли читать ее безъ ужаса, но все читали. Жестокія нападенія также помогали ея успѣху, какъ и похвалы, и поэтъ скоро приобрѣлъ себѣ репутацію.

Изъ всѣхъ недоброжелательныхъ критикъ на Сѣверѣ и на Югѣ, при выходѣ такого новаго и негаданнаго произведенія, самая жестокая, самая язвительная и самая обидная была помѣщена въ *репертуарь литературы*. Самые запальчивые антагонисты Шиллера изумились, увидѣвъ такой строгій и немилосердый разборъ драмы, въ которой они все-таки пахотили кой-какія красоты. — Но безъимянный авторъ этой критики былъ самъ поэтъ, который въ восторгѣ кончивъ свое дѣло, яснѣе всякаго другаго понималъ свои недостатки.

Успѣхъ этой первой попытки на литературномъ поприщѣ, вмѣсто того чтобы улучшить матеріальное положеніе Шиллера, надвѣялъ ему еще болѣе хлопотъ. Книгопродавецъ самъ воспользовался его бенефисами и поэтъ остался въ долгу — какъ въ шелку. — Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, членъ одной нѣмецкой компаніи, которому, въ сценѣ разбойниковъ, показался обиднымъ намекъ на то общество, къ которому онъ самъ принадлежалъ, написалъ, по этому случаю, ругательную диссертацию, которая дошла до герцога Виртембергскаго. — Государь, который, какъ кажется, слишкомъ мало заботился о литературной славѣ своихъ подданныхъ, издалъ приказъ, которымъ

рѣшительно запрещено было Шиллеру печатать свои сочиненія, кромѣ медицинскихъ, и не позволено ему вывѣзжать изъ Виртемберга.

Въ это время Мангеймскій театръ, который слылъ тогда изъ лучшихъ театровъ въ Германіи, приготовлялся играть *Разбойниковъ*. Въ назначенный день для представленія собралось въ столицу герцогства Баденскаго множество любопытныхъ. — Прибыла изъ Франкфурта, Шпейера и другихъ городовъ пѣшкомъ, верхомъ и въ коляскахъ. — Съ самаго утра галлерей театра были наполнены провинціалами которые требовали билетовъ. Многие изъ нихъ не имѣли возможности достать ихъ; зала была слишкомъ мала, чтобы помѣстить всѣхъ. — Шиллеръ не могъ утерпѣть, чтобы не посмотреть на игру своей пьесы. — Это было первое его произведеніе и ему было двадцать два года, ну какъ же было можно отказаться ему отъ такого удовольствія. Полагая, что генералъ не позволитъ ему уйдти, онъ ушелъ ввечеру тайкомъ и *incognito* достигъ Мангейма. Упоенный рукоплесканіями толпы онъ съ сжатымъ сердцемъ пришелъ опять домой, гдѣ было такъ тяжело и удушливо. — Всего несноснѣе для него была недостаточность жалованья и постоянныя заботы о деньгахъ, обязанность терять лучшее время на посѣщеніе гошпиталей, каждый день представлять своему начальнику донесеніе о состояніи больныхъ и быть на парадѣ въ мундирѣ. — Особенно невыносимъ для него былъ жестокой приказъ, который запретилъ ему предаваться своимъ благороднымъ склонностямъ. — Для разсвѣянія своей постоянной скуки, онъ еще однажды ходилъ тоже тайкомъ посмотреть на другое представленіе своей пьесы, но герцогъ узналъ объ этомъ, сдѣлалъ ему строгій выговоръ, и Шиллера посадили подлѣ арестъ вмѣстѣ съ солдатами.

Эта послѣдняя строгость вывела до-

эта изъ терпѣнія; онъ рѣшился освободиться отъ обязанностей, которые со дня на день увеличивали его мученія, и оставить страну, гдѣ былъ осужденъ на самое жестокое рабство, на опалу мыслить. Онъ написалъ трагедію: *Фіеско*, надвѣясь разыграть ее на мангейскомъ театрѣ и удовлетворить первымъ своимъ нуждамъ, а въ будущемъ онъ надѣялся на другіе нужды. — Вечеромъ вышелъ изъ Штутгарда, когда весь городъ былъ занятъ королевскимъ праздникомъ. — Мать и сестра со слезами простились съ нимъ, — отецъ не зналъ его плановъ. Онъ удалился какъ преступникъ, обязанный принять на себя вымышленное имя и скрываться ночью отъ встрѣчи съ проходящими. — Одинъ изъ его друзей, авторъ книги, изъ которой мы заимствуемъ всѣ эти подробности, сопутствовалъ ему въ бѣгствѣ. Все богатство ихъ состояло въ 60-ти франкахъ.

Дойдя до Мангейма онъ попытался еще вести переписку съ герцогомъ, написалъ къ нему самое покорное и почтительное письмо, въ которомъ просилъ только позволенія писать литературныя книги, и однажды въ годъ выходить изъ Виртемберга. — Сдѣлавъ это, онъ созвалъ актеровъ театра чтобы прочитатъ имъ своего *Фіеско*. — Онъ основывалъ самыя большія надежды на этой пьесѣ, къ которой было приложено болѣе стараніе и искусство чѣмъ въ *Разбойникахъ*. — Но что онъ долженъ былъ чувствовать, когда увидѣлъ, какой эффектъ произвела она! къ концу перваго акта ни одного признака одобренія, къ концу втораго собраніе молча встало и разошлось. — Шиллеръ пришелъ домой въ ужасномъ разстройствѣ. — Его друга послѣ этого измучили распросами: «увѣрены ли вы, сказалъ ему режисеръ театра, что Шиллеръ авторъ *Разбойниковъ*?» — «Безъ сомнѣнія; — «Но я право не могу повѣрить этому.» — «Почему же?» — «Мнѣ невозможнымъ кажется, чтобы авторъ такой прекрасной

драмы могъ написать такую піесу, какую онъ намъ сей часъ читаль.»

Режиссёръ послѣ пришелъ къ Шиллеру попросить его трагедіи и прочитавъ самъ сказалъ поэту: «Ваше новое произведеніе превосходно, но своею восторженною декламаціею и произношеніемъ вы сдѣлали самое лучшее произведеніе нелѣпымъ фарсомъ.» Какъ ни прекрасна была эта піеса, но ее нельзя было играть безъ значительныхъ поправокъ. — Баронъ Дальбергъ, директоръ театра, не давалъ впередъ ему ни одного флорина, пока онъ не кончитъ вполнѣ своего произведенія. Генераль, чрезъ котораго онъ послалъ письмо къ герцогу Виртембергскому, въ отвѣтъ ему не сказалъ ничего опредѣленнаго. — Къ довершенію несчастія, его извѣстия, что государь хочетъ требовать его выдачи, и несчастный Шиллеръ, испытавъ столько неудачъ и опасаясь чтобы не задержали его, съ горестію вышелъ изъ того города, въ которомъ думалъ пайти, ежели не счастье, по крайней мѣрѣ спокойствіе. — Онъ пошелъ пѣшкомъ, безъ денегъ, слабый, больной, жалвъ своей родины и любимаго семейства — искать себѣ убжища во Франкфуртѣ. — Здѣсь денежное его положеніе вовсе разстроилось: его другъ весь истощился для него; его семейство слишкомъ было небогато, чтобы помогать ему, а баронъ Далбергъ вовсе отказалъ ему. — Чтобы имѣть возможность представить свою новую трагедію, онъ пошелъ недалеко отъ Мангейма; для дневнаго пропитанія продалъ свои часы, потомъ кой-у кого вазанималъ по нѣсколько флориновъ; наконецъ содержатель гостиницы, въ которой онъ жилъ, сдѣлалъ ему довѣріе и позволилъ проживать до времени. — Доходы съ представленія *Фиеско* сдѣлали ему только временное облегченіе; чтобы снова не пасть въ нищету, онъ перешелъ въ домъ одного благороднаго семейства, которое съ радушіемъ принимало его. — Здѣсь онъ написалъ третью свою драму *Любовь и ко-*

варство. Наконецъ барону Дальбергу онъ сдѣлался нужнымъ. — Баронъ захотѣлъ переводить сочиненія Шекспира; онъ зналъ что въ этомъ трудномъ предпріятіи никто не можетъ быть столько для него полезенъ, какъ Шиллеръ. — Пригласилъ его къ себѣ и предложилъ ему мѣсто театральнаго поэта за 300 флориновъ жалованья: (около 700 франковъ:) Шиллеръ съ радостію принялъ его предложеніе. Онъ никогда еще не видывалъ себя столько богатымъ. — Но онъ скоро понялъ, что эти 300 флориновъ, которые сначала казались ему большою суммою, не удовлетворяли потребностямъ его новаго положенія. И снова увидѣлъ себя въ необходимости заботиться о матеріальныхъ выгодахъ, которыя такъ тяжело гнели его умъ. Не находя никакой надежды поправить свое положеніе въ маленькомъ городѣ Мангеймѣ, онъ рѣшился избрать другою и перешелъ въ Лейпцигъ. Въ продолженіе пяти лѣтъ онъ написалъ три большія піесы. *Разбойники*, *Фиеско*, *Любовь и коварство*, имѣлъ блистательный успѣхъ и этотъ успѣхъ не доставлялъ ему даже средства удовлетворять самымъ необходимымъ потребностямъ. — Онъ до своего ухода изъ Мангейма не зналъ еще какъ раздѣляться двумястами флориновъ, которая занялъ для напечатанія первой піесы. — Вспомня свои мужественныя усилія и свою нищету, онъ могъ приложить къ себѣ эти стихи, написанные въ полнотѣ самосознанія: «Къ намъ не возвращался вѣкъ Августа; великодушная душа Медичи не улыбалась искусству Нѣмца. — Наша поэзія выросла сама собою и не пользовалась благосклонностію вельможъ. — Вотъ что Нѣмецъ долженъ сказать самому себѣ въ свое утѣшеніе, вотъ чѣмъ можетъ гордиться его душа: своими достоинствами онъ обязанъ только самому себѣ».

Но среди всѣхъ этихъ благородныхъ движеній онъ чувствовалъ мучительную неизвѣстность, матеріальныя нужды и

страданія, которыя бывають долею поэтовъ; онъ рѣшился испытать счастья на другомъ поприщѣ; снова принялся за изученіе правъ, чтобы получить степень доктора и постараться занять должность, которая бы дала возможность безъ кровавыхъ нуждъ заняться литературою. — Таковы были его намѣренія приведшія его въ Лейпцигъ. Когда онъ пришелъ сюда, политическій геній снова взялъ верхъ надъ расчетами: здѣсь онъ кончилъ своего *Донъ Карлоса*, писалъ оды, зллетія, баллады; издалъ подъ заглавіемъ: *Талия*, Альманахъ *Музы*, и кончилъ рядъ поэтическихъ произведеній сочиненіемъ въ прозѣ: — *Исторія отпаденія Нидерландовъ*. Черезъ нѣсколько времени его сдѣлали профессоромъ исторіи въ Іенскомъ университетѣ, и онъ не оставилъ этого города, пока не переехалъ въ Веймаръ, гдѣ и умеръ 1805.

П. КОНШИГЪ.

•••••

НЕОРАМА,

СМЪСЪ И РАЗНЫЯ ИЗВЪСТІЯ.

ОБЪ ИЗОБРЕТЕНІЯХЪ ДЛЯ СПАСЕНІЯ УТОПАЮЩИХЪ.

По большой части Англичане обману-мы всіми изобрѣтеніями для спасенія утопающихъ; только некоторые изъ этихъ изобрѣтеній уцѣлили до нашего времени и все еще требуютъ разныхъ улучшеній указанныхъ опытами для того чтобъ можно было употребить ихъ съ полнымъ успѣхомъ. Франклинъ, котораго мысли постоянно устремлены были къ открытіямъ полезнымъ для чело-вѣчества, преувеличилъ точку зрѣнія съ которой смотреть на опасности моря, думая сдѣлать незатопляемыми самия суда. Къ сожалѣнію усовершенствовавшіи идеи Франклина, сдѣланными потомъ од-нимъ Нѣмцемъ по имени Joubert, не могли быть удобоприменены въ мореходствѣ, и относились только до судовъ исключи-тельно назначенныхъ для перевозки па-сажировъ. Изобрѣтеніе это состояло въ томъ, чтобъ наполнить трюмы суда на крѣпко сдѣланными и неподвижно установленными деревянными щитами не пропускаемыми для воды; воздухъ, который должны были заключать въ себя эти щитки, легче морской воды почти въ отношеніи 1 къ 800. Прав-

да, употребленіе этого способа удо-влетворило бы условіямъ незатопляемо-сти, но по причинѣ слишкомъ большой ограниченности приложенія своего, этотъ способъ далеко не можетъ быть разма-триваемъ какъ усовершенствованіе въ советажномъ искусствѣ, и даже очень вѣ-роятно, никогда не испытывали его, потому что всякій согласится лучше на все обыкновенныя опасности мореплава-нія, нежели станеть лишать себя удобствъ простора на суднѣ, котораго назначеніе почти всегда, — есть перевозка товаровъ.

Теперь мы рассмотримъ главнѣйшія изъ тѣхъ советажныхъ изобрѣтеній, ко-торыми были известны морякамъ въ 1829 году, хотя во всеобщее употребленіе и до сихъ поръ не вошли они.

1) *Плавающий корсетъ*, — изобрѣтеніе какого-то Англичанина. Только на тихой водѣ это средство можетъ быть употре-бляемо съ успѣхомъ. Въ холодное же время года и при взволнованномъ морѣ, этотъ корсетъ скорѣе можетъ сдѣлаться орудіемъ пытки нежели средствомъ спа-сенія, потому что тотъ кто надѣваетъ его, правда не можетъ утонуть, но зато,

погибает еще гораздо ужаснейшимъ образомъ или отъ голода или отъ холода или отъ истощенія.

2) *Перекидываніе веревки* чрезъ посредство мортиры или пушки, для установленія сообщенія съ берегомъ, есть также Англійское изобрѣтеніе. Это средство можетъ быть употреблено какъ съ берега на судно терпящее крушеніе, такъ и съ судна на берегъ. Приложение этого способа сдѣлалось довольно всеобщимъ, и цѣлыя эскадры на берегахъ Англии спасены этимъ простымъ средствомъ, котораго главная выгода заключается въ томъ, что оно не влечетъ за собою никакого употребленія особенныхъ машинъ; при всемъ томъ изобрѣтеніе это далеко не достигаетъ своей цѣли въ случаѣ когда крушеніе послѣдуетъ ночью.

3) Третье изобрѣтеніе, называемое *спасительный драконъ* — dragon sauveur, не заслуживаетъ большаго вниманія: оно имѣетъ сходство съ предшешимъ и подробно ему можетъ употребляться въ прибрежныхъ крушеніяхъ; но какъ оно состоитъ изъ нѣкотораго рода ракетъ пускаемой на берегъ и чрезъ посредство веревки устанавливающей съ нимъ сообщеніе, то сдѣлать надо чтобы суда напередъ запасались этимъ приборомъ, а потому и это изобрѣтеніе относится къ числу неудовлетворительныхъ.

4) Другое изобрѣтеніе того-же Импера о которомъ упомянули мы выше, удобное какъ въ открытомъ морѣ такъ и въ берегахъ, — есть результатъ остроумныхъ соображеній и, какъ намъ кажется, нѣчто подобное видѣли мы въ Индіи въ нѣкоторыхъ маленькихъ рыбацкихъ судахъ. — *Спасительная шлюпка* Г-на Joppies составляла предметъ отдѣльнаго описанія въ одномъ переводѣ издавномъ въ Гамбургѣ и мы еще усматриваемъ изъ него сходство этого изобрѣтенія съ судами для той же цѣли употребляющимися въ Копенгагенѣ. Эти суда строятся такимъ образомъ, что могутъ выдержать въ самую жестокую погоду. Длина ихъ обыкновенно простирается до 25 футовъ, а ширина отъ 6 до 7. Какъ внутри, такъ и снаружи около ватеръ-линии обшиваются онѣ довольно толстымъ слоемъ пробковаго дерева, 6 или 7 человекъ легко управляютъ такимъ судномъ, а какъ

не подвергается оно опасности затопленія, и какъ въ важныхъ случаяхъ избѣгаются въ гребцы люди отважные и испытанные, то этого рода суда оказали уже весьма много пользы, и употребленіе ихъ въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ портахъ распространилось значительно.

Изобрѣтеніе-же Г-на Joppies' ограничивается меньшими объемами; его *спасительная шлюпка* есть нечто иное какъ самый легкій челнъ, предохраненный отъ затопленія сплошною палубою, имѣющая только на срединѣ такой лодочки чтобы человекъ могъ пролѣзть. Родъ шлюпки (или брикоакца) герметически прибитаго къ краямъ лодки чрезъ посредство поддержки (опекура) плотно опоясываетъ трюма, такъ что никакая часть тѣла его всегда суха, а руки всегда свободно могутъ дѣйствовать веслами. Внутренняя сторона этой шлюпки обшивается полсами пробковаго дерева. Носъ и корма одинаковы и на оконечностяхъ ихъ приделано по кольцу, къ которымъ прикрѣплены не толстыя и не слышкомъ длинныя веревки, собираемыя въ бухты около гребца, который въ надобности можетъ бросать ихъ или утопающему или какому другому судну; этиже самыя двѣ веревки со всею удобностью обращаются въ шкентели; если нужно установить переездъ между берегомъ и судномъ терпящимъ крушеніе: въ такомъ случаѣ — когда погода позволитъ, — въ маленькой трюмъ этой шлюпки ложится столько людей сколько можно. Въ самыхъ оконечностяхъ трюма дѣлаются такія приспособленія, чтобы могло храниться тамъ нѣкоторое количество воды и сухарей. По наружной-же сторонѣ всего борта приделано по нѣскольку колецъ за которыя удобно вѣрять концы для тѣхъ же шкентельныхъ, которые не помѣстятся въ трюмъ. После обнародованія этого изобрѣтенія Г-на Joppies дѣлалъ ему торжественное испытаніе, но какъ опыты производимые въ рѣкѣ не доказываютъ ровно ничего, то остается жалеть, что описанная нами *спасительная шлюпка* не испытана при такихъ обстоятельствахъ когда есть и вѣтръ и зыбь *)

*) По истинѣ достойно сожалѣнія, что

5) Через несколько времени после того, как одобрили и осуждали все эти изобретения описанные нами, и еще множество других, о которых мы не скажем ни слова по причине длины бесполезности или многосложности их, — было замечательные опыты производились на Софъ Г-мъ Lemaire d'Angerville. Это изобретение или лучше сказать что эта усовершенствованная Алеутская байдарка Г-на Jannies осталась безъ внимания; мы твердо убеждены, что если не может быть она вполне полезна, то, по крайней мѣрѣ никогда не можетъ быть лишнею шлюпкою ни на какомъ суднѣ. Въдь съ нѣкотораго времени входятъ же въ употребленіе двойки, хотя и родятся онѣ только для развѣдовъ на рейдѣ, что съ маленькими приспособленіями совершенно одинаково могла бы исполнять и спасительная шлюпка. Намъ кажется сверхъ того, что сіе, какъ сверлуша легкое суденушко, могло бы замануть собою на суднѣ и пресловутый *спасительный буюк* еще отъ роду никогда никого не спасавшій. Спасеніе челоука упавшаго за бортъ часто зависитъ отъ того съ какою скоростью подойдетъ къ нему шлюпка, и мы полагаемъ что для этого ничего не можетъ быть полезнѣе спасительной шлюпки на боканцахъ за кормою, если только опредѣлите опытомъ максимумъ высоты и максимумъ скорости хода суана, съ которой и при которой, эта шлюпка, имѣющая въ себѣ и гребца, безвредно можетъ быть *отдаема какъ якорь машинкю*. Поднимать же ее съ воды разумѣется нужно вмѣстѣ съ гребцомъ и лучше если однимъ талымъ а не двумя, которые потопъ и волны выложитъ, коль скоро шлюпка опять установлена будетъ на прежнее мѣсто, на *своихъ машинки*, какъ мы уже сказали, подобныя тѣмъ, которыми отдается якорь. Подводную часть такой шлюпки лучше всего образовать на основаніи теоріи сводовъ, сдѣлавъ разумѣется и нѣкоторыя особыя приспособленія во внутреннемъ скреплении. Весла же должны *однаваться въ кольцеобразныя уключины вращающіяся на двойномъ шарнирѣ . . . но, . . . безъ опытовъ никогда ничего не было и не будетъ*. Пусть эти мысли наши назовутъ пустою фантазією, однакожь побужденія къ этой фантазіи благородны и возвышенны, и мы думаемъ что самый отчаянный антагонистъ нашъ пожелае бы имѣть спасительную шлюпку, еслибы случилась ему стоять на *якорѣ 30 мая 1838 года въ Софѣ или въ Тугапсѣ!* . . .

вѣсно, что этотъ элимантъ изобрѣли математическій приборъ, чрезъ посредство котораго водолазъ достигать до дна рѣки или моря, остается тамъ работать на свободѣ, безъ всякаго сообщенія съ внѣшностью и выходитъ на верхъ тогда, когда ему вдувается. Успѣхъ первыхъ опытовъ сдѣланныхъ въ Парижѣ и польза которую по видимому должноствовало извлечь мореходство изъ этого изобретения, — рѣшили тогдашняго морскаго министра Г-на Hyde de Neuville запыть повтореніемъ этихъ опытовъ въ Шербургѣ.

Вотъ выписка изъ рапорта комисіи назначенной для наблюденія за производствомъ этихъ опытовъ.

„Что касается до употребленія этого пневматико-потпческаго прибора на судахъ королевскаго флота, — комисіа единодушно полагаетъ, что онъ можетъ быть полезенъ въ весьма многихъ случаяхъ; между прочимъ чрезъ посредство этого изобретения весьма легко отыскать и заглядывать течъ въ подводной части судна и проч.“ *

Въ самомъ дѣлѣ во многихъ случаяхъ, какъ наприимѣръ послѣ столнія на мѣли,

*) Быть можетъ не покажется лишнимъ для нѣкоторыхъ изъ нашихъ читателей, если мы упомянемъ при этомъ случаѣ, какое обыкновенно употребляется средство противъ большой течи въ суднѣ: средство это, почти всегда успѣшное, изобрѣтено не болѣе какъ лѣтъ 50 назадъ тому и чрезвычайно просто. Надо взять какой нибудь крѣпкій парусъ или брезентъ и смотря по важности течи напшиковать его или нѣтъ, шерстью или вѣнкою и потомъ подвѣсть эту парусину подъ киль судна и растянуть по тому мѣсту, гдѣ должна быть течъ. Давленіе воздуха и давленіе воды дѣйствуютъ на паруснику съ такою силою, что безопасность судна упрочивается достаточно или по крайней мѣрѣ опасность затонуть не существуетъ болѣе. Знаменитый Кукъ первый употребилъ этотъ способъ. Судно его цѣлые сутки стоявшее въ бурунахъ въ Тихомъ океанѣ близъ новой Голландіи, обнаружилъ послѣ такую течъ что безпрерывное дѣйствіе всѣхъ помпъ едва оказывалось достаточнымъ. Употребивъ же способъ описанный нами, Кукъ благополучно достигъ порта. Единственная невыгода этого способа состоитъ въ томъ, что парусина много мѣшаетъ ходкости судна.

послѣ сраженія, водолазъ окажется большую пользу, если подробно осмотритъ подводную часть судна; кромѣ того, въ неизвѣстныхъ портахъ, на опасныхъ рейдахъ всегда хорошо бы знать настоящее свойство дна и положеніе своего якоря, который слѣдственно въ случаѣ потори и достать не трудно.

Подобное изобрѣтеніе не могло не обратить на себя вниманія, а потому и поручено было Г-ну Lemaire d'Angerville доставить по нѣскольکو этихъ приборовъ въ разные наши порты. Въ послѣдствіи времени другіе опыты доказали, что коммерческое мореплаваніе могло бы извлечь большія выгоды, употребляя пневмотическій приборъ для доставанія грузовъ послѣ крушеній. Г-нъ Lemaire d'Angerville получилъ тогда привилегію на свое изобрѣтеніе, съ помощію которой и занялся онъ образованіемъ „Французской советской компаніи.“

Если подумаемъ о богатствахъ ежегодно поглощаемыхъ моремъ и которыхъ мѣсто на днѣ бываетъ совершенно неизвѣстно, то еще болѣе оцѣнимъ пользу изобрѣтенія Г-на Lemaire d'Angerville, не говоря уже о тѣхъ услугахъ, которыя можетъ оказать оно человѣчеству.

6) Есть на берегахъ Перу и Чили гребныя суда такого устройства, которое совершенно неизвѣстно въ Европѣ и которыя, мнѣ кажется, могли бы быть весьма полезными при разныхъ несчастныхъ случаяхъ какъ у береговъ такъ и въ открытомъ морѣ. Суденушко этого рода называется туземцами *балза* *balsa*, имѣетъ фигуру равнобедреннаго треугольника, коего основаніе, то есть корма, простирается до 3-хъ футовъ и образуется изъ самаго акуратнаго набора кожъ морскихъ волковъ, на этотъ предметъ выдѣлываемыхъ особымъ способомъ дубленія, который одаряетъ ихъ свойствомъ не повреждаться въ случаѣ ударовъ о круглыя тѣла и тренія о песчаное дно. Кожы эти шитыя вмѣстѣ получаютъ форму двухъ мѣховъ длиною въ 10, 15 и 20 футовъ и каждый изъ этихъ мѣховъ образующихъ и поддерживающихъ борта судна, надувается воздухомъ чрезъ посредство придѣланнаго къ нимъ рукава. Настланнныя же въ кормѣ морской тростникъ и рогож-

ки составляютъ надубу.

Очевидно сколь должно быть легко подобное судно. Простырающіеся въ длину до 25 футовъ, можетъ вѣсить не болѣе 50 фунтовъ, а между тѣмъ способно поднимать довольно значительный грузъ, принимая разумеется въ соображеніе его большую колеблемость подобно пѣнѣ на волнахъ, равно какъ и то, что оно способно лопнуть подъ давленіемъ значительнаго груза на одну какую нибудь его часть и сопротивленіемъ воды на другую.

Человѣкъ управляющій *балзою* можетъ съ одинаковою удобностью помѣщаться и на срединѣ и на оконечностяхъ судна, но въ свѣжую погоду предосторожность требуетъ находиться ему въ кормѣ и привязывать себя ремнями. *Балза* движется чрезъ посредство *папал* или весла съ двумя лопастями, изъ коихъ каждое дѣйствуетъ поочередно.

И такъ намъ кажется, что *балза* съ своими условіями незатопляемости въ совершенствѣ имѣетъ тѣ качества, которыхъ требуютъ отъ *советскаго* судна. Его легкость, удобность съ какою управляются имъ, значительный грузъ, который можетъ оно подвѣять и поддерживать на водѣ чрезъ посредство веревокъ, въ случаѣ крушенія, сдѣлали бы такое судно неоцѣненнымъ. Одно-же изъ главныхъ его преимуществъ состоитъ въ томъ, что не будучи надуто занимаетъ мало мѣста и обойдется столь дешево, что каждое судно могло бы имѣть по нѣскольکو *балзъ*. Это суденушко могло бы также съ большою пользою служить для сообщенія судовъ между собою въ открытомъ морѣ и въ свѣжую погоду, а тѣ усовершенствованія, которыя разумѣется могли бы послѣдовать со временемъ въ первоначальномъ устройствѣ его, сдѣлали бы это перуанское судно однимъ изъ существеннѣйшихъ средствъ въ различныхъ обстоятельствахъ, которыхъ мы теперь не можемъ предвидѣть, но которыя такъ часто встрѣчаются въ мореплаваніи.

7) Въ 1830 году Англійскій морской офицеръ Г-нъ Manby, представилъ Адмиралтейству особаго рода бомбы приспособленныя для того, чтобы устанавливать сообщеніе между берегомъ и суд-

номъ терпящимъ крушеніе. Не смотря на то, что первоначальная идея этого изобрѣтенія давно всѣмъ известна, но способъ Г-на Манбу имѣетъ замѣчательное усовершенствованіе, подобно *спасительному-дракону* и другимъ изобрѣтеніямъ сходнымъ съ нимъ. — Способъ Г-на Манбу состоитъ въ томъ, чтобы чрезъ посредство бомбы бросать конецъ веревки далѣе того судна, которому хотятъ помогать; бомба тонетъ и если направленіе дано ей вѣрно, — конецъ веревки остается или на рангоутѣ или на палубѣ судна терпящаго бѣдствіе, между тѣмъ какъ другой конецъ находится на берегу: — такимъ образомъ затрудненія до сихъ поръ обращающія въ ничто послѣдствія этого изобрѣтенія, — побуждены авторомъ этого послѣдняго способа; нужно было устранить только одно неудобство, — чтобъ метательная сила бомбы не могла разрывать веревку, для чего достаточно малѣйшаго узелка, малѣйшей сукрутины. Капитанъ Манбу нашелъ средство и противъ этого, давъ бомбѣ слѣдующее устройство. Отъ той точки на поверхности бомбы къ которой привязывается веревка идутъ три усика достаточно длинныя для того чтобъ служили они бомбѣ точками опоры въ жерлѣ мортиры и не позволяли бы ей вращаться въ стороны въ моментъ выстрѣла, а только этого и нужно чтобъ веревка не запутывалась. Главнѣйшее прелѣтствіе къ введенію въ употребленіе способа бомбъ состояло въ томъ, что онъ не могъ быть полезенъ ночью, то есть въ такое время для когда крушенія случаются всего чаще. Чтобъ отвратить и это неудобство Г-нъ Манбу изобрѣлъ способъ определять во мракѣ настоящее положеніе бѣдствующаго судна чрезъ посредство особаго рода ракетъ издающихъ отъ себя продолжительный и блестящій свѣтъ. Этотъ прибавокъ къ способу Г-на Манбу имѣетъ еще и ту выгоду что даетъ знать терпящимъ бѣдствіе о намѣреніи подать имъ помощь и ободрять ихъ.

Извѣстно съ какою ловкостью употребляютъ моряки простую веревку какъ средство для достиженія отъ одной точки къ другой. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, еслибъ кто даже изъ дѣтѣ и

не обладалъ этою ловкостью въ большой степени, то грозящая опасность придаетъ ее. Если же состояніе судна и моря позволяютъ употребить средства болѣе удобныя, то можно протянуть нѣсколько такихъ веревокъ сообщенія или наконецъ устроить съ помощію ихъ родъ кресла, которое на шкентеляхъ и на оттяжкахъ ходило бы по веревкамъ взадъ и впередъ; такимъ образомъ можно спасать даже женщинъ и дѣтей. Успѣшности этого способа содѣйствуетъ самое положеніе бѣдствующаго судна, болѣею частью много возвышенное надъ ближайшимъ побережьемъ. Одно крушеніе, котораго послѣдствія были бы ужасны, послужило первою пробою для изобрѣтѣна Манбу и доказало всю его пользу; послѣ этого, Правительство успѣшно приняло предложеніе Г-на Манбу и образовалось общество съ цѣлью ввести этотъ способъ во всеобщее употребленіе. Нынѣ всѣ берега Англии въ мѣстахъ сколько нибудь опасныхъ для мореплаванія, снабжены особаго рода повозками въ которыхъ заключаются мортиры, веревки и ракеты. Веревка однимъ концомъ своимъ привязанная къ бомбѣ, другимъ акуратно укладывается бухтами въ особый ящикъ (родъ марсфальной кадки) — изъ котораго при бросаніи бомбы и сучится свободно.

Старые, заслуженные моряки, приписанные къ таможеннымъ кордонамъ, и слѣдственно всегда остающіеся на томъ же мѣстѣ берега, — обучаются и употребляютъ къ дѣйствию этою машиною столь удобною и малосложною. И коль скоро раздается пушка гибелли, то подобно пожарнымъ командамъ въ городѣ, — стремятся къ тому мѣсту всѣ ближайшія повозки съ мортирами. Для необходимыхъ же объясненій съ берегомъ на случай крушенія, всѣ Англійскія суда снабжаются особыми сигналами, по простотѣ своей ни для кого не затруднительными.

Уже нѣсколько лѣтъ, какъ вошелъ въ употребленіе этотъ способъ Г-на Манбу и множество несчастныхъ спасено имъ отъ вѣрной смерти. Одинъ первый годъ представлялъ уже 465 успѣшныхъ опытовъ. Только въ 1828 году во Французскомъ журналѣ „*Universel*“ — напечатана

была программа Филантропического общества образовавшагося во Франціи съ цѣлью предотвращать сколь возможно бѣдствія на морѣ и уменьшать число жертвъ ежегодно погибающихъ у береговъ нашихъ. Въ это время Англія обладала уже тою полною охранительною системою о которой мы сей часъ говорили и даже еще гораздо прежде, она уже имѣла спасительную шлюпку г. Greatheat среди самыхъ жестокихъ бурь являвшуюся къ судамъ терпящимъ бѣдствие. Въ Голландіи въ это время для спасенія погибающихъ употребляли лошадей, которыхъ прибрежные жители — моряки приучивали переплывать буруны.

Намъ прискорбно писать, но событія говорятъ это, и не можемъ не покориться ихъ авторитету, что не Франція, а Англія первая дала побужденіе тому челоѣколюбивому чувству, которое заставило людей дальновидныхъ соединиться въ общество для изысканія средствъ къ сохраненію жизни бѣдствующихъ моряковъ; — впрочемъ примесемъ въ наше оправданіе то, что намъ чрезвычайно много надо было усилій, чтобъ не только соперничать, но хотя ослабить насколько ту власть, которую приобрѣла надъ нами Англія своимъ превосходствомъ въ практикѣ морскаго искусства. Но если Франція, и не имѣла въ это время ни советажныхъ судовъ, ни филантропическихъ обществъ, — по крайней мѣрѣ, мы утвердительно можемъ сказать, что она всегда имѣла этихъ безстрашныхъ моряковъ, которые жертвовали своею собственною жизнью для спасенія погибающаго собрата.

8) Упомянемъ здѣсь еще объ изобрѣтеніи другаго Англичанина Г-на Askerly получившаго за это большую медаль отъ Лондонскаго общества любителей художествъ. Изобрѣтеніе это клонится къ спасенію моряковъ; которымъ случится опрокинуться на гребномъ суднѣ, — состоитъ въ слѣдующемъ: желѣзный пруть въ два фута длиною и 7 дюймовъ, въ поперечникѣ имѣющій фигуру буквы т, чрезъ посредство особенной скобы съ очкомъ приделывается гдѣ нибудь — смотря по удобности — у борта гребнаго судна, такъ чтобъ

могъ свободно ходить въ этомъ очкѣ, но не могъ выскочить, этому должна была препятствовать чека вложенная въ ходовой конецъ прута. Нѣсколько такихъ машинокъ устроено было на носу, кормѣ и по бокамъ судна; мѣшать же онѣ не могли ни чему, потому что поперечины лежали на банкахъ. Если такое судно опрокинется, то прутья по собственной своей тяжести скользятъ въ очкахъ къ низу и задержавшись чеками, представляютъ собою точки опоры для ногъ, или яснѣе сказать, нѣчто въ родѣ стремянъ, способствуя въ то же время держаться руками за киль, на которомъ для удобства, изобрѣтатель предлагаетъ сдѣлать нѣсколько выемокъ.

9) Для подноты обзоренія и для окончанія этого перечня попытокъ и успѣховъ советажнаго искусства, скажемъ еще нѣсколько словъ о подводоплавателѣ одного Нантскаго уроженца Г-на Villeroi. Испытаніе этому судну производилось въ 1839 году и довольно поразительное сходство связываетъ это изобрѣтеніе съ изобрѣтеніями знаменитаго Фальтома и Castéra о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Эта замысловатая машина Г-на Villeroi имѣла форму рыбы. Длина ея 3 метра, 20 сантиметровъ. Наибольшій діаметръ 1 метръ, 10 сантиметровъ. Для управленія этой машиной достаточно трехъ челоѣкъ и они спокойно могутъ сидѣть въ ней болѣе часа.

Мы вкратцѣ выпишемъ здѣсь подробности опыта.

Будучи на глубинѣ Г-нъ Villeroi вошелъ въ свою машину и поплылъ далѣе. Около полчаса продержавшись на равнѣ съ горизонтомъ воды, подводоплаватель опустился на глубину 15 или 18 сажень и всталъ со дна нѣсколько ракушекъ, потомъ измѣнилъ путь свой въ разныя направленія, онъ совершенно заставилъ потерять себя изъ виду обыкновенному гребному судну, наблюдавшему за нимъ; — когдаже показался опять при поверхности воды, то былъ въ значительномъ разстояніи отъ того мѣста на которомъ нырнулъ первоначально.

Другіе опыты столь же удовлетворительны какъ и первый убѣдили комиссію

назначенную исследовать систему подводного мореплавания Г-на Villeroi, что приложение ее было весьма удобно и что подводоплаватели не смотря на то—касаюсь или не касаюсь дна морд—двигаясь точно также как и обыкновенное судно.

Независимо от той услуги, которую это подводное плавание окажет советскому искусству, оно может быть приспособлено и къ морскому делу, можно будетъ чрезъ посредство этой машины, держась по глубинѣ соразмѣрной съ ея плотностью достигнуть до какого нибудь порта или флота неприятельскаго и надѣлать ему большихъ бѣдъ.

Г-нъ Villeroi уверяетъ, что можетъ спуститься въ глубь на 500 и 600 футовъ, но въ такомъ случаѣ будетъ уже въ водѣ совершенное отсутствіе свѣта. Этимъ мы кончимъ наше обзоръ — изобретений внѣшнихъ челоѣколюбиемъ, мы надѣемся составить въ послѣдствіи такое-же обзоріе за время болѣе близкое къ намъ и изложить опыты произвождашіяся въ Boulogne-sur-mer; мы напечатаемъ потомъ нѣкоторыя извѣстія о Парижскомъ центральномъ обществѣ кораблекрушеній, въ которомъ участвуютъ многие достойные и почтенные люди какъ напри- мѣръ Герцогъ Montmorancy, Маркизъ de la Rochefoucault, Liancourt, Delaborde. Griban. Chaziron, Castéra и и. д.

Н. С.—НЪ.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО КИТАЙЦАМЪ, (изъ Quarterly Review).

Не смотря на всѣ враждебные помыслы возбуждаемые новѣйшими событіями въ сердцѣ каждаго Англичанина, мы не можемъ однако не ощущать нѣкотораго расположенія въ пользу Китайцевъ.

Можно ли забыть, что это нація древнѣйшая на земномъ шарѣ, нація коей лѣтописи обнимаютъ три тысячи лѣтъ правильной и до сихъ поръ не противорѣчащей исторіи, гдѣ мы находимъ непрерывный рядъ династій, царствующихъ надъ народомъ превосходящимъ народы прочихъ имперій, и который притомъ остается всегда единымъ, всегда одинаковымъ, безъ смѣны? Это многолюдство, соединенное въ народъ, обладающее странною обширнѣйшею, плодосвѣтнѣею, излуч-

ше обработанною; странною перерѣзанною многочисленными судоходными рѣками (изъ коихъ двѣ принадлежатъ къ первому разряду), съ ихъ притоками, и внутреннимъ судоходствомъ неизмѣющимъ подобіемъ даже въ Европѣ, простирающимся на пространство 1200 миль, и соединяющимъ столицу на сѣверѣ съ обширнымъ рынкомъ внѣшней торговли на югѣ. Это безмѣрное скопленіе существъ челоѣческихъ не чувствуетъ недостатка ни въ какихъ жизненныхъ потребностяхъ, и Китайцы могутъ обойтись безъ иностранцевъ даже въ предметахъ роскоши. Они живутъ мирною промышленностію, управляемые законами совершенно въ ихъ духѣ и не подходящими на законы ни какой другой націи: они говорятъ языкомъ образованнымъ, оригинальнымъ и философски построеннымъ, который не знаетъ родства съ прочими языками живыми или мертвыми, и коего древность такова, что начало ея ускользаетъ какъ отъ преданій изустныхъ такъ и отъ лѣтописей челоѣка. Всѣ искусства у Китайцевъ весьма развиты, нѣкоторыя даже до совершенства: напри- мѣръ, не могутъ превзойти ихъ въ приготовленіи шелковыхъ, атласныхъ матерій, въ рѣзбѣ на деревѣ, на кости, изъ рога; даже не могутъ подражать имъ; что касается до фарфоровыхъ надѣлій, никакая горшечня въ Европѣ не можетъ достигъ до такой прозрачности и изыщности; Китайцы съ незапамятныхъ временъ знаютъ употребленіе книгопечатанія и они издали тысячи и миллионы томовъ о различныхъ предметахъ правительства, законодательства, нравственности, религій (сколь бы она ни была языческая), о земледѣліи, садоводствѣ и другихъ домашнихъ искусствахъ, не говоря уже о ихъ комедіяхъ, романахъ, сказкахъ и другихъ родахъ изыщной словесности. Не пайти во всей Азій, во всемъ восточномъ свѣтѣ, подобнаго народа живущаго въ каменныхъ, кирпичныхъ или деревянныхъ домахъ, примично меблированныхъ и украшенныхъ; средній и высшій классы народа одѣтые въ шелковыя матеріи, крестьяне въ бумажныя; и этими выгодами наслаждающіе ихъ предки, когда наши были еще покрыты грубыми звѣриными кожей. Одни изъ восточныхъ народовъ,

Китайцы спать на постеляхъ съ занавѣслями, одни они садятся на стульяхъ и софахъ, ѣдятъ за столомъ, когда другіе народы тогоже полушарія валяются на землѣ. . . . Все это заставляетъ смотреть на Китайцевъ съ чувствомъ уваженія, заставляетъ удивляться ихъ прекрасной странѣ, заставляетъ говорить объ нихъ съ бѣльшимъ почтеніемъ нежели какое оказываютъ имъ наши соотечественники, въ особенности когда мы сравнимъ ихъ дипломатическіе акты съ актами нашихъ агентовъ.

СУПРУЖЕСТВО,

Новая фамиліальная игра въ Германіи.

Какой-то Нѣмецъ супругъ, измученный *влеченіемъ своей брачной цѣпи*, но юмористъ по природѣ, подшучиваетъ сквозь слезы надъ своей горькой участью и описываетъ читателямъ одного журнала — союзъ свой въ видѣ . . . . *игры*.

Я женился, пишетъ несчастный супругъ, на миленькой, хорошенькой свѣтской игривой *дамочки*, которая *додела* меня до того, что я хоть бѣги изъ дома вонъ, хоть выбрось домъ за окошки. . . . *Разыгрывая* съ ней вдвоемъ нашу жизненную партію, я по всей справедливости могъ бы назвать союзъ нашъ *игрою съ доведи или съ дамки (Damenspiel)*: одна *шашка въ особенности* меня дорѣзала и легла мнѣ *камнемъ* на сердце. Чтобы не ломать своей дворянской головушки и сохранить по возможности спокойствіе духа, я часто принужденъ бывалъ уступать искусству и силѣ, и играю . . . *съ поддавки*. О шахматахъ и говорить нечего; передъ женой моею какъ передъ Ферзью — я слонъ-слономъ, пѣшка-пѣшкой!

Иногда наша партія принимаетъ видъ *биллиардной игры* и превращается въ настоящую *à la guère*. Но и въ этой партіи недочетъ всегда на моей сторонѣ, хоть я и не даю впередъ женѣ моей ни очка. Если случается ей *облудиться*, то

ужь вѣрно потомъ удары градомъ посыплютъ на бѣдную мою *билію*, и я — какъ погоняемый кіемъ, поскорѣй пока не провѣдали, прячусь *въ блузу*. Начнемъ ли играть въ *Каролину* — и того хуже! Не успеешь подготовить *карамболикъ—анъ — биць!* того и гляди что партнерка моя воспользуется; а я, то и знай что *мимо, за бортъ или на себѣ*. Однимъ словомъ — *последній ударъ* всегда за нею!

Иногда, — польститесь мнѣ будто мы играемъ въ *никетт*. Чтожъ бы вы думали? Прикупаю карты, я разрозню себя четырнадцать, а женѣ сдамъ семь и семнадцать; записываю въ простую, она на рефетъ; смотришь — къ концу партіи у нее — *плюсъ*, а у меня — *минусъ!*

Въ другое время мы какъ будто разыгрываемъ вдвоемъ четырехъ ручный дуэтъ, а дажію или *фугу*, и хоть порядочно знаемъ музыку, а почти всегда раздаются у насъ *диссонансы* — ну совершенный *Содомъ!* И все оттого, что во взаимной игрѣ нашей мы никакъ *не гармонизуемъ* между собою. Если я заиграю пьяно пачениссимо, она форте фортиссимо; я начинаю въ *мажорномъ* тонѣ, она вторитъ мнѣ въ *минорномъ*, я начинаю въ *молльномъ* — она отвѣчаетъ всегда въ *дурномъ* тонѣ. Одну справедливость долженъ я отдать женѣ моею, что она весьма сильна въ *аппликатурахъ*, гораздо тверже меня держитъ *такты*, а быстрота пальцевъ ея и рукъ . . . невбродна. Что твой Дрейшокъ! такъ и *колупитъ* . . . съ руки на руку, съ права на лѣво!!! И теперь еще какъ вспомню, такъ въ глазахъ и зарыбить, свѣту Божьяго не видать!! —

ГЕРЦОГЪ БОРДОССКІЙ.

Щегольски одѣтый молодой человекъ подѣхалъ къ лучшей гостиницѣ одного Французскаго провинціального городка; выходя изъ экипажа онъ просилъ трактирщика потрудиться дать привезшему его постильноу 6 франковъ *на водку*, потому что на это время въ кассѣ его ничего не было кромѣ золота. Такой богатой платежъ *на водку* показался трактирщику слишкомъ роскошнымъ и

онъ почтительно спросилъ приѣзжаго: „шесть франковъ на еду? Не ошибаюсь ли вы?“ — „Если мало, возрадуй приѣзжій, то дайте ему 10 франковъ“. — Эта новая щедрость еще болѣе поразила трактирщика; но изумленіе его удвоилось когда въ книгѣ приѣзжихъ, въ которой путешественники обыкновенно записывались, прочелъ онъ имя приѣзжаго: тамъ написано было четкими и ясными буквами Duc de Bordeaux (Герцогъ Бордосскій)! Безъ ума и безъ памяти бросился хозяинъ къ своимъ, и рассказалъ имъ по секрету какого высокого посѣтителя имѣлъ онъ честь принять въ своей гостиницѣ: эта новость какъ потокъ разлилась скорѣ по цѣлому городку и когда новоприѣзжій ступилъ вечеромъ въ театръ, то цѣлая толпа любопытныхъ сопровождала его. Вся публика кричала ему ура. Восторгъ одушевлялъ всѣхъ и каждого. При возвращеніи изъ театра, та же толпа съ криками и пласками сопровождала неожиданнаго гостя въ трактиръ, который нашелъ онъ великолѣпно илюминированнымъ. Удивленный такою торжественностью, новоприѣзжій гость спросилъ своего хозяина о причинѣ столь неожиданныхъ приготовленій и тѣхъ сценъ восторга, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ: „въ честь кому всѣ эти торжества, и въ честь какой всемістной радости?“ — „въ честь нашего Королевскаго Высочества, отвѣчалъ съ подобострастіемъ трактирщикъ“. „Въ честь моего . . . вы вѣрно шутите г. хозяинъ“. — „Ни какъ нѣтъ, М. Г. развѣ вы не Дюль де Бордо (Герцогъ Бордосскій), не наследникъ Короля Карла X“? — „Чортъ возьми ваши глупыя шутки, да кто же сказалъ вамъ что я Герцогъ Бордосскій, наследникъ Карла X“? — „Книга приѣзжихъ, отвѣчалъ двусмысленно трактирщикъ, ваша необыкновенная щедрость“. — „Такъ вотъ что, отвѣчалъ приѣзжій помрадя со смѣху. Но отчего же не взгляды на хорошенько моей подписи? тамъ написано: Duc, (Герцогъ) и поставлена запятая, а потомъ сказано de Bordeaux (изъ Бордо). Первое — мое фамильное имя, второе — мѣсто моей родины; т. е. я называюсь Дюкъ, родомъ изъ Бордо“. — „Чортъ побери вашу запятую, а и не примѣтилъ ее! Кто теперь заплютитъ изъ за мои шкалики, за

мою бѣготню, за то что я одурачилъ себя и весь городъ“. — „Вѣроятно не я, а не досмотрѣнная вами запятая“.

КНИЖНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВЪ ГЕРМАНИИ.

Что значить наша книжная дѣятельность передъ Германскою? Капля въ морѣ! — Одинъ каталогъ книгъ приготовленныхъ къ Лейпцигской ярмаркѣ 1840, и Михаэлисовъ указатель всего вышедшаго съ 1839 по святую недѣлю 1840 и вновь приготовленнаго къ печати, весьма недавно изданы у Вейдмана въ Лейпцигѣ на . . . 24 печатныхъ листахъ! Изданіемъ и продажей этихъ книгъ занимаются 599 книгопродавческихъ домовъ, изъ которыхъ 76 торгуютъ въ одномъ городѣ Лейпцигѣ и уже издали 688 сочиненій! Въ числѣ этихъ книгъ 4459 знаменій отпечатаны, а 448 изготовлены къ печати или печатаются. Вотъ цифры дѣлности и названія известнѣйшихъ книжниковъ — издателей: Рейцель (109 знаменій); Бассе (70); Арнольдъ, въ Дрезденѣ (64); Гестъ (34); Кольманъ въ Лейпцигѣ (47); О. I. Вейгель, тамъ же (44); Реймеръ (44); Котта (42); Манцъ, въ Регенсбургѣ (40); Брокгаузъ (38); Менцлеръ 36; Вейдманъ, въ Лейпцигѣ, Ганъ въ Ганноверѣ и Бартъ въ Лейпцигѣ, на каждую книжную лавку по (34); Герольдъ (32); Гейманъ въ Берлинѣ (27). — Едва вѣрнѣе глазамъ своимъ, читалъ эти официальные цифры!

О ПАМЯТНИКѢ ВЪ ЧЕСТЬ ИСТОРИОГРАФУ, МЮЛЛЕРУ.

Въ Шафгаузенѣ составилъ комитетъ для сооруженія памятника знаменитому Исторіографу *Йоханну Мюллеру*. Въ ресстрѣ основателей памятника первыми подписались Президенты большаго и малаго Совѣтовъ.

НОВОРОЖДЕННЫЙ ГАЗЕТНЫЙ ГЕНИЙ.

Новый дивотный младенецъ увидѣлъ свѣтъ міра! Ein junger talentvoller Knabe hat das Licht der Welt erblickt! Кто этому не вѣрить — прочти Лейпцигскій *Intelligenz*

№11 12 Февраля 1840, въ которомъ именно напечатано: „Вчерашняго числа въ третьемъ часу по полудни, любовная супруга моя госпожа *Амалия Гельшъ*, урожденная Герингъ, подарила меня молоденькимъ гениальнымъ мальчикомъ. Шнеэбергъ 11 Февраля 1840. Францъ А. Гельшъ“. Одна немецкiй журналистъ увѣрляетъ читателей что въ слѣдующемъ великомъ посту, новорожденный намеренъ дать въ Петербургъ большой *окальный и антрумопальный концертъ*, за самую высокую цѣну для еврейныхъ дилетантовъ, и что ложь, прелесть и мѣста уже заранѣе всѣ расобраны. Намъ кажется однакоже что тутъ есть маленькая ошечатка: вероятно вышло Петербурга надобно читать Вена, Берлинъ, Гамбургъ или еще вѣрнѣе Лейпцигъ. Впрочемъ потому что такому крошечному виртуозу слишкомъ далеко и холодно сюда ѣхать въ великомъ посту. Да и фортепьяна наши не слышали ли будутъ туго для маленькихъ рученокъ новорожденного виртуоза. Не почему ли журналистъ отправляетъ его за границу что держится поговорки: *тѣмъ пророкамъ отъ отечества своею?* А не мѣшало бы сынамъ Германiи повѣрить прежде самимъ крикъ и пискъ своего виртуоза!

СТАГИННЫЕ АНГЛИЙСКІЕ КЛУБЫ.

КЛУБЪ ВЪЛЮБЛЕННЫХЪ.

Вотъ что сказала Ювеналъ въ 15-й сатирѣ своей. „Для чего же мы, люди образованные, не заключимъ между собою вѣчнаго мира? Не смотря на всю взаимную ненависть, вкормившуюся между нами, можетъ быть, на зло нашимъ страстямъ, мы скорѣе всего согласимся бы на это.“ Въ доказательство я приведу страсть нашу къ собраніямъ, названнымъ въ Англіи подъ именемъ *клубовъ*, этимъ ночнымъ сборищамъ, гдѣ подъ предлогомъ малѣйшаго сходства въ характерѣ или въ образованіи тѣла или ума, люди (часто противные одинъ другому) собирались два, три раза въ недѣлю и братались, кусая губы отъ неприязни и

отирашения. Какъ если бы тигры и медвѣди согласились между собою не дѣлать другъ друга, такъ въ Англіи горбатыя согласились: „не будемъ другъ къ другу обращаться спиною.“ Уроды уговорились: „не будемъ строить другъ другу гримасы „Дураки!“ не будемъ уязвлять своего достоинства. „Сухорыло“ дадимъ другъ другу руки. „Слѣпые, будемъ омотрѣть другъ на друга, какъ братья!“ Изъ этихъ источниковъ произошло безконечное множество клубовъ — но будьте сами, много ли бы могло ихъ развестись? Даже обжорство — и изъ этого составился клубъ, именно устроился клубъ бистеисовъ, содержательница которой была да мистрисъ Стоу-сингтонъ. Но я буду говорить только о тѣхъ изъ нихъ, которые, по моему, представляютъ больше занимательности. Между ними были такіе странные, что одни именъ ихъ уже возбуждаютъ величайшее любопытство.

Но представляется ли здѣсь обширный поприще для размышленія великимъ филантропамъ, устроителямъ разумъ свой въ нравныя развитія будущаго, чтобы, какъ она выражаются, найти тамъ какую нибудь плодотворную долину для пастбища огромнаго стада человѣческаго рода? Отвѣчайте, не угадываете ли вы какого нибудь глубокаго источника въ этомъ добровольномъ и такомъ сильномъ стремленіи соединиться въ общества? Можетъ, не лаяя ли достигнуть общаго мира посредствомъ клубовъ. Попробуйте. Блѣдъ кажется вамъ смѣшнымъ . . . . она не такъ смѣшна, если вамъ угодно. Когда уже горбатыя, уроды, влюбленные, дураки привыкли жить въ согласіи, то если бы наконецъ люди согласились хоть только отчасти заключить вѣчный миръ, что помѣшало бы устроить обширный клубъ, куда вы съехали бы насъ войкъ и назвали его клубомъ человечества! приятно звучитъ? не правда ли? — А развѣ не пріучаютъ лошади скакать черезъ десять, двадцать, тридцать заборовъ, заставляя ее скакать сперва черезъ одинъ, потомъ черезъ два, черезъ три до тѣхъ поръ, пока она неучится скакать черезъ всѣ, не задвѣкая ни за одинъ.

Подумайте, не помѣетъ ли вамъ опсианіе одного англійскаго клуба, которое

я представлю вамъ, мысли учредить ихъ у насъ? Я думаю, вы найдете въ этомъ свою выгоду! — По крайней мѣрѣ, моя работа не для всѣхъ будетъ бесполезна.

На примѣръ представлю вамъ клубъ влюбленныхъ; я не безъ причины выбралъ этотъ клубъ: потому что любовь изъ всѣхъ страстей всего больше распространялась между нами! Да и не удивительно, что ей воздается такая часть. Въ Оксфордѣ, городѣ веселія и удовольствій, какъ называлъ его разъ Аддисонъ, образовалось общество вадыхающихъ. Оно составилось изъ дураковъ еще довольно разсудительныхъ впрочемъ, чтобы сознаться въ своей глупости и изъвишихъ при этомъ удаленіи отъ свѣта умную цѣль — не казаться смѣшными ни передъ кѣмъ другимъ, какъ только передъ самимъ собой. На дверяхъ клуба выгравирована была знаменитая надпись, сдѣланныя на входѣ въ Дантовъ адъ, но искаженная; вмѣсто того, чтобы терять надежду при входѣ туда, нужно потерять — разсудокъ! . . . Я шёлъ туда очень многіе. Но что всего любопытнѣе — такъ это внутреннее устройство собранія. Когда влюбленный приходилъ въ клубъ, онъ безъ всякаго предисловія садился прямо на кафедру и говорилъ самъ съ собой все, что приходило ему въ голову. Со всѣхъ сторонъ, слышались фразы: "о, какой очаровательный взглядъ она на меня бросила! никогда глаза ея не были такъ прекрасны, такъ чисты, какъ въ это утро!", и тысячи подобнаго надора въ этомъ родѣ, и все это происходило съ такою важностію и съ такою энтузіазмомъ, что обыкновенный влюбленный умеръ бы отъ зависти. Рѣчь продолжалась своимъ порядкомъ и ораторъ не обращалъ вниманія на остальныхъ членовъ, потому что эти господа собирались не за тѣмъ, чтобы разговаривать; но каждый имѣлъ свободу громко высказывать самому себѣ всѣ мысли, самыя недѣльныя и пустѣйшія, какія приходили ему въ голову.

И все было въ этомъ родѣ: вмѣсто щепотки табаку, этого сильнаго подкрѣвленія нашихъ ораторовъ, вмѣсто стакановъ сахарной воды, ни мало не улаждающей горечь рѣчей ихъ, влюбленные носили съ собою, прижимали къ сердцу куски лентъ, изорванныя опашала, старые кушаки, го-

воря о предметъ своей страсти съ сильнымъ движеніемъ глазъ и со вздохами такими, какъ будто хотѣли разорвать себѣ грудь. Это собраніе походило на комнату за кулисами въ театрѣ, гдѣ актеры учатъ каждый свою роль передъ выходомъ на сцену, предаваясь слезамъ и горести, споря, крича, или смѣясь, каждый, смотря по своей роли: въ самомъ дѣлѣ — одинъ жаловался на свою участь, другой кричалъ, что онъ желалъ бы разорвать цѣпи своего рабства; этотъ оплакивалъ свои мученія, тотъ сидитъ молча, какъ будто въ размышленіи, устремля глаза въ небо и съ рѣсницами увлажненными слезами; иные выражали страсть свою жестами и крикливою, ударяя себя по лбу, въ сердце, рвалъ на себѣ волосы или катался по полу. Часто случалось, что вдругъ одинъ изъ членовъ собранія вставалъ и съ дикимъ энтузіазмомъ, съ какимъ-то страшнымъ напряженіемъ, произносилъ длинную рѣчь, гдѣ онъ говорилъ о своей страсти, описывалъ свои волненія, изчисляя всѣ біенія своего сердца, всѣ часы наслажденія, проведенныя имъ въ утѣхахъ; новизна собранія часто, до того одушевлялось, что приставало къ оратору и составляло одинъ хоръ. На жесты его отвѣчали жестами, на слова словами; представьте себѣ какой шумъ бывалъ тогда въ залѣ.

Первенство переходило къ тому, кто выражалъ свое пламя въ трогательнѣйшихъ словахъ, въ уваженіе силы страсти его, о которой судили по силѣ голоса и легкости его. Слѣдовательно тутъ не было, ни интригъ, ни предѣловъ.

Позже основалось въ Лондонѣ подобное общество подъ названіемъ „клубъ перчатокъ съ бахрамою“ (Fringe-glove club) но члены этого общества были такъ просты, они имѣли столько власти надъ своими страстями, что, по умѣренности ихъ, они не могли достигнуть той степени глупости, чтобы каждый день представлять новыя сумасбродства; кончилось тѣмъ, что они выражали свою любовь только костюмами; общество уничтожилось. Но, внявъ Оксфорду! глупость тамъ долго царствовала!

Изъ розысковъ, сдѣланныхъ мною, я узналъ, что Донъ Кихотъ Ламанчскій былъ патрономъ нашихъ влюбленныхъ и

каждый день одинъ членъ громко читаль въ клубъ похождения этого рыцаря и всѣ слушали его съ благоговѣніемъ.

Какъ Друиды, влюбленные наши носили законы въ сердца; у нихъ не было ни какихъ писанныхъ правилъ; большинство голосовъ у нихъ все рѣшало. Они называли себя жрецами Купидона и обожателями прекраснаго пола. Число членовъ было неопредѣленное и это очень справедливо. Каждый кандидатъ долженъ былъ представиться съ любовницею и читать поэму, написанную въ честь ея имъ самимъ. Это послѣднее условіе было ненарушимо, какъ будто недовольно было одной глупости. Они основывались на той аксіомѣ, что каждый человекъ истинно влюбленный долженъ непременно лучше или хуже кропать стихи; но какъ небо не опредѣлило, чтобы каждый влюбленный былъ и великимъ поэтомъ, то очень вѣроятно, что они деботировали иногда такими стихами, что у слушателей волоса становились дыбомъ. Но все равно, во всякомъ случаѣ, не думаю, чтобы за худую поэму назначалось исключеніе изъ общества, — клубъ былъ слишкомъ многочисленъ для того, чтобы сомнѣваться въ этомъ. Только того кто непочтительно говорилъ о женщинѣ, сей часъ выгоняли изъ общества со стыдомъ.

Но, господа Фиантропы, вотъ надѣчьмъ вы позадумаетесь. Между этими глупцами соединеніе было такъ тѣсно, братство такъ могущественно, что когда встрѣчались между ними соперники, то они не дрались, а пили здоровье ихъ общей любовницы. И пить нужно было столько стакановъ, сколько было буквъ въ имени ихъ любовной.

Разъ одинъ студентъ предложилъ своему сопернику пить за здоровье Elisabetha Dimple—16 стакановъ вина! студентъ былъ сильно влюбленъ! въ клубъ зашумѣли и рѣшено было выразить покороче имя ихъ любовной: два соперника пили здоровье Betty.

Кто не вздыхалъ, по крайней мѣрѣ, пять разъ въ продолженіи четверти часа, на того смотрѣли, какъ на недостойнаго члена, а тотъ, кто прямо отвѣчалъ на сдѣланный ему вдругъ вопросъ, единогласно провозглашаемъ былъ глупцомъ.

Влюбленные имѣютъ чувствительное сердце: по этому ихъ испытывали также при погребеніи ихъ товарищей: умершему члену клуба воздавались нѣкоторыя почести. На гробъ покойнаго каждый изъ членовъ клуба долженъ былъ пролить, по крайней мѣрѣ, двѣ слезы; кто оказывался нерасположеннымъ къ такой чувствительности, былъ исключаемъ изъ клуба до тѣхъ поръ, пока въ известное время испривится подъ надзоромъ особеннаго присяжнаго, назначаемаго на этотъ случай. Это исправленіе состояло въ томъ, что онъ долженъ былъ прочесть поэму въ утѣшеніе плачущей любовницы покойнаго. Господа члены этого клуба особенно любили поэзію. По балтировка выбиралась четыре члена для произнесенія надгробныхъ рѣчей; рѣчи эти должны были сопровождаться рыданіями. Отказаться отъ этого было невозможно и кто не удовлетворялъ требуемымъ условіямъ, тотъ подвергался вышесказанному униженію. Если у влюбленнаго умирала его любовная, ему назначалось четыре мѣсяца для оплакиванія ея, послѣ чего онъ долженъ былъ засвидѣтельствовать, что имѣетъ новую любовную и читать обществу новую поэму; если онъ не дѣлалъ этого, онъ былъ исключаемъ до тѣхъ поръ, пока могъ доказать свои права на новое поступленіе въ клубъ. Если кто терялъ любовницу по другой какой нибудь причинѣ, по невѣрности или разлукѣ, тому давалось только двѣ недѣли срока; потомъ онъ подвергался тѣмъ же условіямъ, какъ и предшедшій.

Однимъ словомъ, это общество, какъ видимъ, состояло изъ людей, дѣйствіями которыхъ не всегда управлялъ расудокъ. Клубъ этотъ всегда оставался тайнымъ, потому что онъ основанъ былъ Оксфордскими студентами; университетъ, вѣроятно, не утвердилъ бы его, потому что онъ не признавалъ докторовъ любви. Но позже этотъ клубъ получилъ большую извѣстность. Учители и ученики смѣшались.

Я своими стараніями успѣлъ достать нѣсколько рѣчей изъ говоренныхъ въ этомъ собраніи; представлю вамъ отрывки одной изъ нихъ, они достаточно покажутъ намъ до какой степени простирадись ихъ сумазбродство и глупость.

Въ этотъ вечеръ въ залѣ было особенно шумно; сердца больше страдали, головы больше пылали, чѣмъ когда нибудь. Вдругъ одинъ членъ входить на кафедру и начинаетъ говорить сильнымъ голосомъ, заглушившимъ всѣ прочіе голоса; молчаніе водворилось; тѣ, которые катались по полу, встали и заняли свои мѣста - это было благодарніемъ для нѣкоторыхъ, которые горстями вырвали у себя волосы, или бились головой объ стѣну, или сильно ударили себя въ грудь. Передъ концомъ вечера, въ залѣ обыкновенно оставались только пѣшныя, слабые грудью или хромыя, — всѣ обезображенные усердіемъ къ своему долгу. И такъ тишина водворилась и, хотя ораторъ ни къ кому не обращался, всѣ его слушали.

“Волны любви, текуція въ моемъ сердцѣ, кричалъ онъ, ревите, какъ океанъ во время бури и распространяйте далеко ваше громкое эхо. Волканъ любви, пожирающій мою душу, изрыни твою пламя и твою лаву. Нѣтъ, никогда чедовѣкъ на землѣ не былъ такъ счастливъ! Гдѣ ты предаетъ любви моей? зачѣмъ ты вырвалась изъ моихъ объятій, несравненная красавица . . . я испилъ полную чашу наслажденій, я испилъ ее до послѣдней капли.”

Тутъ ораторъ остановился и сталъ искать стакана сахарной воды: горло высохло у него отъ крика — но воды не было. Онъ удовольствовался, прожевавъ кусокъ кружковъ, который держалъ въ рукѣ.

— “Да, я не утолил своей жажды! (я думаю). Альбина, Альбина, приди, поднеси мнѣ твои алыя губки, я высосу изъ нихъ любовь и ею утолю жажду! . . . Альбина, призываю тебя, слышишь ли меня. Альбина? отвѣчай же, Альбина!”

Все собраніе воодушевилось и повторило громко: Альбина, Альбина!

Ораторъ снова жуетъ свои кружкова. Продолжительное молчаніе. “Призываю тебя, вижу тебя. Ахъ! Альбина, я чувствую твоё присутствіе въ моемъ сердцѣ! умремъ отъ блаженства и будемъ валяться на зеленномъ коврѣ, простирающемся у ногъ нашихъ!”

Здѣсь ораторъ упалъ на полъ и началъ валяться у своихъ кресель; тысяча апплодиссементовъ раздались въ залѣ. Его водили, онъ вывыгнулъ себѣ руку; ап-

плодиссементы удвоились; начали ломать кресла и сѣмьи, облако пыли наполнило залу. Если бы онъ убилъ себя, ему закричали бы *фора*.

Рѣчь очень тронула и оглушила всѣхъ слушателей. Ораторъ единогласно провозглашенъ былъ президентомъ. Но случилось еще странное обстоятельство: явилось шесть членовъ, объявившихъ свои права на любовь Альбины. Я сказалъ уже, какъ прекращались за стаканами такіа соперничества. Такъ было и теперь.

(L . . . Xavier Ayma).

НАПОЛЕОНОВА ШЛЯПА СЪ МЯСОМЪ,

или какъ надо покорять великую націю!

Слушайте, слушайте господа Русскіе гадломаны! хоть и не любю, а *слушайте*, и *был* рассказывать *ме мѣшайне!*

Было время, когда цѣлые обоаы Французовъ прѣѣзжали къ намъ (или лучше сказать къ вамъ) своей *языкъ показывать*; но когда Бонапарте привелъ съ собою дванадцать языкъ, Русскіе заговорили своимъ языкомъ и задали Французамъ такого трезвона, что съ тѣхъ поръ всѣ завистники и клеветники Россіи, всѣ Европейскія кумушки прикусили язычекъ. Незваные не могли жаловаться на худое гостеприимство! Русскіе угостили ихъ и Бородинскими орѣхами, и Виземскими пряниками и Смоленскою крупкою; отогрѣли Московскимъ топливомъ, выпарили въ Тарутинской банькѣ, выкутали и напоили Березинскою водицею. Славное было угощеніе, да что и говорить: когда Русской разпожнётся на подчиваніе, такъ *что ни есть въ печи, все изъ столъ мечи*, а Московская печь, ни много ни мало, 62 версты въ окружности.

Послѣ такого угощенія, не только Русскіе полу-Французы, да и заправскіе Французики на-шоридкахъ поугомонились и легъ пятнадцать (1815 по 1830 годъ) все шло себѣ чинъ чиномъ; потомъ (въ Іюль 1830 г.) опять заворонились было; ну да это ихъ дѣло домашнее: а моя рѣчь не къ тому клонится; все это — изволите видѣть только присказка, а сказка то впереди.

Видно правда, когда Русские вступили считали за счастье походить на Французовъ и достигая этого счастья очень легко, потому что у кого была наготовѣ внутренняя голова, тому оставалось только причесаться и нарядится Французомъ; но, благодаря Бога, наша страсть походить на Французовъ прошла, миновала, съ тѣхъ поръ какъ мы сами овладѣли ихъ, и нарядили великую армию въ женскія душегрѣйки и панталы. Теперь настало иное время: Французы хотятъ казаться Русскими, сами причесались à la moujik, накинули на плеча балахоны Русскихъ мѣльниковъ (пельто) и даже пустились плясать русскую на Французскомъ диалектѣ. Все это хорошо, да вотъ беда: они отъ плечъ прямо перешли къ ногамъ и позабыли прихватить бездѣлицу, Русское сердце, анъ на повѣрку и стали воронами въ павлиньихъ перьяхъ. Правду сказать, когда мы любилъ корчить изъ себя Французовъ, мы не разбирали много и перенимали все сплошь; а Французы, тягались за Русскими, дѣлають славыя салто-морталы: начавши прическою мужиковъ до татарскихъ временъ, ударившись прямо во времена Тринки Отрешева, да тутъ же, вздумали поддѣлку подъ Кутузова! „Какъ такъ?“ а вотъ какъ. Слыхали Французы о глѣзкихъ временахъ бывшихъ у насъ при Самозванцѣ; слышали, да не поняли въ чемъ смакъ; не въ догадъ имъ было, отъ чего одно только имя царскаго сына покоряло всю Россію; они думаютъ, что Русскимъ нуженъ былъ только предлогъ изъ суматохъ и кровавымъ попойкамъ, а того и не смѣкнувъ, что Русской человекъ съ молокомъ всасывается въ себя предаивность къ престолу, и при словѣ: „батюшка царь и царская кровь,“ готовъ въ огонь и въ воду. Вотъ и вздумали французскія головы что и у нихъ можно двигать сердца одними вывезъ царскимъ, а какъ сердца то не Русскія, такъ умныя головы и прощтыкнулись. Чай нечего вамъ сказывать кто-такой Лудовикъ Вонашарте; вотъ онъ то набралъ ватагу да и шастъ въ Вудонъ, кашу заваривать. „Я дескать потомокъ Императора и вашъ законный Король!“ да и грибокъ съѣлъ; иное дѣло сказалъ бы какойнибудь каламбуръ, такъ можетъ быть и припешся бы по праву, а то вотъ съ чѣмъ подѣхалъ!

дѣло было въ провѣдѣе мисію Норде госнозавниками, а какъ было дѣло нечего вамъ рассказывать, я чай вы уже сами давно извѣдали все учитьте изъ Французскихъ газетъ; а если не читали, такъ прочтите и для того ступайте въ какую-нибудь кондиторскую; а самъ тамъ была, лимонадъ пить, но усамъ токло, а въ ротъ кисленькая водичка попала! А штука-то диковинная, такъ ужъ точно диковинная (слушайте, слушайте!): вздумалъ Лудовикъ Вонашарте поддѣлаться подъ нашего Бессмертнаго Кутузова!...

Всѣмъ и каждому извѣстно какъ передъ Бородинскимъ сраженіемъ надъ главою шеститого Русскаго полководца парилъ орелъ по воднебесью; а какъ Бородинской то громъ и не сю пару трещитъ въ ушакъ Французовъ (*), такъ мудро ли, что и Кутузовской орелъ все мерещителъ Французамъ; а какъ Лудовикъ со своими Французами шелъ бить Французовъ, то и вздумалъ поддѣлаться подъ Кутузова: надо дескать, чтобы и надо много орелъ шарилъ, это будетъ самымъ вѣрнымъ предзнаменованіемъ покоренія Французовъ. Сказано и сдѣлано: вѣсколькы вѣсннцѣ приучали орла садиться на шляпу Наполеона; да и какъ не приучить, когда ему не давали корма иначе, какъ изъ этой шляпы предположено было держать орла на парокодѣ привезшемъ Лудовика Наполеона, и отсутствію по данному сигналу, въ ту минуту, когда Лудовикъ взойдетъ на Вудонскую колонну; тогда-то приученный и голодный орелъ должеъ былъ влетѣть на шпательную шляпу Наполеона. Разсчитано, что такая комедія сдѣлаетъ самый театральнй эффектъ и возбудитъ энтузіазмъ изъ предстоющимъ войскъ и народѣ. Знатная штука! да грѣхъ понучалъ: вмѣстѣ съ Лудовикомъ ваята и шляпа его, а въ шой шапдѣа илотно прирѣзанная мисію для ор-

(*) а въ удостовѣреніе, не сомневайтесь ли прочесть что рассказана намъ о немъ самовидецъ — Русакъ, Ф. Н. Глинка въ своей книгѣ: . . . Очерки Бородинскаго сраженія (вспоминанія о 1812 годѣ). М. 1839. Усладительно и мастерски представилъ нашъ воинъ — поэта борьбу Исполнновъ, гдѣ начала свѣтлѣть звава Россіи, и — меривуть — звѣзда Франціи.

ле и — кусок дерева даде! Не споква-
тась, да не удай оца въ чема даде, —
вазикая нация нада бы — ради обновы,
— къ стѣпанъ новаго Манюлеона.

Не вѣрите мнѣ, взгляните въ Journal de
Grandbourg, N 225, 12/8 Августа.

— Слава тебѣ Господи, что ми Рус-
скіе! На комедіи насъ не возьмешь; а съ-
умѣвши до сердца добратся чествомъ и
добромъ, такъ ужъ твои и твои — на
вѣки нерушимо! С. НАВРОЦКІЙ.

Дѣланіе стали.

Мы, вѣрно, окажемъ большую услу-
гу промышленникамъ, занимающимся
дѣланіемъ стали, сообщая нечто о за-
калкѣ ея, выписанное нами изъ доиссе-
ній Жобара (Jobard) изъ Брюсселя, Бель-
гийскому правительству.

Есть еще особеннаго сочиненія о за-
калкѣ стали; все, что писали объ
этомъ, разбросано въ запискахъ и бюл-
летеняхъ ученыхъ и промышленныхъ
обществъ. Хорошо бы сдѣлать, если бы
общими мерами тому, кто сберетъ въ
одно все способы закалки изъ жур-
наловъ и съ фабрикъ. Такая книга была
бы очень полезна для промышленниковъ.

Мы объясняемъ закалку, говорить
Жобаръ, какъ объясняютъ большую часть
явленій, непонятныхъ для насъ, т. е.
говоритъ, что электричество играетъ
тутъ важную роль; но намъ кажется го-
раздо проще предположить, что сталь
получаетъ свою твердость отъ того, что
охлажденіе благоприятствуетъ кристал-
лизациі угля, который превратился бы
въ алмазъ если бы былъ чистъ и безъ
примѣси жѣлѣза.

И такъ примѣсь жѣлѣза служитъ, какъ
бы плавецъ для угля, который, можетъ
быть, въ такомъ раздѣленномъ состояніи
и плавится.

Какъ бы то ни было, вернемся отъ
теорій къ практикѣ. Жобаръ говоритъ,
что если влить воду при средней темпе-
ратурѣ, а сталь при красновинномъ

каленіи, получится закалка гораздо твер-
же чѣмъ въ холодной водѣ, и гораздо
мягче чѣмъ въ водѣ теплой.

Жобаръ говоритъ, что онъ закалывалъ
сталь, при темнокрасномъ каленіи, въ
сизгу и вольфъ съ помысла успѣхомъ; но
всего больше твердости сталь получаетъ
въ очень холодной и окисленной водѣ —
это настоящая закалка. Азотная кислота
можетъ сдѣлать сталь мягкою, если на-
грѣвать ея до красновиннаго; но если
закалывать при темнокрасномъ, дѣйствіе
очень сильно, какъ говорить и Реомюръ,
который, при тысячахъ ложныхъ уметво-
ваній, дѣлалъ вѣрные опыты надъ сталью.
Онъ нашелъ между прочимъ, что прои-
знанные известіями вѣсти и мѣлъ совер-
шенно, какъ при плавленіи, смягчали гру-
бую сталь, и онъ подозревалъ, что мѣлъ
играетъ важную роль въ цементованіи.

Когда закалываютъ сталь въ тѣлахъ
жирныхъ, слизистыхъ или мыльныхъ, за-
калка гораздо мягче, потому что сталь
непосредственно покрывается слоемъ сли-
зи, который препятствуетъ металлу быть
въ непосредственномъ прикосновеніи съ
водою и замедляетъ охлажденіе.

Въ Швейцаріи при закалкѣ топоровъ,
прежде чѣмъ опускаютъ въ воду, пропу-
скаютъ ихъ черезъ кусокъ соли; тампош-
ніе столары закалываютъ также свои
инструменты, погружая ихъ въ овечье
сало; другіе кладутъ слой мыла на воду,
въ которой закалываютъ сталь. Все это
дѣлается для того, чтобы избѣжать хруп-
кой закалки, какъ говоритъ.

Фабриканты обыкновенно закалываютъ
сталь вдругъ до наибольшей плотности
и смягчаютъ ее, какъ они говорятъ, на-
грѣвая послѣ очищенія ея поверхности;
они тогда выкидываютъ, пока цѣвта смяг-
ченія смягчателю послѣдовательно, чтобы
выбрать удобный изъ нихъ. Жобаръ
говоритъ, что эта двойная операція без-
полезна и даже вредитъ стали: для вѣр-
нѣйшаго достиженія цѣли нужно веро-
таться назадъ и исправить погрѣшность,
погружая сталь въ масло, какъ предла-
гаетъ Жобаръ.

Фабриканты знаютъ, что если сталь
навести жиромъ и держать на горлчихъ
угольяхъ, пока масло воспламенится, то

сталь хорошо закаливается; опытъ показавъ, что степень температуры, при которой воспламеняется масло, есть именно та, при которой закалка бываетъ наилучшая для пружинъ и подобныхъ вещей. При дѣланнн ножей даже не ждуть чтобы масло воспламенилось; достаточно когда оно начнетъ дымиться.

Одинъ мастеръ въ Лиѣжъ умѣетъ превосходно закалывать сталь для пилъ; онъ продаетъ ихъ очень дорого; за то они держатся вчетверо дольше другихъ и обломки ихъ, обдѣланные въ видѣ ножа, рѣжутъ желѣзо и мѣдь, не притупляясь. Къ несчастію этотъ мастеръ, по имени Гризартъ, дѣлаетъ тонкія пилы и не увеличиваетъ производства своей фабрики, какъ и Рауль въ Парижѣ, котораго трехгранныя пилы царапаютъ лучшія англійскія.

Жобаръ желалъ бы продать секретъ своихъ работъ.

Отъ распространенія этихъ способовъ экономія была бы величайшая, потому что для мастера, занимающагося только шленіемъ, нужно теперь по двѣ пилы на день, одну толстую и одну тонкую. Изъ этого видно, какой огромный на нихъ расходъ. Въ одной Англии идетъ на пилы 360,000 фунтовъ стали въ мѣсяцъ; тамъ дѣлаютъ по 72,000 пилъ ежедневно, следовательно доставляется пилъ на 86000 мастеровъ.

Пилы Бризара вчетверо прочтѣ обыкновенныхъ, следовательно выгоды было бы въ мѣсяцъ нѣсколько милліоновъ.

Дать розы.

Англійскіе кучера требуютъ непременно, чтобы лошади ихъ, во всякое время года, носили розы, привязанныя къ головному убору ихъ по бокамъ лба; джентльмены любятъ носить въ петляхъ сюртука почки подураспустившихся розъ. Недавно, внезапный холодъ заморозилъ всѣ розы въ Лондонѣ, даже въ оранжереяхъ; Лордъ W . . . хотѣлъ непременно имѣть букетъ для леди N. . . но нигдѣ не могли найти розъ: только одинъ любитель цвѣтовъ сохранилъ и просилъ за каждую изъ нихъ по пяти гиней: лордъ W . . . купилъ ихъ, исторгущь и принесъ въ подарокъ — лошадамъ, извиняясь передъ миледи, что нигдѣ не могъ достать больше.

Медицина въ Англии.

Одинъ Французскій докторъ, поселившійся въ Лондонѣ, Вуро-Рюфрей публиковалъ два письма о постановленіяхъ въ Англійской медицинѣ. Въ нихъ онъ ставитъ въ параллель свободу медицинскаго образованія Франціи съ устройствомъ школъ въ Англии и съ постыднымъ шарлатанствомъ, употребляемымъ тамъ для того, чтобы вынудить у несчастныхъ учащихся какъ можно больше денегъ.

Во Франціи платятъ только, когда записываются въ слушатели и за экзаменъ, больше ни за что. Въ университетахъ, какъ и во второстепенныхъ заведеніяхъ, каждый учащійся можетъ, безъ опустошенія своего кошелька, слушать курсы всѣхъ профессоровъ. Всѣ госпитали для него открыты; докторъ поставляютъ себя за долгъ и удовольствіе познакомить ихъ съ искусствомъ на практикѣ; у насъ на докторскія мѣста выбираются способнѣйшіе изъ учениковъ, помещаютъ ихъ въ госпиталь, называютъ небольшою плато и поручаютъ имъ смотрѣніе за больными и леченіе.

Въ Лондонѣ со всѣхъ иначе: тамъ за все платятъ. Надобно платить за то, чтобы слушать курсъ въ какойнибудь школѣ, платить за входъ въ госпиталь, платить за 6 мѣсяцовъ или за годъ, чтобы слѣдовать за докторомъ при его визитахъ; надобно платить за то, чтобы быть докторомъ и проч.

Въ Лондонѣ три школы: медицинская, хирургическая и аптекарская. Онѣ основаны были собственноручно для экзаменовъ. Науки преподаются въ особенныхъ школахъ, гдѣ, чтобы быть профессоромъ и давать аттестаты за экзаменъ, довольно принадлежать къ одной изъ трехъ высшихъ школъ. Этихъ партукулярныхъ школъ 18 и вотъ сколько должны платить учащійся, чтобы слушать курсы въ каждой изъ нихъ. Въ школѣ Лондонскаго госпиталя 1250, въ школѣ Гюн 1400, въ школѣ Св. Томаса 1,316 Франк. въ школѣ Гренгеръ 1200, въ школѣ Св. Бартеlemi 1,628, въ Сѣверной Лондонской 1000, въ Моллесекской 1125, въ маленькой школѣ унд. Вивдмисъ 1050. Вестминстерскаго 1000 и такъ во всѣхъ другихъ.

Это еще не все: каждый докторъ и хирургъ госпиталя требуютъ съ учени-

ка, желающаго слѣдовать за его курсомъ большую плату. Чтобы присутствовать при кровати больного во время визита докторкаго въ госпиталь, стоитъ въ годъ, по крайней мѣрѣ, 250 или 400 ф. а чтобы быть при операціяхъ и при визитахъ хирурга, 400 или 600 франковъ; наконецъ, чтобы исполнять должность ученика или лѣчить, отъ 600 до 1250 франковъ.

ДѢЛАНІЕ ЗЕРКАЛЪ Дженсъ Торитонъ, профессоръ химіи въ Филадельфійскомъ Университетѣ, сдѣлалъ, говорятъ, великое открытіе, которое произведетъ переворотъ въ дѣланіи зеркальныхъ стеколъ. Онъ составилъ вещество металлическое жидкое и стекловатое, которое, если налить его на поверхность, покрытую амальгамой, при охлажденіи получаетъ тѣже свойства, что и хрустальное стекло, и весьма сходно съ нимъ по виду. Такимъ образомъ можно дѣлать зеркало всякой величины.

Г. Торитонъ покрылъ этимъ веществомъ стѣны и потолокъ одной изъ залъ въ своемъ домѣ въ Филадельфій и говорить, что когда зажжены люстры въ той залѣ, отраженіе свѣта, увеличенное стеклами его изобрѣтенія, производитъ чудесный эффектъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ, СЛУХИ, ИЗВѢСТІЯ.

Пока печаталась VII часть Маяка двилось нѣсколько изданій, на которыя онъ долгомъ считаетъ обратить вниманіе своихъ читателей:

1) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ засѣданіи одесскаго общества любителей Исторіи.

2) Рѣчи, произнесенныя въ Одесскомъ Ришельевскомъ Лицеѣ.

3) Первая книжка *Киселлина*, о которомъ говорили уже, предпріятого г-мъ Максимовичемъ съ цѣлю ближе ознакомить насъ съ древностями южной Руси. Говорятъ, что г-нъ Максимовичъ намѣренъ приступить къ печатанію второй части своей любопытной *Исторіи русской лодовности* и остальныхъ частей *собранія*

малороссійскихъ пѣсень, такъ давно имъ начатаго въ Москвѣ.

4) *Энциклопедія юридическихъ наукъ* г-на Неволина, о которой также упоминали, заставляетъ насъ радоваться за студентовъ Кіевскаго Университета, и вмѣстѣ печалиться, почему эта полезная книга до сихъ поръ не поступила въ продажу.

5) *Древняя исторія Смарагдова*, написанная для Гатчинскаго воспитательнаго Дома.

6) *Записки Желябужскаго*, изданныя вновь, почтеннымъ знаткомъ древностей, Д. И. Языковичъ.

7) Первая часть *трудовъ Императорской Россійской Академіи*.

8) *Болгарскія грамматы*, собранныя незабвеннымъ Ю. И. Веневичемъ и изданныя съ fac-simile Россійскою Академіею.

9) Рѣчи, произнесенныя въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

10) *Исторія Карла V*, славный трудъ Робертсона. Эта книга, напечатанная г. Барышовымъ въ Москвѣ еще въ 1833 году, поступила въ книжныя лавки всего только на прошлой недѣлѣ.

11) *Греческій словарь* въ 4 томахъ, г-на Ивашковского бывшаго профессоромъ въ Московскомъ университетѣ. Это необходимое для всѣхъ пособіе при изученіи древняго языка Эллиновъ, уже два года было напечатано; но, по разнымъ причинамъ до сихъ поръ еще не поступало въ продажу.

12) В. П. Оболенскій издалъ греческій подлинникъ *Иліады*.

13) Г-нъ Крюковъ — первую книгу *Тита-Ливія*.

14) Г-нъ Гофманъ — исторію *Фукидида*.

15) Г-нъ Щуровскій — Геогностическое описаніе Уральского хребта.

16) Ф. А. Морощкинъ — изслѣдованіе о значеніи имени Славянъ и Руссовъ.

17) Г-нъ Филомаѳитскій — вторую и третью часть своей *Физиологии*, по Мюллеру.

18) Г. Чертковъ издалъ прибавленіе къ своему описанію Русскихъ монетъ и еще изслѣдованіе о Болгарскомъ переводѣ Константина Монасея.

19) Второе изданіе изслѣдованій покойнаго барона Розенкампа о Кормчей книгѣ, съ замѣчаніями другихъ ученыхъ, напечатанное здѣсь г. Анастасевичемъ въ

немногих экземплярахъ, говорятъ со-
всѣмъ не будетъ пущено въ книжныя
лавки для продажи.

20) Носятся слухи, что скоро подвиг-
ся третій томъ трудовъ Императорска-
го Московскаго общества исторіи и дре-
вностей Россійскихъ, подъ редакціею М.
П. Погодина.

А. М. Кубаревъ занимается изслѣдо-
ваніемъ Патерика.

И. М. Снегиревъ занимается архе-
ологическимъ описаніемъ Московскихъ
древностей.

21) М. П. Погодинъ, князь М. А. Обо-
ленскій и г-нъ Даниловичъ издають ди-
пломатическія сношенія Грознаго съ Ба-
торіемъ и Сигизмундомъ; сверхъ того —

22) Г-нъ Погодинъ приготавливаетъ къ
изданію памятники древней Славяно-Рус-
ской палеографіи, и продолжаетъ печатать
изслѣдованія о древнихъ временахъ
Руси.

23) Князь Н. А. Мышицкій, авторъ рома-
на *Сиций, Капитанъ Фреата*, въ 3-хъ ча-
стяхъ, напечаталъ уже первую часть; слѣ-
дующія также въ скоромъ времени будутъ
отпечатаны.

24) Ректоръ Московскаго Университета,
М. Т. Каченовскій рѣшилъ наконецъ
вполнѣ изложить свои мнѣнія о лѣтопи-
сляхъ и вообще о древней Русской исто-
ріи.

Вотъ произведенія нашей литературы,
явленія утѣшительныя, отрадные! срав-
ните жъ теперь итогъ новостей: здѣш-
нихъ, Московскихъ, Одесскихъ, Кіев-
скихъ: на чьей сторонѣ перебѣсъ? И
послѣ того, осмѣливаются еще упрекать
Москву въ какомъ то безплодіи?.... Но
отчего же эти упреки? именно по той
причинѣ, что всѣми одолѣла страсть къ
легкому чтенію: нѣтъ книги, надъ кото-
рою можно бы поострить, посмѣяться?
— нѣтъ и литературы, по мнѣнію этихъ
господъ. И послѣ того, скажите, не правъ
ли Малкъ, вооружаясь на эту порчу со-
временнаго вкуса, на эту одолевшую
всѣми чуму — страсть къ книгамъ лег-
кой литературы? Не правы ль и тѣ изъ
благочамѣренныхъ людей, которые вооружаются
на здѣшнихъ книгопродав-

цевъ, за то, что они получая *всѣ* площа-
дныя произведенія Московскаго толку-
чаго рынка (NB. о которыхъ не гово-
рить въ Москвѣ ни одинъ порядочный
человѣкъ) не выписываютъ изъ Москвы
ни одной изъ новыхъ замѣчательныхъ
книгъ, составляющихъ положительный
капиталъ современнаго просвѣщенія. Не-
ужели эти г-да книгопродавцы почита-
ютъ насъ, жителей Петербурга, за вра-
говъ просвѣщенія, ненавистниковъ и-
стинной образованности, которые будто
бы способны жертвовать сотни рублей на
че и нибудь бенефисъ, кричать о трепет-
номъ ожиданіи дебюта актрисы, въ ка-
комъ-то нелѣпомъ смѣшномъ энтузіазмѣ
воскликая: „надѣйся и молись“ и — будто
бы не способны удѣлить десятковъ-другой
рублей на покупку дѣльныхъ книгъ... По-
стыдитесь, гг. книгопродавцы! увѣрляемъ
васъ: выписывайте лишь хорошія книги
изъ Москвы — въ убыткѣ не останетесь:
Петербургъ не заставитъ васъ покра-
снѣть за него.

Любители Архитектуры отъ души
поблагодарятъ почтеннаго Александра
Сергѣевича Ширлева за его превос-
ходное изданіе рисунковъ Буренина и
Шинкеля. Это предпріятіе, какъ и всѣ
изданія г-на Ширлева, заслуживаетъ пол-
ной благодарности со стороны русской
публики.

Здѣсь началъ г-нъ Шрейдеръ издавать
Рисунки изящной мебели — предпріятіе
также полезное. Вышла I-я тетрадь.

Въ слѣдующихъ книжкахъ Маяка, чи-
татели увидятъ разборы слѣдующихъ
книгъ:

- I. Генералъ Каломеросъ и другіе рома-
ны А. Ф. Вельтмана.
- II. Исторія Карла V, Робертсона.
- III. Исторія Средняя Деминшеля и но-
вая Ансильона.
- IV. Одесскія и Московскія рѣчи.
- V. Труды Россійской Академіи.
- VI. Россія въ историческомъ, стати-
стическомъ и литературномъ отношеніи-
яхъ, Ф. В. Вулгарина.
- VII. Чтенія о Русскомъ языкѣ и прак-
тическая грамматика Н. И. Греча.
- IX. Записки Желобужскаго.
- X. Кіевлянинъ, Г-на Максимовича.

НѢСКОЛЬКО СТРАНИЦЪ. О ВЪ ИЗДАВАНІИ МАЯКА.

Мѣсяца три тому назадъ, имѣвъ съ извѣстіемъ, что редакторы Маяка будутъ продолжать его издаше сами на свой счетъ, распространились слухи, будто Маякъ—«приказаль долго жить!» Вышла V часть, объявленію не вѣрили, считали просто—за пухъ. Вышла VI часть — не вѣрующіе медлили вѣрить, наконецъ вотъ и VII пошла въ свѣтъ, VIII печатается, и, съ помощью Божіей при содѣйствіи добрыхъ людей, слѣдующія — часть за частью — не замедлятъ появляться. Но IV часть перваго выпуска вышла въ іюнь. Съ тѣхъ поръ (какъ редакторы — сами издатели) три мѣсяца и — три части: V, VI и VII. *)

Послѣ столькихъ у насъ плачевныхъ примѣровъ появленія и упадка новыхъ и старыхъ книжныхъ предпріятій, весьма естественно было сомнѣніе въ долговѣчности Маяка, предпріятія новаго, не всѣми понятаго, не всѣмъ даже извѣстнаго, и — редакція ни кого не винила за тѣ слухи, снокойно выслушивала погребальное пѣніе своему дѣтищу и молча продолжала свое дѣло. Ни одной строчки не хотѣла она писать въ опроверженіе ошибочныхъ слуховъ, пока не опровергнетъ ихъ самымъ дѣломъ. Теперь она рѣшилась пообъясниться.

По причинамъ уважительнымъ, — подробно изложеніе которыхъ было бы

(*) Въ V-й одиннадцать съ половиною печатныхъ листовъ, въ VI-ой двѣнадцать, въ VII-ой тринадцать, обещано было по десяти.

Часть VII. Гл. V.

до чрезвычайности скучно (*) — издатели рѣшились не обременять ни кого изъ здѣшнихъ книгопродавцевъ хлопотливимъ порученіемъ исключительной подписки на Маякъ, и объявили подписку, для ивогородныхъ: на *Газетную Экспедицію*; для жителей Петербурга, на имя А. И. *Лаувица*, Начальника почтоваго отдѣленія на В. О. и, на свое имя, припечатавъ всѣ адреса. Въ тоже

(*) Главнѣйшую же причину не мѣшаетъ объяснить: многимъ пригодится. Прочное существованіе всякаго изданія зависитъ отъ редакторовъ, сотрудниковъ и — денегъ.

О *Редакторахъ* Маяка — мимо: не стоитъ и говорить; какъ милость ваша будетъ, такъ и скажете сами, что знаете.

О *Сотрудникахъ* можно бы наговорить бездну вещей прекрасныхъ, и при сей вѣрной оказіи произвестъ *платокъ — другой азъ Генинъ*, „не въ очередь и не въ примѣръ другимъ;“ но пусть лучше говорятъ ихъ дѣла: читайте ихъ статьи, подъ статьями — ихъ имена. Въ каждой новой части вы встрѣчаетесь съ новыми именами, старыми, впрочемъ, знакомыми.

Деньги. О деньгахъ тоже тьму тьмушую пріятнаго можно бы наговорить, но кто этого не знаетъ? Весь секретъ *устойчивости* изданія со стороны денегъ заключается въ томъ, чтобы въ *извѣстные* сроки была готова *извѣстная* сумма денегъ. Издатели Маяка, какъ и всѣ издатели на свѣтъ, первые расходы покрываютъ собственными деньгами, а послѣдующіе — подписными. И такъ для устойчивости Маяка необходимо чтобы издатели получали подписными суммы въ *извѣстные* сроки

время предложено и книгопродавцам, кому угодно, брать Маякъ отъ издатель, на обоюднo выгодныхъ условіяхъ; и дѣйствительно, его можно имѣть у Гг. *Смирдина, Белизара, Зайкина, Глазунова, Жебелева, Полякова, Фарикова, Алексѣева, Ильина* и въ конторѣ *Репертуара*.

Не смотря на всю правоту нашихъ поступковъ, вышло не мало забавныхъ анекдотовъ. Напримѣръ, многіе подписавшіеся у нѣкоторыхъ книгопродавцевъ — (у кого именно? про то знаютъ они и они) — до сихъ поръ не могутъ получить своихъ экземпляровъ V, VI и VII частей, несмотря на неоднократное заааживаніе и навѣдываніе въ книжную лавку. По всей вѣроятности, иногда хорошие, не имѣя возможности ежедневно заходить, докучать — и подавно, не получали до сихъ поръ, и долго могутъ не получить, своихъ экземпляровъ.

Редакція умываетъ руки. Въ объявленіяхъ своихъ, которые припечатаны въ газетахъ, она предвѣряла, что *въ исправной доставкѣ ругается только за тѣ экземпляры, которые выписаны по адресамъ ея объявленными*. Впрочемъ она

акуратно. Книгопродавцы, у которыхъ всегда всѣ деньги въ *regretium mobile* — въ вѣчномъ движеніи, — крайне затрудняются акуратно выдачею ихъ въ *истинные* сроки. Между собой они обдѣлываютъ всѣ платежи посредствомъ взаимныхъ рописокъ и векселей; но для людей чуждыхъ книгопродавческой сѣри, эта мѣра не имѣетъ мѣста.

Желая избѣжать, съ одной стороны, будущихъ ссоръ и дразговъ съ ними изъ за неакуратныхъ платежей, или вовсе изъ за неплатель, съ другой стороны, заботясь объ устойчивости своего изданія, редакція рѣшилась объявить исключительную подписку на свое имя черезъ газетную Экспедицію и А. И. Лаувица. *Нѣкоторые* изъ книгопродавцевъ жаловались на обидность такой мѣры, называли ее *притѣсненіемъ* — это не справедливо; по поводу такихъ жалобъ они общались, будто бы, *убить* Маякъ — мы этому не въ-

предлагаетъ слѣдующее средство поправить дѣло на *этой разѣ*. Подписчики, **НЕ ПОЛУЧИВШЕ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ**, благоволятъ прислать ей **СВОИ АДРЕСЫ**, акуратно написанные, и **ИМЯ КНИГОПРОДАВЦА**, у кого сдѣлана подписка. Редакція, собравъ достаточное число такихъ претензій, **ОБРАТИТСЯ КУДА СЛѢДУЕТЪ** — и подписчики въ навскорѣйшемъ времени **БУДУТЪ** удовлетворены **НЕПРЕМѢННО**.

Второй, изъ числа вышеупомянутыхъ анекдотовъ, еще забавнѣе. Многіе, пожелавшіе вновь подписаться на Маякъ, обратились къ *нѣкоторымъ* изъ книгопродавцевъ и не получа у нихъ, являлись въ редакцію и сообщали нѣчто въ этомъ родѣ.

— Намъ не дали Маяка!

— Почему же вамъ не дали? у нихъ есть Маякъ, — спросила редакція.

— Намъ сказали, нѣтъ. — «Прежнія четыре части Маяка есть, когда угодно.»

— Почему же новыхъ нѣтъ, какъ они говорятъ?

— Да, говорятъ:» издатели не множо такъ, знаете, неисправны. Объявляютъ о выходѣ, а книги еще у переплетчика — безъ денегъ не отдастъ. . . Типографія не выпускаетъ за долги. Цен-

римъ: впрочемъ и не боимся — какъ еще Богъ велитъ! Собственно же этою мѣрою обезпечивается существованіе Маяка и дружелюбныя отношенія къ книгопродавцамъ.

Мы сказали — *нѣкоторые* изъ книгопродавцевъ: исключая изъ этаго числа достойныхъ и почтенныхъ распорядителей нашей книжной торговли, хорошо понимающихъ тѣсную связь выгодъ авторскихъ и книгопродавческихъ, и вполне оправдывающихъ нашу мѣру. Мы имъ благодарны. Они честно и благородно ведутъ свои дѣла съ нами. Вы ихъ очень хорошо знаете. Здѣсь говорится о *нѣкоторыхъ* книгопродавцахъ, которые не знаютъ еще различія между *торговлей* и *барышничествомъ*, и которымъ, для собственной ихъ пользы, не мѣшало бы этотъ случай взятъ въ урокъ.

сура оставила — велюно перепечатать два листа . . . посылаемъ всякой день, и въ и нѣтъ! . . . знаете, плохо что-то идетъ . . . говорить скоро прекратится — впрочемъ, подпишитесь если хотите! Какъ получимъ, сей часъ приидемъ! — да Маякѣ ни кто не читаетъ; вы первые изволите его спрашивать — плохонькая книжка-сь! Не угодно ли взять вотъ наши изданія-сь? — безподобныя-сь! почти всѣ разхватали — послѣ не найдете за сто рублей-сь!»

Редакція слушаа безпрестанное подтвержденіе подобныхъ забавныхъ анекдотовъ, помирала со смѣху. Она узнала также, что многіе изъ подписавшихся на Маякѣ, какъ-то безполезными наведываніями въ книжную лавку, рѣшились взять, вмѣсто своихъ денегъ и нашего Маяка — другія книги.

Желающимъ избѣжать всего этого на будущее время, редакція предлагаетъ пока слѣдующія средства:

Жители столицы желающіе подписаться на всѣ ли 12, на 8, или только на 4 части, безъ различія предлагаютъ, для доставки въ домъ, акуратный адресъ и рубль серебромъ. Взявъ на себя, одинъ разъ и навсегда, трудъ послать къ *Александрѣ Ивановичѣ Лауницѣ въ почтовое отдѣленіе на В. О. по большому проспекту между 7 и 8 линіями*, — будутъ получать книгу за книгой немедленно по ихъ выходѣ, не безпокоя себя ходьбой, какъ видѣли, не однократною и безполезною, въ книжныя лавки. Точно также могутъ адресоваться и на имя самихъ издателей: *Корсакова* *) и *Бурачка*. **) Въ Москвѣ подписка принимается у *А. С. Ширлеца*.

Для иногородныхъ самое лучшее средство адресоваться прямо въ *Газетную Экспедицію* С. Петербургскаго

*) *Петра Александровича* въ домѣ Цыркovichъ на Калининской площади.

**) *Степана Григорьевича* на В. О. по 14 линіи близъ большаго проспекта, въ домѣ Мальгиной No 24.

Почтамта, самое лучшее потому, что газетная Экспедиція не выдаетъ издателямъ полученныхъ денегъ, пока не будутъ выпущены всѣ части изданія; старобитъ, *лопни* (технической терминъ!) изданіе — деньги цѣлы, и явятся по своимъ мѣстамъ.

Точно также обезпечены и тѣ подписчики, которые будутъ адресоваться на имя *А. И. Лауница*. *)

Иногородные прилагаютъ за доставку тоже *рубль* серебромъ, на сколько бы частей ни подписались; а собственно за книги столько рублей сколько требуютъ частей (не менѣе однако четырехъ).

Лучше этихъ средствъ, обезпечить подписчиковъ, на первый разъ редакція не находитъ.

Въ послѣдствіи она откроетъ свою контору и въ центрѣ города.

Довольно объ этихъ скучныхъ, но неизбежныхъ дразгахъ. Позвольте сказать теперь нѣсколько словъ собственно о самой персонѣ Маяка. Объ одномъ только просимъ: прочтите это на досугѣ, а не тогда какъ вы собираетесь въ департаментъ, на званный обѣдъ, въ театръ, или съ визитомъ.

Много добраго хотелось намъ сказать для добрыхъ Русскихъ, изданіемъ Маяка. *Цѣль* его — ихъ польза и наслажденіе; *Содержаніе* его — обнимать все, что только можетъ интересовать человека; *Исполненіе* Маяка — не поспушайте проверить теперь вмѣстѣ съ нами: что такъ, — примите, что не такъ, — помогите исправить. Мы уже столько сдѣлали, что можно довольно безошибочно обсудить и цѣль и исполненіе; и не такъ еще далеко мы зашли, чтобъ не было возможности поправить и передѣлать.

*) Само собой разумѣется, что при такомъ порядкѣ вещей, денежные расчеты съ причастными изданію, будутъ происходить по выходѣ IV, VIII и XII часговъ.

Мы начнемъ свой отчетъ подробнымъ изложеніемъ *содержанія* Маяка, которое направляясь къ разнымъ исключительнымъ цѣлямъ, черезъ нихъ же постоянно стремится, въ тоже время, къ одной преобладающей цѣли. Мы не побоямся войти, гдѣ это нужно будетъ, въ нѣкоторыя подробности и доказательства; вы не бойтесь и прочтите ихъ со вниманіемъ, для того, чтобы имѣть потомъ полное право судить, и судить справедливо.

1. На заглавномъ листѣ вы читаете: Маякъ — собраніе трудовъ Ученыхъ и Литераторовъ русскихъ и иностранныхъ. Цѣль не мудрая, такихъ сборниковъ у насъ много. Всѣ журналы — хоть не такіе, но подобные же сборники. Какъ бы тамъ ни было, все таки эта первая цѣль достигнута; можетъ быть и не совсемъ дурно, покрайней мѣрѣ мы слышали будто въ Маякѣ есть вещи хорошия

2. Но собирать статьи можно просто, какъ случится, разставляя ихъ только по условленнымъ сортамъ, главамъ, отдѣленіямъ, не заботясь много о томъ къ чему онѣ ведутъ: были бы только «сего дня» интересны; или можно это собраніе подчинить особой системѣ, ведущей къ своего рода высшей цѣли. Эта вторая Главная цѣль, не только еще не достигнутая но даже не вполне еще выясненная читателямъ Маяка, — есть *Просвѣщеніе и Образованность*.

Странно покажется, а дѣйствительно такъ: XIX вѣкъ столько превозносится своимъ просвѣщеніемъ и образованностью, а между тѣмъ во второй четверти XIX-го же вѣка, три четверти человѣковъ едва ли умѣютъ различать два слова:

Просвѣщеніе и — *скука*.

Образованность и — *мудрость*: та же скука. Для нихъ это синонимы: вещи, о которыхъ бы они и слышать не хотѣли.

Хорошо, ежели то, что я принимаю за просвѣщеніе, точно просвѣщаетъ, а не мрачитъ. Хорошо, ежели

то, что я называю образованностью, дѣйствительно, изъ животнаго, какимъ я родился, преобразуетъ меня въ человека — въ существо богоподобное, высокое, способное счастливить и быть счастливымъ.

Но если все это на оборотъ? Тогда сколько услій потерянныхъ, трудовъ напрасныхъ, а можетъ, и — погубленныхъ! Вопросъ о дѣйствительномъ просвѣщеніи и образованности становится вопросомъ высочайшей важности; и нѣтъ человека, кто могъ бы сказать: «это до меня не касается!» А когда такъ, то и мы коснемся этого предмета поглубже.

Какъ безъ солнечнаго света все томится, сидитъ во тьмѣ, спотыкается, падаетъ, леденѣетъ, мретъ, такъ, и въ миллионъ разъ болѣе такъ, душа — безъ *просвѣщенія*!

Просвѣщеніе и образованность могутъ быть истинныя и вздорныя, существенныя и поверхностныя, полезныя и вредныя. Мы относимъ просвѣщеніе къ разуму, образованность къ сердцу. Для разума необходима свѣтъ Истины, для сердца — теплота Любви.

Просвѣщеніе истинное, существопное, полезное, совпадая съ истинными потребностями человека, съ его временнымъ и вѣчнымъ назначеніемъ, тѣмъ самымъ составляетъ важнѣйшее средство его совершенствованія, счастья и наслажденія, какъ существа разумнаго.

Напротивъ, просвѣщеніе вздорное, поверхностное, вредное есть главнѣйшій источникъ всѣхъ страданій человѣческихъ

Не станемъ повторять подобныхъ заключеній касательно образованности, а только просимъ читателя придавать этому слову смыслъ вѣсколку обширнѣе той образованности, подъ которою привыкли разумѣть: умѣнье кланяться, кушать супъ ложкою, жаркое вилокю и пріятно выполмать разныя другія функции животнаго ручнаго, живущаго стадами,

Для блага общества истинное просвѣщеніе и истинная образованность должны идти *рядомъ, неразлучно*. Маякъ взялъ это за важнѣйшее условіе при выборѣ средствъ ведущихъ къ его главной цѣли. Неудобно ли войти, въ нѣкоторыя подробности этого дѣла, весьма важнаго.

Человѣкъ какъ существо духовно-плотское можетъ просвѣщаться двумя путями: духовнымъ и земнымъ.

Духовное просвѣщеніе подается свыше, отъ Отца свѣтовъ всякому просищему. Человѣкъ можетъ однако указать путь къ нему.

Земное просвѣщеніе разума происходитъ черезъ самихъ людей посредствомъ *наукъ*.

Последнее безъ перваго ничтожно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ пагубно; первое безъ послѣдняго—не полно. Для совершенствованія человѣка необходимо соединеніе обоихъ, но такъ чтобы земное было подчинено условіямъ духовнаго.

Точно такое же заключеніе и касательно образованности, доставляемой человѣку двумя же путями: духовнымъ — непосредственною благодатію свыше, и земнымъ, посредствомъ *воспитанія, опытовъ жизни, и литературы*; но такъ, чтобы литература, основанная на истинныхъ опытахъ жизни, заодно съ благодатію содействовала образованію человѣка внутреннему и внѣшнему.

Если мы хотимъ быть справедливыми, то обязаны согласиться: что наше просвѣщеніе *научное* (сообщаемое посредствомъ наукъ) должно быть въ тѣсной зависимости отъ просвѣщенія *духовнаго*; и наша образованность *литературная* (сообщаемая чрезъ вліяніе литературы), должна быть въ тѣсной же зависимости отъ образованности *духовной*. Иначе они будутъ односторонни, несвойственны человѣку, который въ одно и тоже время: — и духъ разумный и животное словесное. Въ статьяхъ въ Маякъ постоянно подчинялись этимъ

условіямъ; и — добрые люди говорятъ — довольно успѣшно. Спасибо усерднымъ сотрудникамъ и за то — всего вдругъ нельзя. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше опытности въ выборѣ средствъ ведущихъ къ этой второй и главной цѣли.

3. Обращаясь теперь исключительно къ просвѣщенію *научному* и къ образованности *литературной*, т. е. къ тому, что всего болѣе въ рукахъ человѣка, и болѣе всего можетъ быть имъ употреблено во зло, мы должны замѣтить, что Маякъ поставилъ себѣ исключительною цѣлю сблизить и сроднить науку и литературу, доказавъ, (Ч. I. предисловіе стр. VII и VIII), что только тѣсное соединеніе ихъ можетъ вести къ истинному, успѣшному и прочному просвѣщенію и образованности.

Займемся напередъ наукою. Въ Маякѣ нѣсколько разъ мы показывали разность между значеніемъ словъ: свѣдѣніе, знаніе, наука, показывали и тѣ слѣдствія, къ которымъ ведетъ такое различіе. Здѣсь намъ необходимо повторить вкратцѣ еще разъ, потому что ясное уразумѣніе этого различія, чрезвычайно важно.

Свѣдѣніе есть скопленіе въ памяти разнородныхъ фактовъ, матеріаловъ ни чѣмъ между собой не связанныхъ, совершенно разрозненныхъ — это всякая сваленная въ одну груду. Это архивъ, въ которомъ все перемѣшано. Большая часть людей ограничиваютъ свое просвѣщеніе только такимъ скопленіемъ свѣдѣній, почти ни къ чему существенному не направленныхъ, не приложенныхъ, и ведущихъ развѣ только къ плачевному щегольству въ разговорахъ.

Знаніе — это уже свѣдѣнія разобранныя по сортамъ, приведенныя въ порядокъ. Здѣсь уже негодный матеріальный соръ выброшенъ, оставлено только необходимое; здѣсь уже работаетъ не одна память но и мышленіе. Но все еще это не большое: это только архивъ съ описью, разобранный по годамъ и по дѣламъ; вы еще не обнимаете его

однимъ взглядомъ, не пользуетесь всѣми сокровищами въ немъ содержащимися.

Наука беретъ отдѣльныя знанія какъ свои элементы, сращиваетъ ихъ въ одно органическое цѣлое: находитъ всему *причину*, выясняетъ *средства*, помощью которыхъ причина дѣйствуетъ, *законы*, по которымъ она дѣйствуетъ, *явленія*, какія отъ сего происходятъ, *цѣль*, къ которой все это ведетъ, далье, различный всего этого *свойства, качества, отношенія* внутреннія и внѣшнія: т. е. создаетъ *Порядокъ* всей своей области; наконецъ выясняетъ *примененіе* всего этого къ потребностямъ и пользамъ человечества, духовнымъ и житейскимъ, вѣчнымъ и временнымъ. Это—продолжая наше сравненіе—полный разумный *экстрактъ* изъ всего архива, гдѣ видно все его содержаніе, вся сущность и годность на то или другое.

Кто отъ свѣдѣній перешелъ къ знаніямъ, отъ знаній къ наукѣ, тотъ уже сталъ весьма высоко, передъ нимъ раскрылся обширный кругъ дѣйствія и чистый горизонтъ свѣта, жизни и наслажденій. Но это еще далеко не все. Это еще только маленькая область царства истины. Я знаю ариметыку, вы знаете медицину, третій технологию—и только. Это тоже, что ваша огромная деревня на географической картѣ—точка. Узнать такимъ образомъ все науки одному, нѣтъ возможности. Какъ же достигнуть удовлетворительнаго просвѣщенія?

Еще остается четвертый и послѣдній шагъ -- *Философія*. То, что вы сдѣлали съ архивомъ приведеннымъ въ порядокъ для извлеченія изъ него полнаго экстракта, что вы сдѣлали съ знаніями для полученія одной науки, точно тоже должно быть сдѣлано (всѣмъ человечествомъ сообща) надъ всѣми науками.

Вообразите, что всѣ науки, какъ разобранныя и реэстрованныя дѣла, сложены въ одинъ огромнѣйшій архивъ,—(это *Энциклопедія наукъ*, всѣхъ безъ

исключенія) — и изъ этого архива или энциклопедіи извлеченъ экстрактъ: вотъ этотъ самый экстрактъ и есть — *Философія*. Самый архивъ недоступенъ одному, но экстрактъ изъ него доступенъ всякому, необходимъ для всѣхъ. Въ немъ то и заключается удовлетворительное, возможное со стороны человеческихъ путей и средствъ просвѣщеніе разума. *Философія* есть *Цѣлое*, органическое, живое, творчески сращенное изъ отдѣльныхъ наукъ, и оживотворенное духомъ истины, *Цѣлое*, въ которомъ выясняется: *Причина* всѣхъ причинъ; *Средства*, помощью коихъ причина дѣйствуетъ универсально—*всѣчески во всемъ*, — въ частныхъ причинахъ, помощью частныхъ средствъ; *Законы*, по которымъ все то совершается во вселенной на основаніи частныхъ законовъ; всѣ *міры Явленій* изъ всего того происходящихъ; *Цѣль*, въ которой, какъ въ центрѣ, сосредоточиваются всѣ частныя цѣли; *Гармонія свойствъ, качества* и *отношеній* внутреннихъ и внѣшнихъ, выясняющихъ *Порядокъ* всего сущаго; наконецъ, *Примененіе* всего этого къ потребностямъ и пользамъ всего человечества, внутреннимъ и внѣшнимъ.

Вотъ краткое содержаніе философіи, науки всѣмъ общей, всѣмъ доступной, для всѣхъ необходимо. *Философія*, извлеченная не изъ наукъ (всѣхъ наукъ безъ исключенія), а изъ нашей страсти и способности философствовать, — не есть философія, а *философствованіе*, почти празднословіе. Русскій свѣтлый умъ это очень хорошо понималъ: философическое празднословіе не принялось на его почвѣ. Но онъ очень не прочь отъ истинной философіи. Философіи въ такомъ видѣ еще нѣтъ (см. Ч. IV, Гл. IV ст. II, стр. 145 и слѣд.)—потому что надъ нею всегда работалъ до сихъ поръ *одинъ* кто нибудь; а ее должны обрабатывать *всѣ*. Это возможно лишь для изданія, хоть такого какъ Маякъ, гдѣ бы всѣ, какъ пчелы въ одинъ улей, могли складывать свои философическія добычи

по одному плану, по одному направлению къ одной и той же цѣли. Маякъ съ своей стороны началъ эту работу, иные говорятъ будто и не дурно; но все это еще капля. Мы надеемся, мало по малу, вполнѣ убедить своихъ сотрудниковъ въ удовлетворительности нашего плана, и въ томъ, что работа, къ которой призываемъ всѣхъ, не есть мечтательная, не пропадетъ даромъ, не превышаетъ силъ каждаго, хорошо знающаго свой предметъ; что эта работа существенно необходима, что она должна быть исключительно, *единственною* цѣлью всякаго, изучающаго какую либо науку, искусство, художество. Мы бы могли прямо начать эту работу — о которой не разъ уже намъ каки *) — еще съ первыхъ частей Маяка; но вмѣсто пользы, можетъ быть, разогнали бы только большую часть читателей и сотрудниковъ: покрайней мѣрѣ, сознаемся, — мы этого боялись, мы даже и теперь боимся, не слишкомъ ли поторопились и тѣмъ, что уже предложено. Какъ бы то ни было, этимъ заканчиваемъ здѣсь изложеніе философіи какъ одной изъ исключительныхъ цѣлей Маяка. Общаемъ въ X или XI части непременно помѣстить статью, въ которой постараемся очертить главнѣйшія философскія работы, какія Маякъ желалъ бы имѣть отъ всѣхъ сотрудниковъ, въ полной увѣренности, что всякой изъ ученыхъ и литераторовъ, обнявъ в планъ и систему Маяка, если и не захочетъ участвовать въ Маякѣ, то вѣрно не откажется участвовать, хоть отдаленно въ общей обработкѣ философіи, какъ существеннаго, общепотребнаго средства *просвѣщенія*.

4. Сейчасъ мы говорили (ст. 3) о наукѣ, и видѣли, что Маякъ имѣетъ *цѣлью* содѣйствовать переходу отъ отдельныхъ наукъ къ одной Наукѣ наукъ — филосо-

*) Ч. I. Предис. стр. IX и X; Ч. II. Гл. V. стр. 25; Ч. IV. Гл. IV. ст. 12 стр. 146.

фіи, и направить ее къ истинному *просвѣщенію*. И въ самомъ дѣлѣ: Свѣдѣніе, Знаніе, Наука, Философія — это четыре ступени, которыя слѣдуетъ пройти всякому желающему, не называться, а быть Просвѣщеннымъ. Теперь скажемъ, что такимъ же образомъ Маякъ, поставя себя *четвертою* исключительною цѣлью *Образованности*, добываемую человѣческими путями, избираетъ литературу какъ средство ведущее къ этой цѣли. Объ этомъ столько уже было говорено въ *Предисловіи* Маяка, въ статьѣ о *Критикѣ*, въ самой критикѣ каждой части, и во многихъ другихъ статьяхъ, что для читавшихъ Маякъ было бы излишнее повторять все то, а для нечитавшихъ его — бесполезно: въ короткихъ словахъ всего того невозможно высказать. Впрочемъ попытаемся.

Сколько бы человекъ ни были просвѣщены: отдельными ли науками, или сводомъ всѣхъ наукъ — философій, по если его *Воля* дика, необуздана, если, его *Чувствъ* (и духовное и эстетическое) грубо, перазвито, — онъ жалкій человекъ, мученикъ самаго себя, мучитель другихъ: часто — разбойникъ на большой дорогѣ съ острымъ ножомъ и вернымъ глазомъ!

Воля смягчается, правится, *образуется* посредствомъ теплоты Любви.

Чувство *эстетическое* кое развивается, правится, *образуется* вкушениемъ *прекраснаго* во всѣхъ видахъ и формахъ искусствъ и художествъ.

Чувство *духовное* живится, чистотою возвышается, свѣтлится Духомъ Божиимъ въ тройческомъ единствѣ, священо тайне.

Истинное, доброе, прекрасное, — одно. Въ этомъ тріединствѣ ни одинъ элементъ не можетъ быть отдаленъ отъ остальныхъ двухъ.

Если литература ограничивается только тѣмъ художественнымъ прекраснымъ, которое угождаетъ эстетическому чувству, видимому лишь

чувственнымъ *вкусомъ*, безъ всякаго подчиненія—какъ бы следовало—чувству и вкусу духовному, то такая литература, вопервыхъ, не художественна, потому что односторонна; односторонна потому, что нарушаетъ триединство. Во вторыхъ, такая литература прилична лишь словесно-животному, а не животнодуховному человѣку, какимъ каждый изъ насъ призванъ быть. Въ третьихъ, въ экономіи *образованія* нѣтъ ничего безразличнаго, ничего средняго, которое бы не было ни *плюсъ* (+) ни *минусъ* (—) и въ тоже время существовало бы. Среднее между + и —, *нуль*. *) Средины, безразличія, нейтралитета здѣсь нѣтъ и быть не можетъ. Точно тоже и литература относительно образованности: или она *за нее*, или уже *противъ нее*: или содѣйствуетъ или противодействуетъ истинной образованности чловѣка.

Вотъ почему Маякъ старается доказать (Ч. IV, Гл. VI. ст. IV), что истинная Литература христіанскихъ народовъ, при эстетической художественности, не можетъ быть изящною со съѣхъ сторонъ, если въ тоже время не будетъ она и духовно-художественною, если въ ея основаніе не будутъ положены три нераздельные элемента: Философія, Религіозность и Народность.

Философія—чтобы литература оповывалась на Истинъ, т. е. на истинномъ познаніи *порядка* всего сущаго, и не бредила софизмами.

Религіозность — чтобы литература была проникнута и согрѣта теплотою Любви, противъ которой ничто устоять не можетъ, и въ которой содержится сущность изящнаго.

Народность — безъ которой литература будетъ въ незамѣтной борьбѣ

съ чувствами, вкусомъ, привычками и склонностями своего общества, будетъ для него пріятный пришлецъ, а не — родная, которую любить безъ души:

Этими условіями руководствовался и будетъ руководствоваться Маякъ при выборѣ статей въ главу *Словесность*. Знаетъ онъ, «что легкое чтеніе» направилло эстетическій вкусъ нашего общества гораздо не туда, и вовсе отблго его отъ подчиненности вкусу духовному. Но вотъ же, и повѣсти, и вообще статьи изящной словесности, помѣщенные въ Маякъ, читаютъ, и—даже хвалятъ, хвалятъ даже тѣ, которые воспитали свой вкусъ на французскихъ романахъ и русскихъ подражаніяхъ имъ. Знакъ добрый! а почему это такъ? потому, съ одной стороны, что Русскій вкусъ еще слишкомъ юнъ, слишкомъ свѣжъ и полонъ сочувствія ко всему истинному и чистому; съ другой стороны и потому еще, что повѣсти Маяка никто не упрекнетъ въ недостаткѣ художественности, большей или меньшей — покрайней мѣрѣ до сихъ поръ не упрекали. Матеріалы тѣже, колера тѣже, работа тѣже, одно въ нихъ — смѣемъ думать — лишнее, чего нѣтъ въ тѣхъ: въ нихъ есть немножко жизни истинной, свѣтлой, а не бальсамировка, какъ тамъ. Для существа взрощеннаго между мумій, живой чловѣкъ, съ перваго раза, покажется страннымъ, это понятно; но когда онъ сблизится — о, тогда, прощай прекрасныя муміи! Сказанное теперь нисколько не мѣшаетъ читателю, при чтеніи главы *Словесность* въ Маякъ, и посмѣяться, и поплакать, и съ удовольствіемъ пробывать интересныя расказы, и посреди *полезнаго* найти много *пріятнаго*. Покрайней мѣрѣ намъ такъ сказывали официальнымъ образомъ.

*) Исусъ Христосъ тоже самое подтвердилъ въ Евангеліи откровеніемъ высочайшей истины: „Кто не за Меня, тотъ противъ Меня. Кто не собираетъ со Мною — расточаетъ.“

5. Послѣ этого легко уже понять и содержаніе, и духъ и направленіе *Критикъ* Маяка, гдѣ увѣнчиваются только избранныя произведенія, достойныя

внца или развнчиваются самозванцы причисленные къ избраннымъ. Маякъ щадить и себя и читателей: не теряетъ времени и терпѣнія ихъ на ничтожную побрякку ничтожныхъ или слабыхъ произведеній. Отъ этого онъ вытравываетъ много мѣста для критики дѣльныхъ книгъ, и можетъ быть ужъ слишкомъ обширно ее писать. Впрочемъ, жалобъ на это еще не было, а спасибо — не одно. Однимъ словомъ Маякъ въ своей критикѣ, отъ каждой книги старается добыть материалъ для Философiи, которая пригодится въ будущихъ работахъ; въ тоже время старается добыть и пищи для истинной образованности. Строго и безпощадно онъ поступаетъ противъ всякаго подлога, самозванства, которые прямо вредятъ: или истинной образованности литературной, или правильно развитію наукъ, при самомъ важномъ постѣвъ ихъ въ юношескіе умы — и для этого, прежде всего, рѣшился пересмотрѣть: господствующія у насъ теоріи Словесности, и всѣ учебники, какъ фундаментъ нашей литературы и учености. Многихъ онъ огорчить этимъ, и больно — что же дѣлать? — нельзя же хвалить заблужденіе или перадрвiе? да и молчать нельзя, даже въ силу общей присяги. Пусть же обиженные уважатъ необходимость и чистоту его побужденій и — простятъ: и точно простятъ, мы въ этомъ уврены! назидничать изъ одного тщеславія — «знай нашихъ!» — Маякъ не намѣренъ, и не будетъ. Равно и литературныхъ мухъ критической хлопоткой бить не станеть.

6. Главу *Материаловъ* для наукъ и словесности можно бы расположить по особенной системѣ, которая прямо совпала бы съ общою цѣлью всего Маяка; система сія также въ числѣ частныхъ цѣлей его; но для этого надобно Маяку напередъ сблизиться со всеми могущими писать, и тогда уже имъ давать порученія писать именно то и то. Порученіе, заказъ — дѣло большое: для этого потребны изданію обширныя денежныя средства; (у

всѣхъ пишущихъ единственный товаръ — время и трудъ головной, самый разрушительный для здоровья) — а вы уже знаете, съ какими кознями надобно пока бороться Маяку для того только чтобъ просто существовать. Помогайте, гдѣ кто можетъ и чѣмъ кто можетъ къ общей благой цѣли, тогда и глава *Материаловъ* и весь Маякъ приметъ совсемъ другую силу и цѣну. Впрочемъ и теперь нельзя довольно отблагодарить сотрудниковъ: они столько насмли — надѣмся и будутъ насыщать — драгоценныхъ вещей, что запасы оригинальныхъ статей для Маяка, частей на восемь, не переводится. Чѣмъ дальше, тѣмъ, конечно, это движеніе отъ учеваго и литературнаго застоя будетъ сильнѣе и сильнѣе. Всего замѣчательнѣе приливъ статей относящихся исключительно до Россіи. Есть надежда, что мы съ каждымъ днемъ станемъ узнавать ее лучше и лучше, и любить ее больше и больше; а народность и заключается въ любви къ своей семьѣ.

7. Наконецъ главу *Неграммы* и *Смьси*, уступая пристрастію большинства къ легкому чтенію, — Маякъ до времени предоставилъ фельетону. Но когда все общество, Богъ дастъ, полюбитъ Маякъ, — и потребуетъ отъ него пищи болѣе сочной и питательной, тогда и фельетонъ его, не теряя своей «легкоchetкости», подчинится общей цѣли, съ которою теперь — между нами — онъ несколько такъ въ разладѣ.

Много и много бы еще можно было наговорить о видахъ и цѣляхъ Маяка, постоянно направляемыхъ къ общей цѣли — *просвѣщенію* и *образованности*, истиннымъ и прочнымъ; но и безъ того уже много мы наговорили; лучше постараемся, какъ и досель дѣлали, молча выполнить и потомъ уже указать, если не укажутъ прежде насъ другіе; *илищце оги видѣти*.

Воображаемъ себя какой испугъ произведетъ сей краткій очеркъ содержанія Маяка, на некоторыхъ читателей, кото-

рыхъ увѣрили, будто къ литературѣ ничто такое нейдетъ, будто это все лишнее, пустое — «Господи! воскликнуть они, да что это за напасть: читать такія увѣсистыя мудрости! развѣ до сихъ поръ не понадобились мы безъ вашей супи!» Давайте намъ интереснаго, веселаго, по-естькаго, легкаго . . . а *этакое?* — слуга покорный! читайте сами!»

— Мы это очень хорошо чувствуемъ, мм. гг. и стерпимъ вашъ гнѣвъ до поры до времени, въ полной надеждѣ, что когда чудодѣй — время познакомитъ васъ съ Маякомъ, то и мудрости не покажутся за мудрости, и мнимая сушь слюбится, и вы сами скажете! «да, Маякъ и впрямъ читать можно! чего это мы такъ его испугались?»

Вотъ, назовите насъ шарлатанами — чѣмъ угодно — если это не такъ будетъ. Но здѣсь, желая представить содержаніе Маяка, сколько можно полнѣе для тѣхъ изъ читателей, которымъ не случилось еще читать его, — мы не могли избѣжать нѣсколькихъ можетъ быть, «увѣсистыхъ» подробностей, которыя васъ такъ напугали единственно по не привычкѣ вашей къ подобнымъ вещамъ. Но безъ труда не можетъ быть и капитальнаго приобрѣтенія ни въ чемъ. Позвольте же докончить вашу отчетъ.

Есть Свидѣтель, Онь порука, — намъ реніе наше чисто: не похоже на спекуляціи иноземныхъ журналистовъ. Это можете видѣть изъ всѣхъ нашихъ дѣйствій. Награда наша выше нежели думаютъ — судя по себѣ — люди корыстолюбивые. Стоять на стражѣ благаго просвѣщенія святой Руси. Очищать и оборонять литературу отъ засоренія неперевавшими мися мнѣніями, заблужденіями и толками европейской горячки, которыя у насъ, — съ самыми благими, впрочемъ, намъ реніями дѣлать добро — разсѣваются, по неопытности мыслительной, тамъ и самъ, и сбиваютъ добрыя, но неосторожныя русскія головы, съ прямого пути на распутія, отъ истины къ заблужденію и джи. Возбуждать мыслительность въ

обществѣ суеть. Отводить милую, горячую, любознательную юность пашу отъ умственныхъ соблазновъ иноземныхъ. Пособлять полезному и прямому подправленію ума и сердца русскаго къ ясному разумѣнію, къ сердечной любви и познанію Вѣры отцевъ нашихъ, благодѣтельныхъ дѣйствій нашего искреннаго и прямого Правительства, такъ отечески и дѣлательно пекущагося о всемъ добромъ, необходимомъ, полезномъ для Россіи. Вотъ ваша цѣль! Маякъ — средство къ этой цѣли; мы исчислили и пути и мѣры, коими надѣемся, при общемъ содѣйствіи, достигнуть ее. Отъ васъ зависитъ: не поскучать теперь чтеніемъ — а кому нужно — и перечтеніемъ этихъ подробностей; отъ васъ зависитъ потомъ содѣйствовать, чѣмъ кто можетъ.

Однихъ насъ ни съ которой стороны не достанетъ, а съ вами — дѣло хорошо пойдетъ: потому что оно и само по себѣ идетъ, и гораздо не дурно. Что же касается до повѣсткаго, веселенькаго, интереснаго, то и въ этомъ обижены вы не были и не будете, и можетъ быть болѣе нежели думаете, не читавъ Маяка.

Манера, слогъ и *замашки* — какъ выразился нѣкто — собственныхъ статей Маяка точно таковы, какіе здѣсь изволяете находить; худы ли, хороши они, но они таковы. Статьи присланныя другими, во всей неприкосновенности сохраняютъ свой слогъ, характеръ и манеру. Простота изложенія, наглядность, общедоступность, (для хотящихъ подступить), ясность, строгое соблюденіе приличій благонаправной и разумной литературы — все эти условія редакция старается всѣми силами придать своей книгѣ.

Обиная все до сихъ поръ сказанное видимъ, что цѣль Маяка:

1. Собраніе трудовъ гг. ученыхъ и литераторовъ.
2. Обобщеніе наукъ и содѣйствіе ученой жизни и дѣятельности въ об-

щества, направленных къ истинному и прочному *просвѣщенію*.

3. Направленіе (словомъ и дѣломъ) литературы къ истинной *образованности*.

4. Обширная *критика*, прямо содѣйствующая тому и другому.

5. Обработка элементовъ истинной философіи по Русски.

6. Вообще же чтеніе пріятное и полезное.

И все это, повторяемъ, направленное къ одной, постоянной, являющейся цѣли: просвѣщенію и образованности истинной, прочной и народной.

Намъ кажется, что *выполнить* это обещаніе гораздо легче нежели *присудить* это же самое обещаніе, и все средства и подробности къ непремѣнному его исполненію. Но это уже придумано и исполняется. Рядъ статей написанныхъ самими редакторами въ Маякѣ составляетъ одно цѣлое, направленное къ данной цѣли; многіе изъ сотрудниковъ вошли уже въ цѣль и духъ Маяка и ведутъ, каждый свой предметъ, въ той же непрерывной цѣли статей, Мало по малу и все наконецъ, приступая къ общему дѣлу и — зажгутъ все лампы. При *свѣтѣ* и днемъ отрадно, а *ночью* — и говорить ничего, какъ это радуешь, живить.

Для достиженія всѣхъ этихъ цѣлей сливающихся въ одну общую цѣль, Маякъ избралъ себѣ раму, въ которую могло бы все войти. Все предметы распределяются въ пяти главахъ.

1. *Науки*. Сюда входятъ статьи, представляющія полный очеркъ какой либо науки со всеми ея элементами, главными истинами, вопросами, законами и проч. Изложенеіе въ нихъ *наглядное*, свободное отъ частныхъ подробностей, обширныхъ доказательствъ, рассужденій, но которое, бывъ построено въ одно органическое цѣлое, и выста-

вляя все главныя части содержанія въ полномъ свѣтѣ, удовлетворительно изображало бы самую сущность науки. Сюда входятъ все науки отъ богословія, медицины, физики, естественной исторіи, политики до математики, технологии и торговли — нѣтъ надобности исчислять ихъ подробно.

2. *Излучная Словесность* въ стихахъ и прозѣ Романы, повѣсти, рассказы, отрывки изъ путевыхъ, историческихъ и политическихъ записокъ, отрывки и цѣлыя пьесы драматическія, очерки нравовъ, статьи юмористическія.

3. *Материалы для наукъ и словесности*. Рѣшеніе частныхъ вопросовъ. Рассужденія, описанія отдельныхъ предметовъ. Выдержки изъ ученыхъ записокъ и всякія частности наукъ и литературы, не входящія въ составъ первыхъ двухъ главъ. — Биографіи, некрологи, легенды. Новые изобрѣнія по части наукъ и промышленности, компаніи, впрочая.

4. *Библиотека избранныхъ сочиненій*. Разборъ книгъ Русскихъ и иностранныхъ, достойныхъ вниманія человека просвѣщеннаго и образованнаго.

5. *Неурани, слѣсь и разныя извѣстія*. Новости Русской и иностранной литературы, учености, торговли, промышленности, политическаго и гражданскаго быта, анекдоты, афоризмы — разныя мелочныя свѣдѣнія.

Изъ прилагаемаго алфавитнаго списка сотрудниковъ, можно видѣть перечень однихъ только оригинальныхъ статей содержащихся въ *самыхъ* частяхъ Маяка. Переводы съ лучшихъ Писателей иностранныхъ, вошедшіе въ довольно значительномъ числѣ въ главы словесности, матеріаловъ и смѣси, для краткости здѣсь не исчисляются; ихъ можно видѣть въ оглавленіи каждой части.

П. КОРСАКОВЪ, С. БУРАЧЕКЪ.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ СОТРУДНИКОВЪ ВЪ СЕМИ ЧАСТЯХЪ МАЯКА.

- П. М. *Бажунина*. — ст. Гроза.
- И. П. *Боричевскій*. — Руссы на южномъ берегу Балтійскаго моря.
- И. П. *Бороздна*. — Псаломъ на единоборство Давида съ Голиафомъ. — Псаломъ 83. (Предложеніе)
- В. Я. *Бунаковский*. — Мысли о неосновательности нѣкоторыхъ понятій относящихся къ общежитію и, преимущественно, къ играмъ и лотереямъ. Смѣсь.
- С. О. *Бурачекъ*. — Предисловіе. — Очерки корабельной архитектуры. пов. Лейтенантъ Вьшцовъ. — Искусство читать книги про себя. — Содержаніе философіи — Исторія философіи. Результаты могущіе послѣдовать отъ примѣненія электро-магнетизма, какъ двигателя, къ военному кораблю и цѣлому флоту. — Критика на разныхъ книги. — Смѣсь.
- М. М. *Барановъ*. — Письмо къ редакторамъ Маяка.
- Ө. И. *Барановскій*. — Критика на разныхъ медицинскія книги.
- Ө. Ө. *Веселаго*. — пов. Матрозскія ро- сказки на бакъ.
- Видишусь*. — ст. Воспоминаніе козака. — ст. Письмо въ Одессу.
- А. В. *Висловатовъ*. — Примѣчанія къ разнымъ историческимъ статьямъ. Письма Суворова.
- М. И. *Гейне*. — О восточной чумѣ и лъченіи оной. — Письмо къ Редактору о холерѣ.
- Н. Н. *Гордлевъ*. — ст. Последнее иску- шеніе сатаны. — Гробница Напо- леона.
- В. .... *Дашковъ*. — О нравахъ, обыча- яхъ и одеждѣ жителей Олонец- кой губерніи. — Марціальныя воды въ Олонецкой губерніи.
- С. С. *Джунковский*. — ст. Младенецъ. — ст. Червякъ. — Историческіе афо- ризмы о происхожденіи Руси.
- Д. Е. *Ефимовъ*. — Путешествіе по Во- стоку.
- М. Н. *Загоскинъ*. Письмо: Критика на *Маякъ*.
- Зедервальмъ*. — Современное состояніе философіи.
- Золотскій* ст. Гвангани.
- Е. П. *Зайцевскій*. — Пѣсня; изъ собра- нія пѣсень русскаго моряка.
- А. В. *Зражевская*. — Похвальное сло- во Петру Великому соч. Фонте- неля и другіе переводы.
- К. М. *Кадинскій*. Разные переводы.
- П. Г. *Ковшинъ*. Разные переводы.
- П. А. *Корсаковъ*. — О критикѣ. — Кор- велій Гаутманъ, повѣсть - леген- да! Нидерландскіе Гѣзы. Пер- вообразы Донъ Жуана и Фауста. Вильегасъ, Анакреонъ Испаніи, монографія. Критика разныхъ сочиненій. — Разныя стихотво- ренія. — Смѣсь.
- Н. М. *Коминъ*. — Взглядъ на древнюю Тверь.
- С. *Книгомановъ*. — Русскіе романы фран- цузской работы. — Противъ из- бущи клѣтка.
- Князь Д. А. *Кропоткинъ* ст. Советъ — Советъ и другія.
- С. С. *Куторга*. — О половыхъ отно- шеніяхъ въ царствѣ животныхъ.
- В. *Кирхнеръ*. — Краткій очеркъ и разборъ системы Галя.
- Н. В. *Кукомликъ*. — ст. Аврора и Рик- кардо.
- А. С. *Лышаревъ*. — Выписка изъ дне- вника.
- Э. К. *Леницъ*. — Объ отношеніи между электро-магнитными и магнито- электрическими явленіями.
- И. *Лухаревъ*. — Это не онъ, — этоды ве- ликольпной повѣсти.

- В. Р. *Зотовъ*. — ст. Созданіе очей. — ст. Небесная нива, и другія.
- М. Н. *Макаровъ*. — Каринъ и Костровъ.
- В. .... *Макилева*. ст. Думы поэта. — Русская пѣсна
- Князь Н. А. *Мышицкой*. — Встрѣча, отрывокъ изъ романа: Сицкій.
- Н. В. *Мартьвичъ*. — Первая любовь, подвиги и кончина Тимофея Хмѣльницкаго.
- С. *Москворъцкой*. — Разборъ географіи Арсеньева.
- С. .... *Навроцкой*. — Новый Недоросль, комедія. — Программа исторіи кораблестроенія въ Россіи. — Хронологическій и Алфавитный списки кораблестроителей. Письма Бронницкаго помѣщика Кабрера. — Наполеонова шляпа съ мясомъ, или какъ покоряютъ великую націю.
- А. П. *Новомлинскій*. — ст. Старая пѣсня, которую поетъ каждый по своему.
- В. Т. *Плаксинъ*. — Мысли объ изящныхъ искусствахъ.
- Н. А. *Половой*. — ст. отрывокъ изъ драмы Елена Глинская.
- А. С. *Пушкинъ*. ст. Mon portrait.
- Путиловъ*. Отрывокъ изъ Лекцій Академика Остроградскаго.
- Пьхотинскій*. пов. Оправданіе Холостяка.
- Оверовъ*. — Vers sur la mort dn Comte Anhalt.
- Г. Э. *Основляничко*. Пов. Перекатиполе. — Письмо о правописаніи Малороссійскаго нарѣчія.
- М. В. *Остроградскій*. — Начала аналитической механики.
- Н. В. *Савельевъ*. — Исторія, географія и археологія древне-славянскаго міра. Разборъ Всеобщей исторіи Кайданова, и другихъ книгъ Смѣсь.
- Н. М. *Соколовъ*. — Описаніе разныхъ изобрѣтеній до мореплаванія относящихся.
- С. *Степановъ*. ст. Успокоенье. ст. Пѣсня.
- С — кій. — Пов. Дѣвица Фаншета и вздорныя книги.
- К. А. *Терскій*. — Можетъ статья быть а можетъ, и моя фантазія.
- Князь А. А. *Шаховской*. ст. Разсудокъ и сердце. — Вступленіе въ мое наземное поприще.
- И. И. *Шопенъ*. Лег. Керъ-Оглу. — О музыкѣ и пляскѣ Армянъ. Армянская литература. — Смѣсь.
- Г-жа Э. *Шопенъ*. Грузинка, мелодрама въ 5 дѣйствіяхъ.
- Я. А. *Щеткинъ*. — Маякъ. — Развалины. — Голубица. — Завѣтный край, и другія.
- Чуобинскій*. ст. Два ангела — ст. Орель.
- К. И. *Эмме*. — Объ усовершенствованіи желѣзныхъ пароходовъ и пр.

ОГЛАВЛЕНИЕ
СЕДЬМОЙ ЧАСТИ
ГЛАВА II. СЛОВЕСНОСТЬ.
СТИХОТВОРЕНИЯ.

Милота и Ангелъ Зотовъ.....	19
Ореоль Зотовъ.....	20
Ты кто еси судяй чуждену рабу. П. Корсаковъ.....	—
Туманъ. (Съ ивненкаго) П. Корсаковъ.....	—
Посуть и ореоль. П. Вы-ской.....	22
Полевой пѣвочекъ. П. Вы-ской.....	—
Битва на моръ.....	23
Разувъравіе.....	23
Советъ. Князь Д. Кропоткинъ.....	—
Советъ. Князь Д. Кропоткинъ.....	—
Советъ. Князь Д. Кропоткинъ.....	—
Голосъ съ того свѣта. Князь Д. Кропоткинъ.....	26
Красавица Князь Д. Кропоткинъ.....	—
Двѣ звѣздочки.....	—

ПРОЗА.

Грузинка. Мелодрама въ пяти дѣйствіяхъ. Г-жи Э. Шопенъ.....	79
Письма Бровницкаго помѣщика. С. Навроцкій.....	—
Перекати поле. Г. Основьяненко.....	—

ГЛАВА III. МАТЕРІАЛЫ.

Кабрера.....	155
Донъ Эстебанъ Мануель де Вильгасъ. П. К.....	167
Руссы на южномъ берегу Балтійскаго моря. И. Боричевскій.....	174 ✓
О главныхъ причинахъ вѣтровъ. С. Усовъ.....	—
О желѣзныхъ пароходахъ и паровыхъ машинахъ. П. Эмиль.....	187
Краткій очеркъ и разборъ системы Галя В. Курцнеръ.....	196

ГЛАВА IV. БИБЛИОТЕКА ИЗБРАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

Письмо М. Н. Загоскина.....	101
Взглядъ иностранца на исторію Россіи до кончины Петра Великаго.....	105
<i>Французскія книги:</i> Démocratie en Amérique, par A. de Tocqueville. — Histoire de la littérature européenne en XV, XVI et XVII siècles, par Hallam. — Chroniques chevaleresques d'Espagne et de Portugal, par F. Denys. — Histoire de l'Espagne, par Gosseluy Saint-Hilaire. — Histoire des Français depuis les Gaulois, par Th. Savallée. — Bibliothèque de l'école de chartes, recueil historique, philologique et littéraire, publié par la Société de l'école royale des chartes.	

Русскія книги.—Повѣсти и преданія народовъ Славянскаго племени. изд. И. Боричевскимъ.—Исторія смутнаго времени въ Россіи, въ началѣ XVII вѣка, соч. Д. Бутурлина.—Сборникъ Князя Оболенскаго:—Биографія Юсифа Добровскаго, соч. Ф. Палацкаго. — Житіеописаніе генерала Зейдлица, соч. Форгазена фонъ Энзе.

Нѣмецкія книги.—Schwedische Geschichte unter Gustav III. — Geschichte von Dänemark, соч. Дальмона. Geschichte von Port-Royle.—Schillers Flucht nach Manheim.

ГЛАВА V. НЕОРАМА, СМѢСЬ И РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Объ изобрѣтеніяхъ для спасенія утопающихъ.—Похвальное слово Китайцамъ.—Супружество.—Герцогъ Бордоскій.—Книжная дѣятельность въ Германіи. Новорожденный газетный геній.—Старинные англійскіе клубы.—Наполеонова пляпа съ масомъ.—Дѣланіе стали.—Двѣ розы.—Медицина въ Англии. Все за прекрасную шаль.—Бѣда не знаетъ по лѣтнимъ.—Пневматическій телеграфъ. Нѣсколько страницъ объ изданіи Маяка.

